УИЛЬЯМ ДИТРИХ
ЗЕРКАЛО ТЬМЫ
ИНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Начало XIX века, Франция. Знаменитый искатель приключений Итан Гейдж приехал в Париж вовсе не затем, чтобы затеять еще одну авантюру – напротив, горячий американец мечтал об отдыхе. Но такая уж у него судьба – постоянно притягивать к себе как магнитом самые невероятные происшествия. В результате цепи злоключений Итан попал во дворец… к самому Наполеону Бонапарту, при этом много раз нарушив закон. Впрочем, тот пообещал прощение своему старому знакомому, если Гейдж выполнит одно поручение. Ему предстояло разобраться с одной древней загадкой – Наполеон был уверен, что она скрывает местонахождение всесокрушающего оружия, столь нужного Франции. Итан очертя голову бросился в очередную авантюру, компанию в которой ему составили несколько старых друзей – и гораздо больше старых врагов, тоже мечтавших разгадать эту гибельную тайну…

- Уильям Дитрих
  - ○
  - ○
  - ○ Часть первая
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
    - ■ Глава 10
    - ■ Глава 11
    - ■ Глава 12
    - ■ Глава 13
    - ■ Глава 14
    - ■ Глава 15
    - ■ Глава 16
    - ■ Глава 17
  - ○ Часть вторая
    - ■ Глава 18
    - ■ Глава 19
    - ■ Глава 20

        - Глава 21
        - Глава 22
        - Глава 23
        - Глава 24
        - Глава 25
        - Глава 26
        - Глава 27
        - Глава 28
        - Глава 29
        - Глава 30
        - Глава 31
        - Глава 32
    - Часть третья
        - Глава 33
        - Глава 34
        - Глава 35
        - Глава 36
        - Глава 37
        - Глава 38
        - Глава 39
        - Глава 40
        - Глава 41
    - Историческая справка
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9

Уильям Дитрих
Зеркало тьмы

William Dietrich
The Barbary Pirates:
an Ethan Gage Adventure
Copyright © 2010 by William Dietrich.
Published by arrangement with Harper Collins Publishers, Inc.

© Синельщиков Е. Е., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Посвящается Матео и Селене Зиз, чей возраст позволил им помочь мне в написании этой истории!

Часть первая

Глава 1

После того как я запер троих ученых в горящем борделе, который сам же и поджег, втянул их в авантюру с похищением пожарной кареты, устроил арест французской секретной полицией, а затем еще и заманил в выполнение мистической миссии для Бонапарта, они стали сомневаться в доброте моих намерений.

А потому спешу заверить вас, что та безумная ночь в Париже была настолько же их идеей, насколько и моей. В конце концов, все туристы приезжают в Париж именно за буйным весельем.

Поэтому я не был удивлен, когда трио ученых мужей – английский коллекционер минералов Уильям «Страта» Смит, французский зоолог Жорж Кювье и чокнутый американский изобретатель Роберт Фултон – настояли на том, чтобы я отвел их в Пале-Рояль. Хоть они и светила науки, но после целого дня, проведенного за изучением старых костей, а в случае с Фултоном и после попытки продать французским военно-морским силам какие-то непрактичные устройства, этим трем несомненным интеллектуалам не терпелось взглянуть на известнейший в городе парад проституток.

Не говоря уже об ужине в одном из чванливых кафе в Пале-Рояле, паре азартных игр и покупке сувенирных безделушек вроде французской парфюмерии, серебряных зубочисток, китайского шелка, эротических памфлетов или даже изделий из слоновой кости, имевших куда более неприличное назначение. Кто устоит перед соблазнами городского центра греха и чувственности? Ученые мужи решили, что будет лучше, если их проводником по этому миру развлечений станет такой скромный и бесстыдный человек, как я.

– Месье Итан Гейдж настоял на этой прогулке, – краснея, объяснял Кювье всем встречающимся на пути знакомым.

Этот человек был умен, как Сократ, но при этом не растерял свою алсатианскую провинциальность, даже несмотря на то, что вскарабкался на самый олимп французской науки. В результате Великой революции на смену родословным пришли способности, и поглощенной земными заботами знати пришлось уступить место под солнцем любознательности и смятению страждущих. Кювье был сыном солдата, Смит вырос в деревне, а отцом Фултона был разорившийся фермер, который умер, когда тому было всего три года. Даже сам Бонапарт являлся корсиканцем, а не французом, а его генералы – отпрысками торговцев: Ней – сыном бондаря, Лефебр – сыном мельника, Мюрат – сыном

владельца таверны, а Ланн – сыном конюха. Ваш покорный слуга, сын филадельфийского торговца, пришелся как раз ко двору.

– Мы здесь для того, чтобы изучать источники дохода и общественное мнение, – добавлял я, чтобы подкрепить достоинство Кювье. – Наполеон только потому не закрывает Пале-Рояль, чтобы здешние обитатели платили налоги.

Вернувшись после своего последнего злосчастного путешествия в Америку, я решил измениться, и, по идее, мне должно было претить мнение о том, что я являюсь мастером ведения переговоров в знаменитом Пале-Рояле. Но, должен признать, я действительно изучил все уголки данного вертепа под эгидой социального и архитектурного поиска за годы жизни в Париже. Сегодня, в июне 1802 года, Пале-Рояль остается тем местом, куда парижане приходят, чтобы быть замеченными – или же, если их вкусы тяготеют к скандалу и разврату, чтобы оставаться в тени.

Смит, недавно уволенный с должности геодезиста на строительстве каналов в Англии и раздраженный непризнанием его титанических усилий по составлению карты минералов, приехал в Париж, чтобы посоветоваться с французскими геодезистами и поглазеть на достопримечательности. Он представлял собой лысеющего мужчину крепкого телосложения с фермерским загаром и такими же манерами, с фигурой как у английского бульдога и румяностью и крепостью сельского пахаря. С учетом смиренного происхождения Смита, английские интеллектуалы не обращали ни малейшего внимания на его труды по составлению карт минералов и по-снобски задирали носы в его присутствии. Но Смит знал, что он умнее трех четвертей всех членов Королевского общества.

– С вашими творческими способностями вам не место среди подобных снобов, – сказал я ему, когда Кювье представил меня в качестве их переводчика и гида.

– Моя карьера похожа на канавы, которые роет моя компания. Я здесь лишь потому, что не знаю, что делать дальше.

– Как и добрая половина Лондона! Амьенский мир принес сюда волну британских туристов, которые не дерзали приезжать сюда еще со времен революции. В Париже уже побывали две трети Палаты лордов, включая пять герцогов, троих маркизов и тридцать семь графов. И все в восторге – как от гильотины, так и от местных шлюх.

– Нам, англичанам, просто любопытна связь между свободой и грехом.

– А ведь Пале-Рояль – идеальное место для изучения этого феномена, Уильям. Повсюду звуки музыки, мерцают фонари,

можно запросто потеряться среди блуждающих менестрелей, нескладных акробатов, непристойных игр, азартных пари, первоклассной моды, легкой болтовни, кружащих голову напитков и роскошных борделей, – подбодрил его я.

– И все это официально разрешено?

– Скажем так, власти закрывают на это глаза. Это, пожалуй, единственное место, куда не суется французская полиция со времен, когда Филипп Орлеанский – наш Филипп Эгалитэ – пристроил к Пале-Роялю коммерческий пассаж, незадолго до революции. С тех пор это место пережило революцию, войну, террор, инфляцию и консервативные инстинкты Наполеона. Три четверти парижских газет были закрыты Бонапартом, но Пале-Рояль живет и процветает.

– Вы, похоже, тщательно изучили это место.

– Я увлекаюсь историей.

Хотя, по правде, мои знания устарели. Я провел вдали от Парижа, в своей родной Америке, более чем полтора года, и мои пугающие приключения там наполнили меня решимостью навсегда отказаться от женщин, азартных игр, алкоголя и поисков сокровищ. Вынужден признать, что мне удалось лишь частично выполнить свой зарок. Мою единственную награду за огонь, воду и медные трубы, что мне пришлось пройти на западной границе – самородок золота размером с виноградину, – я проиграл в карты в Сент-Луисе. Мое душевное равновесие не раз нарушалось кокетливыми официантками и обильными возлияниями вин из поместья Джефферсона, пока я, наконец, не прибыл в дом президента в Вашингтоне. Там он внимательно выслушал мое тщательно отредактированное повествование о французских территориях в Луизиане и согласился с идеей направить меня в Париж в качестве неофициального посланника, чьей задачей было убедить Наполеона продать эти богом забытые просторы Соединенным Штатам.

Получив, таким образом, проблеск славы и грамм респектабельности, я решил, что, наконец, пришло время им соответствовать. Признаюсь, я едва мог устоять перед соблазном военных подвигов, когда переплывал Атлантику с американской военной эскадрой, направляющейся в Европу на защиту наших торговых судов от берберских пиратов. Мне посчастливилось, что паша из Триполи, пиратский король по имени Юсуф Караманли, годом ранее объявил войну Соединенным Штатам, требуя 225 000 долларов за мирный договор и 25 000 долларов дани в год. И, как это часто случается в политике, Джефферсон, противник большой военной мощи, был вынужден использовать пять фрегатов, построенных его предшественником Адамсом, чтобы силой

ответить на вымогательство разбойника. «Даже у мира бывает слишком высокая цена», – сказал как-то мой старый наставник Бенджамин Франклин. А потому, когда Джефферсон предложил мне отправиться в Европу с его флотилией, я принял предложение с условием, что сойду на берег в Гибралтаре до начала боевых действий.

Мне не о чем было беспокоиться. Командир эскадры, Ричард Валентайн Моррис, умудрялся быть одновременно бездарным, робким и медлительным. Он прихватил с собой жену и сына, словно отправляясь в отпуск на один из средиземноморских курортов, и на два месяца задержал отплытие. Но его брат-конгрессмен в свое время помог Джефферсону победить Аарона Барра в президентской гонке, а политические альянсы были превыше опыта даже в молодой Америке. Командир был полным идиотом, зато идиотом со связями.

Мои собственные военные байки, которыми я щедро делился, чтобы скрасить время, убедили половину офицеров в том, что я второй Александр Македонский, при этом вторая половина команды считала меня патологическим лгуном.

– Вы некто вроде дипломата? – спросил как-то Смит.

– Моя идея заключается в том, чтобы Бонапарт продал Луизиану моей стране. Это пустынные просторы, которые французам попросту не нужны, но Наполеон не собирается вступать в переговоры, пока не узнает, победила ли его французская армия рабов в Санто-Доминго или Гаити и готова ли она к переброске в Луизиану. У меня есть выход на генерала Леклерка здесь.

Я не стал объяснять, что моим «выходом» на генерала был тот факт, что я переспал с его женой Паулиной в 1800 году, прежде чем она присоединилась к своему благоверному на Карибских островах. Теперь же, если верить рассказам, пока Леклерк боролся с неграми и желтой лихорадкой, моя бывшая любовница, приходившаяся Наполеону сестрой, изучала вуду. О ее моральном облике можно судить по гуляющим по Парижу спорам, кто – она или жена Наполеона Жозефина – стала музой, вдохновившей маркиза де Сада на написание его последнего развращенного памфлета под названием «Сто двадцать дней содома». Бонапарт, недолго думая, бросил автора за решетку за саму возможность подобного позора. Я же прочел книжку, чтобы быть в курсе последних веяний и освежить свои эротические воспоминания.

Из Гибралтара до Парижа мне пришлось добираться самостоятельно, выживая на скромное жалованье служащего правительства Соединенных Штатов и заверяя себя в том, что пришло время, наконец, заняться чем-нибудь серьезным.

Осталось только придумать чем. Пале-Рояль, Гоморра Европы, вполне подходил как место для подобных размышлений. Я заключал пари только тогда, когда был уверен в своей победе, прельщался куртизанками только тогда, когда терпеть больше не было сил, поддерживал достойную физическую форму занятиями фехтованием (мне везет на встречи с людьми, вооруженными клинками) и был, в общем, доволен собственной самодисциплиной. Я как раз подумывал о том, чтобы дать волю своим талантам в области философии, языков, математики или теологии, когда Кювье разыскал меня с просьбой показать Смиту и Фултону Пале-Рояль.

– Можно поговорить и о мамонтах, Гейдж, но не забудь показать нам шлюх!

Я стал связующим звеном нашего квартета. Меня считали экспертом по волосатым слонам потому, что я искал их на американской границе, а европейцы почему-то проявляли гораздо больший интерес к давно вымершим животным, нежели к живым.

– Исчезновение слонов может оказаться гораздо более важным, чем их существование как таковое, – объяснил мне Кювье.

Он был приятным длиннолицым тридцатитрехлетним мужчиной с высоким лбом, изящным носом, сильным подбородком и поджатой нижней губой, которая придавала его лицу выражение постоянной задумчивости. Эта ошибка природы, как ни странно, на деле помогла его карьере. Кювье также обладал серьезностью человека, поднявшегося до своего уровня благодаря своим личным качествам, нежели удаче, как я, и, благодаря своим организационным способностям, стал управляющим парижского зоопарка и главой французского образования. Впрочем, вторую свою работу он считал гораздо менее благодарной, чем первую.

– В любой системе умницы блистают, а тупицы учатся лишь для бумажки, но политики ожидают, что преподаватели каким-то образом изменят природу человека.

– А каждый родитель считает, что заурядность его отпрыска – это исключительно вина учителя, – согласился я.

Кювье же считал, что именно я, не имеющий ни ранга, ни дохода, ни будущего, нахожусь в завидном положении, спеша с одного задания на другое для двух или трех правительств одновременно. Мне иногда приходилось напоминать самому себе, на кого я работаю, и мы стали друзьями поневоле.

– Тот факт, что мы находим скелеты животных, которые уже не существуют, доказывает, что Земле гораздо больше библейских шести тысяч лет, – любил поучать этот ученый муж. – Я, конечно,

христианин, как и все, но временами мы наталкиваемся на породу без каких-либо органических остатков вообще, что может указывать на то, что жизнь вовсе не так вечна, как гласит Священное Писание.

– А я слышал, что какой-то епископ смог точно рассчитать день Творения. Если я не ошибаюсь, двадцать третьего октября четыре тысячи четвертого года до нашей эры.

– Чушь несусветная, Итан. Мы уже каталогизировали двадцать тысяч видов. Как бы они все уместились на Ковчеге? Мир гораздо, гораздо старше, чем мы думаем.

– Я постоянно натыкаюсь на искателей сокровищ, которые думают точно так же, Жорж, но, должен сказать, у них так много свободного времени, что многие из них давно спятили. Они не знают, в какую эпоху живут. Что хорошо в Пале-Рояле, так это то, что здесь никогда не бывает «вчера» или «завтра». Здесь нет ни одних часов!

– Животные также не обладают чувством времени, и это делает их счастливыми. Мы же, люди, обречены на то, чтобы знать прошлое и страшиться будущего.

Смит тоже охотился за костями и знал множество теорий о том, какие же древние катастрофы стерли древних животных с лица Земли. Потоп или вселенский пожар? Холод или жара? Кювье был заинтригован моим упоминанием слова «Тира», которое я прочел на средневековой золотой фольге, найденной мной во время североамериканских приключений. Исчадие ада в женском теле по имени Аврора Сомерсет считала, что свиток имеет особую важность, а Кювье рассказал мне, что Тира, известная также как Санторини, – это греческий остров, представляющий большой интерес для европейских минерологов, поскольку может являть собой остатки древнего вулкана. А потому, когда Смит по прозвищу Страта прибыл в Лондон, горя желанием рассуждать о минералах в перерывах между свиданиями с куртизанками, самой судьбой нам было суждено познакомиться друг с другом. Кювье с трудом сдерживал возбуждение, поскольку Страта был согласен с его собственными выводами о том, что ископаемые кости особого типа обнаруживались лишь в определенных слоях породы, что позволяло определить время отложения этих пород.

– Я пользуюсь раскопками при строительстве каналов и дорог для построения геологической карты Великобритании, – гордо заявил мне Смит.

Я кивнул, научившись делать так всякий раз в компании научных светил, но не сдержался и спросил:

– А зачем?

Карта, показывающая, где в земле залегают какие камни, показалась мне несколько скучноватой.

– Потому, что могу, – ответил он и, видя сомнение на моем лице, добавил: – Эта информация может оказаться весьма ценной для угольных и горнодобывающих компаний. – В его голосе зазвучали нетерпеливые нотки учителя, имеющего дело с непонятливым учеником.

– То есть у вас будет карта, указывающая расположение пластов угля и металлов?

– Скорее, места их вероятного залегания.

Умно! Я, соответственно, согласился организовать поход в Пале-Рояль в надежде на то, что после ночи беспробудного пьянства Смит может проболтаться о том, где стоит искать медную жилу или залежи железной руды. Ну а я, быть может, смог бы шепнуть об этом биржевым маклерам или спекулянтам на минералах.

Фултон тридцати шести лет от роду стал моим вкладом в нашу четверку. Мы познакомились с ним после моего возвращения в Париж, когда оба без всякого успеха ждали аудиенции у Бонапарта, и мне было весьма приятно, что его попытки оказались еще более безуспешными, чем мои. Последние пять лет он провел во Франции в попытках убедить революционеров в полезности своих изобретений, но его эксперимент с постройкой субмарины, или «ныряющей лодки», как он ее называл, не встретили понимания у французских военных моряков.

– Поверьте, Гейдж, «Наутилус» работал просто безупречно на значительном отдалении от берега в Бресте. Мы находились под водой три часа, хотя могли бы провести там и все шесть! – Фултон был достаточно приятен, чтобы его стоило взять в компаньоны при поиске дам, если б не его нервозность неудовлетворенного мечтателя.

– Роберт, вы сказали адмиралам, что ваше изобретение превратит их надводный флот в ненужный хлам. Может, вам и удалось не потонуть, но продавец из вас никудышный. Вы предлагаете куче мужчин купить то, что лишит их работы!

– Но подводная лодка действовала бы так устрашающе, что смогла бы положить конец любой войне!

– Еще одно очко не в вашу пользу. Подумайте же, милейший!

– Бог с ним. У меня есть новая идея – использовать паровой двигатель Ватта на речных судах, – сказал он упрямо.

– И зачем кому-то платить за топливо для котлов, когда ветер и весла достаются нам бесплатно? – Ученые мужи, несомненно, чертовски умны, но как же сложно обнаружить в них хоть каплю

здравого смысла! Вот почему им нужен такой человек, как я.

Фултону улыбался гораздо больший успех в деле рисования круговых огненных панорам для парижан на фоне крупных пожаров и костров. Они платили ему франк или два за то, чтобы стоять посередине, вращаясь, словно объятые языками пламени, и я не могу придумать лучшего доказательства причудливой природы человека. К сожалению, он отказывался принимать мой совет, что настоящие деньги – не в паровых двигателях, которые никому не нужны, а в страшных картинках, которые заставляли людей думать, что они находятся где угодно, но не там, где они в действительности есть.

Моя же идея заключалась вот в чем. Мы отправимся на мальчишник в Пале-Рояль, где я хорошенько накачаю ученых мужей в надежде выудить из них информацию о прибыльных залежах угля или хотя бы узнаю, почему средневековые рыцари, известные своей любовью ко всему мистическому и оккультному, могли нацарапать слово «Тира» на золотой фольге посреди Северной Америки, а затем уже посмотрим, сможет ли кто-нибудь из нас придумать что-то, что можно было бы продать за настоящие деньги. И, конечно же, продолжу работу над реформированием своего характера.

Чего я не мог предвидеть, так это того, что мне скоро придется ставить на кон свою жизнь и иметь дело с французской секретной полицией.

Глава 2

К ужасу можно привыкнуть. С поражением можно смириться. Но только неизвестность порождает страх, а неопределенность преследует нас в ночной пустоте. Моя решимость преобразиться оказалась слабее, чем я предполагал, поскольку, по правде, я не мог полностью отказаться от женского общества. После агонии разбитого сердца, что я испытал на американской границе, я хотел восстановить контакт с Астизой, женщиной, в которую был влюблен за четыре года до Восточной кампании Наполеона. Она бросила меня в Париже и вернулась в Египет, и после жестокого разочарования моего последнего приключения я снова начал писать ей.

Я бы с пониманием отнесся к ее решению отклонить мое предложение о возобновлении отношений со мной, ведь время, проведенное вместе, было наполнено скорее беспокойством, нежели удовлетворением. Несмотря на ее обещание когда-нибудь снова оказаться со мной, я не получил ответа на свои письма. Конечно, Египет все еще восстанавливался после изгнания французов британцами годом ранее, и связь была ненадежной. Но что, если со спутницей моих приключений случилось что-нибудь дурное? Мне удалось связаться со своим старым другом Ашрафом, который заверил меня, что видел Астизу после ее возвращения в Египет. Она оставалась столь же таинственной, отчужденной, смятенной и, по-видимому, жила почти в полном одиночестве. Затем она внезапно исчезла примерно в то время, когда я вернулся в Европу. Я удивился бы новостям о том, что она живет в покое семейного очага, и, несомненно, не мог иметь на нее никаких прав и притязаний. Но неизвестность не давала мне покоя.

Именно по этой причине я привел своих компаньонов не в тот бордель.

Все произошло так. Пале-Рояль представляет собой громадный прямоугольник из пассажей и галерей, обрамленных колоннадами. Во внутреннем дворе расположены сады, фонтаны и аллеи. Мы пообедали в кафе на открытом воздухе, праздно разглядывая распутниц, разодетых, словно они были известнейшими светскими львицами республики, и неспешно обмениваясь аргументами о классификации костей и преимуществах винтовых пропеллеров. Я показал им, где Бонапарт когда-то играл в шахматы на деньги в свою бытность капитаном артиллерии, и даже ту галерею, в которой молодым солдатом он потерял девственность при помощи местной

проститутки. Я не преминул сообщить, что «Йондер» – это именно тот клуб, в котором министр иностранных дел Талейран однажды прокутил 30 000 франков за одну ночь, а в располагавшейся неподалеку торговой лавке Шарлотта Корде купила тот самый нож, которым позже заколола Марата в ванне. Содомиты, одетые в наряды не менее щегольские, чем у шлюх, гуляли, держась за руки, по улице Вздохов, радуясь декриминализации своей любви после революции. Попрошайки сновали среди миллионеров, проповедники читали проповеди, карточные шулеры вертели свои темные дела, а набожные извращенцы искали палаты, в которых их могли отхлестать плетьми, точно рассчитав пропорции искупления и боли.

Мы спустились в подвальный «цирк», где пары танцевали среди «нимф», позирующих в прозрачных одеяниях, и сделали вид, что изучаем с академической объективностью сорок четыре статуи Венеры, украшающие этот комплекс.

Пока мы ходили кругами, Кювье поддался убеждениям испытать удачу в новой игре «21», ставшей популярной благодаря самому Наполеону, Смит с терпением завсегдатая пабов продегустировал дюжину сортов шампанского, а Фултон изучал, как акробаты на практике применяют закон рычага. Мы едва оттащили его от огнеглотателя.

– Представьте, а что, если изобрести дракона!

– Его французы тоже вряд ли купят.

По моим наблюдениям, мои спутники получали такое же удовольствие от созерцания проституток, как если бы они пользовались их услугами. С учетом того, что технически половина развлечений, предлагаемых в Пале-Рояле, были незаконными (с 1600 года французские короли издали тридцать два указа, запрещающих азартные игры), я со всей серьезностью намеревался держаться подальше от неприятностей. И вдруг, ведя за собой наш маленький отряд сквозь тусклые галереи лавок и спешащих вниз ступенек, я услышал женский голос, зовущий меня по имени.

Обернувшись, я лицом к лицу столкнулся с мадам Маргаритой, или, как она предпочитала себя называть, «Изидой, Королевой Аравии». Она управляла борделем и обладала бульдожьей хваткой предпринимателя – мы познакомились еще до моего морального преобразования.

– Месье Гейдж! Вы просто обязаны познакомить меня со своими друзьями!

Маргарита заправляла одним из самых известных публичных домов в Пале-Рояле, представляющим собой хитросплетение сводчатых пещер под вечно переполненным салоном для

азартных игр. Декор заведения подходил под определение «восточный», а тонкие одеяния куртизанок были навеяны лихорадочными европейскими фантазиями на тему гаремов Стамбула. По слухам, здесь можно было отведать как гашиш, так и опиум, воображая себя хозяином гарема. Предлагаемые здесь соблазны были дорогими, испорченными до мозга костей, незаконными, а следовательно, абсолютно непреодолимыми. Это было явно не место для ученых мужей, и мой инстинкт подсказывал мне бежать отсюда сломя голову, но Маргарита спешно преградила нам путь, и мои компаньоны нервно столпились за моей спиной, словно мы стояли у входа в лабиринт Минотавра.

– Привет, Изида, – сказал я осторожно, – как идет бизнес?

– Просто прекрасно, но боже, как же мы скучали по нашему Итану! Поговаривали, что вы исчезли в Америке. Это разбило сердце стольким моим цыпочкам! Они рыдали, представляя вас во власти краснокожих!

Что сказать, в свое время я тратил здесь немалые суммы.

– Я вернулся, скальп на месте, но я полностью преобразился, – отрапортовал я, – и решил, что обет безбрачия лишь укрепит мой характер и силу воли.

Она засмеялась.

– Что за абсурдная идея! Конечно же, ваши друзья с вами не согласятся, не так ли, господа?

– Это ученые мужи, светила науки. Я показываю им окрестности.

– Мои девочки могут показать им гораздо больше. Колетт! Софи!

– Боюсь, мы не можем здесь более задерживаться.

– Это то самое аравийское место? – прервал нас Кювье из-за моей спины, вытянув шею, словно похотливый страус. – Я слышал о нем.

– Напоминает Османский дворец, – молвил Смит, прищурившись и заглядывая в дверной проем. – Весьма затейливая архитектура, скажу я вам.

– Неужели вы действительно хотите быть замеченными в таком месте? – спросил я, не обращая внимания на то, с каким энтузиазмом Маргарита сжимает мою руку. – Джентльмены, я отвечаю за вашу репутацию.

– В этом доме все мы – искусницы благоразумия! – убедительно заявила хозяйка заведения. – Уважаемые светила науки, по меньшей мере оцените мой декор – я так много над ним работаю. Итан, какое удачное совпадение, мой ассистент внутри только что спрашивал о вас.

– И кто она?

– Вообще-то, это мужчина. Он играет роль Озириса, – подмигнула она мне.

– Боюсь, подобные связи не в моем вкусе.

– Нет, нет – он только лишь хотел побеседовать и побиться с вами об заклад. Он наслышан о ваших навыках в азартных играх и сказал, что готов поспорить с вами на то, что вы так отчаянно хотите узнать.

– И что же это?

– Новости о вашей египетской подруге.

Последняя ее фраза заставила меня вздрогнуть и остановиться. Я никогда не рассказывал Маргарите об Астизе.

– И откуда этому Озирису знать об этом?

– Да вы заходите, заходите и сами выслушайте его предложение! – Ее глаза горели, зрачки расширились. – И друзей своих захватите с собой, никто ничего не увидит. Выпейте немного бордо и просто расслабьтесь.

Что ж, это, конечно, противоречило всем моим новым моральным установкам, но откуда незнакомцу известно о моей давно утраченной любви в Египте?

– На минутку, пожалуй, заглянем, – нехотя сказал я своим компаньонам, – декорации действительно достойны театра, да и урок на тему механики этого мира тоже не помешает.

– О каком уроке вы говорите? – спросил меня шепотом Фултон, пока мы спускались в грот Маргариты.

– О том, что даже за просмотр надо платить.

Изида провела нас в весьма уютную приемную своего гарема, и мои спутники не смогли сдержать вздоха восхищения, когда перед их глазами предстал целый парад готовых к инспекции «аравийских» красавиц, всех костюмов которых, вместе взятых, едва хватило бы для того, чтобы сшить один приличный шарф.

– М-да, минутки, похоже, будет недостаточно, – молвил я. – Отправляйтесь в их палаты, просто из вежливости. Фултон, купите девушке бокал вина и объясните, как работает паровой двигатель. Смит, вон та рыженькая, кажется, может похвастаться той еще топографией для исследования и нанесения на карту мира. Кювье, а вы изучите анатомию вон той блондинки. Я уверен, вам по силам построить несколько теорий о происхождении округлой морфологии женской фигуры.

Я был уверен, что им будет чем заняться, пока я узнаю, кто такой этот Озирис и действительно ли он знает что-либо стоящее моего внимания.

Ученые с таким нескрываемым удовольствием делали умный вид, что мне стоило бы потребовать у Маргариты комиссию, если

бы она не была столь же скупа, как и моя старая домовладелица мадам Дюрель.

– Итан, а какую из этих фей вы хотели бы потискать? – спросила меня хозяйка борделя, когда девушки увели светил науки в палату, занавешенную дымчатым тюлем. Чернокожие слуги принесли высокие латунные турецкие кувшины. Свечи и палочки благовоний распространяли вокруг себя янтарный свет.

– На меня снизошла высокая моральная нравственность, – ответил я. – Как говаривал Бен Франклин, надо бороться со своими пороками, и я теперь стремлюсь к епископской благодетели.

– Епископской? Священники – наши лучшие клиенты! Слава богу, Бонапарт вернул нам церковь.

– Да, да, я слышал благодарственный молебен в соборе Парижской Богоматери на Пасху в честь нового конкордата с Римом.

– Фарс, да и только, месье. Иудейские короли над входом так и стоят безголовыми с тех самых пор, как революционная толпа приняла их за французских королей и снесла им головы. Эдакий каменный памятник гильотине! Да и сама церковь, которую якобинцы некогда именовали Храмом здравого смысла, пребывает в полнейшем беспорядке. Благодаря этому благодарственному молебну я услышала колокола впервые за последние десять лет, а эти генералы даже не знали, когда нужно преклонить колени. Вместо коленопреклонения всю консекрацию[1] эта чернь бряцала своим оружием, я с трудом разбирала латынь за их хихиканьем, шепотом и лязганьем сабель и штыков.

– Простолюдины рады возвращению церкви, в этом и состоял замысел Наполеона.

– Да, и страна постепенно скатывается в свое недалекое прошлое: обратно к вере, тирании и войнам. Неудивительно, что толпа проголосовала за то, чтобы сделать его пожизненным Первым консулом! По счастью, мой бизнес может процветать в любом политическом климате. Роялисты, революционеры, клерикалы и маршалы – покувыркаться в постели любят все. – Она подняла свой тонкий высокий бокал с шампанским. – За страсть!

– И дисциплину! – Я сделал глоток, не без тоски посматривая на девушек. Мои ученые спутники болтали так, словно они были на лекции в институте; куртизанки же, казалось, могли изобразить поддельный интерес к чему угодно, даже к науке. Воздух пьянил ароматами гашиша и алкоголя. – Честное слово, воздержание даже доставляет удовольствие. Пожалуй, напишу об

этом книгу.

– Нонсенс! Все мужчины без исключения нуждаются в пороках.

– Играть в азартные игры я тоже зарекся.

– Но ведь должно быть что-то, ради чего вы готовы биться об заклад! – прервал нас мужской голос.

Глава 3

Я обернулся. В приемную вошел смуглый мужчина, одетый в вычурный костюм султана. У него был ястребиный нос, хищный взгляд, тонкие, как у ящерицы, губы, придававшие его лицу змеиное выражение инквизитора (или одного из моих многочисленных кредиторов). Тюрбан украшало страусовое перо наподобие тех, что солдаты собирали в Египте, отстреливая ради забавы этих туповатых существ. При всем этом он ничем не напоминал араба и был похож скорее на француза. Человек любит притворяться.

– Позвольте представить вам Озириса, бога подземелья, – произнесла Изида-Маргарита, – он, как и вы, поклонник истории Египта.

Мужчина поклонился и произнес:

– Конечно, я не могу похвастать столь драгоценными находками, как знаменитый Итан Гейдж.

– Боюсь, я все потерял, – ответил я. – Люди часто считают меня богатым в надежде на то, что я поделюсь своим богатством с ними, а потому я всегда стараюсь как можно быстрее развеять их иллюзии.

– И, если я не ошибаюсь, покинули Египет еще до окончания кампании?

– Как и Наполеон. Я американец, а не француз, а потому моя жизнь принадлежит только мне самому.

Должен признать, это не совсем правда, ведь кому из нас в действительности принадлежит его собственная жизнь? Но я не хотел домыслов.

– И готовы ли вы поставить эту свою жизнь на кон?

– Это вряд ли. Я как раз рассказывал Королеве Аравии о том, что в корне изменился.

– Да, но искусить и соблазнить можно любого, ведь этому нас учит Пале-Рояль, не так ли? Все мы мечтаем и тоскуем о чем-то, и никто из нас не без греха. Ведь именно поэтому мы собираемся вместе и не судим, дабы не быть судимыми. Мы можем восхищаться праведниками, но в действительности не любим их, да и не доверяем им, а самых благочестивых распинаем на кресте. Хочешь иметь хороших друзей – не стремись к совершенству, не так ли?

Моих компаньонов, как я вдруг осознал, уже увели их спутницы. Ученые мужи оказались либо храбрее, либо пьянее, чем я думал, и я внезапно остался один.

– Ну, уж совершеннее меня вам не сыскать, – сказал я. – Но

постойте, Озирис, а кто вы такой? Сводник?

– Я помогаю и учусь. Именно поэтому я готов биться с вами об заклад на то, что вы хотите знать, и вам не придется рисковать ни одним су, чтобы выиграть спор.

– И что же, по-вашему, я так жажду узнать?

– Где находится жрица, конечно.

Астиза была в некотором роде жрицей, изучавшей древние религии. Я почувствовал, как воспоминания наполняют меня.

– Сдается мне, она все еще в вашем сердце. Вас считают пустым и поверхностным, Итан Гейдж, но сдается мне, в вашей душе есть место огню и верности.

– Откуда вы знаете Астизу? – Я заметил, как в отсутствие моих компаньонов из теней появились две шкафоподобные мужские фигуры, вставшие на страже у двери борделя. И куда вдруг подевалась Маргарита?

– Знать то, что хотят знать другие, – это искусство моего братства.

С этими словами он достал из складок своего одеяния символ, который я ранее видел на шее моего врага в Северной Америке: золотую пирамиду с обвитым вокруг нее змеебогом Апофисом на золотой цепи, нечто вроде герба старого заклятого врага, Ложи египетского обряда. Последний раз я сталкивался с этой братией во время пыток в индейской деревне. Мое тело мгновенно напряглось, и я с сожалением вспомнил, что, конечно же, оставил винтовку дома. Озирис и сам был похож на змею, и я почувствовал головокружение в дымном мускусе комнаты, пахнущей гашишем.

– Вы член Ложи?

Ложа египетского обряда представляла собой группу ренегатов из числа коррумпированных членов ордена франкмасонов, основанного поколением раньше шарлатаном по имени Калиостро, который преследовал меня повсюду с тех пор, как я выиграл один медальон в карты в Париже четыре года назад. Я надеялся, что навсегда избавился от них, но они были упорными, словно сборщики налогов.

– Я член группы единомышленников, и не обращайте внимания на слухи. Мы реформисты, как и вы.

– Позвольте взглянуть на эмблему?

Озирис передал ее мне. Она оказалась на удивление тяжелой – возможно, чистое золото.

– Наденьте ее, попробуйте. Мне кажется, что она вселяет власть и уверенность. Те вещи, что мы надеваем, несут в себе некую магию.

– Не в моем стиле. – Я вновь оценил ее вес в своей ладони,

размышляя.

– Я уважаю вашу решимость отречься от азартных игр, месье Гейдж. Ваш реформаторский пыл воодушевляет. Но прошу вас, пусть этот символ вас не беспокоит. Я предлагаю альянс, а не вражду. А потому хотел бы задать вам простую головоломку, что-то вроде детской загадки. Если вы разгадаете ее, я отведу вас к Астизе. Но если вы ошибетесь, ваша жизнь будет принадлежать мне и вы будете делать то, что я вам велю.

– Что это значит? Вы что, дьявол?

– Давайте же, месье Гейдж, у вас репутация специалиста по электричеству, настоящего ученого. Неужели вы испугались детской загадки?

Испугался? Я держал в своей руке символ Ложи, которая, насколько я знал, представляла собой кучку змеепоклонцев, колдунов, извращенцев и заговорщиков.

– А чем рискуете *вы*?

– Я рискую той бесценной информацией, которой владею. Но, в конце концов, вы не ставили на кон ни единого су!

– Как и вы. А потому, если хотите поиграть в загадки, играть мы должны вместе. Ваш замысел против моей жизни, Озирис. – Это должно заставить его задуматься. – Если я отгадаю вашу загадку, а вы не сможете отгадать мою, вы не только отправите меня к Астизе, но и объясните раз и навсегда, чем занимается эта ваша странная Ложа. За чем же гоняется группа столь эксцентричных мужчин? – Я вспомнил головоломку, которую мне как-то задал Франклин, и решил попробовать.

Озирис задумался, затем пожал плечами.

– Хорошо. Я никогда не проигрываю.

Он поднял минутные песочные часы, и я почувствовал, как кровь стучит у меня в висках.

– Так переворачивайте же часы, наконец.

– Сначала моя загадка. Двое приговоренных к смерти сидят на дне глубокого зиндана с отвесными стенами, по которым нельзя вскарабкаться наверх. Казнь на рассвете. Если они смогут дотянуться до края ямы, то смогут сбежать, но даже если один из них встанет другому на плечи, они не дотянутся до края зиндана. У них есть лопата, но прокладывание тоннеля потребует нескольких дней, а не часов. Как им сбежать? – На этих словах он перевернул часы.

Я смотрел на утекающую струйку песка и размышлял. А что посоветовал бы мне старый Бен? Он знал множество поговорок и афоризмов, половина которых весьма меня раздражали. *Не покупай ненужного – придет день, и продашь все нужное.* Верно, но для чего еще нужны деньги, если не для того, чтобы бездумно

тратить их в свое удовольствие?

Заключение? *Те, кто жертвуют основными свободами ради временной безопасности, не заслуживают ни того, ни другого.* И от этого афоризма мало толку. Песок уже горкой лежал на дне часов, и Озирис, или как там его на самом деле звали, рассматривал меня с выражением развлечения на лице. *Мы стареем слишком быстро, но мудреем слишком поздно.* Уж это точно относилось ко мне! Песок, песок, все вниз и вниз…

Вот оно! Песок!

– Тоннель, – объявил я, – но только для того, чтобы добыть песок и свалить его в гору у стены ямы. Когда гора станет достаточно высокой, они могут встать на нее и дотянуться до края колодца.

Мой оппонент медленно похлопал в ладоши.

– Поздравляю, месье Гейдж, ваша репутация находчивого умника не совсем незаслуженна. Похоже, мне придется отвезти вас к Астизе.

– И объяснить мне цель вашей темной Ложи. Ну, а теперь моя очередь. Вы должны сделать заявление, и если ваше заявление окажется ложным, я получаю все ваше имущество. Если же оно правдиво, я потребую от вас правды о том, кто вы такой на самом деле и на что же мы с вами здесь играем.

– Месье, вы создали неразрешимую для меня дилемму.

– В этом-то и фокус, не правда ли? – Я перевернул часы, и песок вновь с тихим шуршанием потек вниз.

Озирис задумался, наблюдая за тем, как текут секунды, затем улыбнулся своей щелью на жестоком лице.

– Забирайте все мое имущество.

Теперь пришла моя очередь кивнуть, признавая мастерство своего оппонента.

– Хорошо сыграно.

– Я перевернул вашу же дилемму с головы на ноги. Если вы заберете все мое имущество, мое заявление становится правдивым. Но если оно правдиво, вы не можете забрать мое имущество, так как это требует ложного заявления. Однако, не расставаясь с моим имуществом, мое заявление ложно, а потому я не обязан говорить вам правду, а вы должны освободить меня от обоих моих обязательств.

– Из вас вышел бы отличный Франклин.

– А из вас – египтянин.

Славно мы с ним спелись.

– Итак, вы отведете меня к Астизе, как обещали, даже несмотря на то, что не расскажете мне то, что я хочу знать?

– Да. Но она не в Париже, месье Гейдж. И, боюсь, не в Египте.

Впрочем, это не столь важно. Ваша загадка была обоюдоострой, как и моя. Если б вы проиграли, ваша жизнь принадлежала бы мне, как вы и обещали. Но, несмотря на то, что вы выиграли, ваша жизнь все равно принадлежит мне – я отведу вас к Астизе, но не сразу, – он кивнул своим шкафоподобным компаньонам. – Видите ли, для нас крайне важно видеть вас в Тире, куда мы и отправимся по пути к вашей возлюбленной. Там есть один секрет, который нам крайне важно раскрыть. Надеюсь, вам льстит тот факт, что нам требуются ваши навыки. Если же нет – мои компаньоны позаботятся о том, чтобы вы к нам присоединились.

– Простите, Итан! – крикнула Маргарита за моей спиной из-за блестящей шторы. – Я не могу позволить себе ссориться с этими людьми! Они угрожали мне расправой, у меня не было другого выбора, кроме как заманить вас сюда! Либо я, либо вы!

Я уже говорил, что мне чертовски не везет с женщинами? Дверь была заблокирована этими людоедами, за моей спиной – подземный гарем. Я лихорадочно пытался придумать какой-нибудь план, пока один из громил доставал пару кандалов.

– Тогда и у меня тоже не остается другого выбора, – изрек я.

С учетом моего учтивого характера, я никогда не был сторонником применения грубой силы, но годы научили меня тому, что негодяи этого мира процветают за счет нерешительности хороших людей. Я изо всех сил наотмашь хлестнул Озириса его же пирамидальным медальоном по лицу, выбив из него крики проклятья и, вероятно, пару зубов, и в следующее мгновение пнул ближайшего ко мне троглодита в пах, заставив этого ублюдка сложиться пополам, словно кто-то резко захлопнул книгу. Второй попытался добраться до меня, но наткнулся на своих страдающих компаньонов, что дало мне достаточно времени для того, чтобы прицелиться и швырнуть ставшую ненужной мне безделушку в самый центр стоявших рядами зажженных свеч.

Моим единственным планом было устроить грандиозный пожар.

Глава 4

Восковые свечи взмыли к потолку, разлетаясь, словно сноп огненных стрел, от тяжелого золотого амулета и его золотой цепи. Озирис, или как там его на самом деле звали, отшатнулся к своим троллям, проклиная меня на чем свет стоит и прижимая к окровавленному лицу ладонь. Второй рукой он потянулся за пистолетом, но в то же мгновение от скошенных, словно косой, свеч вспыхнули шелковые занавески, и я с размаху опрокинул на пол османские лампы. Масло из них мгновенно вспыхнуло, и, прежде чем он мог прицелиться и выстрелить, я прыгнул сквозь завесу огня и ринулся в задние залы борделя.

Огонь разгорался все сильнее, дым черным облаком закрыл за мной проход, и мои несостоявшиеся похитители, ругаясь, отступили. Мадам Маргарита кричала, не переводя дыхание. За считаные секунды я превратил ее небольшой уютный вестибюль в сущий огненный ад, заполняющийся до потолка черным дымом за моей спиной. Проститутки тоже начали голосить.

Итак, я поджег вход, а позади меня ждали лишь каменные стены. Ситуация не идеальная. И где черти носят моих ученых?

– Жорж! Роберт! Уильям!

– Здесь! – услышал я голос Фултона. – Черт побери, Гейдж, что вы натворили?

Фултон был без пиджака, но в остальном выглядел вполне прилично на фоне полураздетой жрицы любви, уползающей прочь на четвереньках. Держите меня четверо, какой прекрасный зад столь спешно удалялся от меня!

– Я как раз объяснял процесс заполнения моего «Наутилуса» кислородом, – выдавил изобретатель, кашляя, – когда начались все эти крики. Боюсь, Кювье и Смит все еще в беспамятстве. Они пили из этих турецких сосудов, и мне кажется, что в вино что-то подмешали. – Он глянул мимо меня в сторону огненного света, падавшего из комнаты, из которой он совсем недавно удалился в сопровождении своей спутницы. – Во имя Зевса и Юпитера, Итан, вы что, тоже пили? Тот пожар, что вы устроили, кажется мне весьма проблематичным.

– Боюсь, это единственный способ предотвратить мое похищение прислужниками этого сумасшедшего Озириса, – объяснил я спешно. – Он из Ложи египетского обряда, пренеприятнейшего сборища, с которым мне доводилось сталкиваться в прошлом. – Словно подтверждая мои слова, последовали выстрелы, и пули просвистели сквозь дым, застряв в каменной стене подвала. Я мгновенно лег на пол, потянув

Фултона за собой. – Лучше лежать пониже. Большинство людей стреляют выше цели, да и дыма у пола меньше.

– Весьма полезная информация, Гейдж, но, к сожалению, насколько я вижу, единственная дверь отсюда находится по ту сторону созданного вами ада.

– Я вынужден согласиться, у меня не было достаточно времени, чтобы продумать свой план в деталях. Зато костер чем-то напоминает ту панораму, что вы рисовали, вы не находите?

Загоралось все больше и больше многочисленных занавесок, кушетки пылали, словно дрова в рождественском костре. Жар пульсировал, словно трепещущее сердце.

– Этот костер значительно горячее.

Мы отступили в другую залу, в которой обнаружили Кювье и Смита, лежащих в полузабытьи, одурманенных и заторможенных. Вокруг них ползали еще три полуголые проститутки, воющие от страха.

– Должна быть задняя дверь! – сказал я, стараясь не впасть в панику, затем схватил одну из шлюх и потряс ее. – Ты! Как отсюда выйти?

– Она заложила дверь кирпичами, чтобы контролировать нас!

Черт побери. О местонахождении Астизы мне тоже ничего не было известно. Когда я, наконец, взращу в себе идеальный характер, я буду вести более мирную и безмятежную жизнь.

– Если нам не удастся взять откуда-нибудь очень много воды, можно считать, что я поджарил нас, – заключил я.

– Или же мы можем воссоздать эту дверь, – мрачно произнес Фултон. – Где они заложили вторую дверь? – спросил он девушку.

– Там два фута толстого камня, – выла она, – вы ее неделю ломать будете!

Фултон раздраженно посмотрел на меня.

– А что находится под нами? – спросил он.

– Откуда мне знать? Это Смит у нас специалист по камням.

– А над нами?

– Игорный салон, я так думаю. Мы в подвале у фундамента одного из крыльев Пале-Рояля.

– Вот вам и решение. В палатку! Займемся замковым камнем, Итан!

Я не нашел ни малейшего смысла в его словах, но последовал за ним еще глубже в дальние залы борделя, признательный хотя бы за то, что мог удалиться от огня. В другой зале я увидел большой шатер аравийского типа, заполненный подушками и коврами, видимо, призванными помочь в реализации фантазий о пустыне. Прочные шесты, достающие почти до сводчатого каменного потолка, поддерживали ткань шатра.

– Они и будут нашим боевым тараном! – сказал изобретатель. – Наша единственная надежда – обрушить потолок на себя.

– Обрушить потолок? Вы в своем уме?

– Вы предпочитаете поджариться? Если мы уроним пол игорного салона, то сможем выбраться наружу.

Я взглянул наверх.

– Но кладка кажется прочной, как крепость!

– Что ж вы не подумали об этом, когда поджигали всех нас? Тем не менее потолок точно тоньше стен, а у каждой крепости есть свое слабое место. А теперь оберните шатер и несколько подушек вокруг этого шеста, словно гигантский факел. Смит! Кювье! – Он слегка похлестал их по щекам, приведя в некое подобие заторможенного сознания. – Найдите воды или хотя бы вина! Никакого спирта, ничего, что может гореть! И поторопитесь, если не хотите испечься заживо! Итан, а вы отправляйтесь к костру и подожгите свою гигантскую спичку!

– А дальше что?

– Принесите ее мне.

За неимением более подходящих идей я отправился в сторону адского пламени. Звуки выстрелов прекратились – судя по всему, Озирис с Изидой додумались сбежать через переднюю дверь. Мой десятифутовый факел зажегся, словно спичка, и я, пятясь, двинулся в задние залы. Фултон помог мне поднять факел и поднести его к центру потолка над нами, где замковый камень держал свод, фиксируя все его части на месте. Нам пришлось прищуриться, чтобы защитить глаза от падающих на нас горящих обрывков ткани.

– Будем действовать, как рабочие в каменоломнях, – используем жар и холод, чтобы заставить его треснуть.

– Мне трудно дышать, – проговорил я.

– Тогда работайте быстрее!

Пламя горящего шелка и хлопка почти погасло, когда Кювье и Смит волоком притащили большой кувшин жидкости. Фултон схватил его, размахнулся и вылил воду или вино – я так и не понял, что именно – на нагретый потолок, холодную жидкость на раскаленный камень.

Раздался громкий щелчок, камни покрылись трещинами, несколько камней поменьше упали вниз. Замковый камень в центре сводчатого потолка был расколот.

– Скорее же, берите второй шест! Быстрее, пока мы не потеряли сознание!

Я наконец-то понял его замысел. Я схватил второй шест и изо всех сил ударил им в камень, располагавшийся в высшей точке

потолка. На меня вновь посыпались камни и камешки.

– Сильнее, сильнее! – крикнул Фултон, помогая мне вновь и вновь вонзать шест в потолок.

– Черт побери, это не так просто! – выдохнул я, думая о том, что с нами станет, если потолок действительно обрушится на нас.

– Пусть шлюхи помогут!

Дым продолжал клубиться вихрями, языки пожара полыхали все ближе к нам, и девушки присоединились к нашим отчаянным попыткам при помощи все еще одурманенного зоолога и маркшейдера каналов. Ворча и пыхтя, мы продолжали работать, словно поршни, направляемые энергией страха и отчаяния. Наконец в замковом камне появилась еще одна большая трещина, и он внезапно ринулся вниз, разбившись о пол борделя с громким ударом. Одна из девушек завизжала и ринулась в сторону. Сверху на нас смотрела черная зияющая дыра, и свод потолка потянулся вниз и к центру, не имея ничего, что могло бы остановить его.

– Сильнее, быстрее, пока мы не сгорели заживо!

Жар от огня все увеличивался. Мы били в потолок шестом, словно маниакальные воинствующие варвары, и все больше камней начали падать, отскакивая и подпрыгивая на полу под предупредительные визги женщин. Мы уже слышали удивленные возгласы, доносившиеся из игорного зала над нами. Наконец раздался скрежет трущихся друг о друга камней и валунов и треск дерева, слившихся в одном жутком рычании.

– Назад, назад, к огню!

Едва мы успели сделать шаг назад, как потолок неожиданно провис и весь его свод обвалился под собственным весом, подняв густое облако пыли. Раздался треск несущих балок, и весь пол игорного зала над нами обрушился вниз. Луч света, словно из рая, пронзил темноту, озарив всех нас сквозь поток щепок, дерева, игровых столов, фишек и карт, водопадом хлынувших вниз. Два или три замерших в удивлении картежника также последовали вниз, плюхнувшись в наш котел под восторженные возгласы находящихся внизу.

Благословенный свежий воздух наполнил подвал, о чем немедленно возвестил рев встрепенувшегося пожара за нашими спинами.

– Вверх! – сдавленно крикнул я. – Карабкайтесь вверх по балкам, пока огонь не поглотил их!

Мы возникли из густой завесы дыма, словно рой демонов, – обнаженные женщины чернее угля, пьяные и ничего не соображающие спотыкающиеся ученые мужи и визжащие игроки, возродившиеся из столь внезапной экскурсии в ад. Фултон рванулся вперед, словно сам Сатана, ошпаренный, но не

побежденный. Мы вырвались!

Я вскарабкался на пол казино, с трудом различая что-либо перед собой сквозь завесу слез и дыма, и сел среди бегающих взад-вперед патронов заведения. Несмотря на смятение, мне хватило хладнокровия, чтобы сунуть в карман монету-другую.

Французские пожарные кареты, остановившиеся прямо у дверей борделя и салона, начали закачивать воду через то отверстие, что мы проделали. Неподалеку я увидел все еще истекающего кровью Озириса и полдюжины его прихвостней, притаившихся в темноте в надежде, что мы каким-то чудом выберемся оттуда. Что же ему было на самом деле нужно? Что он знал об Астизе?

Я привлек к ним внимание Фултона.

– Вот наши враги.

– Какие еще враги? – Он тяжело хрипел и кашлял. – Я думал, мы пришли сюда развлекаться!

– Если честно, я и сам редко понимаю, что происходит вокруг меня. Но одно знаю точно: нам нужно выбираться из Пале-Рояля. Он хотел схватить меня, так или иначе, и одурманить всех вас.

– Но как нам отсюда выбраться? Мы не сможем убежать от них, волоча за собой ополоумевших Кювье и Смита. От улицы нас отделяет целая тысяча людей! Может, стоит позвать полицию?

– Они сюда не сунутся. А если и сунулись бы, то арестовали бы нас вместе со всеми, а разбираться стали бы позже. В это время нас могут придушить сокамерники, да и любые скандалы вряд ли пойдут на пользу нашим отношениям с Наполеоном.

Пожарные бригады лихорадочно работали у насосов, и вода, фыркая, начала изрыгаться из кожаных пожарных шлангов. Люди по цепочке передавали воду в ведрах от дворцового фонтана до медного чана, установленного на повозке пожарной кареты. Идея была, несомненно, свежей и современной, но пока что не возымела никакого воздействия на мой пожар.

– Я бы предложил увеличить размер кареты и установить насос на лошадиной тяге, – заметил изобретатель, – или, быть может, паровой насос. Но буду справедлив – по крайней мере, власти не сидят сложа руки.

– Точно! Нужно завладеть каретой!

– Вы в своем уме? Тогда нас не просто арестуют, а еще и подстрелят! К тому же карета нужна им для борьбы с пожаром.

– Они не вооружены, а мадам Маргарита вполне заслужила, чтобы ее заведение хорошенько погорело за то, что заманила нас в ловушку. Смотрите, едут еще кареты, воды в фонтане на всех все равно не хватит, а вон та просто стоит без дела. Притворимся, что спешим принести еще воды. Как только избавимся от тех

мужчин, что пытались заковать меня в кандалы, тут же вернем карету обратно.

– Да она едва размером с колесницу! – Действительно, двухколесная повозка была немногим длиннее и шире полевой пушки и своим видом не вселяла надежду на то, что сможет потушить что-либо крупнее обычного костра.

– Придется потесниться!

И, обернувшись через плечо на ошеломленных Кювье и Смита, мы рванулись вперед. Фултон открутил шланг от нарезного конца трубы пожарной кареты, а я усадил наших полубессознательных друзей в чан, в который они едва поместились, вытеснив излишки воды через край. Я взял вожжи в свои руки и, несмотря на протестующие крики, хлестанул двух до сих пор мирно дремавших пони, заставив их рвануть в сторону парка напролом через столы и столики Пале-Рояля. Обедающие посетители бросились врассыпную, проститутки побежали, шахматные фигурки дождем посыпались на нас, удаляющихся от места пожара сквозь многочисленные трактиры и кафе. Затем мы сломя голову понеслись по центральному двору дворца, давя и раскидывая стулья, сбивая фонари и лампады, направляясь к главному входу в Пале-Рояль, представляющему собой большие арочные ворота, ведущие на мощенную булыжниками улицу. Озирис заметил наш рывок и побежал нам наперерез, все еще ковыляя и корчась от боли, в сопровождении троглодита, которого я чуть не лишил потомства.

Что мне оставалось делать? Пришлось их переехать.

Мне уже доводилось иметь дело с Ложей, и они преследовали меня, словно вновь и вновь возвращающийся ночной кошмар. Я не знал, чего хочет Озирис, и не имел ни малейшего желания узнать – я хотел лишь избавиться от этого сброда раз и навсегда. А потому я привел карету в равновесие и взмахнул вожжами, словно встряхивая одеяло. Лошади рванули вперед, Фултон в последний момент с рыком ухватился за что-то, чтобы не упасть, а Кювье и Смит лишь застонали в своем чане. Любитель загадок исчез под нашей повозкой, мы подпрыгнули, столкнувшись с ним, нас занесло в сторону, но мы тем не менее попали в ворота, лишь зацепив ступицей стену. Я услышал звук выстрела, но не осмелился обернуться.

Мы прогромыхали по переулку и выехали на более широкую улицу Сент-Оноре, слушая проклятия, которыми осыпали нас в спину посетители Пале-Рояля, и наблюдая, как разбегаются пешеходы впереди нас. Громадина Лувра утесом возвышалась в темноте. Париж в любое время дня и ночи представляет собой полный бардак в плане уличного движения, в котором кареты и

телеги блокируют полосы, а лошади сдают задом, мочась на мостовую. Вскоре мы уперлись в процессию из карет и повозок, а наши лошади начали путаться в упряжках. Выпустив вожжи из рук, я обратился к своим компаньонам, сидящим на повозке, как на жердочке.

– Теперь пора, бежим! – Нам надо было спрятаться, чего бы это ни стоило.

В этот момент перед нами возник блеклого вида мужчина с черной тростью в руке, от которого веяло уверенностью и властью. Он поднял руку и просто сказал:

– Отнюдь, я приказываю вам стоять, месье Гейдж.

– Стоять?

– Боюсь, вы арестованы.

Вокруг нас тотчас собралась добрая дюжина жандармов. Мы сбежали от Ложи египетского обряда лишь для того, чтобы угодить в лапы парижской полиции.

– По чьему приказанию? – шумно спросил я, блефуя.

– По приказанию Первого консула Наполеона Бонапарта.

Глава 5

– Арестованы? – Я лихорадочно соображал. – Мы просто пытались скрыться от каких-то грабителей, которые пытались поймать нас в западню.

Я обернулся, почти надеясь увидеть ковыляющего за нами Озириса, но дорога была пуста.

– И принести воды. Мои компаньоны – уважаемые ученые.

Фултон посерел от дыма и пыли, а все еще пьяных Кювье и Смита шатало из стороны в сторону. Наша одежда была изодрана, наше достоинство – разорвано в клочья.

– Месье Гейдж, вы арестованы не за ваш побег.

Откуда этому полицейскому известно мое имя?

– Тогда за что же?

– За сношения с британцами, пока вы находились в составе французской дипломатической миссии Талейрана в Северной Америке, – ответил он холодно. – Вы нарушили прямые указания французского правительства, что неудивительно с учетом вашей службы на стороне британцев против французских сил в Святой Земле в девяносто девятом году. Добавим к этому подрыв моральных устоев уважаемых ученых мужей и потворство проституции, которая, в конце концов, все еще вне закона. За незаконное потребление вашими коллегами наркотиков в борделе. За поджог, подстрекательство к бунту, уничтожение чужого имущества, наезд на пешехода, кражу пожарной кареты и нарушение правил дорожного движения.

Я облизал внезапно пересохшие губы.

– Все это я могу объяснить.

– Боюсь, объяснять вы это будете уже не мне.

– С кем имею честь?

– Ах, да, – он поклонился, – министр полиции Жозеф Фуше к вашим услугам.

Его глаза были сонными, но внимательными, рот застыл в выражении глубокого скепсиса, а поза была небрежной, но сторожкой, словно у фехтовальщика, готового к схватке. Он производил впечатление человека, который вряд ли поверил бы любым моим словам, и то, что я знал о нем, не внушало мне особого оптимизма. Именно он раскрыл заговор, члены которого безуспешно пытались взорвать Наполеона бочкой с порохом в рождественский сочельник 1800 года; это он отправил на казнь ключевых роялистов и воспользовался этим предлогом для того, чтобы выслать сотню французских анархистов на Сейшельские острова.

– Сам Фуше? И вам есть дело до таких туристов, как мы?

– Месье, мне есть дело до всех, везде и всегда. Включая виновного в убийстве проститутки около четырех лет назад…

– Я не имею ничего общего с этим! – Некоторое время назад меня безосновательно обвиняли в совершении этого преступления, о чем стало известно в определенных кругах, но я думал, что Наполеон похоронил это дело. – Предупреждаю вас, что я лично знаком с господином Первым консулом! – Я поднялся на ноги. – Я герой победы французской армии при Маренго, участвовал в заключении Морфонтенского договора[2]. Я также являюсь личным представителем президента Соединенных Штатов господина Джефферсона.

– Да, да, знаю. Лично я бы предпочел просто бросить вас за решетку, а потом и на гильотину, но Наполеон все еще считает, что вы можете сослужить ему службу. Правда, не знаю как – с учетом того, что вы только что чуть не сожгли себя. – На его лице не отразилось ни намека на юмор. – Насколько я понимаю, вы давно ищете аудиенции с Первым консулом. Ваше нелепое представление только что предоставило вам такую возможность; правда, повестка вашей встречи будет не той, что вы желали.

Троица за моей спиной пыталась следить за нитью нашего разговора с выражением изумления и замешательства на лицах.

– По крайней мере, отпустите моих спутников, – сказал я, – это все моих рук дело.

– Ваши друзья, Итан, – это единственная причина, по которой я спасаю вас, – произнес он и резко выкрикнул: – Заковать их, пока они не задавили кого-нибудь еще!

Вовсе не так я намеревался встретиться с Бонапартом, считая себя истинным дипломатом. Он действительно страдал привычкой встречаться с людьми только тогда, когда это было удобно ему, дабы использовать встречу для собственной выгоды. Нас повели к тюремной карете, и меня озарила вся странность этого совпадения – сам министр полиции Франции, человек, властью и наводимым ужасом уступающий только самому Наполеону, случайно оказался у ворот Пале-Рояля в тот самый момент, когда я выставил себя полным дураком. А не было ли какой-либо связи между таинственным Озирисом или коварной Маргаритой и не менее загадочным Фуше?

– Итан, какого черта? – спросил Фултон, когда решетчатая дверь с лязгом захлопнулась, и мы рывком двинулись с места.

– Все это часть нашего визита, – ответил я туманно, – мы едем на встречу с Бонапартом. Ведь вы хотели аудиенции с ним, не так ли?

– Но не как преступник! Говорил же я вам, не стоило нам

красть пожарную карету!

– Вы должны чувствовать себя польщенным. Нас арестовал сам Фуше.

– Но из-за чего?

– Из-за меня, по большей части.

Двое других ученых мужей были все еще одурманены и вряд ли осознавали, что нас только что арестовали, и я понимал, что мне придется просить Бонапарта освободить их, в результате чего я буду в долгу перед ним. Вкратце, Первый консул приберег мою встречу с ним до того момента, когда я окажусь в его милости. Думаю, именно подобные тактические маневры сделали его правителем Франции, а меня – нет.

Наша карета, снабженная крошечными окошками лишь для того, чтобы не задохнуться, петляла по улочкам Парижа в самый темный час ночи. Сквозь маленькие отверстия я то и дело узнавал знакомые здания и сооружения, разбросанные по городу, который представлял собой сборную солянку и лишь начинал оправляться от революции. Благодаря бегству роялистов и недавней экономической депрессии население города упало на сотню тысяч, до уровня немногим более миллиона. Экономика возрождалась только при Наполеоне.

По нашему направлению на запад я без труда разгадал, куда мы направляемся.

– Мы едем в его замок в Мальмезоне, – объявил я спутникам, – и это хорошие новости. Нас не увидит никто из ваших знакомых.

– И никто не увидит нашего исчезновения, – пробормотал Кювье, начинающий приходить в себя.

– Мальмезон? Плохой дом? – перевел Смит.

– Это лишь название квартала в память о нападении викингов в далеком прошлом, Билл. Не исключено, что это были именно ваши предки.

– Ба! Они и Англию тоже оккупировали; а пришли эти нормандцы, кстати, из Франции.

Париж, как всегда, являл собой мешанину дворцов, переполненных домов, овощных грядок и грязных пастбищ. Единственными людьми на улицах в столь поздний предрассветный час были водоносы, несущие ведра домой от редких городских фонтанов. Среднестатистический парижанин обходится одним литром воды в день, и одной из причин растущей популярности Бонапарта было то, что он начал решать проблему нехватки воды.

Мои компаньоны, наконец, заснули.

Покинув переполненный центр Парижа, мы оказались на

более зеленой периферии города, затем проехали через городскую стену Фармер-Женераль, построенную Луи XVI для борьбы с контрабандой, затем пересекли дугу Сены и въехали в пригороды, состоящие из деревень, поместий и охотничьих угодий. Где-то к югу от нас располагался Версаль, догадался я.

Наконец спустя час после рассвета мы прибыли в новый дом Первого консула к западу от города. С момента захвата власти всего три года назад Наполеон жил то в Люксембургском дворце, то во дворце Тюильри и потратил более полутора миллионов франков на ремонт старого замка Сен-Клу. Пока же он частенько сбегал из шумного города в это поместье, которое Жозефина приобрела, пока он был в Египте. Поначалу Бонапарт был в ярости от ее покупки, но прошло время, и он стал теплее относиться к сельскому очарованию Мальмезона.

Мы проследовали вдоль высокой каменной стены к железным воротам, охранявшимся солдатами, и стоило Фуше шепнуть пару слов, как мы оказались на гравийной аллее между двумя рядами лип. Когда нас, наконец, выпустили на воздух, окостеневших, неопрятных и мающихся похмельем, нашему взору предстало произведение тонкого вкуса Жозефины. Если вкус ее мужа сводился к помпезности и пышности, проявлявшимся в его излюбленных военных парадах, то Жозефина тяготела к прекрасному.

Мальмезон представлял собой красивый замок во французском стиле, отделанный желтой лепкой, со светло-голубыми ставнями и покрытой шиферными плитками крышей. Его длинный прямоугольник имел ширину лишь одной залы, благодаря чему в публичных местах свет проникал сквозь окна с обеих сторон. Повсюду виднелись декоративные деревья в невысоких зеленых горшках, а под окнами разворачивалось настоящее буйство многочисленных цветов, которые срезали, чтобы наполнить ими несчетное количество ваз внутри замка. Из парка доносилось щебетание птиц.

– У нас аудиенция у Первого консула, – объявил Фуше какому-то воинственного вида мужчине с косами, подпоясанному широким кушаком и обутому в черные лакированные туфли.

– Он уже у пруда. Сдается мне, он никогда не спит. Сюда.

Мы ступили в залу с римскими колоннами и огляделись. Столовая была украшена фресками, изображающими помпейских танцовщиц, что было весьма ожидаемо, так как Жозефина была большим поклонником недавних раскопок в этой груде пепла. Полки были заставлены римскими артефактами. По другую сторону от входа располагалась бильярдная, а за ней – помпезная приемная с дорогими креслами, украшенными вышивкой,

подлокотники которых были исполнены в виде крылатых египетских богинь. Комната представляла собой дань приключениям Бонапарта в стране пирамид. По флангам камина висели две больших мелодраматичных картины.

– Одиссей? – неуверенно спросил я.

– Оссиан[3], – ответил Фуше. – Любимый поэт Первого консула.

Мы перешли в грандиозный музыкальный зал с арфой, пианино и множеством портретов французских предков, выглядевших так, словно они все поголовно страдали от запора. Утреннее солнце, словно мед, растекалось по теплому дереву полов, а мраморные глаза римских генералов следили за нами тусклым взглядом.

– Наверху есть еще одна зала для встреч, убранная тканью, где возникает ощущение, словно находишься в палатке в восточном походе, – добавил полицейский, – а мебель украшена резьбой в виде египетских божеств и нубийских принцесс. Просто поражает воображение.

– Похоже, мебель – его слабость, не так ли?

– Бонапарт считает, что даже кресло может воспевать его.

Смит медленно обернулся.

– Совсем не похоже на британскую тюрьму, – с восхищением произнес он.

– Французы любят опрятность.

Мы вышли из замка сквозь стеклянные двери и проследовали по гравийной дорожке по направлению к пруду, питаемому небольшой речушкой. В этом маленьком раю Жозефины порхали бабочки, овцы мирно щипали траву, а павлины важно выхаживали по аллеям и газонам. Мы уже почти достигли декоративного озерца, когда услышали звук выстрела.

– *Наполеоооооон!* – раздался из высокого окна апартаментов позади нас протестующий женский голос, ответом которому стал лишь еще один выстрел.

Мы прошли сквозь строй деревьев и оказались среди дюжины ассистентов, офицеров и прочих приспешников – живых доказательств того, что великие люди редко остаются наедине с собой. Один слуга перезаряжал ружье, пока Наполеон поднял второе ружье и прищурился, метясь в сторону стайки лебедей, плавающих и хлопающих крыльями у противоположного берега пруда.

– Я промахиваюсь нарочно, – объяснил он остальным, – однако не могу отказать себе в удовольствии подразнить Жозефину.

Он прицелился и выстрелил, но пуля попала в воду, не

долетев до птиц. Лебеди снова взволновались.

– Наполеооон, прошу тебя! – снова раздался женский визг.

– Здесь повсюду лебединое дерьмо, – пояснил он, – у нее их слишком много.

Фуше сделал шаг вперед.

– Прибыл американец Гейдж, – объявил он. – Как вы и предсказывали, он попал в неприятности.

Глава 6

Бонапарт обернулся с присущей лишь ему энергетикой в каждом движении, с твердостью несомненного командира, которая страшила и одновременно воодушевляла людей. Все та же копна темных волос, яркие серые глаза, желтоватая кожа, несколько необычная для солдата корсиканского происхождения (слегка желтоватый оттенок, подумал я, мог быть признаком какого-то недуга), и все то же электрическое напряжение, как и в прошлом. Он слегка пополнел за последние два года – никакого лишнего жира, но худоба молодости покинула его. Наполеон имел мускулистое зрелое тело тридцатидвухлетнего солдата, слишком часто вкушающего яства государственных банкетов. Его волосы были причесаны вниз в римском стиле, скрывая уже начавшую подниматься линию волос, словно он жил и старился быстрее большинства других мужчин. Во взгляде чувствовался расчет, но и некое подобие развлечения.

Он изобразил удивление на лице, глядя на французского ученого.

– Кювье, и вы туда же?

– Первый консул, я даже не помню, что произошло. Мы шли за Гейджем. Я потерял сознание и очнулся посреди катастрофы…

– Как я вас понимаю. Мне и самому доводилось встречаться с этим американцем. – Он покачал головой и с легкой неприязнью взглянул на Фуше, словно жалея, что тот ему был нужен. Но тот, несомненно, был ему нужен, если, конечно, Бонапарт хотел остаться во власти. – Ученым мужам ваших способностей стоит подумать дважды, прежде чем соглашаться на услуги Гейджа в качестве проводника в стан порока. Я не знаю иного человека, который притягивал бы столь же много неприятностей. Или выходил столь же часто сухим из воды. – Он взглянул на меня в упор. – Когда мы встретились в прошлый раз, вы как раз выползали из пруда в Морфонтене с настоящим пожаром на голове. Я отправил вас в Америку с тем, чтобы вы подальше держались от моей сестры. И чему полезному вы там научились?

Я моргнул, пытаясь собраться с мыслями. Кто же я здесь – пленник или дипломат?

– Луизиана невообразимо огромна и невообразимо далека отсюда, – ответил я. – Она населена жестокими индейцами, а британцы жаждут заполучить ее себе. Если у вас нет армии, чтобы удержать ее, она скорее бремя, нежели преимущество. Я бы предложил вам продать ее Соединенным Штатам, чтобы она не попала в руки англичан. – Я повернулся. – Простите, Смит.

Геолог моргнул.

– У меня, если честно, нет мнения на эту тему. Слишком далеко от моих каналов.

– Но у меня *есть* армия в Сан-Доминго, если, конечно, Леклерк еще не потерял ее из-за болезней и чертовых негров, – ответил Наполеон. – А что вашей стране с Луизианы?

Я пожал плечами.

– Джефферсон считает, что пока есть что пахать, все должны быть землепашцами.

– А там есть что пахать?

– В конце концов, она свободна от деревьев и напоминает собой степь. Погода просто ужасна, так что я даже не знаю.

Бонапарт вздохнул.

– По крайней мере, вы не говорите мне того, что, по вашему мнению, я хочу услышать. Кстати, Гейдж, это единственная причина, по которой я давным-давно не пристрелил вас. А эти ученые… это ведь специалисты по костям и камням?

– Да, Первый консул. Мы отправились в Пале-Рояль ради забавы, но нас заманили в бордель. Мы вошли внутрь лишь для того, чтобы оценить его внутреннее убранство, но затем случился пожар…

– Который вы собственноручно устроили. Отчет Фуше прибыл сюда раньше его самого. Я задал этот вопрос вашим друзьям, Гейдж, а не вашей глупости.

– Фултон…

– Да, да, я все знаю про его чертову ныряющую лодку. Может, у него и был бы шанс с британскими моряками, если б он смог их поймать.

– Были бы дополнительные средства для технологических усовершенствований… – начал было Фултон с энтузиазмом.

– Довольно, я сказал! – Это походило скорее на военный приказ, и ученый мгновенно закрыл рот. – Вы, Гейдж, пытались выведать что-нибудь о вашей прошлой любовнице, не так ли?

Фуше точно следил за нами, если, конечно, это не он организовал все события прошлой ночи, чтобы выставить меня дураком. Я вздохнул.

– Вы помните Астизу, Первый консул? Вы нас обоих хотели пристрелить тогда в Тюильри.

– Ох уж эти женщины, – Наполеон бросил взгляд через плечо в направлении замка. – Жозефина разводит грязь по всему поместью со своими чертовыми лебедями, которых я пригрозил пристрелить, но она умоляет меня, я иду на уступки, а дерьма становится только больше, я достаю свои ружья, однако, в конце концов мы примиряемся друг с другом… – Он улыбнулся

воспоминанию. – Женщины по своей природе должны быть собственностью мужчин, но в реальности это мы их рабы, не так ли?

– Думаю, даже Жозефина не осмелится назвать вас рабом, Первый консул.

– Не забывайте, что вы связаны со мной договором. Я выдал вам двести долларов и ясные инструкции, но вместо того, чтобы следовать им, вы проводите бóльшую часть своего времени в Северной Америке с британцами, как и в Святой Земле, кстати. Гейдж, вы их шпион? И что у вас общего с этим английским каналокопателем Смитом? Что есть такого в алчном народе пиратов и лудильщиков Смита, что делает их компанию столь приятной для вас?

– Пиратов и лудильщиков? – запротестовал Смит.

– Первый консул, тем не менее я вернулся в Париж, – прервал его я. – В итоге мне пришлось драться с той английской парой, что я встретил в Америке, вместо того чтобы быть на одной стороне с ними. Они оказались членами той самой вероломной Ложи египетского обряда, о которой я многократно предупреждал вас в пирамидах. Теперь я столкнулся с ними и в Пале-Рояле и считаю, что они – заговорщики, которых вам стоит опасаться. И то немногое, чему я научился у британцев, говорит мне, что было бы легче продать Луизиану, чем попросту потерять ее.

– Хм, – Наполеон снова прицелился в лебедей, но стрелять не стал и передал ружье обратно слуге. – Что ж, теперь у меня для вас новая миссия, и если вы поможете мне, тогда, быть может, я рассмотрю ваши аргументы насчет продажи, что должно осчастливить Джефферсона. – Он повернулся к моим компаньонам. – Вас, господа, арестовали благодаря неразумности Итана Гейджа. Этот человек – умнейший идиот из всех, что я знаю. Но я готов предложить вам снисхождение и тихое очищение вашего имени от порочных связей со шлюхами и употреблением наркотиков. Я хочу, чтобы вы отправились в плавание на греческий остров Тира с тем, чтобы проверить один необычный слух.

– Тира! – воскликнул Кювье.

– А ваше участие в качестве ученых должно помочь вам замаскировать в глазах османов вашу истинную задачу, которая заключается в том, чтобы изучить отношение греческих патриотов к идее восстания против турок. Мы потеряли Египет и Ионические острова, а чертовы британцы отказываются эвакуировать Мальту, как того требует наш новый мирный договор. Но Греция в качестве нашего союзника будет настоящим шипом в заду Стамбула, Австрии и англичан, зато розовым

цветком для нас. Все, что нам нужно, – это стабильный союзник, и у меня есть на примете один человек, бунтарь от науки по имени Иоаннис Каподистриас. Вы должны встретиться с ним под прикрытием археологической экспедиции и проверить, могут ли французы спровоцировать восстание.

– А разве не это вы пытались сотворить в Ирландии? – напомнил я ему не вполне дипломатично.

– В этот раз все получится.

– А что за археологическая экспедиция, позвольте спросить? – Если я и казался излишне настороженным, то лишь оттого, что археология ассоциировалась у меня с толстыми дверьми, обрушающимися на меня тоннелями и ощущением неминуемой смерти без воздуха под водой. Пирамиды и храмы, знаете ли, оставляют неизгладимые воспоминания.

Ответил Фуше:

– Как министр полиции, я обязан следить за всеми группами, которые могут представлять собой потенциальную опасность для государства, включая Ложу египетского обряда. Один из моих следователей узнал, что вы интересовались у своих ученых коллег в Париже об острове Тира как раз в то время, когда эти ренегаты – свободные каменщики – скупали все книги и карты острова.

– Но мне известно лишь название этого острова, ничего более.

– Постараюсь поверить вам на слово. Хотите сказать, что тот факт, что столь пристальное внимание уделяется какой-то туманной скале в Эгейском море, – это лишь невероятное совпадение? Прибавьте к этому то, что вы, Итан Гейдж, возвращаетесь из Америки после тесных сношений с британцами – и находите американского изобретателя Фултона, британского маркшейдера Смита и французского эксперта по древним катаклизмам. Попахивает заговором. А идея воспользоваться борделем для прикрытия просто гениальна.

– Но нас заманила туда мадам Маргарита.

– Полноте, Гейдж, мы слишком хорошо друг друга знаем, чтобы вы вот так прикидывались дураком передо мной, – прервал меня Наполеон. – Весь этот фарс насчет путаницы и неразберихи, конечно, очень интересен, но вы постоянно оказываетесь в гуще любой загадки и заговора. Я также не верю в то, что ваши уважаемые друзья стали бы иметь дело с таким плутом и прожигателем жизни, как вы, если б они не надеялись каким-то образом нажиться на этом. Вы сталкиваетесь с Ложей в подвалах Пале-Рояля, устраиваете пожар, провоцируете бунт, переезжаете каретой своих конкурентов, и при этом вы в полном неведении?

Мы все понимаем, что, должно быть, вы напали на след того, о чем давно уже ходят слухи.

– Первый консул! – вскричал Кювье. – Клянусь, я ничего не знаю о его планах!

– Конечно, не знаете, – сказал Бонапарт мягко, – Гейдж просто использует вас. Использует всех вас. Он хитрый шельмец, мастерский интриган, и если б он был французом, я не сомневаюсь в том, что Фуше уже давно завербовал бы его для службы в полиции. Не правда ли, министр?

– Даже сейчас я не до конца понимаю его мотивы и то, на чьей он стороне, – признался Фуше.

Я, конечно же, не имел ни малейшего понятия о том, что передо мной происходило, и никак не мог решить, оскорбиться мне или гордиться этим новым моим описанием как умнейшего и хитрейшего мастера интриг. Все, что стояло перед моими глазами, это слово «Тира» на обрывке золотого свертка посреди диких американских степей – по словам моего отошедшего в мир иной компаньона Магнуса Бладхаммера, это был лишь артефакт тамплиеров, и ничего больше. Тем не менее, если полиция столь умна, может, и мне удастся выудить из них какую-либо информацию.

– Я также ищу Ог, – решил я испытать удачу. Это слово тоже было написано на золотой фольге того свитка, пока Аврора Сомерсет не превратила все в самый настоящий катаклизм. Кстати, именно из-за этой женщины я зарекся общаться с прекрасным полом.

Услышав это слово, Фуше застыл на месте и подозрительно посмотрел на меня. Кювье тоже смотрел на меня с нескрываемым любопытством. Наполеон же побелел.

– Что вы сказали? – спросил Первый консул.

– Ог. – Даже мне это слово показалось глуповатым.

Первый консул вопрошающе взглянул на моих незадачливых компаньонов, затем обратился ко всем остальным:

– Сдается мне, нам с месье Гейджем нужно минутку побыть наедине.

Глава 7

Мы отошли от сопровождавших шагов на пятьдесят и остановились на берегу пруда, достаточно далеко, чтобы никто не мог нас подслушать.

– Где вы слышали это слово? – резко спросил Наполеон.

– В Америке.

– В Америке? Но как?

Я вздохнул. Это будет моей первой попыткой рассказать о том, что там произошло, и я не мог ожидать, что мне кто-нибудь поверит.

– Возможно, вы помните норвежца по имени Бладхаммер, который находился в Морфонтене с визитом, когда мы праздновали подписание договора между Францией и моей страной, – начал я. – Он обнаружил одно место в Луизиане, далеко за передовой границей, полное скандинавских артефактов. – Я решил не углубляться в детальное описание того жуткого места. – Одним из артефактов был золотой металлический лист, скрытый в гниющем щите, на котором было начертано это слово. Оно запало мне в память именно потому, что так странно звучало.

– Что еще было там начертано?

– Надпись была на латыни, которой я не владею. Я смог разобрать лишь несколько слов, прежде чем началась драка, в которой свиток был уничтожен. Все это произошло, пока я боролся с британкой из Ложи египетского обряда. Если честно, это весьма длинная история, – я решил не упоминать, что и она в свое время была моей любовницей. – Как я вам и говорил, я дрался с британцами, а не шпионил для них.

– Значит, вы не знаете, что это означает.

– Нет. А вы?

Он нахмурился и бросил взгляд по другую сторону пруда. Свита помощников и полицейских любопытно поглядывала на нас с расстояния, завидуя моему столь неожиданному сближению с их вождем.

– Гейдж, – наконец сказал он, – вы когда-нибудь слышали о Красном карлике?

При упоминании Наполеоном этой любопытной французской легенды у меня возникло странное ощущение, будто кто-то наблюдает за мной из окошка чердака этого красивейшего замка. Я обернулся, но, конечно же, не увидел никого: маленькие прямоугольные слуховые окна были темны и пусты. Жозефина также удалилась внутрь.

– Я слышал слухи. Кто их не слышал?

– Вы верите в сверхъестественное?

Я сглотнул.

– Мне доводилось видеть странные вещи.

– Красный карлик – это существо, напоминающее гнома, скрытое под красным плащом с капюшоном. Его лицо всегда в тени, но он очень невысок, и у него длинные скрюченные коричневые пальцы. Иногда можно заметить отблески в его глазах. Внимательных глазах. Очень неудобных глазах, которые знают слишком много.

– Вся Франция знает эту сказку, но это не более чем сказка.

– Нет, он действительно существует. Впервые он явился Катарине де Медичи и, по слухам, живет в основном на чердаке дворца Тюильри, который она и построила. Он временами являлся французской знати, обычно в кризисные времена. Я тоже считал его басней, мифом, страшилкой для детей. Но затем я сам увидел его в Египте.

– Генерал! – не выдержал я.

Он кивнул, погруженный в воспоминания.

– Я никогда не был так напуган, как тогда. Это произошло незадолго до Битвы у пирамид. Он очутился в моей полевой палатке в самый темный ночной час, когда я уже измотал всех своих помощников и единственный не спал. Я только что узнал о неверности Жозефины и, не находя себе места от ярости и печали, не мог заснуть.

Я вспомнил, как однажды в Египте Жюно дал мне это неблагодарное задание – известить генерала о неверности его жены, доказательством которой стали украденные кем-то письма, присланные из Франции.

– Любой врач сказал бы, что это была галлюцинация. Но это создание говорило о будущем, говорило таким глубоким и лукавым голосом, который мне не приходилось более слышать ни до, ни после той ночи. Гейдж, он не из нашего мира, но он столь же реален, сколь реальны ваши три ученых там, у пруда. И затем он начал пророчествовать.

В тот день в Египте Наполеон был действительно сам не свой.

– Позднее у меня были схожие видения в Великой пирамиде… вы помните, когда я лежал в саркофаге? Весьма тревожные видения, я вам скажу. В любом случае Красный карлик обещал мне не менее десяти лет успеха в достижении того, чего я должен был достичь, и именно поэтому я был так озадачен своим проигрышем вам и несгибаемому Сиднею Смиту при осаде Акры. Я не должен был проигрывать! Но в конце концов я и не проиграл, поскольку мое поражение вернуло меня обратно в

Париж, чтобы взять все в свои руки, благодаря вашему Розеттскому ключу. Красный карлик и здесь не ошибся.

Так что же, я всего-навсего слепой инструмент судьбы, провоцирующий события, о которых я не имел ни малейшего понятия?

– А как это связано с Огом?

– Существо сказало мне искать его руины, так как на кону стоит машина огромной мощи, и если она попадет не в те руки, это может изменить мою судьбу.

– Какие руины? Где?

– Я распорядился о проведении исследования этого вопроса. Похоже, в Библии содержатся ссылки на Гог и Магог, которые некоторыми интерпретируются как острова на краю Земли. Ог же в кельтской мифологии означает далекое, великое королевство. Не исключено, что когда-то существовал какой-то общий, корневой язык.

Магнус в свое время верил в существование канувших в Лету цивилизаций и забытых сил.

– Мне сказали, что этот аппарат каким-то образом связан с Огом. Красный карлик сказал, что он и ранее в критические моменты истории предупреждал французских лидеров об опасности и что я должен запомнить это слово, так как однажды мне предстоит снова услышать его. Я запомнил его звучание, Ог, потому что оно действительно странное, но я не слышал этого слова до сегодняшнего дня. – Он пристально посмотрел на меня. – И услышал его от вас.

Холодок прошел у меня по позвоночнику.

– Я не знаю никаких красных карликов.

– Но вы умеете находить древние артефакты, и сама судьба вновь и вновь сводит нас вместе. Вы – агент судьбы, Итан Гейдж, и именно поэтому я все еще заинтригован вами. Я никому не говорил об Оге, да и о Красном карлике упоминал всего пару раз, но, несмотря на все это, именно вы пришли ко мне с этим словом. Вы, заблудший американец.

– Я просто прочел его. У меня не было времени сообразить, что оно означает.

– Значение! Иногда мне кажется, что я столь же безумен, сколь безумны мои братья.

Странное семейство Наполеона являлось источником нескончаемых слухов в Париже, и чем больше он пытался возвысить их до ответственных постов, тем более остроумными становились попытки общественности каталогизировать их неудачи и недостатки.

– Мой старший брат Жозеф желает лишь богатства, но при

этом он достаточно предан мне, – сказал Бонапарт. – Люсьен корыстен и завистлив, а Жером, по слухам, безумно влюблен в дочь какого-то судовладельца из Балтимора. Балтимора! – Он произнес это слово так, словно Балтимор представлял собой какое-то варварское логово. – Прошлым январем я заставил Луи жениться на дочери Жозефины, Гортензии, но Луи не в восторге от женщин, а Гортензия влюблена в одного из моих помощников. Ночь перед свадьбой она провела в слезах.

Я не знаю, зачем он рассказывал мне об этом, но, должен признать, временами мужчины делятся со мной своими секретами потому, что считают меня ничего не значащей фигурой. Конечно, парижские слухи были гораздо более едкими, чем то, что я только что услышал. Брат Наполеона Люсьен распустил слух о том, что Наполеон настоял на браке Гортензии и Луи потому, что сам Наполеон, ее отчим, обрюхатил ее в отчаянной попытке зачать наследника. По слухам, брак Гортензии помог бы легитимизировать потенциального преемника. Гортензия была беременна, вне всяких сомнений, но вопрос о том, кто и когда помог ей в этом, оставался предметом для спекуляций. Мне хватало ума не спрашивать об этом.

– Вы вовсе не безумны, – сказал я с сопереживанием в голосе, дабы снискать его расположение. Я могу быть бесстыднейшим из льстецов, когда нужно. – Вы лишь несете бремя правления.

– Да, да… Ах, Гейдж, вы даже не представляете, насколько вы беззаботны, насколько лишены всяческой ответственности.

– Но я пытаюсь повлиять на будущее Луизианы.

– Забудьте вы о Луизиане. С ней ничего не произойдет, пока не будет разрешена ситуация в Гаити. Негры всё борются и борются… – Он нахмурился. – А теперь вы приносите с собой воспоминания о том гноме. Он прошел в мою палатку, миновав всю охрану. Его плащ тянулся за ним по полу, оставляя следы, напоминающие змеиные.

Его глаза были пусты, голос, казалось, доносился издалека.

– Но мы не знаем, где находится Ог.

– Знаем. Знатоки связывают слово Ог с Атлантидой.

– С Атлантидой? – Мне кажется, или на золотой фольге было начертано и это слово? – Что это значит?

Конечно, я слышал об этом – Магнус Бладхаммер рассказывал мне о ней в Америке, ученые лбы все спорили о ее месторасположении, и мы даже спекулировали на тему того, не источник ли это загадочных медных шахт, но я не был уверен в деталях.

– Об Атлантиде мы знаем из рассказов Платона – некое сказочное королевство, названное в честь атлантов и

уничтоженное землетрясением. Легенда гласит, что королевство отличалось высоким уровнем развития и стремилось к распространению своего влияния на весь мир. По общему мнению, оно располагалось где-то далеко, вероятно, как и Ог. За Гибралтаром, который древние греки величали Геркулесовыми столбами.

– И что общего между Огом и Тирой?

– Не исключено, что они не так далеки друг от друга, как некоторые считают. Мои географы говорят, что на побережье Греции есть место, также именуемое Геркулесовыми столбами. В Египте мои ученые упоминали о Тире как об источнике катаклизма столь великого, что именно он повлек за собой легенды об Атлантиде. А что, если этот остров и был тем сказочным королевством? Что, если его разрушение потопило и Атлантиду?

Потопило Ог? Это название, вероятно, происходит из языка, на котором, возможно, говорили полумистические существа, подумал я, углубившись на мгновение в воспоминания о моих прошлых приключениях. Воспоминания о полубогах по имени Тот или Тор, по чьим следам я шел. Спекуляции о наших мистических предках, нынче живущих лишь как боги или легенды, возникали вновь и вновь. Так откуда же возникли мы или наша цивилизация?

– Это лишь миф, – прервал мои раздумья Наполеон. – Или не миф? А что, если этот Ог или Атлантида действительно существовали и оставили позади себя что-то, чем так хочет завладеть зло? В последние десятилетия было проведено множество судорожных исследований древних легенд благодаря популярности масонства и новых археологических находок. Некоторые из артефактов действительно были обнаружены. – Я думаю, он имел в виду Книгу Тота, которую в свое время стащил ваш покорный слуга. – Так что же еще не найдено? Откуда столь неиссякаемая энергия Ложи египетского обряда в поисках того, что они ищут? Я ни во что не верю, но в то же время не могу позволить себе не верить. Подобные вещи могут предопределять исход сражений, судьбу династий или войн. И я вновь лицом к лицу с вами.

Я сглотнул, вспомнив молот Тора – миф, который чуть не поджарил меня заживо.

– Вы хотите, чтобы я нашел истину в отношении этих мифов?

– По некоторым сообщениям, на Тире, острове, не имеющем ни малейшего политического значения, покоятся некие секреты.

– Мои коллеги считают, что данный остров обладает геологической значимостью.

– Именно поэтому вы здесь, а не за решеткой. Пойдемте, побеседуем с остальными, но ни слова о моем Красном карлике. Если вы расскажете кому-либо о сегодняшнем дне, я пристрелю вас.

– Секреты – это моя специальность.

Бонапарт скептически смерил меня взглядом, но, в конце концов, какой у него был выбор? Мы оба были плутами, объединенными общими интересами. Мы повернули назад. Наполеон шел, сложив руки за спиной, словно пытаясь контролировать свое нетерпение. Мои ученые коллеги смотрели на меня с возросшим уважением после разговора тет-а-тет с Первым консулом.

– Мы обсуждали басни Платона об Атлантиде, – объяснил Бонапарт остальным.

– Только вот некоторые ученые считают, что она реальна, – вставил Фуше. На его лице читалась сонная внимательность кота, и его мозг, должно быть, просчитывал все возможные варианты истины и обмана, словно целая контора счетоводов. – И что она, вероятно, оставила нечто после себя.

– Что, как это ни маловероятно, вам и предстоит изучить, – сказал нам Наполеон резко, потирая руки, словно пытаясь согреться. – По слухам, это нечто может скрываться на данном острове. В то же время, если я направлю на Тиру военную экспедицию, это может спровоцировать войну с османами, которая мне сейчас не нужна. Но группа ученых? Кто вообще обратит внимание на их возню? Если вам повезет, вы проникнете на остров и покинете его незамеченными. Если же нет, то вы попросту в экспедиции на старый вулкан. Они сочтут вас безвредными эксцентричными академиками.

– Так о каком объекте идет речь? – спросил Кювье.

– Он заинтересует Фултона, – ответил Фуше. – По слухам, это грозное оружие из древних времен или хотя бы знания о том, как его построить. Природа данного оружия не вполне ясна, но поговаривают, что страна, заполучившая его, будет контролировать все Средиземное море, а может быть, и весь мир.

– Хотите сказать, что это какое-то древнее орудие войны?

– Да.

– Хотелось бы на него взглянуть. – Фултона тянуло к машинам так же сильно, как меня – к женщинам.

– Когда мы узнали, что Ложа египетского обряда ищет встречи с Итаном Гейджем, мы поняли, что нужно действовать. Крайне важно, чтобы мы узнали правду об этих слухах, прежде чем нечто ужасное попадет не в те руки.

– Например, в английские руки? – вздорно спросил Смит.

– Я говорю об этом культе, планы которого, похоже, идут вразрез с планами всех цивилизованных наций. Хотя мы и предпочли бы не включать вас в состав экспедиции, месье Смит, вопрос здесь гораздо выше соперничества между англичанами и французами – это союз во имя более высокой цели. К тому же Гейдж не оставил нам никакого выбора после того, как затащил вас в этот чертов Пале-Рояль. И теперь, боюсь, вам придется недолго посотрудничать с французским правительством в этой охоте за знаниями. В конце концов, между нами заключен мир.

– Но мой бизнес в Британии!

– По моим данным, вы безработный.

– Но не настолько, чтобы хотеть отправиться в Грецию.

– Мы – ваш новый работодатель.

– А если я откажусь?

– Что ж, тогда нам придется задержать вас как шпиона, пока этот вопрос не будет решен. Но если вы решите сотрудничать с нами, это может положительно сказаться на вашей карьере геолога. Мы знаем, что Королевское общество игнорирует ваши труды…

– Минутку, – вмешался Фултон, – меня, может, и интересуют древние механизмы, но у меня нет ни малейшего интереса ни к этой Тире, ни к Огу!

– Будет, если вы хотите, чтобы французы проявили интерес к вашей вычурной идее паровой лодки, – ответил Наполеон. – Своим «Наутилусом» вы исчерпали все наше терпение, да и бюджет тоже, но если вы поможете нам в этом деле, мы будем готовы вновь рассмотреть эту вашу штуковину.

– О! – только и смог вымолвить Фултон.

– А вы, Кювье, сопроводите этих джентльменов как истинный патриот Франции, чтобы придать этому квартету галльскую логику и целеустремленность. Вы – руководитель и казначей данной экспедиции. Если вы, конечно, не предпочитаете позор, увольнение из института и потерю Министерства образования.

– Первый консул, я желаю лишь вернуть свою честь. Нам, ученым мужам, необходимо заботиться о своей репутации, в отличие от Гейджа. Мне искренне жаль, что я связался с подобной шпаной, но, быть может, все еще можно обратить эту историю во благо.

– А как же я? – спросил я, несколько обиженный тем, что никто не оспорил эпитет вроде «шпаны» в мой адрес.

– По словам мадам Маргариты, состоящей на нашей секретной службе, тот Озирис, которого вы переехали, обещал отвести вас к вашей потерянной возлюбленной Астизе, – сказал Фуше. – Он также хотел отправить вас на Тиру. Значит, эта

женщина должна быть там, или, по крайней мере, там вы найдете информацию о том, где ее можно найти. Выполните это задание для Франции, и мы отправим вас к вашей египтянке. Если же вы откажетесь, то возвращайтесь в Соединенные Штаты и объясняйте там, почему все ваши усилия убедить нас отдать им Луизиану потерпели полное фиаско, плюс наша карибская армия скоро займет Новый Орлеан. Вам будет запрещен въезд во Францию, в Америке вас обвинят в унизительном дипломатическом провале, и вам придется найти себе настоящую работу.

Я сглотнул. Перспектива поиска настоящей работы действительно тяготила меня.

– Значит, все, что нам нужно сделать, это отправиться на Тиру, побеседовать с вашим греком и поразнюхать насчет этого древнего оружия?

– *Найти* это древнее оружие. Или уж хотя бы принести известия о нем, прежде чем османские солдаты, иностранные шпионы, повстанцы, бандиты или сама Ложа египетского обряда наложат на него свои лапы. Считайте это отпуском и передышкой от повседневной рутины, джентльмены. Мальчишеским приключением.

Невыспавшиеся, запыленные, занемевшие и напуганные, мы нехотя согласились. Да и какой у нас был выбор?

– Но как же нам найти это оружие? – спросил Кювье.

Фуше достал небольшой бархатный мешочек.

– До того, как наши войска вытеснили с Ионических островов, один из офицеров приобрел у одной бедствующей аристократки сувенир, кольцо. Она сказала, что кольцо было отлито в конце пятнадцатого века. Покупка стала для офицера приятной неожиданностью, и, по его словам, сама герцогиня была прекрасна и весьма таинственна. Некоторые считают, что кольцо было отлито тамплиерами. Когда я услышал о нем, то решил завладеть им, и думаю, вы поймете почему.

Кольцо было сплющено с одной стороны в виде миниатюрной печати, и мы сразу увидели гравировку на поверхности этой печати: «Тира». Слово располагалось на фоне здания с куполом, часть которого отсутствовала, словно кто-то откусил его, оставив за собой серп луны. На переднем плане располагалось нечто, напоминающее каменный саркофаг с открытой крышкой. В гроб, словно в ванну, ступал мужчина в мантии и средневековом головном приборе. А может быть, он выбирался из гроба наружу?

– Что это означает?

– Никто не знает, – ответил полицейский, – но очевидно, что речь идет об этом острове. Зачем тамплиерам изображать на кольце столь незначительный клочок земли? Ведь Тира едва

представляет собой нечто большее, чем горсть вулканического пепла. Думаю, тот греческий патриот, с кем вам предстоит встретиться, сочтет это полезным.

– Может быть, именно здесь находится орудие, – сказал я, изучая реликвию, – и он карабкается туда, чтобы достать его.

В сравнении с медальоном, что я носил в Египте, это кольцо выглядело простовато.

– Тогда и вам предстоит поступить так же. Посмотрите на него с обратной стороны.

Я взглянул на оборотную сторону расплющенного ободка кольца и увидел еще один купол, только этот был в полном порядке, а внутри его значилась буква «А».

– Что это значит?

– Не имеем ни малейшего представления. Расшифровка этого кольца не даст вам заскучать по дороге в Тиру. Господа, скорость превыше всего. Двигайтесь быстро, тихо и без погонь.

– Погонь? – Я терпеть не мог это слово.

Кювье потер свое усталое лицо.

– Ну, по крайней мере, мы сможем изучить вулкан. Может, нам повезет, и он начнет извергаться.

– Да уж, – сухо ответил я, – вот была бы потеха.

– По рукам! – воскликнул Наполеон. – А теперь кто хочет пострелять по моим лебедям?

Глава 8

Наполеон пообещал, что мы сможем выполнить свою миссию за месяц или два. И действительно, Европа пребывала в состоянии мира, летние дороги были почти сухими, и мы добрались от Парижа до Венеции за каких-то две недели, двигаясь сначала на юг Франции, а затем на восток сквозь новую Цизальпинскую республику, созданную Наполеоном после его победы у Маренго. Я не замечал никакой слежки. Конечно, наши враги, если они не сдались, могли весьма точно угадать, куда мы направляемся, особенно с учетом того, что Озирис, Маргарита и Фуше, похоже, лучше понимали, что происходит на самом деле, чем мы. Наша экспедиция, вероятно, была таким же секретом, как неудачная контрацепция к девятому месяцу беременности. С другой стороны, не исключено, что мы сбили Ложу египетского обряда со следа, или Фуше задержал их и вся наша поездка окажется лишь беспечным отпуском.

Хотя мои компаньоны и были недовольны тем, что их завербовали, и обвиняли меня в том, что Наполеон принудил их к сотрудничеству, им вовсе не претила идея путешествия за счет французского правительства. Кювье получил на руки наши пособия, но, как и всех казначеев, его было непросто убедить разориться на бутылку действительно хорошего старого вина или жаркого из вырезки лучшего качества.

– В конце этого недоразумения мне придется отчитываться за все, что вы потребляете, – ворчал он, – и я не представляю, как объяснить министерству, почему нужно было купить именно этот круг сыра, а не тот, который значительно дешевле и на сто грамм тяжелее.

– Я всегда думал, что вы, французы, цените еду превыше искусства и даже любви, – сказал ему Смит.

– В том, что касается расходов, у наших бухгалтеров вкусы как у англичан.

Я не жаловался, прекрасно понимая, что путешествую в карете с единственной целью куда-то приехать, в то время как немногие могли похвастать такой оказией. Мы проезжали мимо длинных рядов крестьян, косящих траву на закате, мимо конюхов с обожженными солнцем плечами, выгребавших навоз из конюшен, и служанок, которые, словно парусники, разрезали юбками цыплячье море, которое снова смыкалось за ними, поглощая рассыпанное пшено. Я думал о том, насколько же это странно, безопасно и скучно – быть привязанным к одному месту, позволяя смене времен года определять твою жизнь. Вечерами я

гулял, чтобы размяться, жуя яблоко или сливу, и если мне на пути встречался смышленый мальчишка или симпатичная мадемуазель, я временами показывал им свою винтовку или даже подстреливал для них ворону-другую. Подобное представление они считали волшебством, а меня принимали, словно я экзотический путешественник из другого мира.

Ученые были озабочены, но заинтересованы. В конце концов, они вот-вот увидят драматичный с геологической точки зрения остров на краю Османской империи, поучаствуют в политических интригах и, быть может, сделают пару археологических открытий. Уж конечно, наша поездка была более захватывающей, чем академические совещания. Правда в том, что я все еще сохранил остатки своей геройской репутации, и ученые надеялись на то, что и им достанутся кое-какие лавры, и я не мог их в этом винить.

Мы постепенно вжились в свои роли: я – бесстрашный проводник, за которым нужен глаз да глаз, Кювье – наш казначей и скептический надзиратель, Смит – упрямый англичанин, всегда готовый подставить плечо, и Фултон, наш жестянщик, с восхищением смотревший на каждое гребное колесо и шлюз. Изобретатель помогал нам коротать время, создавая многочисленные чертежи и схемы улучшения подвески нашей кареты, каждая из которых немедленно отбрасывалась кучером как непрактичная или слишком дорогая.

От скуки мы также пускались в дискуссии о необходимости заново переписать мировую историю.

– Все, что мы знаем, это что камни наслаивались и стирались на протяжении миллионов лет, – говорил Смит, – но как? Путем катастрофы, как вулкан или великий потоп, или же путем постепенной эрозии ветра и дождя? И кому какое дело, что там было при сотворении мира, пока не появились мы, люди? О чем думал Бог?

Он собирал камни на каждой остановке, отмечал их тип на карте Франции (по мне, так все камни были одинаковыми, но он различал их, как пастух различает коров в своем стаде) и затем выбрасывал в окно кареты.

– Мы также знаем, что на Земле существовало множество животных, которые не дожили до наших дней, – продолжал Кювье, – и многие из них были настоящими гигантами. Быть может, сотворение мира началось с большего разнообразия и размаха, которые затем истончились и сжались со временем? Странный прогресс, не находите? Кто мы – вершина творения или съежившийся плод? Или же животные превращались из одного вида в другой, как полагает Сент-Илер?[4] Я считаю его теорию чушью по множеству причин, не последняя из которых

заключается в том, что мы не понимаем, как могла произойти подобная мутация.

– Он поделился со мной этой странной теорией в Египте, – вставил я, зажав винтовку между ног. Это было чем-то большим, чем простой нервной привычкой – мне доводилось становиться жертвой грабителей на большой дороге. – Меня больше интересует вопрос того, как зародилась цивилизация, и не существует ли каких-либо высших знаний, когда-то известных человеку, но забытых после падения Римской империи. Некоторые мои знакомые считают, что мифы о древних богах – это не что иное, как воспоминания о древних существах, которые каким-то образом научили человека растить пищу, строить дома и писать, таким образом подняв нас из грязи. Ложа египетского обряда считает, что знания таких предков могли бы наделить того, кто почерпнет их, ужасной силой. Мне доводилось видеть вещи, которые заставляли меня задуматься о том, что они могут быть правы.

– Какие вещи? – спросил Кювье. Он захватил с собой блокнот в переплете из красной кожи и ручку, чтобы записывать наши приключения, а также оловянный полевой офицерский набор, состоящий из ножниц, расчески, зубной щетки и часов с компасом в медном корпусе. Он записывал наши ремарки и отмечал направление движения с каждой записью, словно никто и никогда раньше не наносил большую дорогу на карту.

– Книгу, от которой были одни неприятности. И инструмент – молот, который оказался еще хуже.

– А теперь мы в поисках древнего орудия, – вымолвил Фултон, – причем Бонапарт, Фуше и те лунатики из борделя мадам Маргариты тоже им интересуются. Я не понимаю, почему Наполеон с таким трепетом относится к давно забытым орудиям и при этом не обращает должного внимания на мои современные экспонаты.

Он развлекался, разбирая и вновь собирая свои карманные часы, но постоянно терял шестеренки и пружины всякий раз, когда карета подпрыгивала на кочках, и нам всем приходилось искать их на пыльном полу. Кювье старался держать свои часы с компасом подальше от изобретателя.

– Такова природа человека – видеть недостатки в том, чем владеешь, и восхищаться идеальностью того, чего иметь не можешь, – сказал я. – Кроме того, покупка вашей подводной лодки или парового судна означает дискомфорт новизны и перемен, Роберт. А вот в том, чтобы отправить нас на поиски сокровищ и заговор с греческим патриотом, никакого риска нет.

– Зато для нас есть, – ответил Смит. – Лишь тот, кто стоит на

берегу канала, хочет копать глубже, но никак не тот, кто стоит на его дне.

– Тот, кто стоит наверху, скажет, что видит дальше и может лучше измерить необходимую глубину, – заметил Кювье.

– Тогда тот, кто стоит на дне, должен ответить, что именно он может сообщить точный вес камней и грунта и количество мозолей на своих руках.

В Венеции мы на пароме пересекли прозрачную лагуну этого сказочного города, напоминавшего рассыпающийся свадебный торт, все еще гудящий от короткой оккупации Бонапартом в 1797 году. Французские войска разрушили ворота еврейского гетто (в результате чего многие евреи вступили в армию Наполеона) и положили конец тысячелетней независимости Венеции шквалом указов, декларирующих республиканские идеалы. Революция длилась недолго, и по Кампо-Формийскому договору город отошел к Австрии спустя всего несколько месяцев, но гетто так и не было восстановлено, и население города все еще спорило о пугающих свободах, обещанных французами, и делилось предупреждениями о том, что французские реформы рано или поздно приведут к тирании. Так что же несет этот Наполеон – надежду или страх, освобождение или новое рабство?

Декадентская красота Венеции влекла меня: таинственное переплетение зловонных каналов, величие тонущего, словно айсберг, города, кренящиеся дома, ритмичное пение лиричных гондольеров, дуги мраморных, потрепанных погодой мостов, балконы в стиле барокко, наполненные яркими каскадами цветов, и темноволосые красавицы, скользящие меж колонн по сторонам площади Святого Марка, словно танцующие герцогини в шелках, мерцающих, словно крылья бабочек. Этот город, королева Адриатики, был пронизан звоном колоколов, звуками роскошной оперы и вторящих ей церковных песнопений, и благоухал духами, специями, углем, мочой и водой. Солнечный свет дрожал на ряби мелких волн, и свечи маняще светили в темноте.

Но я изменился, напомнил я себе, а потому подавил соблазн хотя бы одним глазком взглянуть на удовольствия и пороки этого города. Вместо этого, зная репутацию итальянских оружейников, я умолял своих компаньонов дать мне достаточно времени на то, чтобы отыскать изящную венецианскую рапиру в одном из многочисленных оружейных магазинчиков. Венецианские мечи славились своей тонкостью, гибкостью и сбалансированностью, а также элегантным волнообразным эфесом, обладая при этом бóльшим весом и стойкостью, чем их французские конкуренты.

– Такая есть у всех лучших дуэлянтов, – пояснил я.

Конечно, для драк в узких аллеях и переулках лучше подошел

бы морской кортик, но рапира элегантно смотрелась в глазах женщин, что придавало мне некоторый щегольской шарм. Я почувствовал прилив лихости, когда прицепил рапиру к своему поясу и посмотрелся в треснутое зеркало магазинчика, решив, что выгляжу как настоящий придворный куртье. В итоге я потратил вдвое больше, чем мог себе позволить, и быстро понял, что при ходьбе рапира настолько неприятно бьет меня по икре, что мне пришлось снять ее и повязать себе на спину, словно это был старый добрый топор Магнуса Бладхаммера, чтобы она не путалась у меня в ногах. В конце концов, на дворе новый, девятнадцатый век, убеждал себя я, и если произойдет нечто маловероятное и мне понадобится оружие столь антикварное, как моя рапира, я получу достаточное предупреждение, чтобы снять ее со спины, достать из ножен, наточить и отполировать, и, наконец, принять некое подобие соответствующей фехтовальной стойки. Помимо этого, я все еще носил при себе привычный томагавк и винтовку, приклад которой все еще украшала пренеприятнейшая для моего глаза трещина, оставленная Сесилом Сомерсетом, сломавшим об нее свой меч во время моего последнего приключения. Винтовка была настолько изношена и потрепана, что в ней едва можно было разглядеть девственную элегантность, столь характерную для нее после изготовления в Иерусалиме. Тем не менее стреляла она хорошо, а я со всей своей экипировкой выглядел словно чей-то оруженосец. Женщины поглядывали на меня из-за своих вееров с осторожным интересом, вероятно, думая, что я за бродяга, а мужчины стороной обходили в узких переулках, словно от меня смердело, как от мясника. Венецианцы привыкли к самым разным посетителям, но слухи об Итане Гейдже, искателе приключений из Америки, быстро распространялись, что не могло мне не льстить, хотя я и не подавал виду.

С учетом того, что мы направлялись на османскую территорию, мои компаньоны с пониманием отнеслись к моим прогулкам по оружейным магазинам и сами занялись покупками. Мы с удовольствием воспользовались этим оправданием, чтобы накупить себе кучу новой одежды.

Кювье после длительного периода созерцания приобрел пару дуэльных пистолетов из латуни и серебра в коробке из розового дерева. На расстоянии десяти шагов из них действительно можно было бы кого-нибудь убить.

Грубоватый и сердечный Смит выбрал нечто гораздо более внушительное, остановившись на бландербассе, или громобое по-голландски, стрелявшем облаком металлических шариков из ствола длиной всего пятнадцать дюймов. Оружие было

достаточно коротким для того, чтобы его можно спрятать под плащом или пальто, и когда Смит испытал его на причале в порту, его оглушительный грохот поднял в небо целые тучи голубей на площади Святого Марка за двести метров от порта.

– Пинается, как мул, зато рвет, как медведь, – отрапортовал он. – То, что нужно, чтобы заставить абордажную группу передумать.

Я ожидал, что Фултон выберет нечто похожее или что-нибудь еще более сложное и механически совершенное вроде девятиствольного мушкетона, спроектированного для боя с фор-марса и редко использовавшегося на практике, потому как его отдача была настолько сильной, что грозила сбросить незадачливого стрелка с вышки. Мне казалось, что именно подобное проектное несовершенство заинтересует пытливого изобретателя, и я уже представлял, как он фиксирует скобы и блоки, удерживающие его торс при отдаче. Но нет, Фултон заинтересовался самым странным из инструментов, уделив все свое внимание поношенной и запыленной шотландской волынке, что он обнаружил на полке одной из лавок.

– Да, это точно обратит наших врагов в бегство, – сказал я дружелюбно. – Слышал я эти волынки, от них даже собаки выть начинают. Завоеватели всех стран две тысячи лет стороной обходят Шотландию, лишь бы не слышать этого звука.

– Тот огнеглотатель в Пале-Рояле дал мне идею, – ответил Фултон. – Играть я на ней, конечно, не могу, но вот поиграть с нею – запросто. А что, если научить ее плеваться огнем? Будет чем заняться на корабле. – Он нажал на мехи, и волынка издала жалобный вопль. – Или чем развлечься.

Я весьма терпимо отношусь к сумасшедшим. Наверное, именно это их ко мне и притягивает.

Мы оплатили свои покупки, изобретатель выдул пару трелей из своей шотландской волынки, да так, что мы все вздрогнули, и затем ученые решили, что пора двигаться дальше.

– Мы торопимся, чтобы уделить больше времени науке, – объяснил Кювье. – Тира – это хранилище времени. А нам требуется время, чтобы объяснить загадки планеты, поскольку без него ничто не имеет смысла. Время, время, время.

– Бóльшая часть людей неразумно распоряжаются тем временем, что у них есть, сказал бы Бен Франклин.

– Я имел в виду *науку*. Человеческий разум в плену нашего короткого понимания истории, Итан. Земной шар становится все более и более сложным местом, и все наши объяснения приходится сжимать в паре тысяч лет, словно растущий мальчишка пытается надеть ботинки на три размера младше. Но

если Земля старше, чем мы думаем, тогда любые новые идеи имеют право на существование.

– Какие еще идеи?

– Идеи о том, что если мир не всегда был таким, как сейчас, то ему вовсе не всегда таким и оставаться, – вставил Смит. – Быть может, мы лишь одна глава длинной повести. О том, что люди – не цель существования вселенной, что мы лишь актеры в огромной драме, которую не понимаем.

– Людям это не понравится, Уильям. Нам нравится думать, что история с нас начинается и нами же заканчивается.

– Тогда зачем Бог оставил нам свидетельства того, что это не так? – спросил англичанин.

– Но раз камни уже настолько старые, у нас должно быть достаточно времени для ужина на площади, прежде чем ими заняться, что скажете?

– Фуше и Наполеон сказали нам поспешать. Венецианцы странно на нас посматривают. Точнее, на вас.

– У Фуше с Наполеоном на спинах нет мозолей от сотен миль поспешания по направлению к распрекраснейшему месту на Земле. А когда люди смотрят на вас, господа, нужно смотреть на них в ответ, особенно если это красивые девушки!

Я продолжил свои увещевания, перейдя к аргументу о том, что мы еще не нашли венецианского капитана, который согласился бы отвезти нас туда, куда нужно. Венеция воевала с турками последние три столетия, а османские воды кишели пиратами. Греки находились под пятой своих мусульманских властителей, которые называли своих христианских подданных «райа», или скот. Ни один венецианец не горел желанием отправиться в столь малообещающую точку в море, как Тира. Те капитаны, с которыми мы разговаривали, ломили нам такую цену, за которую можно было добраться под парусом до Луны. А потому завтра мы вновь отправимся в доки, пообещал я, между делом заприметив незанятый столик на Кампо ди Сан Поло. Мои компаньоны, которых Венеция влекла не меньше, чем меня, нехотя согласились. На небе появились звезды, а вместе с ними на площади появились и музыканты, и кувшины с вином. Мы подняли несколько тостов за наш пока что скромный успех, и вскоре мои компаньоны начали бросать нетрезвые взгляды в сторону итальянских милашек. В их глазах сквозил тот же голод, что и в моих. Как и Одиссея, нас сбили с толку сирены, но меня подвела еще и уверенность в том, что наши враги остались далеко позади или же, наоборот, поджидали нас впереди.

Мы изрядно выпили, когда мимо нас, покачивая бедрами, скользнула прелестная смуглая красавица с высокой прической в

виде башни, одетая в платье, обнажающее волнующую ложбинку меж ее сочных грудей. Ее кожа была безупречна, как цветочный лепесток. Я надеялся на то, что она подмигнет мне или хотя бы молвит слово, но вместо этого она, дразня, приподняла юбку своего платья, на мгновение обнажив тонкую лодыжку, и ловко достала нечто из ее складок. Яблоко? Красавица на мгновение приподняла этот предмет в тусклом свете фонаря таверны, причем это нечто засверкало, словно волшебная пыльца фей, и затем легонько катнула его по полу в нашем направлении, кротко улыбнувшись сладчайшей из улыбок.

– Это что, такой итальянский обычай? – спросил Смит, не в состоянии сдержать отрыжку, когда объект остановился между нашими стульями.

– Если так, то и в кегли она, должно быть, играет с грацией Афродиты, – сглотнул Кювье.

– Что это, Итан? – спросил Фултон, любопытно поглядывая на дым, поднимающийся из медленно тлеющего шара. – Приглашение на фестиваль?

Я наклонился и заглянул под стол.

– Это, друзья мои, граната.

Глава 9

Даже не знаю, почему красота так часто становится источником разочарования, но должен признать: обычно женщины не бросают в мою сторону бомбы в первые пару часов нашего знакомства. Эта же галопом унеслась вдаль, прежде чем я успел представиться, и, похоже, ее единственной целью было превратить в лохмотья наши нижние и наиболее важные конечности. Следуя инстинкту, который выработался у меня после стольких разочарований в любви, я схватил дымящуюся гранату, огляделся и запустил ее в единственное отверстие, что видел, – в кирпичную печь нашей таверны.

Последовавший взрыв, вынесший из чрева печи град из кусков кирпича, теста, угля и останков запеченной утки, мог бы изрезать нас и выше пояса, если б я не повалил своих товарищей на пол, опрокинув стол перед нами в качестве щита. Нас окутало облако кирпичной пыли, но, по счастью, печь приняла на себя основной удар, а другие посетители покинули таверну в ужасе, но невредимыми.

– Это Ложа египетского обряда! – прокричал я, стараясь не обращать внимания на звон в ушах и гул в голове. – По коням!

– Итан, мы на острове, – прокашлял Кювье, – и у нас нет лошадей.

– Какая жалость. – Я потряс головой и сквозь пелену слез увидел несколько мужских фигур в капюшонах, ступивших на Кампо с противоположной стороны, угрожающе размахивающих чем-то блестящим в темноте. Один из них рукой указывал другим дорогу. – Тогда к гондолам!

– Сомневаюсь, что они так просто дадут нам уйти, – сказал Смит.

Мы спешно поднялись на ноги, подобрали разбросанные сумки и оружие и приготовились бежать от настигающих нас негодяев. Слух возвращался ко мне звуками людских криков.

И тут раздался грохот, от которого все на площади подпрыгнули, а Смита отбросило назад на полуразрушенную печь. Он выстрелил из своего бландербасса, заряженного восемью пулями, и трое из нападавших рухнули как подкошенные. Пули рикошетом летали, словно мухи в бутылке, а оставшиеся мерзавцы завизжали, пригнулись и гуськом побежали в укрытие.

– По звуку, англичанин, это бортовой залп линкора, не меньше! – прокричал Кювье.

Мысленно согласившись с тем, что наш охотник за камнями подал нам хороший пример, я вскинул свою винтовку и

прицелился в человека, похожего на их предводителя. Я затаил дыхание, прицелился на упреждение в направлении его прыжка в тени и нажал на спусковой крючок. Он тоже распластался, скользя всем телом по булыжникам мостовой, наградив мои старания криками боли и смятения.

– Всегда заряжай оружие перед ужином, – сказал я.

– А с бландербассом уже неважно, сколько стаканчиков ты пропустишь за этим занятием, – с удовольствием сказал Смит и рыгнул.

Мы спешно удалились, а я безразлично придерживал рапиру, привязанную к моей спине, ругая себя за то, что не перевесил ее себе на бедро. Что в мечах хорошего, так это то, что их не нужно заряжать порохом и картечью. А плохое в том, что с ними нужно подбираться чертовски близко к тем, кто пытается тебя убить. В нас полетел град пуль, шлепками вгрызающихся в дерево и штукатурку, и мы побежали быстрее.

На канале Гиуффа мы не колебались. Одинокая гондола проплывала мимо с клиентом и напевающим гондольером, и мы прыгнули в нее, словно пираты, опрокинув незадачливого пассажира за борт.

– Это для вашей же безопасности! – крикнул я ему, летящему в грязную воду вслед за своей шляпой, уплывающей вдаль, словно маленький плот.

Затем я, наконец-то, высвободил свою рапиру и приставил ее к горлу гондольера.

– На Большой канал! Не бойся, тебя ждут хорошие чаевые!

Наш кормчий покосился округлившимися глазами на клинок.

– Синьор, изволите песню?

– Побереги дыхание, лучше греби быстрее. Мы торопимся. – Он мощными толчками направил нашу гондолу вниз по каналу, а я обернулся к остальным. Смит уже достал свой бландербасс и засыпал в него свежий порох. – Кювье, будьте любезны, достаньте свои изящные пистолеты и стреляйте в этих мерзавцев, когда они достигнут канала. Фултон, прошу вас, обойдемся без звуков волынки.

– Они продырявили ее, черт их побери!

– Тогда изобретите что-нибудь еще. – Я попытался вспомнить спутанное спагетти из каналов этого города. – Отправимся в порт Сан-Марко и постараемся купить себе место на корабле.

– Боже мой, что это была за женщина? – спросил Смит, дрожащими руками загоняя картечь в свое орудие. Убийство всегда возбуждает, особенно в первый раз.

– Боюсь, эта женщина не склонна к флирту. Бьюсь об заклад, что она работает на наших врагов. Я думаю, что мы участвуем в

гонке за право первыми добраться до Тиры, а это значит, что нам, боюсь, не стоило мешкать. Я ожидал от Венеции большего, особенно с учетом стоимости нашей гостиницы.

– Что-то преследует нас, – сказал Кювье, всматриваясь в темноту. Вспышка на мгновение ослепила нас, когда раздался звук выстрела из его пистолетов. Я не верил, что он во что-нибудь попадет из своих хлопушек, но из темноты раздался свист рикошета и крик.

– Клянусь бивнями мастодонта, они работают! – вскричал он. – Бог мой, да мы же опасные люди!

Мы обогнули дугу набережной и снова оказались в темноте, затем вынырнули из маленького канала и оказались на широком канале, змеей текущем через весь город. Мы находились в ущелье из огромных усадеб и особняков четырех и пяти этажей, за высокими окнами которых мерцали свечи и светильники, бросая слабый свет на былую щедрость и роскошь, остатки блистательной империи. Сквозь окна нашему взору открывались вековые гобелены, хрустальные люстры и парчовые шторы, меж которых тут и там появлялись белые, луноликие лица, встревоженные нашим шумом. Мы скользнули под мостом Риальто, взирая на беззаботных любовников, прогуливавшихся по его арочному променаду, и направились в сторону главного порта города, к кораблям, стоявшим на якоре у площади Святого Марка. На фоне звезд темными горами возвышались купола и башни, и звуки оперы летали над темной водой.

– Думаю, мы отогнали их, – выдохнул Смит, оборачиваясь.

– Боюсь, я вынужден с вами не согласиться, месье Смит, – ответил Кювье, указывая вперед одним из своих пистолетов, из дула которого торчал шомпол, потому как он только принялся его перезаряжать. – Похоже, у наших преследователей много сообщников.

Из канала впереди нас нам наперерез мчалась целая шеренга гондол, блокируя путь нашего отхода. Мы разглядели достаточно оружия, чтобы наполнить добротный арсенал. Последовала череда вспышек, и вода забурлила вокруг нас под эхо выстрелов, отскакивающее от зданий. Несколько щепок от гондолы взвились в небо, и наш кормчий застыл на месте.

– Только попробуй прыгнуть, и я насажу тебя на вертел! – предупредил его я, направив рапиру острием в его горло. – Греби к тому боковому каналу, пока они не сделали еще один залп.

Мы повернули в узкий канал, пронизывающий весь остров своим особенным маршрутом. Быть может, нам удастся оторваться от наших преследователей в жидком лабиринте Венеции. Этот узкий приток был погружен в темноту, и казалось,

что дома склоняются над ним, словно кроны деревьев. Лишь вода мерцала слабым светом.

Позади нас появился свет фонаря на одной из преследующих нас гондол. Мы слышали яростную работу их весел. Я выстрелил из винтовки в очертания передней гондолы, и свет ее фонаря задрожал, но не погас. Кто-то упал в воду, и в ответ нам раздался залп из нескольких стволов. Пули со свистом посыпались на каменные берега, и мы одновременно пригнулись.

– Как жаль, что я не вижу их гондольера, чтобы пристрелить его, – пробормотал я, перезаряжая винтовку.

– Синьор, прошу вас, не впутывайте меня в ваши дела, – прошептал наш гондольер дрожащим голосом.

Поняв, что он сам представляет собой естественную цель, парень начал грести с гораздо большим рвением, чем можно было бы ожидать при иных обстоятельствах. Темные здания пролетали мимо нас, словно мы шли на всех парах паровой машины Фултона. Вокруг слышался звук распахиваемых ставень, жители пытались разглядеть, что происходит, но темнота была непроницаемой. Все, что они видели, это парад мечущихся призраков, а ближайший преследователь отставал от нас примерно на пятьдесят ярдов. Резкие повороты канала и низкие мосты никак не давали нам и нашим преследователям сделать прицельный выстрел.

Раздавался звон тревожных колокольчиков, но ни один представитель власти не пришел к нам на помощь.

– У меня есть идея, – выпалил Фултон, всматриваясь в гондолу, невинно плывущую по каналу нам навстречу, гондольер которой прекратил грести в смятении от эха выстрелов и нашей скорости. Когда мы поравнялись, изобретатель дотянулся до второй гондолы и выхватил весло из рук незадачливого кормчего, пустив его в дрейф по направлению к нашим преследователям, и взобрался на нос нашей лодки.

– Что вы задумали?

– Ждите меня по дальнюю сторону этого моста.

Мост представлял собой длинную низкую арку, столь типичную для этого города. Когда мы подошли к входу под арку моста, американец внезапно вонзил весло в дно мелкого канала и, рванувшись вверх, оказался на поверхности моста над нами. Мы проплыли под ним, и я приказал гондольеру остановиться на дальней стороне моста. Лодка накренилась, когда мы остановились, и медленно поплыла назад по направлению к Фултону. Изобретатель же в это время вонзил шест своего трофейного весла в каменные перила, которые он только что перепрыгнул, и, действуя им как рычагом, принялся их

расшатывать.

– Эх, дайте мне только точку опоры… – услышали мы, а затем последовало кряхтение и громкий треск.

Мы услышали проклятья на трех разных языках, когда передняя гондола наших преследователей столкнулась с той, что мы отправили дрейфовать, затем раздался крик и всплеск упавшего в воду тела. Нападавшие направились прямиком к нам, и Смит, Кювье и я приготовились дать залп.

– Ждите моей команды! – прошептал Фултон, спрятавшийся за балюстрадой.

Лодка наших врагов, ускоряясь, неслась к мосту, и в тусклом свечении звезд мы видели частокол пистолетов и шпаг, направленных в нашу сторону.

И тут с громким вздохом каменные перила накренились и полетели вниз. Булыжники весом с наковальню, расшатанные Фултоном на кромке моста, обрушились как раз тогда, когда гондола проходила под ними, разбив ее в щепки и погрузив всех, кто на ней находился, в воду.

Изобретатель, не выпуская весла из рук, ринулся через мост и отполированную водой террасу к нашей лодке.

– Стреляйте по следующей гондоле! – приказал он.

Мне понравился его холодный расчет.

Когда вторая гондола нападающих появилась из мглы, замедлив ход при виде своих товарищей, барахтающихся в воде, мы дали залп: Кювье – из двух пистолетов, я – из винтовки, и Смит – из бландербасса, все одновременно. Мы услышали крики, ругань и стоны; вторая лодка преследователей накренилась и перевернулась, в то время как убитые и раненые посыпались в воды канала.

– Вперед, вперед, в порт! – крикнул Фултон, запрыгивая в гондолу. Наш гондольер греб так, словно вода горела под ним.

– Отличная работа, Роберт, – поздравил его я.

– Все дело в рычаге. Еще Архимед показывал, как такое можно сотворить. Старый грек так и говорил: «Дайте мне рычаг и точку опоры, и я переверну Землю».

– Умный мерзавец, не так ли?

У следующего моста, где канал сужался из-за береговых подпор, Фултон заставил нас остановиться и установил второе весло между расселинами береговых плит поперек канала прямо на уровне воды, где гондола неминуемо уткнулась бы в него носом.

– Это заблокирует всех остальных, пока они не догадаются разрубить его, – сказал он. – Это может дать нам достаточно времени.

Мы двинулись дальше под тяжелое дыхание нашего гондольера.

– Пребывание с вами, месье Гейдж, это нескончаемая драма, – сказал Кювье для поддержки разговора. Я заметил, что он уже гораздо более умело перезаряжал пистолеты.

– Чертовски захватывающе, – согласился Смит. – Что это за дьяволы?

– Ложа египетского обряда, я так полагаю. Или нанятые ими наемники. Неуемные, настойчивые и враждебные. Нам повезло, что им не удалось отрезать нас.

Наконец мы выплыли из узкого канала и скользнули в широкую лагуну. Купола базилики геометрической симфонией упирались в небо, и пришвартованные гондолы покачивались на легких волнах. Но как найти корабль посреди ночи?

И вдруг на корме шебеки неподалеку вспыхнул фонарь.

– Сюда, сюда! Здесь то, что вам нужно!

Глава 10

Наш гондольер с воодушевлением принялся грести в направлении турецкого корабля, в надежде наконец избавиться от нас.

Капитан – мусульманин, коричневый, как дубленая кожа, и резкий, как удар хлыста, поманил нас ближе. Его жилет без рукавов открывал мышцы, достойные опытного гребца, а его темные глаза живостью напоминали продавца ковров.

– Гребите к другой стороне моего корабля, подальше от города. Да, идите к Хамиду! Я слышал выстрелы и подозреваю, что вам нужно быстро отплыть, мои новые друзья!

Мы обогнули корму и подплыли к другому борту корабля. Полдюжины матросов с коротко подстриженными бородами стояли шеренгой у борта, одетые в широкие штаны с широкими кушаками, некоторые носили тюрбаны.

– Гейдж, это же последователи Мухаммеда, – воспротивился Кювье.

– А нам как раз нужно попасть в османские воды.

– Да! Я отвезу вас туда за половину того, что с вас взяли бы христиане, – пообещал предприниматель. – Вы не найдете корабля быстрее или платы ниже, чем на моем «Миконосе». У вас же есть деньги, мои друзья?

– Да, и нам нужно отплыть сейчас же.

– Тогда вам нужен Хамиду Драгут, лучший моряк по всей Адриатике и Эгее! Посмотрите на мою ласточку – стрела, а не корабль! Пятьдесят футов длиной, узкая, с неглубокой осадкой, она способна пройти где угодно! Мои паруса черного цвета, и мы движемся как призрак.

– Знаете ли вы остров Тира?

– Конечно! Я почти что там родился. И за двести франков мы отплываем немедленно. За триста – час назад! – Он засмеялся. – Христиане возьмут с вас в три раза больше, чтобы отправиться в турецкие воды. Они боятся пиратов. Но у меня нет врагов, только друзья!

– А почему ваша цена столь низкая? – спросил Фултон с типичным скептицизмом янки.

– Потому что я все равно направляюсь в Эгейское море. Я отвезу вас на Тиру, затем поторгую на близлежащих островах и на обратном пути подберу вас и доставлю обратно. – Он кивнул. – Я, Хамиду Драгут, клянусь в этом!

– Вы турок?

– Я грек, я турок, да кто угодно по вашему желанию. Я хожу

под парусом с последователями любых религий. Не сомневайтесь. Посмотрите – видите гондолы? Они ищут вас.

Я вскарабкался на борт и посмотрел через палубу на Венецию. Из того канала, которым мы воспользовались минутами ранее, вышла лодка и отправилась прямиком к пришвартованным гондолам, ища нас.

– Их больше, чем вас, – сказал капитан.

– Мы надеемся попасть на Тиру и покинуть ее незаметно.

– Тогда Хамиду – именно тот, кто вам нужен! Я призрак. Я невидимка. Я отличный контрабандист.

– Никакой контрабанды. Просто прибыть и отбыть без вмешательства официальных властей.

– Тира – маленький остров, и бюрократы там маленькие. Тут словечко, там монетка, и о вас никто не узнает. Я знаю всех, и все они – мои друзья.

Он смотрел то на меня, то на моих компаньонов, пытаясь обнаружить в наших глазах веру; смотрел с энергией человека, который привык к сомнениям, потому что ему нет дела до правды или принципов. Иными словами, я хорошо знал подобный тип людей и сразу понял, что он может быть нам полезен.

– Этот Драгут, похоже, как раз тот плут, что нам и нужен, – сказал я остальным.

– Честный?

– Полезный.

Мы поднялись на борт, пересчитали монеты, и люди Драгута рассыпались по своим местам, тихо поднимая якорь и паруса. Команда тянула канаты в темноте с уверенностью, которая может быть лишь плодом большой практики. Никто не стал жаловаться на ночное отбытие, стоило им только увидеть деньги. Гондолы преследователей продолжали сновать вдоль берега, а мы тихим дрейфом покинули Венецию еще до того, как первые лучи солнца забрезжили на востоке, не осмеливаясь зажечь фонарь. Вода тихо шипела под нашим килем, предрассветный бриз доносил запахи города; затем паруса встрепенулись в порывах свежего ветра, снасти заскрипели, судно накренилось, словно просыпаясь, и легло на курс. Свет города за нами постепенно таял в темноте, исчезая вместе с последними звездами.

Мы все, как один, погрузились в сон.

Я проснулся около девяти и принялся изучать зафрахтованный нами корабль. Наша шебека имела две грот-мачты и бизань, треугольные латинские паруса, дюжину легких пушек для отпугивания воров и высокий удобный ют, где мы с учеными могли расслабляться, пока полдюжины мусульман работали на корабле. Была одна простая каюта, которую, по

словам Хамиду, он был готов разделить с нами, но она оказалась столь низкой, что в ней невозможно было встать в полный рост. Его команда спала на открытой палубе, под которой хранились паруса, провизия и груз. Действительно длинная, узкая и с малой осадкой, эта посудина идеально подходила для захода в узкие гавани Средиземноморья.

Город давно растворился за горизонтом, и мы были одни посреди блестящей и переливающейся Адриатики.

– Доброе утро! – приветствовал меня Хамиду. – Я домчу вас до Тиры на два дня быстрее любого капитана в Венеции!

Мы позавтракали кускусом и бараниной – остатками ужина команды с предыдущего вечера, – и решили оценить свое положение. Я подумал, что столкновение с опасностью пошло нам на пользу – рискуя, мы с моими компаньонами сплотились. Мы были радостно оживлены по случаю столь удачного побега и испытывали чувство товарищества, вместе рискуя жизнью.

Я, со своей винтовкой, томагавком и шпагой считался ветераном. Мне доводилось участвовать в битвах, а потому для остальных я казался знающим и храбрым. Именно поэтому мужчины так стараются слыть опасными для окружающих.

Смит, радующийся возможности повидать мир, а не только дно канала, активно интересовался устройством исламского корабля и с остервенением чистил свой бландербасс. Он даже стрельнул из него разок на потеху матросов, едва не упав за борт от отдачи, заставив наблюдателей подпрыгнуть от удивления и восторга.

Фултон наложил заплатку на рану в своей волынке и теперь занимался тем, что прилаживал металлические трубки, пытаясь удлинить трубы музыкального инструмента, и наполнял его морской водой, которой он затем брызгал на Кювье, ковыряясь в насадке и регулируя силу струи.

– Вы строите фонтан? – спросил его француз.

– Я делаю дракона. Надо будет добыть нефти на Тире.

Кювье же во время, свободное от записей расходов и показателей компаса в своем журнале, гордо демонстрировал свои новые пистолеты Хамиду Драгуту. Эта парочка забавлялась тем, что разыгрывала дуэли, расходясь на длину палубы шебеки, прежде чем развернуться и спустить курки, как мальчишки.

– Эти пистолеты красивы, словно гурии! – восклицал наш капитан. – И это хорошо, потому что смерть должна быть элегантной. Я счел бы поцелуем рану из этих пистолетов или от красивой шпаги американца и истек бы кровью счастливый. Вы настоящий джентльмен вкуса и изысканности.

По правде, мы действительно ощущали кураж и веселье. Есть

нечто захватывающее в том, чтобы обмануть опасность. Мы были настоящими головорезами, гоняющимися за славой ученых. Это путешествие, навязанное Бонапартом, вело нас в Средиземноморье, где все цвета ярче, яства – вкуснее, вечера – ленивее, женщины – таинственнее, а все города – древнее. Ветер был теплым, а купленный нами ликер «лимончелло» тек, словно пища богов с островов, – сладкий и резкий, словно покрытый медом лед.

Разговор с Наполеоном о Красном карлике поднял в моей душе настоящую бурю из сотен воспоминаний и вопросов, на которые я не имел ответа. Я помнил, как храбро Бонапарт остался в одиночестве в гранитном саркофаге Большой пирамиды, лежа в нем, словно мертвец, и как он вернулся из темной камеры с видениями, напоминающими галлюцинации. С того самого времени я терялся в этой все более сложной головоломке – сначала медальон и пирамида, затем Книга Тота в тоннелях Иерусалима и Города призраков… Магнус Бладхаммер лишь усложнил загадку, привнеся в нее нордический миф и Северную Америку, и теперь вся эта попахивающая плесенью легенда указывала на какие-то древние истоки, заложенные странными полулюдьми-полубогами, обладающими огромным знанием, давно утраченным и лишь частично восстановленным. Существуют секреты, которых жаждали завоеватели от Александра до крестоносцев, и есть странная, темная история, тесно переплетенная с нашим более традиционным представлением о ходе времен. Всякий раз, когда я думал, что история, наконец, закрыта раз и навсегда, открывалась все новая дверь. Каждый раз, когда я думал, что Ложа египетского обряда навсегда ушла из моей жизни, она неожиданно возникала в ней вновь. И каждый раз, когда я думал, что уже пробился или пробрался к какому-то окончательному выводу и заключению, я понимал, что путешествие далеко не окончено и что оно опаснее самого дьявола. Я скорбел по друзьям, которых я терял на пути, но путешествие было соблазнительнее любой искусительницы или сундука с золотом. Я становился мастером, но не электричества, как надеялся мой наставник Франклин, не коммерции, как желал мой отец, и даже не войны, как мог бы хотеть Наполеон, – я превращался скорее в мастера истории со змееподобными поворотами, словно намекающими мне о том, откуда мы пришли в этот мир. Эта история возвращала меня в туман, которым окутано начало времен. В то время как Смит и Кювье обращались за ответами к камням, я был ученым мифов, изучающим невероятное. Судьба соткала мне карьеру из материи басен и легенд.

Драгуту, конечно же, было любопытно, зачем четырем европейским ученым (мне повезло, что в их компании несведущие и меня принимали за одного из них) плутать по греческому Пелопоннесу в поисках скалистого островка на краю Эгея. В Тире не было города, не было торговли, не было никаких древних руин.

– Все жители этого острова, созданного дьяволом, бедны и набожны, – говорил он. – Это одно из немногих мест в Средиземноморье, где действительно ничего нет.

– Мы изучаем историю Земли, – отвечал ему Смит, – и в этом свете Тира заслуживает особого внимания.

Капитан пожал плечами.

– Соглашусь лишь с тем, что ее берега круты. Но какая в ней история?

– Люди учатся на уроках прошлого.

– Люди – рабы прошлого, вечно пытаются исправить старые ошибки. Верьте в Аллаха, мой друг.

– Я верю в то, что вы безопасно приведете этот корабль туда, куда нам нужно.

– Да! Верьте и в Хамиду тоже. Я еще удивлю вас!

Мы поймали северо-западный ветер *маистро*, дующий с континента, и отправились вниз по ветряной Адриатике, быстро пройдя австрийские воды Далмации и затем, по мере ослабевания бриза, прошли вдоль побережья Хорватии, крошечной Черногории и западного побережья Греции, находившегося под властью Османской империи. Ветер постепенно стих, а море превратилось в тарелку с блестками. На уступах каменистых берегов нам встречались замки, пастельные деревеньки обнимали аквамариновые бухты, а луковицеобразные купола церквей служили нам навигационными ориентирами меж рифов и островков. Южнее синева моря и неба становилась все глубже, а облака казались сладкими, словно взбитые сливки.

Семь греческих островов новой Ионической республики, созданной, когда русские и турки вытеснили французские войска тремя годами ранее, проплывали мимо, словно высокие зеленые изумруды: Корфу, Кефалония, Итака. Именно с предводителем этого крохотного эксперимента, харизматичным графом Иоаннисом Каподистриасом, мы должны были тайно встретиться на Тире. Вершина горы Айнос на Кефалонии была скрыта за тучами, и, проплывая мимо, я почувствовал сосновый аромат, доносящийся от острова. Он манил, словно зеленый рай, но у нас не было времени, чтобы насладиться его красотами. Мы направлялись в место столь сухое и лишенное всяческой растительности, что, должно быть, именно так выглядела Земля

сразу после своего сотворения.

Глава 11

Тира, греческий остров, именуемый венецианцами Санторини, поднимается из синевы Эгея, словно стена из зазубренного шоколада, а на его вулканических утесах, словно взбитые сливки, покоятся белые деревушки. В действительности Тира – это архипелаг из полудюжины островов, служащих напоминанием о существовании здесь когда-то кратера древнего вулкана. Мы зашли в его кальдеру, опьяненные ветром и ослепленные нестерпимым сиянием Эгейского моря, в котором все цвета были ярче, углы – резче, бормотание моряков – неразличимым, миссия наша – туманной, а мои ученые компаньоны – возбужденными и полными отпускных ожиданий. Мы прибыли в легендарную Грецию, колыбель демократии на задворках Османской империи, и оказались в месте, которое, казалось, было сотворено вчера и может исчезнуть в пучине взрыва уже завтра. Остров, на который мы направлялись, представлял собой полумесяц четыре на шесть миль, обнимающий, казалось, бездонную бухту. На противоположной стороне бухты располагался небольшой островок Тирассия, который, по словам Смита, когда-то был частью противоположной стенки кратера. В самом центре бухты из воды поднимался крохотный, невысокий и, казалось, мятый остров, над которым поднимался дым.

– Именно так выглядел мир после своего появления, – сказал Кювье, – камни и вода.

– Посмотрите на напластования тех утесов, Жорж! – воскликнул Смит. – Извержения уложили их, словно ряды кирпичей. Мы можем читать их, как открытую книгу!

– Какое отличное укрытие для военных кораблей, – добавил Фултон, – под этими утесами можно весьма уютно спрятаться.

– Только не с подветренной стороны, – вставил Драгут. – Бывают дни, когда *мелтеми* дует так, что вам здесь точно не понравилось бы, мой друг. Это место может быть очень злым.

– Злым? Я вижу голубые купола полудюжины церквей отсюда.

– Христианские церкви не защитят вас от дьявола, когда просыпается сам сатана.

– А мечети не защитят от землетрясения. Драгут, плохие вещи могут случиться с любым набожным человеком. В чем решение? Использовать науку, чтобы предупредить о катастрофе.

– Нет, с неверующими, такими как ученые и французские революционеры, случаются вещи и похуже. И никто не может предупредить о воле Бога. Я верю в Аллаха.

– Кювье, – прервал я их разговор, – вы описали это место как одно из старейших на Земле, но я не вполне уверен, что именно вы имели в виду.

– Старейшее и новейшее одновременно, – пояснил ученый. – Старое оно тем, что напоминает нашу планету при рождении – такое же пустое и безжизненное. Новое в том, что островок посреди бухты изрыгает нутро земли, и на поверхность выходят новые горячие камни. Остров уничтожает и воссоздает себя.

– Странно прятать здесь то, что хочешь сохранить, вы не находите?

– Зато это укромное место, если хотите сбить с толку охотников за сокровищами.

Мы направились к небольшой бухте у подножия утесов, где располагался маленький порт, скрывающийся в тени утесов, высота которых достигала нескольких сотен метров. У галечного берега на волнах колыхались яркие, словно игрушки, рыболовецкие лодки, резко выделяющиеся своей веселой раскраской на фоне угрюмых полос ржавого, коричневого и серого цветов над ними. Берег был настолько обрывистым, что Драгут подвел свою шебеку прямо к короткому причалу. Мы наняли нескольких ослов для медленного подъема по серпантину вдоль унылого утеса. Их щетина кололась, уши то и дело подергивались, но копыта цокали исправно и равномерно, несмотря на нашу нетвердую посадку на их спинах. Тропинка серпантина не имела перил и была скользкой от навоза, а ослы то и дело закрывали глаза, спасаясь от назойливых мух. Смит постоянно просил остановиться, чтобы взглянуть на очередные уродливые камни и валуны, словно надеясь, что они заговорят с ним. Мне же утес представлялся немым собеседником, а захватывающий вид, открывающийся на бухту, не давал мне забыть о высоте, на которой мы находились. Мне не терпелось покинуть этот обрывистый серпантин.

Наконец мы оказались на вершине, и нашему взору представилась вся география этого необычного острова. Западный край Тиры представлял собой полумесяц из высоких утесов, а домишки ютились у краев кратера, словно птичьи гнезда. К востоку от этого ятагана остров широким веером неспешно скатывался в море. Здесь земля была разделена каменными заборами на пастбища, виноградники и поля, хотя сейчас, посреди лета, все они имели один коричневый цвет. Сдается мне, немногое здесь изменилось с последнего посещения этого острова Одиссеем. Вокруг нас раскинулось гомеровское море, темное, словно вино, и местами покрытое барашками, и ветер приятно обдувал нас после духоты у подножия утесов.

– А теперь представьте себе, что этот уклон земли поднимается из воды и переходит в пик прямо там, где сейчас располагается центр залива, – сказал Смит, рукой заполняя пустое пространство. – Должно быть, это была огромная гора, видимая за сотни миль. Конус, как у Этны. А затем произошел катаклизм похуже того, что уничтожил Помпею, и этот пик просто исчез! И на его месте образовался вулканический кратер глубиной сотни, а может, и тысячи футов, наполненный морем. И мы только что пересекли этот кратер по поверхности воды.

– Но ширина залива никак не меньше лье, – изумился Фултон. – Какая же сила могла превратить такую огромную гору в подобную дыру?

– Действительно хороший вопрос, – ответил геолог. – Пока Гейдж ищет свои древние орудия, мы с Кювье будем изучать то, что действительно управляет миром.

– И что же это?

– Матушку-природу, конечно же. Просто представьте, что, если б мы могли лучше ею управлять!

Наше прибытие на столь небольшой остров, конечно, не могло пройти незамеченным, но османский полицейский, казалось, был скорее сконфужен, нежели озабочен, особенно после того, как Драгут предложил ему оплатить любые специальные иммиграционные пошлины, что могли прийти на ум этому тучному турку. У нас имелись французские документы с красочными печатями и штампами, которые он не мог прочесть, и геодезические инструменты, назначения которых он не понимал. И то, и другое помогло придать нашей миссии оттенок официальности или хотя бы важности, а также никому не понятной техничности. Мы заявили, что проводим замеры для французского института (что могло оказаться и правдой) и что результаты нашей работы ждут в Высокой Порте в Стамбуле, что было блистательной ложью. Толстый функционер принял свои монеты и отправился строчить отчет, который затем медленной почтой отправится к соответствующим властям на материке. Пока его письмо прибудет к кому-нибудь с достаточным рангом, чтобы принять решение, нас уже и след простынет.

Драгут отправился вниз к своему кораблю, чтобы отправиться в так называемый быстрый торговый рейс на близлежащие острова.

– Я вернусь за вами, я обещаю! Доверяйте Хамиду!

Мы же устроились в доме одного винодела в деревне Мегалохори для рандеву, устроенного для нас агентами Фуше. Здесь мы должны были тайно встретиться с молодым врачом, который, по мнению Наполеона, в один прекрасный день может

повести за собой греков в борьбе за независимость от Турции: импозантным и харизматичным графом Иоаннисом Каподистриасом. Когда русские и турки образовали Ионическую республику[5] на упрямых христианских Ионических островах, красноречивый Каподистриас стал одним из двух главных министров крошечной республики. Ему было всего двадцать пять лет, но он обладал магнетизмом Наполеона или Нельсона. Силой одного своего характера грек убедил повстанцев Кефалонии остаться в составе его крошечной новой нации и, по слухам, вел ее к принятию конституции на основе либеральных принципов.

Теперь же он надеялся на то, что сможет возглавить более обширное восстание, и изучал те же слухи, что и мы.

Пока мы ждали, когда Каподистриас выйдет с нами на связь, Кювье и Смит принялись изучать древнюю кальдеру, простирающуюся от края утеса, пытаясь рассчитать силу катаклизма, способного сотворить такое. Фултон отправился куда-то со своей волынкой, сказав, что хочет поэкспериментировать с наполнением инструмента маслами и нефтью и набросать чертеж работы ветряных мельниц острова. Я упражнялся в фехтовании, сражаясь с воображаемыми противниками, и тренировал свою силу воли частыми набегами к островным виноделам с исключительно дегустационными целями, как я себя убеждал, и держался на достаточном расстоянии от островных женщин, которые своими темными волосами и оливковой кожей напоминали мне Астизу. Неужели на этом острове я смогу отыскать какую-то информацию о ней?

День казался бесконечной средиземноморской идиллией.

Но к концу второго дня нашего пребывания на острове, как раз когда я бродил по серпантину у края утеса, мысленно поздравляя себя с самодисциплиной, я увидел два корсарских корабля с парусами цвета засохшей крови, заходящих в раскинувшуюся бухту в лучах уходящего солнца. Флагштоки кораблей были пусты, они не производили ни звука, но их палубы были заполнены мужчинами. Кто это, Иоаннис Каподистриас с небольшой греческой армией? Или османские солдаты, прибывшие, чтобы поймать его или нас?

А что, если это совсем иная, неожиданная угроза?

Их вид всколыхнул все мои инстинкты самосохранения.

Я поспешил обратно к нашему временному пристанищу, чтобы объявить, что, возможно, у нас более нет времени ждать нашего рандеву или Драгута. Что, возможно, нам необходимо спрятаться.

По счастью, наш греческий патриот уже был на месте.

Каподистриас появился в плаще и шляпе с широкими полями,

явившись из своего тайного укрытия здесь, на турецкой территории, так как его могли арестовать за незаконное проникновение на их территорию. Он был не вооружен, а его антураж состоял из всего двух телохранителей, но он впечатлил нас сразу, как только скинул плащ. Министр оказался высоким и подтянутым, а его точеные скулы были словно срисованы с афинских мраморных изваяний. Его голос сделал бы честь самому Фемистоклу, древнегреческому оратору, но при этом, как многие из наиболее знатных мужчин, он был свеж и скромен.

– Боюсь, у меня нет флота, – сказал Каподистриас, слегка нахмурившись, когда я описал ему новые корабли на горизонте. – Ни флота, ни армии, ни дипломатического паспорта, ни времени. Вы уверены, что это не обычные грузовые корабли или паром на остров?

– Корабли полны вооруженных людей. Неужели турки узнали, что вы здесь?

– Возможно. А может быть, это пираты. В любом случае у нас мало времени.

– Может, это те люди с гондол? – спросил Смит. – Похоже, мы привлекаем врагов, где бы мы ни находились.

– Какие люди с гондол?

– В Венеции нас атаковал целых флот из гондол. Восхитительная красотка бросила в нас бомбу, а капитан – последователь Мухаммеда – взял с нас двести франков за побег. Гейдж все говорит о каком-то культе по имени Ложа египетского обряда, что гоняется за теми же легендами, что и мы.

– Во имя всех святых, для квартета интеллектуалов вы попадаете в весьма интересные приключения.

– Это все Итан. Он притягивает неприятности, куда бы ни направлялся.

Каподистриас с опаской посмотрел на меня, словно боясь заразиться моей столь неоднозначной удачей.

– Крайне важно, чтобы никто не знал, что я побывал на этом острове. Я надеюсь, вы понимаете, что если б не помощь французов, которая может потенциально когда-нибудь потребоваться моему народу, мы бы не встречались.

– Тогда помогите нам найти разгадку нашей загадки, а мы проведем собственное расследование после вашего отбытия, – предложил Кювье. – И скажем Наполеону, как вы нам помогли. Он может быть мощным союзником.

– Разумное предложение от известного натуралиста, – ответил Каподистриас. – Для меня честь познакомиться с Жоржем Кювье, я читал ваши важные труды об организации природы. Однако вам стоит знать, что я страшусь Франции настолько же,

насколько восхищаюсь ею.

Кювье нехотя кивнул.

– Французские солдаты неподобающе вели себя, когда оккупировали наши острова.

– Они лишь юнцы вдали от дома.

– И им не хватает дисциплины. При этом должен признать, что революционные идеи, привнесенные офицерами, были словно разряд молнии. Впервые каждый грек осмеливается мечтать о свободе от турецкого ярма, и мы тверды в своих намерениях, как когда-то при Фермопилах и Саламине. Мы не знаем, откуда придет спасение – из России, Франции или Британии, но наша крошечная республика на Ионических островах – это лишь начало нашей надежды. Вся Греция заслуживает свободы.

– Тогда мы друзья, – ответил Кювье. – Бонапарт хочет видеть Грецию независимой в противовес Турции, России и Англии. Но британцы вытеснили нас из Египта, русские прогнали с ваших островов, а английские адмиралы мечтают о том, чтобы превратить все Средиземноморье в свой пруд. Наполеон попросил нас через вас узнать отношение греков к независимости, но также и воспользоваться вашей помощью, чтобы расследовать слухи о секрете, скрытом на Тире, который может оказаться полезным как вам, так и нам.

Грек осторожно посмотрел на нас.

– Похороненные города и древние орудия.

– Это вообще правда?

– Старые басни. Я рад, что ваш англичанин очарован камнями, поскольку на этом бедном острове, кроме них, практически ничего нет. Это разрушенный вулкан, ставший домом для нескольких бедных рыбаков и фермеров. Но истории не утихают, в этом особенность легенд. Некоторые верят, что на данном острове скрыты врата в подземное царство Аида.

– Царство теней!

– Я думаю, что эта легенда проистекает из буквальной правды. Ведь действительно пар, поднимающийся из того острова в центре бухты, может обжечь руки. Когда Перикл построил Афины, этот остров уже был старым и горячим. На нем встречаются и венецианские замки, и дорические храмы, и доисторические гробницы, и истории людей, которые жили здесь, когда религия и колдовство были одним целым. Соберите воедино три тысячи лет истории, добавьте паутину легенд, предсказаний и суеверий, и ложь станет крепкой и липкой, словно тканье мифической Арахниды. В таком месте, кто знает, где правда, а где ложь? Идолы были их богами, а сказания и басни – наукой.

– Иногда они пересекаются, – тихо сказал Кювье. – В Баварии мне доводилось видеть рисунки древней рептилии с крыльями, как у летучей мыши. Надеюсь, она тоже давно вымерла, но выглядит так, словно вылетела из преисподней. Может быть, наши средневековые иконописцы писали с натуры?

– А что, действительно существует греческий слух о том, что у древних было какое-то мощное оружие? – прервал их Фултон. – Если так, то это было бы полезно знать современным изобретателям – таким, как я. А Итан у нас специалист по древним загадкам и скрытым силам.

– Неужели? По скрытым силам? Хотелось бы мне такие! – Я заметил насмешливый огонек в глазах грека.

– Граф Каподистриас, французы и моей стране помогли с независимостью, – сказал я. – Греции, скорее всего, тоже потребуется помощь. Наполеон может быть хорошим другом или смертельным врагом. Если мы вернемся к нему с вестью о том, что вы друг идеалов революции, это откроет возможности для партнерства, а не завоевания в будущем. В обмен на это скажите, есть ли на Тире кто-нибудь, способный помочь нам разобраться в этих старых легендах? Эти слухи дошли до Парижа, и наше задание – оценить их правдивость, пока здесь не показались люди гораздо более жадные и гораздо меньше интересующиеся наукой.

Он хитро посмотрел на меня.

– Да уж, интересная у вас компания. У вас вид настоящего оппортуниста, ваш друг – механик, и с вами любители камней и костей. Один француз, два американца и англичанин. Почему Наполеон послал именно вас?

– В надежде на то, что османские власти сочтут нас странными и не имеющими никакого значения.

– А почему вы согласились на эту авантюру? Если опустить камни.

– У нас благодаря месье Гейджу возникли проблемы с законом в Париже, – ответил Кювье. – Эта миссия по поручению Бонапарта сотрет их из памяти, а потому мы просто делаем то, что приходится, такова жизнь. А разве вы не в долгу перед русскими и адмиралом Ушаковым? – Именно Ушаков прогнал французов с Корфу.

Каподистриас кивнул.

– Все мы в долгу перед кем-то… Ну, хорошо. Послание, которое я получил от вашего агента, гласит, что это у *вас* есть подсказка, которая может помочь нам найти этот секрет.

Я достал кольцо с изображением купола, могилы и карабкающегося из саркофага человека.

– Вы узнаете это здание?

– Вероятно, это церковь. Их только на этом острове не менее двух дюжин.

– Посмотрите на купол. Он разбит или недостроен.

– Ах, вот оно что! – Иоаннис пристальнее взглянул на вещицу. – Конечно же! Агия Феодосия! Пушечный компромисс!

– Что?

– В деревне Акротири одновременно строились церковь и военный форт – вера входила в одни врата, а государство – в другие. Но артиллерийская наука быстро развивалась, и когда пушки были, наконец, установлены, оказалось, что купол Феодосии блокировал линию огня. Венецианские офицеры заявили, что церкви придется подвинуться, но православные священники возразили, что это форт должен уступить место Богу. Кто-то предложил опустить купол или сделать его ниже, но монахи отказались и от этого – в Греции верования незыблемы. Наконец один нетерпеливый венецианский католик выстрелил из пушки прямо по куполу греческой православной церкви, пригрозив и вовсе ее уничтожить. Вместо этого отцы нехотя вырезали сегмент купола, чтобы направить орудие на врагов, которые так и не появились. Изначальная купольная архитектура была восстановлена, но история «откушенного купола» хорошо известна. На Тире нет другой церкви, на которую могло бы указывать это кольцо.

Я представил себе купол с выемкой и мысленно восхитился этим компромиссом. По мне, так все люди должны уметь договариваться.

– И где эта церковь?

– Недалеко, километра два. Но нам лучше поспешить. Если Итан Гейдж прав насчет приближающихся кораблей, мы, господа, участвуем в гонке к вратам подземного царства. И в этом случае гоняться наперегонки вам придется без меня.

– Что вы имеете в виду?

– Уж слишком большое это совпадение, что мы все прибыли сюда одновременно. Я покажу вам дорогу к церкви и пожелаю всего наилучшего, но я не могу позволить себе попасться вместе с вами. У вас есть корабль?

– Был; он отправился на соседний остров, но обещал вернуться.

– Тогда держитесь своего оружия и друг друга. Надеюсь, ваш капитан не опоздает.

Глава 12

Деревня Акротири на юго-западном конце полумесяца Тиры была похожа на кучу штукатурки, сваленной на покрытом травой холме. Кульминацией архитектурного наследия были руины небольшой венецианской крепости, наполовину разрушенной турками более века назад. Некогда роскошная феодальная вотчина лежала в руинах на одиноком острове на задворках загнивающей империи. У входа в форт располагалась греческая православная церковь, и именно сюда привел нас Каподистриас в свете юного полумесяца. Акротири лежала в тишине, если не считать лая пары собак, и в серебристом свете казалась пустой и потерянной во времени, а ее облезлые коричневые дома, казалось, были продолжением геологии острова, напоминая угловатые камни. Мы же, с другой стороны, вели себя гораздо более шумно. Оружие бряцало. Сапоги стучали. На расстоянии сотни ярдов мы производили больше звуков, чем все племя индейцев дакота, галопом несущихся на белое поселение. Фултон не расставался со своей волынкой, которая то и дело издавала сопение, мычание или бульканье.

– Пожалуйста, только не играйте, – взмолился я.

– У меня припасена иная песня, на которую меня вдохновила наша ночь в Пале-Рояле. Если мне действительно удастся что-нибудь поджечь, то французские моряки очень даже могут приобрести мое устройство.

Я не был до конца уверен в том, что мы пришли туда, куда нужно. Тира, как и вся Греция, имеет множество церквей, покрытых простой белой штукатуркой с выцветшими голубыми куполами, столь же повсеместно распространенных, как конюшни, и лишь немногим более утонченных. Окошки крохотные, двери из крепких, видавших виды досок, а интерьер даже без скамей – греческие прихожане стоят перед Богом. Неужели это ничем не выделяющееся место являет собой дверь, ведущую к ужасному оружию?

На дворе стояла ночь, церковь была заперта, и Каподистриас, которому, казалось, начинала нравиться эта охота за черепами, поднял деревенского священника из его кельи и убедил старика в том, что греческий патриотизм требует от него открыть для нас двери.

– Но почему?

– Мы ищем врата в подземное царство Аида, Никко.

– А зачем вам они? Вы что, дьяволы?

– Мы – друзья Греции.

– Но что вам делать в Агие Феодосии?

– Старое кольцо с печаткой направило нас сюда. Эти люди заглянут туда буквально на минуту. Это люди науки, *патрос*, которые хотят понять прошлое.

– Прошлое лучше оставить в прошлом. Для этого оно и существует.

– Нет, Греция многому у них научится.

Священник нехотя отпер дверь.

– Ждите здесь. – Он вошел внутрь, чтобы зажечь свечи, и спустя мгновение вернулся. – Сами посмотрите, это бедная церковь в бедной деревне, здесь ничего нет.

Грек отвел его в сторону.

– Так пускай сами в этом убедятся.

Мы прошли через небольшие сени, или притвор, и оказались в главной зале, где нам пришлось зажечь еще несколько свечей в подставках-мануалиях. Строение было небольшим и в сравнении с католическими или протестантскими церквями имело меньше мебели, но больше украшений. Моя аналогия с конюшней оказалась поспешной. На куполе над нашими головами располагалось примитивное, но огромное изображение Иисуса, способное как воодушевлять, так и порицать. Ниже висела весьма изящная латунная люстра, называемая *хорос*, за которой располагалась наиболее украшенная часть церкви – разделительная стена из полированной латуни, состоящая из решетчатых дверей, по бокам которых находились покрытые эмалью изображения ангелов и святых. Традиционно лишь священники имели право подниматься по ступеням и проходить через врата к алтарю храма за дверьми. Постепенная смена помещений напомнила мне древние египетские храмы, что мне доводилось видеть, и олицетворяла проникновение в святыню.

– Церковь достаточно мала, – сказал Кювье. – Что же мы ищем?

– Саркофаг. Но ничего нет.

– Может быть, в святилище? – спросил Фултон.

Смит поднялся к вратам и попытался их открыть, но они были заперты.

– Я вижу только алтарь. А где священник?

Мы оглянулись.

– Каподистриаса тоже нет, – заметил Кювье. Мы вдруг осознали, что греки не последовали за нами внутрь церкви, а попросту закрыли за нами дверь, оставив нас одних. Судя по всему, врата в подземный мир нам предстояло искать без них.

– Гейдж, это западня? – спросил Фултон.

Я толкнул дверь церкви.

– Дверь заперта снаружи. Может быть, они дают нам возможность изучить здесь все, не будучи потревоженными?

– Или же Каподистриас все-таки не доверяет французам, – откликнулся Кювье.

– Я думаю, он просто не готов разделить с нами риск и поставить под удар свою республику. Надеюсь, Хамиду ждет нас. Я не ожидал увидеть новые корабли с таким количеством бандитов на них.

– А что, если это османы преследуют нас? Нам тоже стоит скрыться, – сказал Фултон. – Это место совсем не похоже на кольцо Фуше.

– Мы проделали путь длиной в тысячу миль. Давайте хотя бы посмотрим, есть ли здесь что-нибудь. Дверь можно запереть и изнутри.

Однако, к сожалению, кроме византийских орнаментов, типичных для греческой религии, в притворе ничего не было. На его осмотр времени потребовалось не больше, чем на осмотр моего кошелька, который был весьма и весьма пуст.

– Здесь ничего нет, – сказал Кювье, – Итан, я согласен с Робертом. Нам нужно отступить.

– Однозначно. Как только мы проверим святилище.

– Но оно заперто.

– Уже по одной этой причине мы должны проникнуть туда, господа. У меня есть некоторый опыт в подобных делах, и он подсказывает мне, что чем сложнее куда-то пробраться, тем более интересные находки там ожидают. Людям свойственно прятать свои секреты в потайных погребах, скрытых чердаках или запертых наглухо шкафах в надежде на то, что остальным не хватит усилий заглянуть туда. Зачем запирать что-то, если там ничего нет?

– Может быть, потому, что это место считается святым? – предложил Смит.

– Пожалуй, бывает и так.

Я отправился к решетчатой стене, отделявшей притвор от святилища с алтарем. К ней вели три ступени, а по обе стороны от двери располагались иконы. Иисус осуждающе смотрел на меня с одной стороны, а Дева Мария, нахмурившись, поглядывала на меня со знакомым нескрываемым скептицизмом, характерным для женщин, с которыми мне доводилось проводить ни к чему не обязывающее время. Святые и ангелы также стояли на страже, глядя на меня без тени дружелюбия в глазах. Я заглянул в замочную скважину.

– Кювье, дайте мне один из ваших пистолетов.

– Бога ради! – выдохнул Фултон весьма к месту. Он положил

волынку на пол – та издала привычный мягкий стон – и поднялся по ступенькам ко мне, достав из кармана набор инструментов из стальной проволоки.

– Нет никакой необходимости стрелять, ведь это может лишь застопорить замок. Еще мальчишкой я изучал эти механизмы и пришел к выводу, что терпение может открыть практически любые двери. – Он начал возиться с замком. – Не могу сказать, что я в этом профессионал, но способность манипулировать в замочной скважине бывает весьма полезной. Конечно, искать там нечего, как вы наверняка видите сквозь решетку, но предупреждаю: если жители деревни поймают нас за этим занятием, быть нам побитыми камнями как богохульникам и еретикам, если не хуже.

– Я лишь хочу убедиться в том, что это святилище не является парадным входом в царство Аида.

– А что, вы чувствуете запах серы?

– Нет, и будем считать это хорошим знаком.

– Будем надеяться, что разряд молнии за вторжение мы тоже не получим, – добавил Смит.

Изобретатель быстро открыл замок, словно заправский вор, и мы робко вошли в святилище, чувствуя, словно вторгаемся в саму божественность. По одну сторону стоял деревянный комод с кубком на нем и другими инструментами богослужения, рядом висело кадило. Посередине стоял сам алтарь, накрытый белой тканью, на нем – цилиндрическая емкость и Библия, а также крест для богослужений и позолоченные опахала.

– А кофейник-то зачем? – невинно спросил Смит.

– Это дарохранительница, вы, протестантский безбожник, – ответил Кювье. – Там хранятся святые дары.

– Ах, вот как… Может, это и есть подсказка?

– Они для того, чтобы попасть в рай, а не в ад.

Я наклонился и медленно осмотрел каменный пол, ища трещины или ручку, указывающую на то, что под нами есть потайной ход, но ничего не обнаружил. Монета и совет Каподистриаса, казалось, завели нас в тупик.

Снаружи снова залаяли собаки. Кто-то приближался.

Я выпрямился и задумался. Затем, вспомнив храм в Египте, решил получше осмотреть алтарь, приподняв за край покрывавшую его ткань и заглянув внутрь.

– Разве так можно? – спросил Смит.

– Нас вообще не должно быть на этом острове, – ответил Фултон.

Ага! Я увидел, что алтарь сделан совсем не из дерева, как я думал, а представлял собой каменный ящик. Я сделал шаг назад.

Судя по длине и ширине, в него вполне мог уместиться человек.

– Вот наш саркофаг.

– Где? – спросил Кювье.

– Алтарь. Они скрыли его, попросту накрыв гобеленом. Алтарь и есть могила, хотите верьте, хотите нет. Возьмите дарохранительницу и отставьте ее в сторону…

– Ни за что. Я сгорю в аду.

– Я думал, что вы, французские революционеры, не верите в Бога.

– И я не верил. Но мне довелось служить в Нотр-Даме.

– Хорошо, тогда я сам это сделаю. Я все равно проклят, как бы я себя ни реформировал.

Чувствуя странное недомогание, я снял святыни с алтаря и поставил их на столик. Думаю, Бог не против того, чтобы они постояли там немного. Смит помог мне свернуть покрывало алтаря (мы действовали максимально осторожно), под которым нашему взгляду предстал каменный саркофаг, похожий на тот, что мы видели на кольце с печаткой. Крышка по размеру была значительно больше ящика, и когда я потянул ее на себя, она не шелохнулась ни на йоту.

– Думаю, придется ломать, – сказал я.

– Вы в своем уме? – Кювье явно не часто охотился за сокровищами, иначе он знал бы, что эта профессия зачастую сводится к взлому, осквернению, сносу и вдыханию пыли поруганных реликвий.

– На монете изображен человек, не то входящий, не то выходящий оттуда. Понимаю, это выглядит бесчувственно, но если мы нашли именно ту церковь, то просто обязаны заглянуть внутрь. Если мы поторопимся, то успеем вернуть все на свои места еще до заутрени.

– Это в наших же интересах. Мне кажется, снаружи собирается толпа. – Мы слышали лай собак, человеческие голоса и стук в дверь церкви.

– Но как нам снять крышку? – спросил Смит.

Я посмотрел на Фултона.

– Роберт, вы умудрились оторвать перила от того моста.

– Но у меня было весло, – сглотнул он.

– Вон те железные подсвечники кажутся мне достаточно крепкими. – Я достал свой томагавк и попытался просунуть его между крышкой и рамой саркофага, стараясь не думать о том ущербе, что я причинял лезвию своего излюбленного оружия. – Тащите их сюда, вставим их в щель, которую я вот-вот сделаю. – Они колебались. – Быстрее, друзья, отступать поздно! Скорее всего, мы не увидим ничего, кроме старых костей, ну и что? Все

мы когда-нибудь обратимся в прах.

Мы проделали достаточно большое отверстие между крышкой саркофага и его рамой и воспользовались священной мануалией, или подсвечником, как рычагом, а крепким стулом из хора – как точкой опоры. Я обливался потом от одной мысли о том, что бы подумали о нас местные жители, если б увидели нас за этим занятием. Но, как говорится, взялся за гуж – не говори, что не дюж.

Кто-то начал барабанить в дверь церкви.

– Смит, пальните из своего бландербасса в нартекс, пусть не усердствуют.

– Я даже не знаю, в кого стреляю!

– По моему опыту, лучше не спрашивать. Если они стреляют в вас, этого достаточно.

– Чувствую себя расхитителем гробниц, – пробормотал Кювье.

– На тот случай, если вы этого не заметили, господа, именно этим мы и занимаемся.

Мы втроем навалились на наш импровизированный рычаг, раздался треск, и крышка слегка шевельнулась.

– Да! – вскричал Фултон.

– Навалились, еще раз, нам нужно всего-то заглянуть внутрь! – Нам наконец удалось сдвинуть массивную крышку на достаточное расстояние, чтобы заглянуть внутрь. Внутри было темно, конечно же. – Быстрее, свечу!

Ничего не могу с собой поделать – всегда испытываю волнение, когда мне кажется, что я близок к разгадке тайны. Я все еще оплакивал утраченное сокровище пирамиды и в глубине души надеялся, что найду новое.

Снаружи раздался звук громкого удара и треск, словно что-то с большой силой ударило в дверь церкви.

Я согнулся и просунул свечу внутрь, осветив внутреннюю часть саркофага.

Он был пуст, как улыбка убийцы.

И тут раздался гром бландербасса Смита.

Глава 13

– Они проделали дыру в двери, и я выглянул наружу! – вскричал англичанин. – Там целая толпа с ятаганами и мушкетами!

Он отступил назад, чтобы перезарядить оружие. В двери зияло внушительных размеров отверстие от удара топором – именно через него он и произвел выстрел. Удары в дверь прекратились, и на смену пришли звуки выстрелов, крики, затем в отверстии появились дула мушкетов, и в нашу сторону полетели шальные пули, которые, впрочем, без всякого ущерба для нас расплющивались о камни. Дверь была слишком толстой, чтобы легко сдаться, а церковные окошки слишком высокими и маленькими, чтобы нападающие могли добраться до нас через них. Хотя это также означало, что и нам выбраться будет крайне сложно.

– Сколько их там? – спросил я.

– Больше, чем в Венеции или Париже.

– Кто они?

– Откуда мне знать, черт побери? Я видел и капюшоны, и шлемы, и тюрбаны, и кашне. Мы, Итан, обратили против себя половину мира. Их точно слишком много для затяжной битвы. Так что в саркофаге?

– Святая пустота, – мрачно ответил Фултон.

– Ах, вот как… То есть мы в западне в греческой церкви на унылом острове на краю Османской империи, и все это абсолютно бесполезно?

– Похоже на то, – ответил изобретатель.

– Может быть, это просто не тот саркофаг? – робко предположил я.

– Зря я уехал из Лондона. Моя матушка предупреждала меня не ехать в Париж.

Кто бы там ни был снаружи, они начали методично бить каким-то тараном в дверь, и глухие удары стали эхом отражаться от стен притвора. Дверь поддавалась с каждым ударом, засов начал угрожающе трещать.

– Может быть, есть какая-то задняя дверь? – крикнул я, стараясь не обращать внимания на отражения факелов в высоких окнах церквушки.

– Даже если мы найдем ее и выйдем наружу, нас порежут на куски, – ответил Кювье.

– А вы думаете, этого не произойдет, когда они доберутся до нас здесь? – отозвался Кювье. – И до потолка, как в Пале-Рояле,

здесь не дотянуться. – Купол находился на высоте не ниже тридцати футов над нами. – Я думаю, Гейджу наконец удалось заманить нас в тупик.

– Мы можем драться, – сказал я с гораздо большей долей храбрости в голосе, чем я чувствовал на самом деле. – Если это просто крестьяне, они отступят.

– Я видел людей в форме. И достаточно ножей и сабель, чтобы снабдить кухню любого дворца.

– Итан, если вы поможете мне, я думаю, что смогу задержать их, когда они войдут в эту дверь. – Фултон приподнял свою волынку, и я снова услышал странное бульканье, доносившееся из ее чрева. – Это тот самый дракон, над которым я работал, и я научил его плеваться огнем.

– Сатанинский напиток, Роберт?

– Древнегреческая зажигательная смесь. Если все сработает, они не посмеют сунуться к нам.

Я лихорадочно соображал.

– Хорошо, устроим пожар и спрячемся.

– Но где?

– Кювье, отоприте заднюю дверь или привяжите гобелен с алтаря к окну повыше, чтобы они подумали, что мы сбежали. Мы же спрячемся в саркофаге, и когда они пробегут мимо нас, мы побежим в другую сторону и вырвемся на свободу. Весьма изощренный план, я вам скажу.

– Вы хотите залезть в могилу и задвинуть над собой могильную плиту?

– Буквально на минуту, чтобы сбить их с толку. У вас есть идея лучше?

Засов двери церкви издал громкий предсмертный треск и сломался надвое, выплюнув целый фонтан из щепок в нашу сторону. Мы видели кипящую массу мужчин в тюрбанах и без, видели полыхающие факелы и отблески их огня на стальных клинках.

– Времени больше нет!

– Есть! – вскричал Фултон. – Итан, хватайте вон тот подсвечник!

Стоя в уверенной стойке пожарного, он направил одну из труб своего инструмента на исчезающую на наших глазах дверь, и я заметил, что он прикрутил к ней нечто вроде дополнительной трубки, удлинившей трубу волынки на добрых три фута.

– Даже волк учится тому, чтобы не лезть в костер! – В нем наблюдалась некая техническая жестокость, желание применить свою чертовщину на практике ради самосохранения.

Двери наконец распахнулись настежь, и сени быстро

наполнились мужчинами в капюшонах и плащах, похожих на тех, что мы видели в Венеции.

– Сейчас! – крикнул Фултон. – Держите свечу пламенем к кончику трубки!

Он сжал свою волынку, но та вместо привычных трелей издала струю жидкости из своего нового наконечника, и стоило мне поднести свечу к этой быстро рассеивающейся струе, как она зажглась громадным конусом огня, словно огнедышащий дракон, с тихим свистом лизнув сломанную дверь и поджигая миньонов Ложи египетского обряда, стремящихся добраться до нас.

Раздался многоголосый мужской крик, плащи некоторых нападавших загорелись.

Фултон направлял свою трубу, словно пожарный шланг, – и именно так, я думаю, его изобретение и стоило называть, поскольку оно распространяло огонь, но никак не воду. Струя из волынки била на добрых тридцать футов, мгновенно обратив в костер дверь, ее косяк и нескольких нападавших. Толпа в ужасе отшатнулась назад, люди в смятении валились друг на друга, барахтаясь в волнах пламени. Все равно что одним глазком заглянуть в будущее грешников, подумал я угрюмо. Пылающая дверь пока еще закрывала нас щитом из огня и дыма, через которые доносились выстрелы. Пули свистели над нашими головами.

– Обратно, в притвор! – крикнул изобретатель, не выпуская волынку из рук.

Мы отступили в основную залу церкви, захлопнули ее достаточно жидкую дверь и забаррикадировали ее стульями и табуретками певчих. Затем метнулись в святилище. Кювье уже распахнул боковую дверь, словно это мы выскользнули через нее; мы же захлопнули врата святилища, отодвинули крышку саркофага на достаточное расстояние и залезли внутрь, сжавшись в комок вместе с нашим оружием.

– Но что насчет воздуха? – спросил французский ученый.

– Судя по моему опыту с подводной лодкой, у нас не менее получаса, – ответил Фултон. – Если за это время они не уйдут, нам придется выбраться отсюда и сдаться. Но идиотская идея Итана – наш единственный шанс.

Мы прижались друг к другу, словно селедки в бочке, но эта могила оказалась гораздо больше той, что я обнаружил в Городе призраков неподалеку от Святой земли – размером она была скорее с добротный горизонтальный шкаф, нежели гроб. Мы с трудом вернули тяжелую крышку на место, стараясь расположить ее максимально по центру, и оказались в полной темноте. Затем мы принялись ждать в надежде, что нападающие пробегут мимо

нас.

Сквозь камень мы слышали лишь глухое подобие звуков.

Удар и треск – должно быть, не выдержала дверь притвора. Глухие крики ярости. Лязг металла поближе – рывком распахнули дверь в святилище, затем топанье множества ног на полу, резкий бросок – увидели, что открыта боковая дверь.

И затем тишина.

Неужели сработало?

– Они могли оставить дозор поджидать нас, – прошептал я, – давайте подождем еще несколько минут.

Так мы и лежали друг на друге, потея, сжимая оружие в коченеющих руках, дыша тяжело и горячо. Я уже готов был выглянуть наружу, как вдруг раздались новые звуки, и я замер на месте. Мы услышали едва различимое бормотание, за которым последовал странный лязг и громыхание.

– Похоже на цепь, – прошептал Кювье.

Затем раздался громкий глухой стук, словно что-то забивали в стену или в пол, затем опять гремящий звук, и, наконец, звуки трещотки, словно что-то туго затягивали с помощью лебедки.

– Какого черта? – спросил Смит.

Наконец все снова стихло, и я осторожно вслушивался в пустоту, пытаясь распознать на слух хоть малейшие признаки того, что наши враги все еще были рядом. Но нет, они исчезли. Фултоновские полчаса уже почти истекли, и я не хотел, чтобы мы разом потеряли сознание от недостатка воздуха.

– Тогда выходим, – прошептал я, – и будь что будет.

Лежа на спинах, мы все, как один, уперлись ногами и руками в плиту, пытаясь повернуть ее и скинуть с рамы саркофага.

Та не шелохнулась.

– Сильнее! – прошипел я.

Мы кряхтели, толкая плиту изо всех своих сил, но все, что мы слышали, был стук и лязг металла, звук металлической цепи, скрежещущей по поверхности камня.

– Еще раз, изо всех сил!

Саркофаг был словно зацементирован сверху.

– Черт побери, мне кажется, они приковали крышку саркофага цепью, – выдохнул Смит, – Итан, они поймали и запечатали нас, и просто ждут, пока мы задохнемся.

– Они не могли бы до такого додуматься.

Я снова толкнул плиту. Путь наверх был закрыт.

– Это конец.

Мой план похоронил нас заживо.

– Судя по всему, мы их не обманули, – сказал я зачем-то в полный голос. Судя по всему, прятаться смысла больше не было,

и наши враги прекрасно знали, что поймали нас, словно насекомых в банке.

– Судя по всему, это было самое глупое из всего, что только можно было придумать, – поправил меня Кювье. – Я думал, что мы гоняемся за каким-то секретом. А они просто хотят удушить нас здесь?

– Может быть, они знали, что склеп пуст? – спросил Фултон с оттенком вполне понятной горечи в голосе. Сдается мне, что он начал сомневаться в моей репутации талантливого авантюриста и путешественника. – Гейдж, сначала вы поджигаете бордель, затем благодаря вам нас бросают за решетку, потом какая-то из ваших любовниц бросает в нас гранату, едва заприметив вас, ну а теперь вы обрекаете нас на смерть от удушения. Кто-нибудь, напомните мне, почему мы именно его выбрали быть нашим гидом по Пале-Роялю!

– Она не моя любовница. – Я чувствовал, что должен внести ясность в ситуацию.

– О нем говорили как об эксперте по шлюхам, среди прочего, – вставил Кювье.

– Может быть, они просто хотят напугать нас, чтобы мы не сопротивлялись? – спросил Смит с надеждой в голосе. – Эй, там! – Он забарабанил по крышке дулом своего бландербасса. – Мы сдаемся!

Тишина.

Мы все принялись кричать и стучать, но безо всякого толку. Ощущение было такое, словно они похоронили нас заживо и отправились ужинать с чистой совестью от того, что отомстили за беспощадный огонь Фултона. Интересно, что хуже – сгореть заживо или задохнуться?

– Быть может, можно прострелить себе выход отсюда? – предложил Смит.

– Если выстрелить из бландербасса здесь, картечь рикошетом убьет нас всех, – ответил Фултон.

– В любом случае он пуст. А заряжать здесь, в такой тесноте, просто страшно.

– Постарайтесь не тревожить волынку Роберта, – добавил Кювье, – поджариться тоже нет желания. У меня ногу судорогой сводит.

– Итан, не могли бы вы подвинуться? – спросил Смит. – Умирать, так с комфортом. Жорж, а каково это – задохнуться? Вы у нас зоолог.

– Спешу уверить вас, я этого еще не пробовал.

– Думаю, здесь страшнее безысходность, нежели боль, – решил поразмышлять Фултон. – По мере того как воздуха

становится все меньше и меньше, наши легкие начинают мутнеть… по крайней мере, это именно то, что я ощущал в ходе испытаний своей подводной лодки. Рано или поздно мы потеряем сознание и умрем. Не слишком-то отличается от простого засыпания.

– Не самый плохой способ умереть, – сказал я, по своему обыкновению стараясь везде видеть позитив.

– Тогда затаите дыхание, идиот, чтобы нам всем осталось немного больше времени, – пробормотал Кювье.

Я не уверен, было ли это признаком того, что он подустал от моего общества именно в тот момент, или ему претило лежать вместе со мной целую вечность.

– Вы действительно считаете, что они знали, что саркофаг пуст и в нем нет никаких секретов или сокровищ? – спросил Смит.

– Сдается мне, что их план заключался в том, чтобы просто убить нас, прождав достаточное время, а затем уже открыть саркофаг, чтобы посмотреть, есть там что-то или нет, – ответил я. – Весьма эффективный ход действий, скажу я вам, ведь мы уже похоронены. Им вообще не нужно прилагать никаких усилий.

– Просто восхищаюсь их сообразительностью.

– Давайте помолчим, чтобы сэкономить воздух, а я пока подумаю, – предложил я.

– И когда должен начаться этот феноменальный эксперимент? – язвительно спросил Кювье. Затем он начал опять пинать каменную крышку и кричать что-то вроде «помогите» и «канальи».

Все его попытки оказались тщетными, и он наконец замолчал, обессиленный. Мы лежали, прижавшись друг к другу в темноте, слепые, беспомощные и проклятые. Хотелось бы мне сказать, что на меня снизошло озарение, пока я лежал там, похороненный заживо, но, если честно, мне в голову не пришло ничего философского, кроме того, что я чертов дурак. Что интересно, эта мысль пришла нам всем в голову практически одновременно. Мне оставалось лишь радоваться, что мои компаньоны пока не решили придушить меня. Мы лежали и ждали. Ждали и ждали.

Тишина.

Стало немного одиноко.

– Господа, вы мертвы? – решился наконец я.

– Гейдж, ради бога! – промычал Смит.

– Дело в том, что я тоже не мертв. Не любопытный ли это феномен, Кювье?

– Может быть, мы действительно мертвы? – спросил

Фултон. – Может, именно так выглядит смерть, особенно после того, как ты убил несколько людей в порыве горького насилия? Может, это ад?

– Нет. Сюда просто попадает воздух, – настаивал я. – Иначе быть не может. Свет не попадает, но воздух точно попадает.

– К чему вы клоните? – спросил Смит.

– В этом гробу есть какая-то утечка. Ощупайте пространство вокруг себя. Может быть, этот саркофаг не так прост, как мы думали.

Мы начали ощупывать пальцами все вокруг нас, но ничего не нашли. Я тщетно пытался найти хотя бы лучик света, но раз его не было, значит, воздух должен был проникать к нам снизу, где света не было.

– Мне кажется, под саркофагом пустое пространство, – уверенно заявил я. – Прижмите носы к полу, понюхайте, вы должны почувствовать свежий воздух.

– Гейдж…

– Минутку, – прервал Кювье, – в моем углу воздух действительно свежее.

– Вероятно, можно прокопать ход? – предложил Смит. – Итан, где ваш глупенький меч?

– Вы про мою весьма элегантную рапиру?

– Давайте попытаемся прокопать или взломать пол этой вашей штукой.

Достать рапиру из ножен оказалось непростой задачей с учетом тесноты; еще сложнее было развернуть ее и передать к изголовью саркофага, где дышал Кювье.

– Ой!

– Извините. Согните ее вот так…

– Как? Я ничего не вижу.

– Осторожнее, не проткните мою волынку!

– Минуту! Вот так, вот так… Осторожно, Жорж, острие идет к вам!

Я начал ковырять пол в месте соединения одной из стенок саркофага и пола, пытаясь на ощупь определить, что делать дальше. Подождите-ка! Неужели отметина? Я нащупал выпуклость в виде ромба на камне – маленькую, едва ощутимую, но ощутимую же! Не то ромб, не то циркуль и квадрат, старинный символ франкмасонов. Черт меня побери, да эти заговорщики повсюду! Я ударил рапирой в камень под этим знаком, надеясь найти какую-либо нишу, и вдруг услышал негромкий щелчок.

В следующее мгновение, прежде чем я мог предупредить своих компаньонов, мы уже падали в бесконечную черную пустоту.

Глава 14

Каким-то чудом никто из нас не оказался нанизанным на шпагу. Мы упали на какой-то склон и покатились по нему вниз в темноте, не соображая, где верх, а где низ, бренча своим оружием. Теория Фултона о том, что мы опускаемся в ад, вдруг представилась мне чертовски правдоподобной. Однако через какое-то время все мы, включая шпагу, винтовку, бландербасс и волынку, взгромоздившись друг на друга, остановились на дне чего-то, на непонятной нам глубине. Воздух был полон пыли, но им вполне можно было дышать. И было чертовски жарко, прямо как у врат в царство Аида.

– Жорж! Уильям! Роберт!

– Нашим злоключениям не видно конца и края, – простонал один из них.

– Все живы?

– Да откуда нам знать?

– Ну, я так понимаю, мы здесь. Все-таки кольцо действительно показывало путь куда-то, а саркофаг сам по себе – не сокровище, а лишь потайная дверь, ведущая к нему. Все, что нам нужно сделать, это взять себя в руки, разыскать все имеющиеся здесь секреты и найти путь назад.

– Взять себя в руки? Здесь ни черта не видно! – Кажется, это был Кювье.

– Итан, мы несколько секунд пребывали в свободном падении, прежде чем приземлиться на склон, – сказал голос Фултона, – и я сомневаюсь, что мы сможем вскарабкаться обратно к тому саркофагу; да и что с того, если бы могли?

– Когда наши враги откроют его, они увидят, куда мы исчезли, – добавил Смит.

– Возможно. А возможно, острием клинка я нажал какую-то пружину, – ответил я, – дно открылось, сбросив нас вниз, но затем вернулось на место. Они могут открыть саркофаг, чтобы посмеяться над нашими трупами, но обнаружат лишь пустоту. Они подумают, что это чудо или что нас вообще там не было, что мы все-таки улизнули. Если честно, это весьма гениально с нашей стороны.

– Да какая им разница? Нам все равно конец. Из одной могилы мы перебрались в могилу побольше.

– Нет, я всю свою жизнь бегаю по подземельям, – сказал я с большей уверенностью в голосе, чем чувствовал на самом деле. – Здесь точно что-то есть, и может быть, никто не видел этого «нечто» со времен Средневековья. Мне показалось, что я нащупал

эмблему свободных каменщиков, когда под нами разверзлось дно саркофага. Друзья мои, не исключено, что мы в тоннеле тамплиеров.

– Тамплиеров? – промычал Смит. – О чем вы говорите?

– Это группа крестоносцев, которая долгое время охотилась на какие-то загадки древности, причем не без успеха. Я натыкался на подобные сооружения на Ближнем Востоке, в затерянном городе и в американской глуши. Похоже, что они систематично восстанавливали прошлое. После того как сарацины вытеснили христиан из Святой земли, рыцари принялись создавать укрепления в таких местах, как Кипр и Мальта. Не исключено, что и здесь они побывали и построили эту тайную дверь для следующих поколений, которые так и не появились. Очень даже может быть, что мы не в опасности, что нам крупно повезло. Мы у порога открытия того, за чем нас и послали Наполеон и Фуше, и не исключено, что мы вот-вот обнаружим древнее орудие потерянной цивилизации. Может быть, этот приз прямо сейчас станет нашим.

В темноте повисла тишина. Первым заговорил француз – медленно, осторожно.

– Вы понимаете, что все мы полностью спятили?

– Если и так, то и Наполеон тоже. Подумайте. Он узнает о слухах об оружии, каким-то образом связанном с Огом и Атлантидой, и рискует послать сюда нас. Я раньше и сам особо не верил легендам, особенно когда увидел бедноту и пустоту этого острова, но как насчет гробницы с потайной дверью? С масонской гравировкой? Полноте, друзья, должна быть какая-то причина. Да, мы упали в яму, но быть может, у этой ямы особое предназначение. Я знаю, что мы в синяках и ссадинах, без воды и еды, сидим в темной яме без всякого представления о том, куда двигаться дальше, но фортуна очень даже может улыбаться нам именно в это мгновение. – Я широко улыбнулся в темноте. – Не знаю, как вы, а я чрезвычайно воодушевлен.

Опять тишина. Я надеялся, что они не уползли от меня в тишине.

– Но прежде чем мы найдем захороненное сокровище, – продолжил я бодро, – нам нужно решить, в каком направлении двигаться. Я надеюсь, что тот склон, по которому мы только что скатились, приведет нас к тоннелю, по которому можно будет пройти безо всяких перекрестков, каверн и падений. Мы можем держаться за руки, по очереди нащупывая путь в темноте.

Вздохи и стоны.

– Не собираюсь я держать вас за руку, – сказал Фултон. – Лучше зажечь свечу.

– Свечу?

– Я приберег одну, когда мы зажигали моего дракона.

– Так у вас была свеча? – спросил Кювье. – Так почему же вы не зажгли ее в саркофаге?

– А какой смысл? Идти было некуда, а пламя сожрало бы весь наш кислород.

– Все американцы сумасшедшие, – пробормотал зоолог. – Гейдж не одинок.

– Ну, я могу дать искру на пороховой полке своей винтовки, – сказал я с воодушевлением. – Давайте соберем немного ворса, чтобы наверняка зажечь фитиль.

Так мы и поступили, и спустя несколько мгновений остатки пороха из моего рога и спуск курка произвели искру, которая в полной темноте показалась нам ослепительной вспышкой, воспламенившей шарик из ворса, от которого мы и зажгли свечу Фултона. За неимением подсвечника мы закрепили свечу в дуле бландербасса Смита и осмотрели себя. Мы были грязными, рваными и поцарапанными от падения, но если не считать этого, пребывали в довольно приличной форме. Кончик моей рапиры слегка погнулся, оружие требовало срочного ухода и чистки, но ничего, включая наши кости, сломано не было. Свеча тускло освещала пологий глиняный склон, по которому мы и направились вниз. Саркофаг находился где-то высоко за пределами нашей видимости. В другом же направлении мы рассмотрели узкий тоннель, высоты которого едва хватало, чтобы двигаться по нему на полусогнутых ногах, уходящий витиевато в застывшую лаву.

Тоннель вел вниз, в царство Аида.

Глава 15

Наш подземный тоннель извивался, словно червь. Временами потолок был достаточно высоким, чтобы встать в полный рост, но временами нам приходилось ползти, боясь, что впереди нас ждет только тупик. Стены то выступали вперед, то проваливались назад – не похоже было, чтобы этот тоннель соорудили средневековые рыцари.

– Они явно воспользовались подарком природы, – сказал Кювье, – скорее всего, это канал выхода лавы. У вулканов бывают подобные трубы, через которые вытекает расплавленная порода. Когда этот остров был еще вулканом, этот проход, вероятно, соединял центральный пик с морем.

– Остров все еще является вулканом, – поправил его Смит.

– Означает ли это, что лава может потечь через этот проход и сейчас? – спросил Фултон с беспокойством в голосе.

– Только если будет извержение, – ответил Смит. – Но в этом случае мы бы задохнулись от газа или изжарились бы от высокой температуры задолго до того, как здесь появится лава.

– Понятно.

– Или же землетрясение может попросту обрушить тоннель на нас, – добавил Кювье.

– Или горячая вода сварит нас живьем, – отозвался Смит.

– Или ошпарит горячим паром до смерти, – согласился Кювье.

– На горе Этна зевак убивало разлетавшимися камнями.

– А на Везувии находили трупы, окаменевшие от пепла.

Ученых, похоже, забавляла их беседа.

– Просто обожаю науку. А вы, Роберт? – обратился я к Фултону.

– Гораздо разумнее работать с вещами, которые можно контролировать, например, с машинами.

Так мы и продолжали свой путь вперед, сгорбившись за нашей единственной тающей свечой. Свеча давала нам не только свет, но и уверенность в том, что пока она горит, есть и воздух, которым можно дышать.

– Раз мы все еще живы, значит, где-то должен быть выход, через который циркулирует воздух, так ведь? – спросил я остальных.

– Да, – ответил Кювье, – может быть, размером с дверь. А может, и размером с замочную скважину.

– М-да, – вынужден был согласиться я.

Мы дважды соскальзывали вниз по крутым гравийным скатам, что лишь усиливало впечатление, что мы приближаемся к

какому-то аду. Мне было жарко, и я не знал, в какой степени это действительно жар, а в какой – мое воображение. Я вытер пот и заметил, как пересохло у меня во рту. Затем мы пересекли нечто, напоминающее дно, и на этом горизонтальная часть нашего пути закончилась. Мы уперлись в вертикальную шахту, которая вела как вверх, так и вниз, и была круглой и гладкой, словно колодец. Я посмотрел наверх, но увидел лишь темноту, которая, вероятно, означала, что устье этого колодца было закрыто. Взобраться наверх представлялось непростой задачей. Я оторвал лоскут от моей рубашки, поджег его от свечи и бросил вниз. На глубине футов тридцати мы увидели лишь земляной пол, от которого шел еще один тоннель.

– Шахта не так уж широка, – сказал я, – если упереться в стенки ногами и спиной, можно осторожно спуститься вниз. Я пойду первым, и когда пройду часть пути, можете передавать мне бландербасс и свечу.

От свечи оставалось уже не более половины.

Мы неуклюже спустились на дно этой шахты, и здесь нас ждал сюрприз. Тоннель, отходящий от шахты, был усилен деревянными ребрами! Похоже, это была искусственно выкопанная шахта, нежели природный тоннель. Дерево выглядело очень старым, сухим и потрескавшимся, а теплота воздуха в проходе защитила его от плесени и гниения. Неподалеку виднелась гора выкопанного песка и ржавые инструменты.

– Кто-то побывал здесь до нас, – сказал я с воодушевлением, – причем не тысячи лет назад. Я думаю, что эта шахта служила альтернативным входом с поверхности. – Я взглянул наверх. – Жаль только, что здесь нет лестницы.

– Возможно, это безрассудство не так уж и бесполезно, – выдавил Кювье.

– Подпорки выглядят так, словно они с трудом выдержат ткань палатки, не говоря уже о толще земли над нами, – предупредил Фултон, – это примитивная инженерия, очень старая и очень слабая.

– Но мне кажется, что она тем не менее стоит здесь со времен Средневековья, – заметил я. – С чего бы ей рушиться именно сегодня, после стольких сотен лет?

– Потому что мы находимся здесь и производим шум и вибрацию, – пояснил Кювье.

– Ну так давайте шептать и стараться ничего не задеть.

Мы осторожно продолжили путь и наткнулись на улицу.

Конечно, это была не обычная улица – ведь мы находились где-то под поверхностью Тиры, – но все-таки это была улица.

Какие-то шахтеры (я так думаю, средневековые рыцари, а возможно, даже сами тамплиеры) прокопали шахту вниз до плоских, отполированных сандалиями каменных плит древней улицы. Потолок шахты был высоко, и нашего крохотного источника огня было явно недостаточно, пока Кювье не поднял серый сухой, словно бумага, черенок средневековой лопаты, не намотал на него наши платки и не поджег их от свечи, мгновенно осветив пещеру светом факела. В новом свете мы разглядели, что по противоположную сторону улицы располагался склон вулканического пепла и щебня, под которым вот уже тысячи лет был погребен город, стоявший на этом месте, когда взорвался вулкан. На другой стороне улицы, однако, мы обнаружили откопанную каменную стену древнего здания с дверью и скрывающейся за ней комнатой. Прямо перед ним дорожка из каменных плит упиралась в еще один склон песка и щебня, который практически полностью закрывал тоннель, за исключением небольшой расщелины на самом верху, из которой и дул прохладный воздух.

– Тот, кто обнаружил это место, наверное, использовал колодец для поднятия глины, которую они откапывали, – фантазировал Смит. – Затем они закрыли его чем-то вроде крышки, чтобы скрыть его существование, и пользовались тем тоннелем в лаве, чтобы связать это место с другим, очень удаленным местом – церковью. Не исключено, что и церкви тогда не существовало, и святилище было построено вокруг входа в тоннель, который был скрыт саркофагом – алтарем. Похоже, что они планировали вернуться сюда, но так и не вернулись.

– Может быть, им помешало еще одно извержение, – прервал его Кювье, – или нападение, или война?

– Тамплиеры были разбиты и рассеяны в тысяча триста седьмом году, – сказал я, – в пятницу, тринадцатого.

– И эта погребенная комната, точнее, погребенный город был утрачен и забыт, – продолжал Смит.

– Пока вы не вступили в гонку с Ложей египетского обряда за открытие этих древних тайн, – подытожил Фултон.

Я не выбирал эту гонку. Меня втянул в бесконечный бардак и неразбериху выигрыш медальона в карточную игру в Париже более четырех лет назад, и с тех пор моя жизнь стала крайне бурной и чертовски безденежной. В то же самое время я чувствовал, что участвую в чем-то историческом. Рыцари ордена тамплиеров были уничтожены королем и Папой Римским, которые отчаянно пытались узнать тайну их силы, но их открытиям было суждено оставаться небольшими и разрозненными. Теперь же интерес к прошлому снова возродился.

Мы живем в век революций и логики, но все же легенды и все оккультное дает нам передышку от бурной научной лихорадки 1802 года. Мир вокруг нас так быстро меняется! Неужели здесь, внизу, действительно покоится нечто, способное изменить баланс сил в Средиземноморье?

– Из своего опыта могу сказать, что лучше всего нам сейчас осмотреться и тщательно изучить все вокруг, – предложил я, – обычно именно так находят сокровища.

Мы шагнули сквозь дверной проем в одну из откопанных комнат и увидели совсем не то, что ожидали.

В комнате не оказалось никаких машин, да и вообще никакой мебели, а вместо аскетической белизны греческой архитектуры нашему взору предстал сад ярчайших красок. Стены были покрыты фресками, фресками эйфорической красоты, напоминающими воспоминания о давно утраченном рае. Стебли цветов, переплетаясь, тянулись к солнцу, их лепестки горели золотыми, красными и фиолетовыми красками. Антилопы и птицы, исполненные в тончайших деталях, парили над зелеными и золотыми лугами, обезьяны свешивались с переплетающихся деревьев, перепрыгивая с лианы на лиану. Из бирюзового моря выходил обнаженный юноша со связкой пойманной рыбы, а изящная девушка с водопадом темных волос, одетая в легкое платье мягких цветов, прекрасная, словно камея, и безмятежная, как голубка, нежно манила его рукой.

Как же сильно эта картина отличалась от драматичной, суровой оцепенелости египетских храмов или даже угловатого белого великолепия картин, что я видел на руинах Акрополя в Афинах! В Египте воины маршировали, попирая стопами своих врагов. Эти же люди, казалось, были не просто миролюбивы – от них сквозило таким миром, словно они никогда не знали войны. Эта картина напомнила мне о мечтах Магнуса Бладхаммера об Эдеме, еще не отравленном яблоком и грехопадением.

– Если мы ищем древние орудия войны, мы явно пришли не по адресу, – пробормотал я. – Это выглядит скорее как пацифистская Аркадия.

– Они прекрасны, не находите? – выдохнул Кювье. – Сколько жизни в этих фресках! Скажите, ну какой из современных художников сможет сотворить нечто подобное?

– Наши портреты темнее, – согласился Смит. – Северные европейцы всегда выглядят на картинах так, словно они слишком много одеваются и слишком много едят; прибавьте к этому темные небеса и взнузданных лошадей. Какой же маленький уголок рая, должно быть, имели эти люди до того, как взорвался вулкан!

– Значит, это Атлантида? – спросил Фултон.

– Одно могу сказать точно – это нечто очень старое и совсем не похожее на Грецию или Египет, – ответил я. – Я не имею ни малейшего представления о том, что это за место. Но эти люди выглядят не только счастливыми, но и уверенными. И при этом в них нет никакой воинственности. С чего Ложа египетского обряда считает, что найдет здесь какое-то оружие?

– Но мы все еще не знаем, в правильном ли мы месте.

– Но вспомните тот саркофаг, люк, тоннель. Не слишком ли много случайных совпадений?

– А что, если кто-то уже забрал то, что мы надеялись здесь найти?

– Не думаю. Сомневаюсь, чтобы здесь вообще кто-нибудь бывал со времен Средневековья.

– Здесь еще много дверей. Давайте искать дальше.

Здание было похоже на настоящий лабиринт, организация которого была столь же хаотичной, сколь прекрасными были его украшения. Одни комнаты вели в другие комнаты без каких-либо организующих коридоров или объединяющего атриума. Возникало ощущение, что мы в улье, стены которого были украшены изображениями кораблей с веслами, раскинутыми, как ноги водных насекомых, папирусовых камышей, сохнувших под солнцем, боксирующих атлетов и резвящихся девочек. Мы ходили и ходили со своим крохотным неровным огоньком из комнаты в комнату, пока Фултон внезапно не вскрикнул:

– Подождите!

Мы остановились.

– Мне кажется, я заметил нечто интересное в последней зале.

Мы вернулись в нее. Изобретатель указал на фриз под потолком, представляющий собой горизонтальную картину, на которой была изображена флотилия кораблей, ничем не отличающаяся от тех, что мы видели в других комнатах. Можно было лишь догадаться, что строители этого погребенного под толщей земли места являлись моряками, что было весьма логично для островитян. Смогли ли они уплыть, когда взорвался вулкан? А что, если они основали новые цивилизации вдали отсюда, может быть, даже в Америке?

– Здесь что-то не так, – сказал Фултон, указывая пальцем на картину.

На борту одного из скользящих по волнам кораблей было изображено нечто, напоминающее полумесяц, из впадины которого исходили лучи солнечного или лунного света, освещающие небольшой флот.

– Похоже на луну, не так ли? – предложил я.

Изобретатель покачал головой.

– Посмотрите, это нечто закреплено на элегантной дугообразной раме, столь же изящной, сколь и их цветочные фрески, причем этим «чем-то» на картине занимаются несколько человек. Господа, это не небесный объект. Это какая-то машина. – Он пальцем провел по лучам, исходящим от полумесяца, и проследил луч до одного из кораблей. Над кораблем наблюдался всполох цвета, который я принял за изображение паруса, но Фултон, помнивший о своем особом способе использования шотландской волынки, считал иначе. – Я думаю, что эта штука поджигает корабли.

Я почувствовал, как холодок прошел у меня по позвоночнику, словно я увидел змея из Эдема. Люди жили здесь в мире, несомненно. Но что, если их мир существовал за каким-то щитом, которым могло быть орудие столь ужасное, что оно могло поджигать вражеские корабли, опрометчиво подошедшие слишком близко?

– Но эта идея давно уже приписывается великому Архимеду, – сказал Фултон. – Рановато для воспламеняющих зеркал.

– Воспламеняющих зеркал? О чем вы говорите, Роберт?

– В древних рукописях, изначально написанных Луцианом спустя два века после Рождества Христова и позже донесенных до нас средневековыми писателями, содержится нечто интересное. Луциан писал, что во время осады Сиракуз римлянами в двести двенадцатом году до нашей эры греческий математик Архимед соорудил зеркало или линзу, с помощью которой можно было направить энергию солнца на неприятельские корабли. Этот грек был гением механики, разработавшим также гигантские клещи, которые могли крушить римские корабли, словно чудовищная клешня. В конце концов римляне победили и ворвались в город, а Архимед был убит невежественным солдатом в то время, когда писал свои математические расчеты на песке. Его гений был потерян, но легенда воспламеняющего луча сохранилась. Одни называют его пикой Посейдона, другие – трезубцем Нептуна.

Я оцепенел. Ведь именно эти слова были начертаны на золотой фольге, что я обнаружил в Северной Америке!

– Многие отмахиваются от этой истории, считая ее басней, – продолжал Фултон, – и никто не предполагал, что она может восходить корнями во времена задолго до Архимеда. Но что, если этот мудрейший грек позаимствовал идею для своего зеркала из места, подобного этому?

– Из Атлантиды?

– Возможно.

– Эта машина действительно может существовать? – спросил Смит.

– Кто знает? Но если это так и кто-то обнаружит ее сегодня, она может обладать способностью сжигать и современные корабли, которые в действительности даже более уязвимы из-за парусов и пороха. Они горели бы, словно факелы, взрываясь, как арсенал. Это оружие, не требующее перезарядки, столь же неутомимое, сколь и само солнце.

– Я едва уцелел при взрыве французского флагмана «Ле Ориент», когда тот взорвался во время битвы на Ниле, – вспомнил я. – Взрыв получился такой чудовищной силы, что остановил битву на четверть часа. Это было самое ужасное из всего, что мне довелось пережить. Ну, или одна из подобных вещей. – Должен признать, за последние несколько лет я накопил немало воспоминаний.

– То есть если бы этот агрегат действительно существовал, он мог бы сместить баланс сил в Средиземноморье, – сказал Фултон. – Но зеркало должно быть просто огромным, чтобы обладать мощью, достаточной для того, чтобы поджечь целый корабль. В этой дыре нет ничего подобного, да и комнаты, способной вместить столь большой предмет, тоже нет, как и не было бы возможности вынести его отсюда.

– Так что же здесь *есть*? – спросил Смит.

Мы продолжили свои поиски. Всего мы насчитали восемь комнат, дальними стенами двум из которых служили глиняные склоны, что лишний раз указывало на то, что этот древний город был лишь частично раскопан. Комнаты были пусты, словно тюремные камеры, в них не было ничего, кроме фресок. Пол представлял собой утрамбованную и слежавшуюся грязь, и как бы мы ни искали, мы не смогли обнаружить более никаких потайных дверей или скрытых тоннелей. Земляной потолок подпирали деревянные шахтовые подпорки, и когда мы попытались ткнуть в него, единственным плодом наших усилий стала пыль в глазах. Улица упиралась в глиняный склон, и нам нужно было превратиться в червей, чтобы пройти дальше, а мне вовсе не улыбалась перспектива застрять в какой-нибудь очередной дыре в мечтах о сокровище. Выхода отсюда мы тоже не нашли, а летать, чтобы подняться вверх по шахте, мы еще не научились. Как жаловались мои компаньоны, мне удалось лишь заманить нас в несколько более просторную могилу, столь же пустую, сколь и саркофаг на поверхности земли.

– Здесь уже побывали расхитители могил, – предположил Кювье, – и я подозреваю, что мы опоздали на целые века. Эти рыцари, или кто там был на их месте, заполучили зеркало

намного раньше, чем мы смогли до него добраться.

– Тогда почему отсутствуют какие-либо записи о его применении? – спросил Фултон. – И почему нас преследует такая куча людей? Неужели мы все гоняемся за мифом? На рисунке изображено воспламеняющее зеркало, господа, а это и есть древнее оружие. Должно же что-то в этом быть, в конце концов!

Пламя нашей свечи становилось все короче и короче. Я старался думать, что мне всегда давалось с большим трудом. Так к чему все это: церковь, саркофаг, подземный ход, раскопки и непрестанная погоня, если здесь ничего нет?

И затем меня осенило.

– Четвертая комната! – сказал я.

Я повел остальных в четвертую комнату, где мы осветили фреску на дальней стене все ослабевающим светом нашей свечи. На первый взгляд фреска ничем не отличалась от остальных – цветы птицы и яркие краски. Только вот я заметил, что краски были слишком яркими. Линии фрески казались менее изящными, менее уверенными, словно художник не знал веселости жизни в солнечном месте вечного мира под охраной смертельного луча, не подпускавшего неприятеля к этой идиллии. Словно фреска была творением талантливого, но нетерпеливого рыцаря ордена тамплиеров, которому, возможно, приказали скрыть под своим рисунком какие-то важнейшие улики. Я вспомнил каменную плиту и гниющий щит на просторах Дакоты в Северной Америке, носящие на себе загадочные ссылки на этот непонятный «Ог». Или сбивающий с толку сигнал в Городе призраков. Или то, как математик Монж, не размышляя, отмел все мои соображения на предмет священного медальона Великой пирамиды. Всегда что-то мешало, что-то отвлекало.

Я достал томагавк и, размахнувшись, вонзил его во фреску. На стене появилась трещина.

– Гейдж, нет! – вскричал Кювье. – Это произведение искусства бесценно!

– Напротив, Жорж, эта фреска не имеет никакой ценности. Это средневековый фасад, подделка, – и я начал осыпать фреску градом ударов, наблюдая, как растет паутина трещин, а затем поддел ее с одного края, пытаясь отделить штукатурку от скрывающегося под ней камня. – Это обман.

– Что вы имеете в виду?

– Я не думаю, что эта фреска была написана древними людьми, построившими это место. Я думаю, средневековые рыцари или кто-то еще написали ее здесь, чтобы скрыть под нею что-то.

Я надеялся, что не ошибаюсь, поскольку пока что под

фреской не виднелось ничего, кроме грубого камня.

Но затем я заметил полоску чего-то кожаного. Между штукатуркой и камнем скрывался лист пергамента! Я потянул его за уголок, стараясь освободить.

И в это мгновение мы услышали приглушенные звуки, отдаленный лязг железа и топот ног, и Фултон метнулся на погребенную улицу, чтобы посмотреть, что это были за звуки.

– Кто-то приближается!

На пергаменте за фреской я увидел надпись на латыни.

Глава 16

– Смит, выиграйте мне немного времени, я должен достать этот пергамент!

Англичанин вновь исчез со своим бландербассом в руках.

Старый документ оказался на удивление податливым и гибким, но овечья шкура прилепилась к стене и фреске, словно на клею, и я мог отдирать лишь по небольшому куску за один раз. Кювье стал соскребать моей рапирой рисунок с другой стороны, и поддельная фреска начала мало-помалу исчезать.

Я услышал гром оружия Смита, крики и ответные выстрелы.

– Быстрее, быстрее, – бормотал французский ученый.

Затем мы услышали нечто среднее между свистом и шипением и треск. Я вдохнул воздух через нос. Опять что-то горело.

Смит вбежал в комнату.

– Фултон столь же безумен, как и вы, Гейдж! Он поджег опоры шахты своей чертовой волынкой. Дыма столько, что ни черта не видно. Правда, я так полагаю, нашим врагам тоже ничего не видно.

Кювье вонзил рапиру позади пергамента, пользуясь ею, словно бритвой, и, наконец, документ площадью примерно в восемнадцать квадратных дюймов упал к нашим ногам. Я не знал, что означала надпись, поскольку никогда не был силен в латыни, да и времени на перевод у нас не имелось. Я положил его себе за пазуху и кивнул.

– А что произойдет, когда дерево догорит?

– Земля рухнет на всю эту красоту, – сказал Кювье с сожалением в голосе.

– И на нас, – добавил Смит.

Мы поспешили на главную улицу. Фултон, кашляя, вышел к нам из клубов дыма. Языки пламени наперегонки спешили по сухим основаниям подпорок, словно те были вымочены в нефти, а подпорки трещали и лопались, возвещая о скорой кончине нашей крыши. Я слышал ошеломленные крики, доносившиеся с противоположной стороны дыма.

– Кто следовал за нами? – спросил я.

– Мы не рассмотрели их, – ответил Фултон. – Уильям угостил их из своего бландербасса, а я затем воспользовался остатками нефти из своей волынки. Я надеялся, что обрушится только одна секция, что позволит нам выиграть время, но, похоже, загорелась вся конструкция. Итан, я думаю, что вот-вот обрушу на нас всю эту пещеру, и над нами в этот раз нет спасительного игрового

салона.

– Я не единственный идиот, – сказал я с облегчением.

– Мои ученые коллеги, чтобы дерево горело так энергично, у него должен быть источник воздуха, – вставил Кювье, прикрывая нос и рот платком. – Мы так и не нашли ту отдушину, что не позволила нам задохнуться в саркофаге, а это значит, что надежда еще есть.

Мы отодвинулись подальше от пламени к концу древней улицы, где наверху горы камней и песка ранее видели ту небольшую расселину. Обратив к ней лицо, я почувствовал поток воздуха, привлекаемого жадным пламенем. Разгорающееся пламя требовало все больше и больше кислорода, засасывая воздух через расселину и гоня густые облака дыма в сторону наших противников, кем бы они ни были.

– Помогите мне, копайте! Может быть, выход все еще есть!

Мы зарылись в песок, словно терьеры. Расселина расширилась, пропуская внутрь все больше воздуха, питая костер за нашими спинами, который пожирал дерево, которое веками не видело ни капли влаги. Новая дыра, представшая нашим глазам, представляла собой новую трубу в вулканической лаве или же была продолжением той, по которой мы уже прошли, но в этот раз ее ширины едва хватало, чтобы ползти. Впереди была полная темнота и никакого намека на то, продолжится ли эта геологическая труба и далее или же сузится до непроходимой норы. Я оценил наши альтернативы. Огарок свечи догорел, а наши факелы были слишком длинными для столь узкого тоннеля. Единственным источником света оставался затеянный Фултоном пожар.

– Я не знаю, пройдем мы здесь или нет.

Раздался рев, и потолок в направлении наших неприятелей с грохотом упал, взорвав облако пыли, и тысячи тонн грязи покрыли большую часть пожара и многие из тех комнат, в которых мы только что побывали. Они были утрачены навечно, если, конечно, кто-нибудь не придумает способ добраться до них сверху. Тоннель и шахта, ведущая на поверхность, исчезли под грудой породы, которая отрезала нас от преследователей. Погребены ли они под ней?

– Выбора, похоже, нет, – сказал Кювье, – ведите нас, Итан, вперед – в темноту.

– А как насчет свечи?

– Я буду держать ее в зубах, пока мы не доберемся до места, в котором она нам отчаянно понадобится.

– Возьмите с собой оружие. Что-то подсказывает мне, что оно нам еще пригодится.

– Судя по нашему везению, я бы не удивился этому.

И мы поползли вперед. Тоннель, проделанный природой в грубом базальте, был шириной с наши плечи, но не более. Я полз первым, остальные старались не отставать. Я переместил пергамент и рапиру себе на спину, чтобы защитить их от царапин, а винтовкой ощупывал пространство впереди себя. Я кривился каждый раз, когда слышал, как мое оружие скребет по грубому камню, зная, что это не могло не сказаться отрицательно на его внешнем виде. И как прикажете затем впечатлять им утонченных дам?

Единственным источником воодушевления оставался легкий бриз вокруг нас, дувший откуда-то спереди в направлении пожара позади нас. Неприятно было думать о том, насколько тепло становилось в тоннеле за счет жара, исходящего от окружающей нас породы.

Сзади до нас донесся треск и грохот деревянных подпорок тоннеля, и последний источник света исчез под бесконечным слоем земли. Мы оказались в темноте, глубокой, словно сама смерть. Я слышал тихое чертыхание компаньонов за моей спиной и бряцанье оружия, которое мы упрямо тащили с собой. Ну, хоть Фултон избавился от своей пустой волынки!

Я ненавижу подземелья. Мне не доводилось еще видеть нору, которая сулила бы мне нечто большее, чем грязь, пот и ссадины при почти полном отсутствии сокровищ. Мне кажется, что если я когда-нибудь обзаведусь нормальным домом, то сооружу его на высоченных сваях, повыше над землей. Или вообще буду жить в лодке в пруду размером с добрую ванну, слишком маленькую для волн.

Даже в темноте я чувствовал, как камень словно давит на нас, и думал о пройденном пути. Внезапно пол исчез, я опустил руку в темноту, инстинктивно напрягая ее на тот случай, если прикоснусь к чему-то, что в ответ прикоснется ко мне, но нащупал лишь воздух. Я вытянул руку вперед и почувствовал противоположную стенку этого, казалось, двухфутового отверстия, где тоннель продолжал вести нас вперед. Мне показалось, что далеко впереди мелькнуло нечто розовое, и я моргнул. Далеко-далеко впереди едва виднелось слабое свечение, словно тончайшее бормотание ада. Из дыры подо мной поднималась волна тепла.

Я крикнул остальным, что собираюсь перебраться через дыру в полу и продолжить движение вперед, и предупредил их о пустоте подо мной. Затем перебрался через нору и двинулся дальше.

Однако тоннель становился все у́же, начиная давить сверху

на мою голову. Я царапнул ее по потолку несколько раз и чувствовал, как кровь сочится из моей макушки. Дышать становилось все труднее, воздух был спертым, и наконец мои плечи уперлись в стены, и я не мог двинуться дальше ни на дюйм. Полная темнота, отсутствие всяческой надежды впереди, вокруг ничего, кроме камня. Я ткнул в пустоту впереди меня винтовкой и лишь убедился в том, что тоннель сузился настолько, что ползти дальше было невозможно. Кювье ударился головой в подошву моих ботинок и заворчал.

– Что не так, Итан?

– Я застрял! – Места было столь мало, что я даже не мог двигаться назад. – Здесь нам не выйти, да и воздуха здесь нет. Нам придется вернуться к той маленькой норе и спуститься вниз.

– Спуститься вниз? *Merde!*[6] Когда же мы поднимемся наверх?

– У нас нет выбора. Сзади завал, впереди слишком узко. Единственный путь – это вниз.

Остальные застонали, но какой у нас был выбор? Кювье пришлось за лодыжки протащить меня назад пару футов, чтобы высвободить плечи достаточно для того, чтобы ползти назад, и мы все с трудом поползли туда, откуда только что пришли, потея и тяжело дыша, время от времени цепляясь за стены оружием и застревая. Теперь впереди процессии двигались ноги Фултона.

– Я спускаюсь в эту демонову нору! – объявил наконец изобретатель. – По крайней мере, я чувствую приток воздуха – правда, горячего, словно из кузнечных мехов.

Мы медленно проследовали за ним, один за другим. Настал и мой черед. Мои ноги скользнули в неизвестность, а за ними последовало и мое тело. И снова, упершись спиной в одну стенку шахты, а ногами – в другую, я начал медленный спуск.

– Я чувствую запах серы! – объявил Фултон.

– Вход в царство Аида!

– Может, мы все-таки задохнулись в том саркофаге?

– Нет, мне кажется, что это хуже настоящего ада. Там у нас был бы гид в образе самого дьявола.

Я все двигался вниз, стараясь не соскользнуть и не приземлиться на головы своих компаньонов; моя шпага и винтовка мешали мне, но я отказывался бросить их. Затем шахта приобрела наклон, мы почувствовали под ногами что-то вроде пола, крутым склоном уходившего вниз, и вслепую скользнули по нему вниз, стараясь тормозить подошвами.

– Становится все жарче! – крикнул Фултон.

– Смотрите! – воскликнул Смит. – Неужели свет?

Мы действительно увидели свечение. В обычную ночь мы бы

даже не обратили внимания на столь слабый отблеск, но после вечности в темноте этот свет манил нас, словно красноватый маяк. Однако, оказавшись рядом с ним, мы не могли скрыть досаду.

Перед нами находилась глубокая расселина, внизу которой, очень далеко, маячил отсвет чего-то красного. Было очень жарко, и мы вдруг осознали, что находимся в венозной системе, соединенной с сердцем этого древнего вулкана.

– Это входная дверь в ад, – пробормотал Кювье. – Мы заглядываем в потроха Земли.

– Зато мы видим то, что доводилось видеть лишь очень немногим! – добавил Смит.

– Молитесь, чтобы мы это только видели, а не почувствовали на своей шкуре.

– Нужно зажечь свечу, осмотреться, – сказал Фултон. – Отсюда есть несколько путей.

Общими усилиями мы снова собрали клубочек ворса, выбили искру, которая нашим уставшим от темноты глазам показалась ярчайшей вспышкой, и снова зажгли огарок. Какой же надеждой наполнил нас этот хрупкий огонек! Мы находились на своеобразном перекрестке – одна расселина вела вниз к тому жуткому свечению, и два тоннеля отходили в стороны – один горизонтально, а один под углом вверх.

– Ради бога, давайте же карабкаться, – сказал Смит устало.

Кювье шмыгнул носом.

– Нет. Бриз идет от этого, среднего тоннеля. Ползти надо по нему.

Он задул драгоценный огарок, снова сунул его себе в рот и в этот раз пополз вперед, ведя нас за собой.

Даже не могу сказать, как долго мы провели в царстве Аида. Казалось, что вечность, хотя, вероятнее всего, лишь несколько часов. Мои руки онемели, во рту пересохло, как в пустыне, моя одежда превратилась в лохмотья. Мы ползли и ползли, словно слепые мыши, и лишь шепот воздуха не давал умереть нашей надежде.

Тоннель вдруг начал почти незаметно карабкаться вверх. Нам приходилось то протискиваться через него, чувствуя себя пробками в горлышке бутылки, то проваливаться в неожиданные пустоты, глубины которых мы не могли знать. Впереди постоянно маячил страх того, что мы рано или поздно упремся в новое непреодолимое препятствие, но и этого не происходило. Наконец, спустя вечность, мы услышали шум впереди, словно ветер шелестел в кронах деревьев.

– Это что, машина? – спросил Фултон.

– Это море, – ответил Кювье, – мне кажется, мы приближаемся к морской пещере. Я вижу свечение – если, конечно, у меня не помутился рассудок.

– Я плохо плаваю, – предупредил Смит.

– Знаете ли, на данном этапе даже утонуть кажется не столь уж плохой перспективой.

Последние пару сотен метров мы слышали эхо накатывающих волн, и слабое голубое свечение впереди становилось все ярче, словно бирюзовый восход. Наконец тоннель закончился, превратившись в высокую купольную пещеру, освещенную свечением воды и солнечным светом, пробивающимся сквозь расселину в куполе. Судя по всему, именно этой пещере мы были обязаны тем воздухом, которым мы дышали с того момента, когда над нами закрылась крышка саркофага. Сквозь трещину в куполе пробивался бледный рассвет, но сама трещина была для нас недостижимой на высоте тридцати футов посреди купола, по которому мы никак не могли взобраться наверх. Под нами волны вздымались и опускались, словно грудь спящего гиганта. Мы с облегчением окунулись в соленую прохладу, но облегчение было мимолетным. Мы все изнывали от жажды.

– Как же туда взобраться? – спросил я.

– Мы можем позвать на помощь, – предложил Смит.

– Кричать? Вместо того чтобы опустить нам веревку, люди наверху могут и выстрелить.

– Неужели мы проделали такой длинный путь лишь для того, чтобы застрять в этом котле?

– Здесь слишком светло, света из той трещины было бы явно недостаточно, – сказал я. – Взгляните, как светится вода у дальней стенки пещеры. Друзья, я уверен, что за стенами этого грота раскинулось Средиземное море, и все, что нам нужно сделать, так это нырнуть и вынырнуть на другой стороне.

– Как далеко? – спросил Смит.

– Вот этого я не знаю.

– Может быть, нам все-таки стоит позвать на помощь? – снова взмолился он.

– Нет. Посмотрите, светает, становится все светлее. Нам нужно выбраться отсюда и успеть спрятаться, прежде чем наши преследователи найдут нас. Я поплыву первым. Если не вернусь, значит, я либо нашел путь наружу, либо утонул.

– Звучит весьма обнадеживающе!

– Утонуть там или умереть от жажды и голода здесь. – Я пожал плечами. Мне уже доводилось сталкиваться с подобной дилеммой. – Вперед, пока у нас еще есть силы умереть быстро.

И я нырнул.

Думаю, мне всего-то пришлось проплыть под водой пятнадцать или двадцать метров, но когда не знаешь, что ждет тебя впереди, кажется, что плывешь много дольше. Винтовка стала моим якорем, море было темным, волны толкали меня назад. Но я задержал дыхание и плыл изо всех сил, пока наконец не увидел поверхность воды, окрашенную в серебристый цвет раскинувшегося над ней неба. Я выплыл на поверхность меж красных утесов из вулканической лавы. Воздух! Я ухватился за скалу, жадно хватая воздух ртом и стараясь удержаться на поверхности в водовороте, и спустя некоторое время на поверхности появились головы Кювье и Фултона.

– Смит колеблется. Для англичанина он не слишком-то жалует воду.

– Держите мою винтовку. Я уже отдохнул. – И я отправился назад через пещеру в грот. Дистанция показалась мне малой долей той, что я преодолел несколько минут назад. Я засунул бландербасс Смита себе за пояс. – Это все равно что заново родиться, – уговаривал его я, – по ту сторону вас ждет целый мир.

Я подвел неуклюжего геолога к краю грота, показал ему, как глубоко затаивать дыхание, и затем мы нырнули и поплыли. Я держал его за руку, увлекая за собой, и спустя мгновение мы всплыли в розовом свете восхода слева от нас, где, должно быть, был восток. Смит кашлял и сморкался, словно кит. Я обернулся. Судя по расположению восхода, мы выплыли где-то на южном берегу Тиры.

– И что теперь? – спросил Фултон. – Мы даже не сможем вскарабкаться наверх.

– А теперь мы отправляемся домой, – ответил Кювье. – Смотрите, разве это не наш корабль?

Глава 17

Шебека Драгута стояла на якоре, казалось, в самом неподходящем месте – у крутого незащищенного южного берега Тиры. Неужели фортуна наконец-то повернулась к нам лицом? Судно было погружено в тишину, солнце лишь начинало подниматься над кромкой воды у горизонта, и никто не заметил, как мы проплывали сто метров, отделяющих нас от покачивающегося на волнах судна. Фултон сложил ладони рупором, чтобы крикнуть, но я инстинктивно остановил его – сначала нужно подняться на борт со всем нашим вооружением.

Я ухватился за якорный канат, обхватив его руками и ногами, и поднялся на нос. Команда спала вповалку на палубе, а одинокий вахтенный, наш рулевой, был занят извлечением зерен из граната. По моему сигналу мои компаньоны последовали за мной. Я передал Фултону свою промокшую винтовку, достал поцарапанную и затупившуюся рапиру и прошептал Фултону и Кювье достать свое оружие. В эту минуту я никому не верил. Мы тихо переместились к штурвалу, где кормчий повернулся как раз тогда, когда острие моей рапиры уже смотрело ему в горло. Последователи Мухаммеда начали просыпаться, почувствовав, как мы нависли над ними. Драгут инстинктивно потянулся к своему пистолету, но моя шпага недвусмысленно приказала ему остановиться, и ему оставалось лишь смотреть на нас в замешательстве. Должно быть, мы были похожи на стайку едва не утонувших крыс, мокрых, грязных, в рваных лохмотьях, но от этого не менее грозных. Фултон держал мою винтовку, Смит сжимал в руке свой бландербасс, а Кювье выставил вперед свои дуэльные пистолеты. Тот факт, что наше промокшее оружие ни за что не выстрелило бы, казалось, ускользнул от внимания команды.

– Вы что, вылезли из моря? – наконец выговорил наш капитан.

– Так точно, – ответил я. – Длинная выдалась ночь. И мы немного торопимся.

– Но я не понимаю… Ведь я должен был подобрать вас у причала, по другую сторону острова. Почему вы здесь, да еще и с оружием наперевес?

Я огляделся.

– У меня вопрос поинтереснее: почему вы стоите на якоре здесь, в открытом море, а не в безопасной бухте?

Драгут бросил взгляд на берег, словно ища там ответа на мой вопрос.

– Погода стоит спокойная, вот мы и встали на якорь здесь в ожидании утреннего бриза, – сказал он, наконец. – Были бы вы моряком, вы бы поняли. – Он моргнул. – Но откуда вы взялись?

– Мы изучали местность. Нам нужно как можно скорее вернуться в Венецию. Отвезете нас туда?

– Ага, значит, вы нашли то, что искали? – Капитан с воодушевлением сел, посматривая бегающими глазками то на меня, то на моих компаньонов в поисках каких-либо признаков того, что мы нашли сокровище. Он был наемником не хуже моего.

– Надеемся.

Теперь, казалось, в его действиях появилось больше уверенности.

– Тогда конечно. Абдул! Константин! Поднимайтесь, вы, ленивые собаки, поднимаем якорь для наших пассажиров! – Драгут снова бросил взгляд на берег. – Нельзя терять время! – Он вновь перевел взгляд на меня. – Но почему вы направили свой меч на своего друга Хамиду?

– Греция начинает действовать мне на нервы.

– Но теперь вы под защитой Драгута! Давайте же, друг мой, расслабьтесь, угоститесь финиками и вином, избавьтесь от своей промокшей одежды. Вы выглядите изможденным. Можете поспать на солнце.

– На другой стороне острова пришвартованы корабли, с которыми, я думаю, нам лучше не встречаться.

– Нет капитана более быстрого и стремительного, чем Хамиду. Давайте же, уберите свое оружие, отдохните, и потом расскажете мне о своих приключениях… Надо же, выйти из моря! Ха!

Я уже почти снял свою мокрую рубашку, когда вспомнил о листке пергамента, приклеенном морской водой к моей спине. Я не хотел показывать его команде, но на борту судна нет места уединению, и если я хотел, чтобы от моего артефакта хоть что-нибудь осталось, я должен был его просушить. Кювье аккуратно отклеил его от моей кожи, и мы принялись изучать старый документ. Надпись расплылась, но ее все еще можно было разобрать. Драгут глянул в нашу сторону, пока мы снимали пергамент с моей спины, но ничего не сказал. Мы подняли якорь, ветер наполнил паруса, и мы отправились в путь.

Наш капитан повернулся и вновь вгляделся в утесы уходящего острова.

– Что вы там выискиваете? – спросил его я.

– Пастухов, которые могут за монету рассказать, в каком направлении мы отплыли. – Он выкрикнул приказ, и над кораблем зареяло красно-зеленое знамя, развеваясь и хлопая на

ветру.

– Что это?

– Флаг берберских пиратов. Никто на берегу не поймет, с чем мы сюда приплывали. – И действительно, я увидел группу мужчин, машущих и грозящих нам кулаками. – Моя смекалка смутит их. Нет капитана умнее и ловчее Хамиду Драгута. Или быстрее. Или смелее. О, да, вам повезло, что вы платите мне.

Я не сводил с него настороженного взгляда.

– А что с теми людьми, что преследуют нас?

– Кто знает… Теперь они доложат своему начальству, я так понимаю. Но доложат совсем не то, что нужно, не так ли?

Я не верил ни Драгуту, ни кому-либо еще, но идея убраться подальше от Тиры была крайне соблазнительна. Похоже, его команду эта идея тоже воодушевила.

Мы растянули наш артефакт на палубе для просушки, решив не сводить с него глаз на всякий случай. Я быстро поел, жадно глотая пищу большими кусками, и решил, что не сомкну глаз, пока не проснутся мои компаньоны.

Когда я проснулся, было опять темно. Я проспал весь день.

Луна освещала море, серебря гребни волн. Было все еще тепло и весьма комфортно, а снасти тихо поскрипывали в такт шебеке, скользящей по поверхности воды. Я всмотрелся в горизонт, но земля исчезла из виду, насколько видел глаз. Я пощупал пергамент, который, к моему облегчению, оказался именно там, где я его оставил, свернул его и сунул в свой потрепанный камзол. Затем попил воды, чтобы утолить жажду, и пополз в темноте, натыкаясь на своих компаньонов, в поисках Драгута.

Наш капитан стоял на бушприте, изучая звезды. Я не имею ни малейшего представления о навигации по звездам и всегда восхищался людьми, видящими за ними нечто большее, чем светящиеся в темноте бусины.

– Где мы? – спросил я.

Он повернулся, я почти видел белки его глаз на темном лице.

– На пути домой, – ответил он. – Взгляните, море этой ночью мягкое, словно ладонь матери. Парус вздымается, словно женская грудь, а луна похожа на молоко. Я думаю, это хороший знак.

– Знак чего?

– Того, что мы все найдем то, что ищем. Ведь вы человек, постоянно находящийся в поиске, не так ли?

– Похоже, что да. Зато другие люди, похоже, вечно ищут меня.

– Да, и в Венеции, и на острове. Отчего это?

Я покачал головой.

– Я не владею каким-либо тайным знанием.

Белоснежная улыбка заиграла на его лице.

– Но, вероятно, вы владеете чем-то, о чем стоит знать? Да, я видел ваш пергамент и заметил, в какой спешке вы покинули остров. Что в нем такого важного?

– Я не знаю. Я не читал его. И даже не знаю, смогу ли прочесть.

– И именно поэтому вы вплавь добираетесь до моего корабля, проникаете на борт с оружием наголо и наперевес, в крови и лохмотьях? Знаете ли, я простой моряк, признательный провидению за спокойную ночь. Идите отдыхать, американец. Надеюсь, вы когда-нибудь расскажете мне, стоило ли наше путешествие всего того, что вам пришлось пережить.

На следующий день Кювье помог мне расшифровать надпись на пергаменте. Надпись была сделана на средневековой латыни, что неудивительно для документа тамплиеров, и сильно пострадала от времени и воды. Хамиду дал нам листок бумаги и карандаш для записи нашего перевода. Я боялся, что морская вода безвозвратно уничтожила текст, но мы распознали достаточную его часть, чтобы прийти к разочаровывающему выводу.

– Это никоим образом не связано с Атлантидой, древними орудиями или Архимедом, – пробормотал французский ученый.

В действительности текст оказался рассказом о паломничестве католического монаха в Святую землю и набором стандартных молитв, присущих римской католической церкви. В нем ни слова не было о тайнах, рыцарях-тамплиерах или подземных тоннелях.

– Может, это шифр? – спросил я, не теряя надежды. – Я постоянно на них натыкаюсь.

– Аве Мария – это шифр? – скептически перебил меня Кювье. – Боюсь, Итан Гейдж, что вы провели нас сквозь врата Аида лишь для того, чтобы обнаружить молитвенник. – Он вернул мне пергамент. – Представляет интерес лишь для историков и теологов, для нас же это не более чем сборник церковных гимнов.

Я переворачивал пергамент вверх ногами, смотрел на него сзади и с боков, пытался просветить на солнце. Ничего.

– Но зачем тогда кому-то прятать это под штукатуркой? – спросил я в раздражении. – Та часть стены была новее остальных, я уверен в этом!

– Может быть, лишь для того, чтобы закрепить слой глины. Может быть, там действительно было нечто ценное, нечто, что они забрали и закрыли пергаментом. Слух был интересный, но мы его изучили и не нашли ничего. Конец! Именно так работает

наука – неудачные эксперименты зачастую столь же важны, сколь и удачные. Мы выполнили свои обязательства перед Наполеоном, умудрившись при этом сохранить свои жизни, что само по себе уже чудо. Теперь пора отправляться домой!

И опять с пустыми руками! Клянусь бородой гнома, я ненавижу подземелья. Люди постоянно выкапывают их, чтобы прятать туда свои сокровища, но я крайне редко нахожу в них хоть что-нибудь полезное. В довершение моего разочарования я не нашел на Тире ничего, что предоставило бы мне хоть какую-нибудь информацию о судьбе Астизы, на что я очень надеялся после того спора с Озирисом в Париже. Экспедиция оказалась напрасной, и мы все были раздражены и разочарованы.

Фултону стало скучно, стоило Кювье начать переводить апостольский Символ веры, и он отправился на корму, откуда стал пристально вглядываться в море и с удивлением поглядывать на солнце.

– Как вы думаете, сколько сейчас времени? – спросил он нас.

– Позднее утро.

– А солнце у нас встает на востоке, не так ли?

– Я уже ни в чем не уверен, но, пожалуй, с этим я соглашусь, – ответил я.

– Тогда солнце должно располагаться по правому борту при движении нашего судна на север, не так ли? Справа от нас?

– Так точно.

– Тогда позвольте мне предположить, что мы двигаемся на юг и с каждым лье удаляемся от Венеции, а не приближаемся к ней.

Мы подпрыгнули.

– Что?!

– Мне кажется, что наш доблестный капитан плывет в абсолютно неправильном направлении.

– Хамиду! – крикнул я в сторону носа судна. – В каком направлении мы плывем?

– Домой, я же говорил вам! – с готовностью отозвался он.

– К кому домой? Идиот, вы везете нас на юг! У вас что, компаса нет?

Драгут с выражением крайнего удивления на лице посмотрел на небо и закричал на одного из членов своей команды. Разгорелся спор, и спустя мгновение мужчина уже карабкался по мачте, словно обезьяна, ловко держась за кольца, на которых держался парус, и всматривался в горизонт, словно надеясь найти на нем еще одно солнце. Моряк потянул за веревку, развернув длинный узкий белый флаг, который с готовностью заскользил на ветру. Для чего это? Спустя мгновение он с возбуждением указал куда-то пальцем и начал кричать что-то по-арабски. Ему вторил

целый хор криков других членов команды, которые вскочили на планширы и, как один, принялись разглядывать что-то на горизонте.

– Что происходит? – спросил Смит.

Драгут указал на нос и корму нашей шебеки.

– Пираты, – мрачно ответил он. И действительно, мы заметили темные паруса на горизонте. – Много мужчин, и, я думаю, очень опасных.

– Что? Куда же, черт побери, вы нас привезли?

– Подождите, сейчас ляжем на другой галс.

Драгут резко выкрикивал приказы, кормчий крутанул штурвал, но на него закричал другой член команды, и штурвал крутанулся в обратном направлении. Разразился спор. Форштевень врезался в гребень волны, паруса обвисли, и мы мягко остановились, покачиваясь на волнах. Члены команды принялись еще громче кричать друг на друга, доставая оружие, мечи и пики. Наше судно же продолжало дрейфовать под мерный треск и скрип снастей.

Мы с компаньонами переглянулись, чувствуя, как надежда тает, словно утренняя роса.

– К оружию, – сказал я устало.

Паруса неприятеля надвигались на нас, словно булыжники, катящиеся вниз по холму.

Мы высушили и почистили свое оружие еще утром и теперь принялись молча заряжать его, в то время как наша команда, казалось, крайне неуклюже орудовала парусами и крутила штурвал, пытаясь повернуть прочь. В тот самый момент, когда мы нуждались в них больше всего, они ударились в отчаяние и некомпетентность!

– Я думал, вы лучший моряк в Средиземноморье!

– Похоже, я проклят некомпетентностью моей команды, – недовольно ответил Драгут.

– Я думал, вы обманули их своим берберским флагом!

Он взглянул наверх.

– Может быть, нам все еще удастся обмануть их.

– Как вы думаете, это те самые люди с Тиры? – спросил Фултон.

– Но откуда им знать, куда мы направились?

– Друзья, я думаю, самым мудрым шагом в нашей ситуации будет сдаться, – внезапно сказал Драгут. – Они подходят на расстояние пушечного выстрела, а у нас нет дальнобойных орудий, нам нечем им ответить. Мой корабль легок и быстр, но он слишком мал и не выстоит под артиллерийским обстрелом.

– Но я думал, что вы можете обогнать любой корабль!

– Только не берберских корсаров. Мы – мусульмане. Может быть, они смилостивятся над нами.

– Но мы-то не мусульмане! Мы христиане! Нас отправят в рабство!

– Верно. Но мы можем сохранить ваши жизни. Вот как Хамиду заботится о своих пассажирах!

Из корпуса одного из корсаров поднялась тонкая струйка дыма, раздался свист выстрела, и спустя мгновение водяной столб поднялся в месте падения ядра на расстоянии каких-то пятидесяти ярдов от нашей кормы. Мое сердце застучало громче. Проблема морских сражений заключается в том, что от них негде спрятаться.

– Нет! – заявил Кювье, выглядевший скорее как решительный гренадер, нежели зоолог. – Мы будем драться. Хищники любят легкую жертву, как и головорезы. Но поцарапай ты льва, и тот отправится искать более легкое мясо. Спрячемся за фальшбортом, подождем, пока они подойдут поближе, и дадим бортовой залп из всех ваших легких пушек и нашего оружия. Этого они точно не ожидают, и если мы умудримся перерезать их снасти, может быть, сможем уйти.

– Вы готовы рисковать своей жизнью? – спросил Драгут.

– Уж лучше продать ее здесь, чем на рынке рабов.

– Вы, христиане, сумасшедшие. Но храбрые сумасшедшие. Так тому и быть. – Капитан резко отдал приказы своей команде. – Вы, европейцы, займите место за фальшбортом здесь, где защита получше. Мы станем позади вас, готовые поджечь фитили. Я буду ждать подходящего момента, мы поднимемся, как один, и откроем огонь! Мы все должны попасть в цель, чтобы сбить их с толку. Затем вы поможете нам с их абордажными крюками и канатами – и в путь!

Никогда не замечали, как организаторы ставят своих последователей в передние ряды, прячась за их спинами? Но время оспаривать его хореографию было неподходящим. Пиратские корсары быстро приближались – изящные суда с треугольными латинскими парусами, значительно больше, чем шебека, но не менее быстрые. Палубы были полны вооруженных мужчин. Из своего укрытия я мог видеть их через отверстие для троса – целая толпа раздетых до пояса мужчин, одни с серьгами и золотыми браслетами, другие бритые наголо и поигрывающие мышцами, некоторые в тюрбанах, некоторые без, некоторые в татуировках, другие с огромными усами. Все они рычали и грозно бряцали оружием, стараясь внушить в нас еще больший ужас. Те ли это корабли, что я видел у Тиры? Даже на таком расстоянии я чувствовал их животный запах, смешанный с запахом масла и

специй, – запах Африки.

– Ждем до последнего момента, не стреляем, – приказал Драгут. – Помните, у нас лишь один шанс. Мы должны дождаться, пока они не окажутся максимально близко к нам.

– Черт побери! – скрежетал зубами Смит. – Я чувствовал бы себя более свободным на дне канала.

– Ваш бландербасс успокоит нескольких из них, – пытался подбодрить его я. – Жорж, стреляйте одновременно из обоих пистолетов. Фултон, вы потеряли свою волынку. Вам нужно оружие?

– У меня есть топор, чтобы рубить их абордажные канаты, – ответил он. – Может быть, удастся врезать им поперечиной… Маятник, знаете ли, может обладать огромной силой.

– Уверен, что Архимед именно это вам и посоветовал бы. – Я повернулся к Хамиду. – Мы готовы.

Тот ободряюще кивнул и положил свой кортик плашмя себе на ладонь.

Ближайший корсар был уже почти вплотную к нам, его паруса были почти черными, а команда балансировала на перилах фальшборта, нетерпеливая, словно стадо жеребцов.

– Спокойно, – пробормотал я, уже выбрав цель для своей винтовки, – огромного пирата, походившего на их капитана. После выстрела, не имея времени на перезарядку, я приколю любого, кто прыгнет нам на борт, рапирой к палубе. Будем жалить, как скорпионы. – Драгут, ждем только вашей команды! – Я напрягся, готовый мгновенно подняться на ноги и выстрелить.

И в это мгновение я почувствовал столь знакомое и столь неприятное ощущение упершегося в мой загривок дула пистолета.

– И моя команда – «сдавайтесь», Итан Гейдж, – сказал он весело. Я вдруг осознал, что не говорил ему своего полного имени, и все же он его знал, лживый ублюдок. – Пожалуйста, снимите палец со спуска и опустите свою винтовку на палубу так, чтобы мне не пришлось прострелить вам позвоночник.

Я бросил взгляд по сторонам. К головам моих компаньонов также были приставлены пистолеты, вокруг нас сгрудилась наша же команда. Нас предали, предали с самого начала! Неужели венецианские гондольеры с самого начала загоняли нас на это вероломное судно? Наше оружие с глухим стуком упало на палубу.

Два корабля мягко столкнулись, о чем возвестил треск дерева и выкрики полуголых немытых пиратов, словно волна хлынувших через борт нашей шебеки. Через несколько секунд мы были уже связаны по рукам и ногам.

Драгут смотрел на меня, не скрывая любопытства.

– Вы не сделали ни единого выстрела. Я ожидал большего от героя Акры и Морфонтена.

– Мой следующий выстрел будет вам в сердце.

– Полноте, вы уже упустили свой шанс.

– Что за гнусное предательство! – вскричал Смит.

– Господа, если я не ошибаюсь, наш почитаемый гид Итан Гейдж в очередной раз завел нас в западню, – сказал Кювье.

– Но почему же вы сами просто не сковали нас еще на Тире? – спросил я капитана.

– Вообще-то это вы приставили рапиру к моему горлу, а не наоборот. Если честно, мы не ожидали, что вы умудритесь покинуть остров.

– И все потому, что я хотела лично захватить вас! – раздался новый голос.

С очередного каната соскользнула гибкая фигура еще одного пирата и мягко приземлилась на палубу нашего корабля. Этот пират не носил бороды; он был одет в морские сапоги, китель, расклешенные брюки, какие модники носили лет сто назад, и обвешан снаряжением, словно карибский морской разбойник. На голове корсара восседала огромная широкополая шляпа, украшенная перьями, а в тонкой руке он держал меч, рукоять которого была украшена драгоценными камнями. За поясом торчал второй меч, сломанный, словно дурное предзнаменование, и два пистолета. Морской разбойник грациозно шагнул на палубу шебеки, и мы заметили, как отшатнулись другие пираты, мгновенно уступив ему место, и в следующее мгновение поняли почему. Огромный черный пес одним прыжком пересек пространство между двумя кораблями и последовал за своим хозяином к нам на палубу, приземлившись с тяжелым глухим звуком. Это мускулистое чудовище было короткошерстным мастифом с уродливой широкой мордой, с которой свисали длинные слюни. При виде нас собака ощетинилась и зарычала, словно сам Цербер. У нее были желтые глаза, бока в шрамах, хвост был давно уже кем-то откушен, да и вся она была еще уродливее, чем населяющие ее блохи.

Владелец собаки снял с головы шляпу с перьями и широко поклонился.

Водопад золотисто-каштановых волос заструился каскадом по плечам нашего пленителя. Женщина! Она посмотрела прямо мне в глаза и улыбнулась улыбкой обольстительницы, которую я так хорошо знал, и я почувствовал, что мое сердце превращается в барометр посреди урагана.

– Говорила же я тебе, Итан, что мы с тобой еще встретимся.

Я смотрел на нее в изумлении, смятении и страхе, застывший при виде ее все еще красивого лица, ее эстетически грациозной фигуры, ее длинных белых пальцев, столь легко державших отливавший серебром клинок. Я вдруг отчетливо вспомнил этот сломанный меч за ее поясом, который ее брат когда-то сломал о мою винтовку. Она была такой же обворожительной, какой я ее помнил: высокие скулы, кошачий взгляд, коварство глубоких глаз. Это была Аврора Сомерсет, английская аристократка, которая терзала и изводила меня на неизученных просторах Северной Америки.

– Аврора? – с трудом выговорил я, чувствуя себя последним из глупцов.

Мои компаньоны с любопытством посмотрели на меня.

– Я вступила в ряды берберских пиратов, – ответила она, словно это не было очевидным фактом, – ведь я знала, что в один прекрасный день это сведет нас друг с другом.

Часть вторая

Глава 18

Аврора Сомерсет была одной из прекраснейших женщин из всех, что я встречал. При этом она была также самой опасной, извращенной и сумасшедшей дамой, убийцей, ответственной за смерть моей любимой – индианки по имени Намида. В свое время она также пыталась убить моего компаньона по путешествиям Пьера и оставила меня в живых на диких просторах Северной Америки лишь потому, что хотела следовать по моим пятам в поисках новых секретов.

И вот она здесь, как и угрожала, полностью оправившаяся от своей душевной травмы и, судя по всему, во главе нескольких кораблей злобных пиратов со злобной собакой, несмотря на то, что религия большинства из ее подопечных требовала от женщин полного подчинения и отстраненности от забот мужского мира. Что ж, нам всем не хватает последовательности в наших действиях и суждениях.

Мои компаньоны были просто ошарашены. Я же пришел в ужас.

Я встретил Аврору во время путешествия на запад в поисках нордических артефактов с покойным Магнусом Бладхаммером. Я был весьма предсказуемо сражен ее красотой и по мужскому обыкновению вел себя как последний глупец. В результате я оказался в плену, чудом избежал жутких пыток, бежал в дикие просторы и в последней схватке убил мужчину, приходившегося Авроре одновременно сводным братом и любовником, лорда Сесила Сомерсета. Мы с ней тоже сделали все возможное, чтобы убить друг друга, но в конце нашей схватки я был ранен, а она сошла с ума, и единственным поводом для моего утешения после того кошмара стала надежда на то, что дикая природа поглотит ее и я никогда не увижу эту бестию снова.

Время и расстояние убедили меня в том, что так все и произошло.

Теперь же она вернулась, столь же неумолимая и безжалостная, сколь и сама Ложа.

Человек, не знающий ее настолько хорошо, насколько знал ее я, мог бы подумать, что душевная травма и переживания лишат ее красоты и женственности. Но напротив, она была соблазнительна, как никогда, словно океанская богиня со струящимися волосами, зелеными глазами, пухлыми губками и чистотой, разительно отличавшейся от ее окружающего мира: эдакая Венера, выходящая из пучины морской. Интересно, прихорошилась ли она, прежде чем пойти на абордаж нашего корабля? Она

настолько сверхъестественно не изменилась, что я заподозрил в ней сделку с дьяволом – столь безупречной была ее кожа, столь изящен и грациозен ее стан, столь ярки ее маниакальные глаза. Я боялся, что она бессмертна, словно Антей, становящийся сильнее с каждым поражением.

Аврора Сомерсет была той самой причиной, по которой я решил раз и навсегда измениться.

– Я думал, вы уже устали от меня, – выдавил я. У нее был почти год, чтобы придумать новые пытки для меня, и видит бог, воображение у этой дамы было развито гораздо лучше, чем у меня. Мне было неприятно думать, к чему может привести это воссоединение.

Она медленно приблизилась ко мне, держа свой кортик, словно серебряный змеиный язык, направленный мне в горло, едва заметно поджав губы в презрении и прищурив свои глаза ягуара. Корабль мягко покачивался на волнах, а собака словно решала, с какой стороны начать поглощать меня на завтрак.

– Вас сложно забыть, Итан Гейдж. Такого стойкого. Такого безжалостного. Такого беспечного и глупого. Я следовала за вами по пятам, я знала каждый ваш шаг наперед, я дивилась вам, я специально подбросила то кольцо с печаткой французам и Фуше, зная, что они обязательно обратятся к беспутному американцу, чтобы узнать, что оно означает. Какой же вы предсказуемый! Что ж, можете вернуть мне кольцо. Да, я смотрю, вы не один! – Она смерила расчетливым взглядом моих ученых товарищей, и я не был уверен, о чем она думает в настоящий момент: о том, чтобы отправиться с ними в постель, или о том, чтобы замучить их до смерти. Вероятно, и то, и другое. – В Северной Америке вы прочли нечто, что привело вас на Тиру, и там, бьюсь об заклад, вы нашли что-то еще, что-то, представляющее большой интерес для меня и моих союзников.

– Союзников? Неужели у *вас* есть друзья?

Мне все-таки удалось вывести ее из себя.

– Больше, чем вы думаете.

– Должно быть, вы имеете в виду лунатиков вроде Ложи египетского обряда.

– И корсаров из Триполи, наших новых товарищей. Их паша осознал преимущества древних секретов задолго до Бонапарта и Фуше. – Она кивнула пиратам, представляющим собой сборище воров и подлецов почище любого парламента. Они обладали гигиеной помойных крыс и нравом раненого быка, но я привык к плохой компании. Аврора повернулась к Драгуту. – Что они нашли?

– Манускрипт, миледи. – Судя по всему, капитан с самого

начала работал на нее, с готовностью спасая нас от погони в Венеции и из пещер Тиры. Это рандеву планировалось несколько месяцев. Зачем пачкать руки, когда есть Итан Гейдж, который проползет сквозь врата царства Аида за тебя?

– Манускрипт? И что в нем говорится?

– Я бы не осмелился читать его до вас. – Он указал на меня пальцем. – Американец прочел его.

– Где он? – требовательно спросила она. – Отдай его мне!

– Ваши манеры явно не улучшились с нашей последней встречи.

– Как и ваша дерзость! Немедленно дайте его мне. И кольцо тоже!

Ее чудовищная собака принялась лаять с громкостью целой стаи волков, и я не смог сдержать дрожи. И зачем люди повсюду таскают с собой своих домашних животных? Я подумал о том, чтобы швырнуть пергамент в море, но, вспомнив о содержании надписей на нем, решил, что особой пользы это не принесет.

– Пожалуйста. Вот причина, по которой вы преследовали меня последние семь тысяч километров. Надеюсь, это поможет вам стать лучше.

О воспитании представителей высшего общества стоит отдельно сказать несколько слов. Похоже, она владела латынью. Судя по всему, молодые представительницы английской аристократии учатся не только стрельбе и садизму. Аврора углубилась в чтение, в то время как ее пираты переминались с ноги на ногу, словно шаловливые школьники, затем посмотрела на меня с выражением крайнего недоверия на лице.

– Вы что, смеетесь надо мной?

– Это все, что мы нашли, Аврора. Если вы не верите мне, раскопайте все заново, но древние залы под Акротири были пусты, как желудок попрошайки. Это совсем не то, на что я надеялся, ведь я мог бы сэкономить себе кучу неприятностей, попросту купив памфлет какого-нибудь проповедника за стенами Пале-Рояля. Если там внизу и было что-либо ценное, то рыцари-тамплиеры забрали это много веков назад. Мы оба гонялись за призраками.

Аврора поколебалась минуту, решая, верить мне или нет. Наконец она бросила пергамент к моим ногам. Я поднял его. Для меня это было нечто вроде сувенира с Тиры. Кольцо ведь она у меня забрала.

– Очень хорошо. Да, действительно бесполезная экспедиция для вас и ваших друзей, но только не для меня. – Она повернулась к своей команде. – Мы продадим их как рабов!

Команда ответила радостным гулом, и это означало, что и

они получат свою долю от нашей цены. Деньги любят все.

– Где его оружие? – спросила Аврора. Люди Драгута осмелились проявить проблеск недовольства, когда моя винтовка, из которой я убил Сесила Сомерсета, была передана ей в руки. – Эта винтовка моя, – отрезала она. – Можете забрать себе все остальное.

– Она поцарапана и нуждается в уходе, – воспротивился один из пиратов, – но это стоящее оружие. Оно наше по берберским законам, не ваше!

– Из него убили моего брата. Отдайте его мне.

Но бывалый моряк, шрамы которого говорили сами за себя, не собирался так легко удовлетворять прихоти этой женщины. Он повернулся к капитану.

– Хамиду, мы захватили их. У нее нет права!

Драгут покачал головой.

Но в тот момент, когда взбешенный, но обреченный моряк повернулся к Авроре, решая, насколько жестко ему стоит отстаивать свою правоту, ее собака рванулась с места. Мы отшатнулись от черного вихря, рычащего, словно лев, и в следующее мгновение пират оказался пригвождённым огромным псом к палубе, тщетно отбиваясь, пока тот снова и снова вонзал свои зубы в лицо и руки жертвы. Обреченный пират извивался и боролся, пытаясь одной рукой сдержать натиск нападавшего зверя, а другой стараясь дотянуться до своего ножа, но вот чудовище преодолело последний рубеж его обороны, ринувшись вперед и схватив того за горло, словно это была тряпичная кукла. Кровь из разорванной артерии фонтаном ударила в воздух на высоту не менее трех футов под крики ужаса толпы, умоляющей, кричащей, делавшей ставки своры грубых головорезов.

Пират дернулся в последний раз и затих. По палубе, словно клякса, растекалось красное пятно.

– Сокар, ко мне!

Мастиф мгновенно бросил свою жертву и развернулся, капая на палубу пеной из крови и слюны, бросив на меня взгляд желтых глаз.

Слегка дрожа, Драгут нагнулся, поднял мою винтовку и передал ее потерявшей рассудок женщине.

– Его оружие, миледи.

Аврора приняла мою винтовку в том же духе вседозволенности, который я хорошо запомнил еще в Америке, не обращая ни малейшего внимания на злобные взгляды друзей погибшего.

– Курс на Триполи, – приказала она Драгуту. Затем повернулась ко мне. – Мы поговорим еще, после того как у вас

будет время поразмыслить о своем положении в камере. И если вы не возобновите наши партнерские отношения, Омар Властелин Темниц позаботится о том, чтобы в этот раз, когда вы действительно принадлежите мне, вы не утаили от нас никаких секретов.

– Какой Омар?

– Его имя стараются не произносить вслух, – пояснил Драгут, подталкивая нас к невысокому трюму шебеки, – и тем более не встречаться с ним. – Он повернулся к остальным. – Бландербасс и дуэльные пистолеты мои!

Итак, мы с компаньонами сменили наше привилегированное место на корме на трюм для хранения парусов и воды в центральной части корпуса шебеки. Нашей кроватью стали пеньковые паруса, а мебелью – бочки с водой, разбросанные по маслянистому дну. Шебека снова встала под парус, и стремительный шелест волн за бортом говорил о том, что мы на пути в Триполи. Послеобеденное солнце вскоре превратило нашу камеру в раскаленную печь, и ощущение триумфа сменилось чувством неминуемого проклятия.

На первый взгляд пиратство и рабство кажутся нелепыми столпами экономики, но для берберских стран (называемых таковыми в честь берберов, населивших Северную Африку после падения Римской империи) эта странная математика работала столь хорошо, что у них отсутствовали малейшие стимулы развивать что-либо еще. Зачем работать, когда можно безнаказанно воровать и грабить? Набегами на слабые окраины Средиземноморского бассейна берберские корсары поставляли городам-государствам, таким как Триполи, дешевую мужскую рабочую силу и красивых женщин для гаремов. Самых богатых из своих пленников они освобождали за выкуп, и на эти деньги приобреталось все остальное, что им требовалось. Они избегали кораблей и городов наиболее сильных государств, таких как Британия, Франция и Испания, из соображений предосторожности: в 1675 году английский адмирал Норбороу спалил весь флот Триполи в качестве предупреждения. Более слабым странам, однако, было выгоднее платить дань, нежели пытаться поймать ловких корсаров или нападать на их хорошо защищенные африканские города. Дань выплачивалась не только деньгами, но и кораблями, пушками и порохом, которые превращали порты Северной Африки в ощетинившиеся островки неповиновения. Если Кювье и мог надеяться на выкуп со стороны французского правительства, которое возвысило его, то у Смита, Фултона и у меня не было ни богатой семьи, ни высокого ранга. Это означало, что мы несомненно окажемся в кандалах и

проведем остаток своих дней работая не покладая рук, недоедая и медленно гния от болезней.

Я объяснил все это своим спутникам так мягко, как только мог.

– А что, если мы откажемся? – спросил Фултон.

– Их любимый способ воспитания непокорных называется «бастинадо», когда они связывают ваши лодыжки, поднимают за ноги и наносят по вашим стопам двести ударов. Некоторые рабы после этого остаются инвалидами на всю свою жизнь. Если избиение оказывается достаточно сильным, чтобы лишить пленника возможности работать, его подвешивают на крюках на городской стене, пока тот не умрет. А затем пираты просто отправляются в плавание, чтобы захватить новых пленников.

– Никакого милосердия?

– Иногда можно заслужить небольшое снисхождение, если принять ислам; это некая культурная капитуляция под названием «надеть тюрбан».

– Тогда дайте мне Коран, и я поклянусь на нем!

– К сожалению, вы должны доказать смену веры через обрезание.

Фултон пристально посмотрел на меня, думая, что я шучу, но я не шутил.

– Каждый раз, когда я думаю, что вам не под силу испортить наше положение еще сильнее, ваше лидерство берет новые высоты некомпетентности, – сказал он наконец.

– Не все еще потеряно. – Судя по всему, мне выпала роль ответственного за моральный дух в нашей небольшой команде.

– Что вы имеете в виду?

– На нашей стороне американский флот.

Я подполз к решетке и встал, насколько это позволял низкий потолок нашей камеры. Солнечный свет, пробивающийся сквозь решетку, расчертил мое лицо на одинаковые квадратики.

– Хамиду, должен тебя предупредить! – крикнул я.

Капитан подошел к решетке, бросив на меня тень.

– Молчи, раб, пока я не отрезал тебе язык и еще что-нибудь в придачу, – он был совсем не похож на весельчака-шкипера, пересекшего с нами на борту всю Адриатику, и я снова напомнил себе о необходимости поработать над привычкой излишне оптимистично оценивать людей. Я заметил у него за поясом дуэльные пистолеты Кювье и не сомневался, что он только что полировал бландербасс Смита.

– Соединенные Штаты отправили эскадру кораблей в ответ на объявление войны Юсуфом Караманли, – предупредил я, – мы с Робертом – американские подданные. Если вас поймают с нами

на борту, вам не поздоровится. Это всего лишь дружеское предупреждение.

Он рассмеялся.

– И что, по-вашему, я должен вас отпустить?

– Это в ваших же интересах. Мы замолвим за вас словечко.

Он сделал вид, что размышляет.

– Нет. Если американский фрегат догонит меня, а он не догонит, я брошу вас, американцев, на съедение акулам, отрежу языки двум другим неверным и поклянусь, что никаких янки на моем борту никогда не было. Этот вариант, кстати, мне даже больше нравится.

– Хамиду, мы верили вам!

– Вот именно! Лучше вам верить в меня, нежели в свой собственный флот. Ваши корабли слишком тяжелы, чтобы пройти по мелководью у Триполи, а мы можем проскользнуть мимо любой вашей блокады. Ваш новый командор, Моррис, бросил свои тщетные попытки подобраться к нам и держится за юбку британцев на Мальте. Ваша эскадра уже потерпела фиаско, Гейдж, и вся Берберия смеется над Соединенными Штатами, а скоро будет смеяться и над вами. Аллах награждает верных ему и наказывает трусов, как вы это теперь видите. Не тратьте свое время на пустые угрозы в мой адрес! Подумайте лучше о том, что скажете Омару Властелину Темниц, чтобы облегчить свои страдания! – Затем он перевел наш разговор своей команде, сдобрив его своими комментариями, явно превратив его в комедию.

Я никогда не понимал, почему перспектива моих страданий на пыточном столе вызывала такое возбуждение у окружающих, но, судя по всему, эта реакция среди моих врагов была поистине универсальной. Как я уже говорил, я весьма учтивый и любезный человек, если только мне не нужно пристрелить какого-нибудь негодяя, и, по мнению вашего покорного слуги, вовсе не заслуживаю того ликования, которое сопровождает каждое мое пленение.

– Похоже, это не сработало, – отрапортовал я остальным зачем-то, хотя они слышали каждое слово.

– Не могу сказать, чтобы мы возлагали на вас особые надежды, – язвительно заверил меня Смит.

Я достал пергамент, который Аврора бросила к моим ногам, и заметил:

– Эти молитвы никоим образом не повлияли на последователей Мухаммеда.

Я поднес его к решетке, чтобы снова взглянуть на надпись на латыни, все еще не понимая, зачем кому-то прятать столь

бесполезный предмет в стене погребенных под толщей земли руин. Неужели я упустил из виду какой-то код, как тот, что нам пришлось расшифровывать в окружении индейцев дакота в далекой Северной Америке?

Сумерки трюма и неровный свет заставляли меня все пристальнее всматриваться в документ, все еще казавшийся мне бесполезным клочком шкуры животного. И в этот момент я заметил тончайшие, едва видимые линии, словно шепот под латинским текстом. Просунув пергамент под решеткой, чтобы лучше рассмотреть его, я начал замечать и другие надписи, практически невидимые, если моргнуть.

– Кювье, не могли бы вы взглянуть на это? Может быть, этот пергамент не так уж прост…

Французский ученый вздохнул, с трудом приподнялся с того места, где он плюхнулся на пол между двух бочек, и, согнувшись, пробрался ко мне. Я водил пальцем по почти невидимым нитям, и он, прищурившись, разглядывал их – сначала с выражением скуки, а затем с выражением неподдельного интереса на лице. Потом взял пергамент в руки и принялся рассматривать его в скудном свете под разными углами.

Наконец он потянул меня в глубь трюма и шепнул мне на ухо в тишине:

– Мне кажется, это палимпсест.

– Слава богу! А что это?

– В Средние века письменные принадлежности были большой редкостью, а пергамент всегда отличался долговечностью. Чтобы вновь использовать его, люди попросту соскребали старые надписи и копировали новый текст поверх них. Может быть, рыцари хотели оставить не этот список молитв, а то, что были написано под ними.

В моей душе забрезжил слабый лучик надежды. Знание – сила, а нам понадобятся все силы для того, чтобы противостоять Авроре и ее пиратам. Я поскреб пергамент ногтем, размазав чернила.

– Как же нам стереть новую надпись?

Кювье остановил мою руку.

– Дайте подумать. – Его лицо выражало величайшую степень концентрации, благодаря чему в это мгновение он показался мне мудрейшим из мудрецов. Затем француз повернулся к остальным. – Господа, законы биологии требуют, чтобы мы открыли бочку с водой и выпили столько, сколько физически сможем.

– Зачем? – спросил Смит в изумлении.

– Потому что нам нужно изо всех сил помочиться на новое

открытие Итана.

Рабовладельцы не страдают привычкой делиться со своими пленниками напитками, а потому нам пришлось брать дело в свои руки. Без инструментов мы никак не могли открыть наглухо запечатанные бочки, но Фултон ощупывал бочки в темноте до тех пор, пока не нашел бочку с небольшой трещиной и утечкой. Следуя его инструкциям, мы тихо переставили остальные бочки, пока не достали интересующий нас сосуд.

– Если трое из нас встанут на бочку и спинами упрутся в балки палубы над нами, мы должны быть в состоянии сжать планки бочки до такой степени, чтобы они разошлись и дали хорошую течь. Задача четвертого – поймать поток.

– Но чем? – спросил я.

– Нашими сапогами, – ответил Смит. – Мне однажды пришлось вычерпывать воду из тонущей на канале лодки, и моя обувь оказалась весьма подходящим инструментом.

– Мне противно засовывать ноги в свои сапоги, не говоря уже о том, чтобы пить из них.

– Тогда можно опустить эксперимент и провести остаток наших коротких жизней в рабстве и истязаниях.

– В логике вам не откажешь. За работу.

Мы с трудом вскарабкались на бочку, держа равновесие, надавили на нее, действительно заставив ее дать добрую течь, собрали воду в ботинки и сапоги каждого из нас (мы были уже достаточно дружны, чтобы делиться друг с другом самым необходимым) и принялись пить столько, сколько могли. Было приятно осознавать, что мы что-то стащили у Драгута, пусть даже простую воду. Мы пили, пока наши животы не разбухли и мы не стали производить воду самостоятельно – непростая задача в такой жаре, скажу я вам.

– А в чью обувь собирать мочу? – спросил Фултон.

– Конечно, в сапоги Итана, – не колеблясь, ответил Смит.

– Подождите, – воспротивился я, – а почему не в вашу?

– Потому что это не я заварил эту кашу. К тому же именно вы обнаружили палимпсест.

Мне удалось заставить их проголосовать, но они единогласно проголосовали против меня, а потому вся производимая нами моча перекочевала в мои сапоги, причем мои спутники опорожнялись в них с нескрываемым удовольствием. Затем мы начали тереть пергамент мочой, мало-помалу стирая средневековые письмена и обнажая то, что было написано под ними.

Это оказалась карта с пересекающимися линиями и символами над изображением береговой линии, на которой

виднелась бухта с узким устьем и дугообразной чертой, напоминающей забор, пересекающий сухопутную ее часть. Тамплиеры, или кто там заштукатурил ту стену, оставили после себя вовсе не молитвенник, но карту, ведущую куда-то, к чему-то. Не исключено, что она была каким-то образом связана с этим древним оружием, с воспламеняющим лучом Архимеда, изображение которого мы видели в подземелье. К сожалению, на карте не обнаружилось никаких слов, которые указывали бы на месторасположение берега, изображенного на ней. Результатом всех моих стараний стала вымоченная в моче карта неизвестного нам места.

– Почему здесь нет ни единого слова? – спросил Фултон.

– Карта предназначена для тех, кто и так знает, куда направляется, – ответил Кювье.

Смит продолжал изучать карту в сумеречном свете.

– Это место кажется мне отдаленно знакомым.

– Смит, вы у нас картограф.

– Судя по береговой линии, я бы сказал, что это вулканический рельеф, но эта бухта может находиться где угодно.

– Но точно не на Тире, – добавил Кювье, – там нет таких бухт.

– Гейдж, мне кажется, что вы все-таки что-то нашли. Так расшифруйте же, дружище!

– Я почти уверен, что эти линии и цифры что-нибудь да означают.

– Думаете?

– К сожалению, я не силен в разгадывании головоломок. Не нужно было мне становиться охотником за сокровищами.

На решетку нашей тюрьмы опустилась тень.

– Гейдж! Аврора желает видеть тебя!

Глава 19

Мне доводилось охотно соглашаться на приглашения женщин, но наш мрачный трюм я покидал с обреченным осознанием неизбежности встречи с леди Сомерсет. Какой бы восхитительной красавицей она ни была, я все еще носил тот шрам на бедре, который она оставила, вонзив в него индейское копье. Ее новое домашнее животное не без аппетита рассматривало мои ноги, а я был не в настроении для обмена колкостями в отношении нашего прошлого. Тем не менее ее флагманский корабль приблизился к нашей шебеке, чтобы принять меня на борт, а я, судя по всему, должен был с грациозностью балеруна перемахнуть на ее судно. Вместо этого Драгут снял с меня один из кандалов и приказал помыться.

– Ради Аллаха, вы что, промахнулись мимо ведра или обмочились от страха?

– Хамиду, просто я пахну, как пират.

Меня раздели и обдали прохладной морской водой. Затем я вновь натянул свою видавшую виды одежду, причесался, пропустив пальцы сквозь волосы, и, стараясь не потерять равновесие, пересек тонкий трап между двумя кораблями, держась за канат, брошенный мне с корабля Авроры. Не скрою, я ощутил себя немного пиратом и признал, что и в этой профессии есть свои прелести. Но затем я осмотрел головной корабль.

Корабль Авроры «Изида» был больше шебеки Драгута, имел более тяжелую артиллерию и более многочисленную команду, но чистотой мог сравниться разве что с конюшней. Тут и там свисали неподвязанные канаты, латунь позеленела, на палубе валялись холщовые мешки, пустые ящики и бутылки. Свободные от вахты пираты храпели прямо у пушечной тали, и куры клевали зерно, рассыпанное прямо под уставшим баркасом.

Я решил, что американскому фрегату понадобилось бы не более минуты, чтобы превратить эту посудину в груду щепок. Как жаль, что их не наблюдалось на горизонте…

– Я знаю, что вы не привыкли питаться свининой, но не пора ли вам подумать о том, чтобы разводить здесь свиней? – спросил я у своих пленников. – Свинарник у вас вышел на славу.

– Молчать, раб!

За свое остроумие я получил плетью по спине, и в следующую минуту боцман с обезображенным оспой лицом толкнул меня в направлении двери, ведущей в каюту на корме, дверь которой охраняли двое чернокожих пиратов, мускулистых и мясистых, словно два буйвола. Караульные были надменны, как мамлюки, и

смотрели на меня с досадой на границе неверия. Должно быть, они считали, что их госпожа могла бы пригласить к себе кого-нибудь получше.

– Не было времени переодеться, – посетовал я.

Они лишь сморщили носы, проверили, нет ли у меня оружия, и протолкнули меня вперед.

– Я расскажу вам, какова она в постели! – крикнул я гоблинам.

В каюте корсара, достаточно высокой, чтобы встать в полный рост, царила приятная прохлада. Стеклянное окошко на корме было распахнуто, и бриз легко дул сквозь решетчатые ставни. Палубу покрывал персидский ковер, а у стен лежало множество подушек, придавая каюте оттенок восточной роскоши. Аврора, как Клеопатра, возлегала на гамаке, мерно покачивающемся в ритме волн. Свою боевую экипировку она сменила на простую льняную сорочку, которая, впрочем, не скрывала пышности ее форм. Ее изящную шею украшало изумрудное ожерелье испанского происхождения, а изумрудные сережки отражали глубину ее глаз. Тонкие пальцы светились и мерцали кольцами, а запястья и лодыжки покрывало достаточное количество браслетов, чтобы ее можно было использовать в качестве якоря, если б нам довелось потерять корабельный. Я, как никто другой, знал, что она за злобная ведьма, но это знание отошло на второй план, когда я наблюдал, как она, соблазнительно изогнувшись в гамаке, пьет из золотого кубка своими пухлыми губками. Черт побери, я ничего не мог с собой поделать и мгновенно возбудился. Если б только она не держала в руках пистолет и не была похожа на Астизу так же, как кобра похожа на соловья…

Ее мастиф, пристально наблюдавший за мной из угла комнаты с глухим рыком, тоже не добавлял романтики.

– Тихо, Сокар, – приказала Аврора. Сокаром, если я не ошибаюсь, звали одного из египетских богов подземелья, и этот монстр, доходивший мне до пояса, как нельзя лучше подходил под описание одного из темнейших демонов царства Аида.

– Та камера, в которой ты оказался, это нечто вроде предисловия к тому, как могут продолжиться наши отношения, – начала она безо всякой преамбулы; никакая вуаль не могла скрыть ее натуры доминирующей хищницы. – Могу заверить тебя в том, что темницы Триполи много, много хуже, а ожидаемая продолжительность жизни рабов Караманли значительно ниже, чем у моряков на судне, охваченном желтой лихорадкой. Тебе, как рабу, всегда будет не хватать воды, поддерживать чистоту будет просто невозможно, а твое ослабленное и изможденное тело покроется отвратительными волдырями и гнойниками.

Хлысты и палки оставляют раны и рубцы, которые краснеют и испускают зловонный гной, волосы выпадают целыми клоками. Суставы болят день и ночь, зубы гниют, язык распухает, ты быстро теряешь зрение.

– Похоже на награду после ночи в постели с тобой.

Бокал дернулся в ее руке, костяшки пальцев побелели. Судя по всему, она не привыкла к человеческой честности. Любой пират, осмелившийся пойти против ее воли, уже давно кормил бы акул на дне Средиземного моря, и, судя по всему, я рисковал такой же долей. Но при всем этом по какой-то странной причине она была явно неравнодушна ко мне. С чего бы это?

– Или мы можем вместе править миром, – закончила женщина.

– Аврора, ты многого добилась с нашей последней встречи – я надеялся, что ты окончательно сошла с ума и отдала концы где-то на неизведанных просторах Северной Америки. Но ты здесь, ты настоящий адмирал, но я все же очень сомневаюсь, что ты стоишь на пороге завоевания мира. Пленение меня, мягко говоря, это не совсем то же самое, что победить в схватке Наполеона или Нельсона.

– Но твое пленение – это лишь шаг на пути к зеркалу Архимеда.

– Так вот с чего все это началось? С мистической игрушки эксцентричного грека?

– Этот эксцентрик изобрел алгебру за две тысячи лет до Ньютона! Рассчитал значение «пи» точнее, чем фараоны! Он был настолько возбужден, когда открыл принцип вытеснения и закон, названный впоследствии его именем, что вскричал «эврика!» и голым бегал по стенам города.

– Бóльшая часть знаменитых людей неравнодушна к публичности. Должно быть, именно моя скромность стоит на моем пути к знаменитости.

– Зеркало, если его удастся восстановить, сможет воспламенить любой флот. Оно будет испускать свой смертоносный луч вечно, не требуя перезарядки. Мы сможем грабить торговые суда любой страны, любой нации, и они, беспомощные, не смогут нанести нам ответный удар. Со временем можно установить эти устройства на кораблях и сжечь любой порт, любой форт, противостоящий нам. Представь, как взрываются склады с боеприпасами, как взлетают на воздух повозки с боеприпасами, как горящие моряки и солдаты разлетаются в стороны и падают в море…

– Аврора, какое воображение! Но все это было две тысячи лет назад. История древних времен, разве нет?

– Если только кто-то вроде тамплиеров не сохранил зеркало и не спрятал его в месте наподобие Тиры.

– Не сохранил и не спрятал. Я проверил.

– Может быть, ты недостаточно хорошо его искал. Или же знаешь больше, чем пытаешься представить. Давай же, Итан, ложись поближе ко мне, – она, соблазнительно извиваясь, переместилась на своем ложе, – гамак достаточно велик и для двоих.

– Вообще-то я зарекся иметь дело с женщинами, и ты лучше, чем кто-либо другой, знаешь почему.

– Когда-то ты умолял меня об этом…

– Это было до того, как ты убила всех моих друзей. Я пристрелил твоего кузена, если не ошибаюсь. Или брата. Или сводного брата… в конце той истории я уже и не знал, какой истории о Сесиле верить. Но в целом история наших встреч с тобой не самая безоблачная.

– Все эти люди были бы живы, если б ты поделился со мной своей миссией, как я просила с самого начала! Мы были бы партнерами, мы сделали бы этот мир лучше благодаря мудрости Ложи египетского обряда! Итан, неужели ты не замечал, что каждый раз, пытаясь поступить правильно, ты в итоге делаешь что-то не так? У тебя нет любви, нет денег, нет дома. Я же могу предложить все это, и много, много больше! Расскажи нам то, что ты знаешь, и присоединяйся к идее, которая гораздо больше нас всех. Преврати свою жизнь в нечто стоящее!

Сокар снова глухо заворчал, словно напоминая мне о том, что особого выбора у меня нет, но в следующий момент переключил свое внимание на кость (судя по всему, когда-то принадлежавшую незадачливому моряку, отказавшему Авроре), лежащую перед ним. Я подошел к небольшому столику, заваленному книгами и свитками по древней истории, алхимии и магии. Говорите про Ложу египетского обряда что хотите, но читателями они были исправными.

– Аврора, я бесполезен, как никогда. Ты видела, что мы откопали на Тире, – средневековый молитвенник. Мы нашли древние руины, пустые, как Версаль, и умудрились обрушить на них потолок. Ты абсолютно права, я полный неудачник, и ты сэкономишь себе много времени и сил, гоняясь за кем-нибудь более успешным.

– Тем не менее ты всегда на шаг впереди нас – и в пирамидах, и в Иерусалиме, и на американской границе, а теперь еще на Тире. Ты жаждешь знания так же неудержимо, как и мы, Итан!

– А кто эти «мы»? Как стать членом вашей клики заговорщиков, состоящей сплошь из лунатиков и мошенников?

Подать заявление о вступлении в членство? Или это вопрос генеалогии?

– Мы – серьезные искатели прошлого, которые заслужили право править другими благодаря своему древнему знанию. По своему выбору мы бросаем вызов всему традиционному и предпочитаем следовать оккультному знанию, куда бы оно нас ни завело. Условностям и догмам мы предпочитаем мудрость. Идеальная гармония в мире воцарится только тогда, когда все будут подчиняться нам. Тебе и мне, Итан!

Что-то здесь не так. Зачем Авроре Сомерсет, английской аристократке и искателю-ренегату, стремиться к чему-то большему, чем измывательства над своими когда-то не добитыми жертвами? Если б я действительно располагал какими-либо полезными знаниями, я не удивился бы, если б она изобразила временный интерес, пока не получила то, что ей нужно, а затем перерезала бы мне горло. Но зачем намекать на возможность долгосрочного партнерства? Я терпеть не мог эту бестию, да и она не испытывала ко мне теплых чувств. Аврора уже видела мой пергамент с молитвами и пока еще не знала, что он все-таки может содержать нечто полезное… Нет, здесь было что-то иное, что-то странное, чего я пока что не мог понять.

– В моей жизни пока что не было места гармонии.

Она начинала терять терпение; ее поза в гамаке потеряла томность, а блеск в глазах сменился с соблазнительного на опасный.

– Ты предпочитаешь сгнить рабом?

– Отпусти моих друзей. И тогда, быть может, я помогу вам с этим вашим зеркалом.

– Итан, моя команда не работает бесплатно, им нужно платить. Твои друзья пригодятся для выкупа. Но вот себя ты все еще можешь спасти. Подумай о себе. Зачем тонуть всем вместе, когда ты все еще можешь выплыть?

Неприятно, что она была столь невысокого мнения о моих моральных качествах и полагала, будто подобное решение моей проблемы могло показаться мне привлекательным, но еще более неприятно, что она оказалась недалека от истины. Вот он я – один, без корней и привязанностей, покинул свою страну, чтобы служить другой, и попался в паутину, сплетенную моей давней любовницей; вот я писаю на грязный пергамент в надежде на то, что последнее приключение под землей было не совсем бесполезным. Да что я сам думаю о себе? Из уст Авроры эта перспектива казалась еще более пустой и мертвой, и, быть может, я смалодушничал бы, будь моложе и незрелее. Те редкие моменты в моей жизни, когда я демонстрировал стойкость своего

характера и силы воли, наполняли меня чувством самоуважения – так, может, пришла пора взять это в привычку? Не просто измениться в своем отношении к окружающему меня миру, но начать настоящий проект реконструкции моей давно заблудшей души? Лишь один Бог знает, насколько хорошо мне удается давать себе клятвы и зароки, и лишь Он один знает, как плохо я умею их соблюдать.

– Но я ведь не сам по себе, не так ли? У меня три хороших друга в плену на корабле Драгута, и они страдают исключительно из-за моих неблагоприятных отношений с тобой. Нет, Аврора, пожалуй, твоему обществу в этом уютном гамаке я предпочту их компанию в том тесном трюме, наслаждайся жизнью без меня. Дело в том, что вы захватили бедных ученых, а не капитанов торговых судов, и наши жизни не стоят бумаги, на которой вы напишете требование о выкупе.

– Тогда вы умрете рабами! – Аврора вскочила со своего горизонтального трона и встала передо мной, дрожа от раздражения, сверкая яростным пламенем зеленых глаз, и клянусь Венерой, ее формы в льняной сорочке соблазнили бы и папу римского. Я искренне не понимаю людей, принимающих обет безбрачия. Полупрозрачная ткань, казалось, делала ее еще более нагой, нежели бы она действительно предстала передо мной голой, и я желал ее плоть до изнеможения. Но она была дьявольской искусительницей, и я не осмеливался коснуться этого огня.

– А вы никогда не заполучите зеркало Архимеда. Это все равно что дать бочку с порохом пироману. Вы не получите свое оружие, не получите меня и не достигнете той, вне всяких сомнений, извращенной цели, которую преследуете. Все, что у тебя будет, – эта каюта, команда головорезов-мусульман, галеты, трюмная вода и жизнь, полная одиночества, в поисках мира, который ты сама же и отвергла.

– Ты ничего не знаешь!

Ее собака вскочила на ноги и гавкнула в мою сторону, вновь заставив меня вздрогнуть и вспомнить о томагавке, которым я с удовольствием поиграл бы с этим мастифом на досуге.

– Именно! – молвил я. – А потому делай что хочешь – расскажи мне, утопи меня, брось меня за решетку, но прошу тебя, оставь меня в покое.

Как оказалось, ни одному из наших желаний не суждено было сбыться.

Глава 20

С моря Триполи привлекал, как разинутая львиная пасть. Драгут поднял нас на палубу понаблюдать за заходом в порт, чтобы мы полностью осознали безнадежность любых мечтаний о побеге. С каждым километром, приближающим нас к берегу, мы все сильнее ощущали душащий жар Северной Африки, небо которой было ярко-желтым над пустыней и молочно-голубым над садами и финиковыми пальмами, окружающими городские стены. Форты и башни самого неприступного логова пиратов на Средиземном море колыхались в раскаленном воздухе, словно ночной кошмар. Челюстями льва были рифы, опоясывающие город с моря, зеленые и золотые на фоне темных вод Средиземного моря, а зубами – пушки, торчащие из амбразур защитных бастионов: сотни и сотни пушек. Под их защитой корсары, шебеки и фелуки берберских пиратов беззаботно сгрудились у берега, словно спящие львята.

Я искренне надеялся увидеть гордые черные фрегаты американского флота – ведь я пересек Атлантику на борту корабля мощной эскадры кораблей нашего флота, – но не увидел никаких признаков блокады, а насмешки Драгута насчет того, что флотилия Соединенных Штатов прячется на Мальте, представлялись мне вполне правдоподобными. Если Триполи действительно находился в состоянии войны с моей молодой страной, признаков этого заметно не было.

– Видите, – сказал Драгут, словно читая мои мысли, – осадка ваших кораблей не позволит им и близко подобраться к Триполи.

Полуденная жара и солнце начинали действовать мне на нервы, лишь усиливая галлюциногенный эффект, который ученые Наполеона назвали «миражем». Со стороны земли доносился запах песка и специй, экскрементов и апельсинов, шерсти от сложенных в горы ковров и вонь от сушеной рыбы. Триполи расположен на зеленой равнине, постепенно переходящей в пустыню, и в ослепительном свете солнца дома с плоскими крышами кажутся ледяными глыбами. Этот огромный ледник изрезан паутиной улиц, таких узких и переплетенных, что они скорее походят на природные ручьи и каналы, нежели на спланированные дороги. Рельеф по большей части плоского города тут и там выступает в небо мечетями и минаретами с конусообразными зелеными крышами, напоминавшими шляпы ведьм.

На юго-восточной оконечности города, у бухты, стоял коренастый, массивный дворец паши, Юсуфа Караманли, за

которым виднелись каменистые утесы с фортом, из которого отлично просматривалось и простреливалось и море и суша: отличное место для зеркала.

Караманли, как с гордостью рассказал нам Драгут, был не менее безжалостным, чем Аттила Завоеватель.

– Он пришел к власти семь лет назад, когда прогнал пирата Али Бургала. До этого он убил своего брата Хасана в гареме дворца и отстрелил пальцы его матери, когда она подняла руку, пытаясь защитить старшего из своих сыновей. Юсуф за волосы оттащил беременную жену Хасана от его мертвого тела, а затем отрезал его половые органы и бросил на съедение собакам.

– Теперь понятно, почему вы вступили в их ряды.

– При всем этом он очень богобоязненный человек – его тюрбан расшит цитатами из Корана.

– Вот это вера.

– Когда Юсуф отвоевал город у пирата Бургала, его старший брат Хамет согласился на изгнание в Александрию. Однако жена и дети Хамета остаются здесь в качестве заложников. Юсуф не доверяет Хамету и контролирует его, терроризируя его семью. У самого Юсуфа две жены, светлокожая турчанка и чернокожая красавица.

Белая Мадонна и негритянка, подумал я, вспомнив свои приключения в подземельях Иерусалима с Мириам и наставления Астизы.

– И, конечно, целый гарем наложниц. Юсуф – настоящий жеребец. А еще у него есть леопард, итальянский ансамбль, ублажающий его музыкой и серенадами, и драгоценные камни размером с яйцо малиновки.

– Все равно сомневаюсь, чтобы он победил на выборах.

– Ему это не нужно. Его любят и боятся, потому что его правление – это воля Аллаха. Мы, мусульмане, довольствуемся своей судьбой, потому что, как говорил Пророк, «так предначертано». Христиане же разрываются на части, потому что не верят в судьбу и всегда пытаются что-то изменить. Мы же, благоверные, согласны и на угнетение, если есть на то воля Аллаха. Триполи живет в мире именно благодаря тирании.

– То есть вас устраивает сумасшедший, убивший собственного брата, покалечивший мать и таскающий беременную жену своего брата за волосы?

– Весь мир платит дань Юсуфу Караманли.

– Англия и Франция не платят, слава богу, – вмешался Смит.

– Так оно и должно быть. Англичане и французы не дают флотам других стран накопить силы. Разве Нельсон не уничтожил только что датский флот под Копенгагеном? Мы не можем

драться против их линкоров, а они не могут подобраться к нам из-за мелководья. Поэтому мы не трогаем корабли под их флагом, а они, в свою очередь, не трогают нас, позволяя нам охотиться за торговыми судами своих конкурентов. Торговцы понимают, что им проще заплатить за то, чтобы плыть под английским или французским флагом. И в этом тоже мы видим мудрость Аллаха – каждая нация занимает свое законное, принадлежащее только ей место. Единственные, кто не проявляет благоразумия, это американцы, но посмотрите вокруг – вы видите здесь их фрегаты? Они хвастают и угрожают, но предпочитают прятаться.

– Но Юсуф сам объявил нам войну.

– Он сделал это потому, что ваша инфантильная нация не понимает миропорядка и не согласна платить праведную дань! Соединенным Штатам лучше дать нам то, что мы требуем. Это обошлось бы вам гораздо дешевле, чем бездумное отрицание существующего положения вещей в мире. Вот увидите.

– Драгут, боюсь, мы более не верим вашим советам с учетом того, что вы лгали нам, предали нас и продали в рабство.

– Ага! Вам еще повезло, что вас захватил именно Хамиду Драгут, а не по-настоящему жестокий человек, как Мурат-реис![7]

– Шотландец-предатель?

– Он надел тюрбан, но остался столь же мрачным и угрюмым, как его родина. Я замолвлю за вас словечко, но поверьте, он вовсе не такой милостивый, как я, Хамиду. Мурат выбрал доблесть под полумесяцем вместо рабства под крестом. Теперь он капитан всех наших корсаров и известен своей храбростью, умом и беспощадностью. У каждого раба есть эта возможность! В ваших отсталых странах рабство – это мука длиною в жизнь, это труд негров, которых вы презираете. В нашей просвещенной нации это всего лишь ступенька к богатству и даже свободе для тех, кто примет ислам! Наши христианские рабы живут жизнью проклятых, но рабы-мусульмане могут подняться до уровня своих хозяев. Такова мудрость Аллаха.

– Никто из нас никогда не обратится в мусульманство, – поклялся Кювье, – даже мы, ученые, сомневающиеся в Святых Писаниях.

– Тогда либо ваши обанкротившиеся семьи заплатят за вас выкуп, либо вы проведете остаток своих дней на каменоломнях, либо вас отдадут Омару Властелину Темниц. Неужели вы, ученые, не имеете здравого смысла? Послушайте меня: сейчас вас может спасти только здравый смысл.

Мы приближались к городу, откуда донесся приветственный залп пушек; флотилия Авроры дала ответный залп. Каждому новому дымку со стороны бойниц форта спустя секунду или две

вторил дым одного из наших орудий, и грохот залпов гулял эхом над прекрасными бирюзовыми водами бухты. Мы скользнули меж рифов, приближаясь к причалу, на котором уже сгрудились толпы грузчиков, работорговцев, солдат и жен с закрытыми чадрами лицами. С городских стен донесся звук горна и барабанная дробь. Наш корабль встал у пристани, и изможденные голодом рабы вытащили на берег длинные гремящие цепи, к которым нас приковали кандалами на запястьях и лодыжках. Вес цепей не позволял поднять руки, и нам приходилось держать их опущенными так, словно мы пытались прикрыть свои промежности, что было недалеко от истины – так сильно были изодраны наши одежды после путешествия по подземельям Тиры. Грязные, небритые и тощие, мы выглядели как жалкие рабы, кем мы, собственно, только что стали. Мои ученые спутники мрачно рассматривали галдящую толпу, ожидая, когда нас поведут на рынок рабов. Здравый смысл? У нас осталась лишь одна карта, но мы не осмеливались разыграть ее. Мы думали, что знаем место, изображенное на палимпсесте.

Именно Смит, со своей любовью к географии, первым все понял. Он сказал мне об этом, когда меня вернули в трюм корабля Драгута после моего короткого рандеву с Авророй.

– Итан, мы все перепутали, – объяснил он мне шепотом, когда наш корабль снова взял курс на берега Африки. – Изгиб здесь – это вовсе не залив, а наоборот, полуостров, словно карту рисовали с ее изображения в зеркале. Как только я это понял, все сразу же встало на свои места. Я знаю лишь одну бухту в этой части мира с выступом точно такой же формы, и это Сиракузы на Сицилии, где Архимед делал расчеты и занимался зеркалом. А эта кривая здесь прочерчена вовсе не по суше, а по морю. У Фултона есть идея в отношении того, что же это, черт его побери, может означать.

– Я думаю, что это предел эффективности зеркала, – пояснил изобретатель. – До этой черты лучи зеркала обладали достаточной силой, чтобы воспламенять римские галеры.

– А символы могут относиться к местам на суше, которые хотели отметить авторы данной карты, – продолжал Смит. – Например, место, где спрятано зеркало Архимеда. Пещеры, форты, церковь.

Я посмотрел на пергамент. Крест располагался на полуострове, а символ, напоминающий замок, – на значительном расстоянии от города. Крест и замок соединялись подковообразной линией, а в месте сгиба кривой были нанесены волнистые отметины, словно обозначение реки. Рядом располагался овал, небольшие горбики, которые могли

олицетворять хижины или пещеры, и стрелки со странными символами и бессмысленными цифрами.

– Я думаю, что тамплиеры начертили эту карту после того, как обнаружили зеркало, – прошептал Смит, – а спрятали ее на Тире в месте, известном только им: в подземных катакомбах.

– Значит, нам есть чем поторговаться! – воскликнул я.

– Однозначно нет, – воспротивился Кювье. – Неужели вы собираетесь передать ужасное оружие в руки пиратов-фанатиков?

– Не передать. Лишь использовать то, чем мы владеем, чтобы выбраться из этой затруднительной ситуации.

– Я лучше останусь рабом, чем дам варварам подсказку, которая может привести к уничтожению французского флота! – поклялся мой друг.

– Так точно, и британского флота тоже! – воскликнул Смит. – Право же, Итан, ведь и ваша страна тоже находится в состоянии войны с этими дьяволами. Мы не можем рассказать им, где находится смертельный луч.

– А где он? – спросил я, всматриваясь в карту.

– Мы не знаем точно, но рано или поздно они до этого додумаются. Даже если они узнают город, это значительно облегчит их поиски. Ваши фрегаты превратятся в плавающие костры, а ваши соотечественники сгорят заживо. Мы не можем купить свою свободу такой ценой. Смерть или бесчестие, помните?

– Конечно, – сглотнул я. – Тем не менее от одного намека ничего не будет.

Фултон покачал головой.

– Любой современный изобретатель наверняка сможет улучшить греческий дизайн. Мы не имеем права даже намекать на это!

Клянусь усами Зевса, меня угораздило попасть в рабство с достойными людьми, а это всегда рискованно, не говоря уже о том, что со мной это впервые.

– Но они все равно заберут у нас палимпсест и могут прийти к такому же заключению, – попытался я переубедить их; при этом вовсе не малодушничал, а лишь пытался размышлять практично.

– Единственное, что мы можем сделать, так это запомнить этот рисунок в мельчайших деталях и уничтожить пергамент. Тогда ключ будет в наших головах, а не в подземном тоннеле или на куске кожи животного.

– Как уничтожить? Мы не докинем его отсюда до моря.

– Верно, и молитвы мы на него снова нанести тоже не сможем. Единственное, что приходит мне на ум, так это съесть его.

– После того, как мы вымочили его в моче, чтобы прочесть надпись?

– Итан, немного мочи никому не повредит, – заверил меня ученый. – Это даже менее токсично, чем вода из грязного колодца. Раньше девушки мыли мочой волосы. К тому же палимпсест уже давно просох. Можно сказать, мы его замариновали.

– Съесть маринованный палимпсест? – Я пребывал в смятении. – Но как?

– Понемногу. Соли с перцем, боюсь, у нас нет.

Так мы и поступили. К концу процесса у меня заболела челюсть и свело живот от переизбытка пергамента и недостатка овощей. Ну почему я не могу найти нормальное сокровище, что-нибудь вроде золотых слитков или королевской диадемы?

Угрюмое жевание этой жвачки навеяло на нас философские мысли, а когда мужчины размышляют о тайнах вселенной, первыми им на ум приходят женщины.

Я рассказал о своей неудачной аудиенции с Авророй Сомерсет и вкратце посвятил моих спутников в историю наших непростых с ней взаимоотношений, которая, казалось, никого не удивила. Мы единогласно пришли к выводу о том, что женщины таинственны, как карта сокровищ, и взрывоопасны, как бочка с порохом.

– Просто необъяснимо, насколько они опасны с учетом того, что мужчины явно превосходят их, – сказал Смит с выражением искреннего непонимания на лице. – Свидетельства того, что наш пол превосходит их по силе, храбрости и уму, неоспоримы.

– Не совсем, – охладил его пыл Фултон. – Я знаю многих мужчин, которых перспектива родов приводит в ужас.

– У женщин однозначно есть свои сильные стороны, – нехотя согласился англичанин. – Красота – это лишь наиболее очевидная из них. Я пытаюсь сказать, что, несмотря на все способности мужского пола, курицы, похоже, слишком часто берут верх над павлинами. Весьма и весьма занятно…

– Все это – продукт естественной истории, – молвил Кювье. – Самцы, к примеру, и это истинная правда, обладают инстинктом к неверности. В то время как моногамия имеет свои преимущества в плане выживания потомства, с точки зрения воспроизводства и продолжения рода в интересах любого самца – оприходовать как можно больше самок.

– Да ладно вам, – вставил я.

– И именно это должно закрепить за мужчинами их превосходство, – сказал Смит. – Если сердце мужчины разбито одной партнершей, он просто переносит всю свою энергию на

другую. Взгляните на Гейджа – прекрасный пример безрассудной серийной похоти, неверности и неспособности мыслить разумно.

Я открыл рот, чтобы возразить, но Фултон оборвал меня.

– Олени-драчуны рискуют погибнуть в драке, но зато победителю достается весь гарем, – согласился изобретатель. – Бык властвует на своих пастбищах, а баран заведует своими овцами. Мужское превосходство, господа, это закон скотного двора, но это же должно быть законом и модных салонов!

– Однако это не так, – предупредил его Кювье. – Итан, к примеру, представляет тот тип мужчин, которые сталкиваются с бесконечным числом проблем, связанных с женщинами, благодаря своей блошиной неутомимости, неспособности планировать будущее, авантюризму и бесталанной неверности. В его случае преимущество скорее на стороне прекрасного пола. Когда открывается сезон охоты на самцов оленей? Именно в сезон половой охоты, когда их мозг затуманен вожделением, и они не могут думать ни о чем ином.

– Вы опять точно описали Итана, – согласился Фултон.

– У женщин же, наоборот, гораздо более тяжелая задача, нежели простое совокупление, – продолжал Кювье. – В то время как праздный бык вроде Гейджа мечется по пастбищу, гоняясь сначала за одной юбкой, потом за другой, потом за третьей, у самки есть лишь один шанс принять верное решение. Оплодотворить ее может лишь один мужчина, а потому выбор самца имеет критическое значение для благополучия самки и благополучия ребенка. Именно поэтому к выбору партнера она относится с мудростью Александра и стратегией Фридриха Великого. Навыки этого танца прививаются ей с детства, и когда мы, мужчины, сталкиваемся с ее безжалостной стратегией и жесткими критериями отбора, нам остается лишь играть свою роль беспомощных пешек. Именно она контролирует наш успех или неудачу, именно она маневрирует с тем, чтобы привести в свой будуар нужного ей самца, и именно она учитывает не только физическую привлекательность, но и деньги, интеллект и власть. Именно женщина затевает вводящий нас в замешательство хоровод фланговых маневров, засад и нападений, который превращает незадачливого мужчину в состояние опьяненной покорности. И при всем этом она должна убедить мужчину в том, что их отношения – это прежде всего его идея.

– Мы им в подметки не годимся, – согласился Смит со вздохом. – Мы – кролики, а они – лисы.

– Ну, или незадачливые романтики вроде Итана, – добавил Кювье.

– Они взвешивают и наше наследство, и нашу репутацию, и

перспективы, и даже гигиену, – подтвердил Фултон. – Неудивительно, что у Гейджа такие трудности с его пресловутой Астизой и этой Сомерсет, и я уверен, что это лишь верхушка айсберга. Он и женщины – безнадежно плохое сочетание.

– Господа, я далеко не жертва. – Моя гордость начала колоть меня в бок.

– Может быть, – сказал Кювье, – но чем дальше вы будете держаться от женщин, Итан Гейдж, тем в большей безопасности будем все мы.

Глава 21

И вот я оказался на каменном причале на краю Африки под жарким полуденным солнцем, волоча за собой груду железа весом с корабельный якорь, чувствуя отвращение от перспективы разжечь былую страсть с Авророй Сомерсет и глядя в лицо судьбе, о которой в средиземноморских тавернах говорят лишь испуганным шепотом. Наше пленение стало местью мусульман за их изгнание из Испании, кровавые крестовые походы и позор при Лепанто и Вене пару веков назад. Всякая война лишь провоцирует новые войны. Наша четверка, может, и стала бы источником огорчения для любого приходского священника благодаря нашим весьма либеральным взглядам на религию и Святое Писание, но для пиратов мы были христианскими собаками, которые вот-вот поймут, каково им будет в аду, который они заслужили, отказавшись принять ислам.

В один прекрасный день я пойму, что мне не стоит соглашаться на задания Наполеона Бонапарта.

– Так какой у нас план? – прошептал Фултон.

– Если честно, то я собирался выкупить наши души, используя новые знания, но неожиданное моральное просветление в наших рядах свело этот вариант на нет. Я вижу лишь два выхода. Первый – бежать что есть мочи, как только появится такая возможность.

Фултон взглянул на свои кандалы.

– Кажется, об этом наши недруги уже подумали.

– Другой выход – апеллировать к здравому смыслу. Я ни на йоту не верю нашей пиратской принцессе, друзья, а потому нам нужно встретиться с королем этого места, самим Юсуфом Караманли, и убедить его в нашей важности.

– Это тот самый Караманли, который на пути к трону пристрелил одного своего брата, а второго отправил в ссылку? Тот самый, что объявил войну нашим Соединенным Штатам? Тот самый, дед которого приказал задушить своих стражников-янычар одного за другим, когда те проходили сквозь врата на его благодарственный ужин?

– Он, пожалуй, не Джордж Вашингтон, – согласился я, – но, в конце концов, пираты – это бизнесмены. Вы, ученые, представляете собой самые светлые умы Европы. Мы придумаем какое-нибудь безобидное задание, чтобы впечатлить его, заслужить его благодарность, заставить его чувствовать себя обязанным нам и отправить нас восвояси. Может быть, даже с подарками.

– Ваш оптимизм граничит с идиотизмом, – сказал Смит.

– Если мы покажем, что действительно полезны для него, он никогда не отпустит нас, – добавил Кювье.

– Тогда, может быть, нас спасет Наполеон?

– Наполеон не имеет ни малейшего представления о том, где мы.

– Тогда ищем любые возможности для побега, господа.

– Побег грозит страшной смертью, я читал, – предупредил Смит. – Насколько я помню, у нас нет ни малейшего шанса.

– Ну что ж, – сказал я упрямо, – я что-нибудь придумаю.

Они вздохнули, как один.

На этом мы двинулись вперед под свист хлыстов, прикованные к еще одной группе пленников, скинутых с другого корабля. В их числе были плачущие женщины. Наши цепи сцепили друг с другом, и нас, спотыкающихся и шатающихся, толчками и пинками направили вдоль бочек с сахаром, вином и гвоздями в город, где из палящего марева солнца мы оказались в тени напоминавших каньоны африканских улиц. Нас вели сквозь толпы толкающихся солдат, кричащих торговцев, одетых в черное женщин, ревущих ослов и храпящих верблюдов. Мы семенили босыми ногами по покрытому навозом песку улиц под звуки горнов и барабанную дробь. Высоко над нами парили зелено-красно-белые флаги Триполи, словно насмехающиеся над мечтами о свободе. Из ниш и альковов вдоль пути нашего следования беднейшие из мусульманских попрошаек не упускали ни одной возможности ударить или плюнуть в нас, чтобы наше настроение стало еще хуже, чем у них. Над нами глумились, пока дух наш не сжался в комок в глубине страдающих тел. Наше оружие исчезло, обувь украли (я проследил за тем, чтобы мои пропитанные мочой сапоги достались Драгуту), а половину пуговиц от камзолов оторвали по пути. Мы страдали от жажды, голода и плетей и чувствовали себя бесконечно жалкими, находясь по эту сторону костра каннибалов. Я не переставал искать возможности для освобождения или побега, но тщетно.

Триполи напоминал мне Александрию и Каир. Те же кофейни, те же старики, сидящие на корточках у входа и передающие по кругу шестифутовые курительные трубки кальянов, тяжелый воздух, запах гашиша и благовоний. И, конечно же, таверны, где заправляли освобожденные христиане под патронажем мусульман, которые сидели в тени, потягивая запрещенный алкоголь.

Мимо скользили закутанные в темные одежды турчанки и арабки, и лишь красота их миндалевидных глаз намекала на прелести, скрытые под их балахонами.

В Триполи была также большая колония евреев, которых изгнали из Испании во времена Колумба. По указанию правителя евреи одевались в черное и обязаны были снимать обувь, проходя мимо мечети. У большинства попрошаек не было запястий или рук по локоть или даже плечо – свидетельство того, что их конечности когда-то были отрублены, а обрубки покрыты дегтем за совершенные ими преступления. Уличные мальчишки бежали рядом с нами, выкрикивая оскорбления и насмехаясь над нашей кабальной участью. Над нами за решетчатыми окнами гаремов и апартаментов сверкали глаза наблюдавших за нами женщин.

Что ни говори, Филадельфия нравилась мне больше.

– В Триполи существует особая иерархия, которую вам полезно бы запомнить, – говорил Хамиду, пока его солдаты тычками гнали нас вперед. – Правители и янычары – это турки, подчиняющиеся Высокой Порте в Стамбуле. Им дозволено носить красную феску с муслином. На ступеньку ниже – арабские торговцы, потомки пустынных воинов, которые захватили Северную Африку более тысячи лет назад. Ниже арабов – мавры, мусульмане, изгнанные из Испании христианскими рыцарями. Затем следуют левантинцы – чернорабочие греки и ливанцы. Евреи – тоже беженцы от испанского произвола, и они – наши ростовщики. И, наконец, в самом низу вы – рабы, составляете пятую часть нашего населения. Государственными языками являются турецкий и арабский, а на улицах говорят на лингва-франка Средиземноморья, смеси всех диалектов прибрежных стран и территорий.

Мы удрученно плелись мимо рынка. Многочисленные лавки выставляли полные корзины серебряной рыбы, горы ярких специй, ковры, кожу, шелка, фиги, оливки, зерно и масло. Тут же торговали железной и латунной посудой, искусно изготовленными седлами, резными кинжалами, апельсинами, гранатами, виноградом, маслом, анчоусами и финиками. Продавалось абсолютно все, включая меня.

– Сколько я стою? – спросил я. – То есть как раб.

Он на мгновение задумался.

– Половину стоимости красивой женщины.

– Но вы не можете продать нас, как простых моряков, – возмутился я. – Мы ученые люди.

– Вы христианские собаки, пока не обратитесь в нашу веру.

Рынок рабов в Триполи представлял собой каменную платформу под стеной центральной цитадели Юсуфа, а жалобы и стенания обреченных, судя по всему, служили для него развлечением. Мы выстроились в колонну у ступенек, пока толпа участников аукциона придирчиво осматривала нас, ведь мы

являлись потенциально прибыльным капиталовложением. Вырученные с нашей продажи деньги получали пираты, пленившие нас, однако был шанс, что покупатель получит прибыль не только от нашего труда, но и за счет выкупа, который могут заплатить наши родственники из христианского мира. Были здесь и представители самого паши в тюрбанах, расшитых драгоценными камнями, и сапогах с задранными носами. Их задача заключалась в том, чтобы заполучить красивейших женщин для гарема и наиболее способных для всевозможных работ во дворце после того, как последняя партия закупленных рабов пришла в негодность от переработки и болезней. Среди покупателей были также загорелые вожди далеких берберских племен, военные надзиратели, ищущие грубую силу для рытья окопов и строительства оборонительных валов, владельцы галер, ищущие гребцов, ковровые ремесленники, ищущие быстрые пальцы и внимательные глаза, а также красильщики, водоносы, фермеры, дубильщики, погонщики и каменщики – все как один с плетьми и собственными кандалами наготове. Вся система строилась вокруг принуждения, нежели свободного предпринимательства, и я, не колеблясь, первым заявил бы, что она не просуществует долго, если б не тот факт, что берберские королевства вот уже триста лет не покорялись европейским флотам. Ведь и мои Соединенные Штаты на юге зависели от рабства, и, судя по всему, его самые восторженные поклонники процветали.

Пленников перед нами продавали, как скот. Им приказывали напрячь мышцы, чтобы оценить их физическую силу; им палками открывали рты, тыкали в живот, заставляли поднимать ноги и грубо сдирали с них одежду, чтобы убедиться в отсутствии на их теле волдырей, сыпи и прочих признаков болезней. Нас всех заставляли прыгать на месте и гарцевать на предмет обнаружения подагры. В некоторых случаях с бедных пленников стягивали штаны, дабы оценить размер гениталий, словно их прочили в племенные жеребцы.

Один моряк с Сардинии был настолько шокирован столь унизительным обращением, что не сдержался, оттолкнул аукционера и пнул солдата, гремя цепями. Толпа отреагировала на всплеск эмоций гулом и ревом, словно кто-то разворошил осиное гнездо. Я приготовился к сцене нещадного избиения, которое не заставило себя долго ждать, и вот уже стражники осыпали несчастного градом ударов, пока он не свернулся калачиком, словно ребенок, на аукционной платформе, по-итальянски моля о пощаде. Дикая жестокость стражников казалась абсолютно непропорциональной и безграничной – но это

была лишь репетиция перед его настоящим наказанием.

Позади нас послышался шум и волнение толпы, и я обернулся. На площади появился мужчина на белоснежном коне, окруженный отрядом янычар. На вид ему было за тридцать, он был красив и хорошо сложен, слегка запылен после утренней охоты. На шестах восседали привязанные к ним хищные птицы. Когда он остановился, чернокожие рабы с длинными опахалами мгновенно подбежали к нему и принялись за работу.

За ним, восседая на другой лошади, следовала Аврора Сомерсет, рыжая копна волос которой водопадом развевалась на ветру – картина, которую большинство мусульман сочли бы непристойной. Ее рот был полуоткрыт в возбуждении, она наблюдала за избиением с тихим восторгом.

– Это Караманли, – прошептал Кювье, – взгляните на изумруд на его тюрбане.

– С таким в толпе не затеряешься, – согласился я. – У него шея не болит?

– Он любит порядок на своих рынках, – сказал Драгут. – Из этого сардинца сделают пример остальным.

Паша резко приказал что-то одному из своих офицеров, и это сообщение было мгновенно передано аукционному надзирателю. Тот моргнул, сожалея об утерянной прибыли, затем резко выкрикнул свой собственный приказ. Спустя мгновение стонущего окровавленного моряка освободили от его пут и оттащили в полубессознательном состоянии на край платформы, где крепко схватили за вытянутые в стороны руки, в то время как откуда-то из теней сверху маятником свесился огромный крюк. По счастью, жертва была слишком потрясена, чтобы осознавать, что с ней сейчас произойдет.

Мы ахнули, своим криком на мгновение приведя жертву в сознание, и в следующее мгновение крюк пронзил его спину и вышел наружу через живот, словно громадный рыболовный крючок, с конца которого ручьем лилась кровь.

Мужчина издал нечеловеческий крик, словно оказался в лапах самих демонов, и спустя секунду его бьющееся в агонии тело уже поднимали на веревке; кровь мощными струями стекала по его обнаженному тело, глаза закатились от нечеловеческой боли.

– Боже правый, – всхлипывали мои компаньоны.

Подъем жертвы остановили на высоте футов двадцати над аукционной платформой. Моряк продолжал судорожно метаться и съеживаться, а его глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит, когда он бросил последний взгляд на крюк, торчащий из его живота, кровь из которого продолжала орошать булыжники под

ним. Наконец его конвульсии замедлились, и он потерял сознание, а я заметил, что рядом с ним в тени с веревок свешивались и другие трупы, наполовину сгнившие и высохшие – напоминание о том, что произойдет с нами, если мы попытаемся сопротивляться.

Вся моя воля испарилась. Побег? Я с трудом дышал.

Я повернулся к Авроре и Юсуфу. Женщина облизнула губы. Правитель Триполи кивнул с мрачным удовлетворением и направил своего коня к вратам своего дворца, а пиратская королева и свита поспешно последовали за ним.

– Вот момент привлечь его внимание, – прохрипел я, но мои компаньоны оказались не в настроении заигрывать с этим монстром, да и в любом случае мы были слишком ободраны и неизвестны, чтобы он бросил хотя бы взгляд в нашу сторону. Не оборачиваясь, он исчез в тени своей крепости, Аврора также проигнорировала нас. А мы остались на платформе, беспомощные и униженные.

И все же отвратительное ощущение от того, что нас выставляли как скот на ярмарке, не могло сравниться с тем бесчестием, которое приходилось переживать женщинам. Старые и непривлекательные быстро продавались в прачечные или пекарни после непродолжительного торга, а молодые и красивые раздевались догола под одобрительный рев толпы потных мужчин. Затем их вертели и рассматривали со всех сторон, словно столовый хрусталь, не заботясь об их чести и достоинстве. Если аукцион затягивался, аукционер приподнимал их груди или просовывал трость меж их бедер под сладострастные крики и вздохи, и цена сразу начинала карабкаться вверх. Никому не было дела до того, как сильно женщины рыдали или дрожали при этом, а одна даже обмочилась от страха и унижения; их похотливо осматривали, прежде чем целыми группами отправить в гарем, где их отмывали и готовили к изнасилованиям и ублажению нового владельца. Мы горели от ярости и желания отомстить за них, но что мы могли поделать? В то время как женщины оплакивали свою судьбу, некоторые из плененных мужчин рыдали еще сильнее, предвидя еще более ужасное будущее и понимая, что их существование не будет похоже на скучную роскошь гарема, и их ждет лишь монотонность сухарей, бессмысленных побоев и нечеловеческого труда, пока смерть не станет для них сладким освобождением.

От жары и злого возбуждения у нас кружились головы, нас шатало от жажды и безнадежности, мы вяло отгоняли мух с глаз, которые пытались выпить последние капли нашего пота. Наконец и наш ученый квартет пинками и плетьми подняли по лестнице

на помост под крики и свист остающихся покупателей, недовольных нашей физической формой и видом. На вид, в нас не было и половины выносливости обычного моряка. Кому нужен раб-ученый? Аукционер, вздохнув, начал увещевать толпу. В ответ они выкрикивали оскорбления и насмешки, надеясь сбить цену, сходясь во мнении, что мы отправимся в каменоломни, где не протянем и нескольких недель.

– И вот мы в аду, – сказал Кювье, закрыв глаза. – Не на Тире, а здесь.

– Нет, – ответил Фултон, – ад сам идет к нам.

Я посмотрел туда, куда был направлен его взгляд. Собравшиеся внезапно стихли при виде гиганта, тяжелой поступью слона медленно продвигавшегося сквозь толпу, расталкивая грудью замешкавшихся покупателей и зевак. Его плечи были шире любого дверного проема, лысый череп блестел на солнце, а торс представлял собой переплетение татуировок и шрамов. Он был неестественно бледен, словно жил в пещере и редко поднимался на солнечный свет, а крохотные глаза, широко расставленные на грубом и помятом лице, тускло светились жестокостью и злобой. Его руки и запястья казались достаточно сильными, чтобы гнуть каленое железо, нос расплющен, тяжелые губы как у морского окуня, а выступающие горы мышц, казалось, накачаны желчью. Толпа спешно расступалась перед ним, трепеща от страха, и вдруг стало так тихо, что стало слышно, как на цепи в последний раз инстинктивно дернулось тело нанизанного на крюк моряка и последние капли его крови упали на мостовую.

– Это Омар! – услышал я дыхание пиратов. – Властелин Темниц.

– Для Девы Марии страшноват будет, – прошептал я.

– Слишком страшен для человеческого дитя в принципе, – поправил меня Кювье. – Возник как личинка из навоза, я так полагаю.

Гигант указал на нас пальцем толщиной с небольшой пистолет, и мы осознали, что нас, наконец, заметили.

– Юсуф Караманли сказал, что эта мелочь моя.

Глава 22

Если трюм корабля Драгута вызывал клаустрофобию, а рынок рабов в Триполи навевал ужас и уныние, то темница Омара оказалась бесконечно более зловещей. Ее тоннели на протяжении веков вырубались в камне карфагенянами, римлянами, вестготскими варварами, арабскими джихадистами и турецкими сюзеренами и превратились в некий лабиринт скорби, изгрызенный целыми поколениями пленников и заключенных, словно зараженное термитами дерево. Каждая новая тирания углубляла подземелье еще на один уровень с тем, чтобы прятать в нем грех и жестокость подальше от дневного света. Нас не сопроводили, а волоком затащили в этот улей в утробе под дворцом Юсуфа, и не посадили за решетку, а бросили в яму, каменный колодец, стены которого были слишком скользкими от сочившейся жижи для любых попыток побега. Дно по щиколотки было покрыто грязью, отходами и помоями, и мы по большей части чувствовали это, нежели видели, так как в колодце не было ни малейшего света, кроме доносившихся время от времени отблесков далеких факелов где-то высоко над нами. Запах в яме стоял необычный, эдакая смесь падали и рептилий, воздух был затхлым и, казалось, доисторическим – вероятно, временами в этой яме держали каких-то животных. Сейчас же никаких существ, кроме нас, в колодце не было, и это к лучшему (для животных), так как мы, скорее всего, съели бы их – убили голыми руками и проглотили сырыми, не жуя. Пот с камней был нашим единственным источником воды для питья, которую нам приходилось лакать, как собакам, а первую пищу нам бросили только через два дня. В тот день мы, наконец, услышали шаги стражников-троглодитов наверху и видели, как что-то летит в нас в почти полной темноте. Нам хватило ума поймать то, что оказалось кишащей личинками заплесневелой горбушкой хлеба, едва ли достаточной для нас четверых. Черви стали для нас даже более питательным продуктом, чем прогорклая мука, которой они кормились.

Мы все проглотили свою долю, не ощущая ее вкуса.

В отчаянии за все это время наша четверка не проронила практически ни слова, и основными звуками, доносившимися до нас, были стоны, крики и мольбы о пощаде врагов Юсуфа, доносившиеся откуда-то сверху. Сам же Омар был невероятно силен и молчалив, когда швырнул нас в нашу нору без единого слова объяснения. Он казался скорее даже не жестоким, а безразличным, словно те страдания, за которыми он надзирал,

так и не отложились в его маленьком мозгу питекантропа.

Все мы начали страдать от болезней. Люди не могут долго жить в мокрой вонючей яме, не вдыхая при этом зловонные испарения, содержащие, должно быть, все известные человеку болезни и недуги. Наши редкие крики о помощи или просьбы объяснить происходящее полностью игнорировались, и временами нам казалось, что о нас попросту забыли. Наше будущее было туманным, настоящее мучительным, а время ползло медленно, словно слизняк. Даже если бы мы решили предать свой флот и свои страны, у нас не было и этой возможности. Но и в этой беспросветной муке мы вчетвером снова поклялись хранить секрет зеркала, стараясь укрепить таким образом свой дух.

– Лучше эта яма, чем бесчестие, – прохрипел Кювье.

– Ни один англичанин не подвергнет опасности свой флот, – добавил Смит.

– И ни один американец не предаст интересы своей нации, – эхом отозвался Фултон.

– Хорошо сказано, – подтвердил я. – Хотя небольшие переговоры не помешали бы, если б мы только могли выбраться из этой слизкой ямы и отплатить им.

Они не ответили. Судя по всему, мои идеи их больше не интересовали.

Мы неоднократно пытались встать друг другу на плечи, чтобы дотянуться до устья колодца, но, даже построив ненадежную пирамиду с самым легким из нас Кювье наверху, мы не могли до него дотянуться. Лопаты, чтобы сделать кучу из песка, тоже не было, как не было и самого песка. Иными словами, не было возможности побега, как не было возможности послать о себе весть. Неужели они не хотели хотя бы получить за нас выкуп? Неужели они оставили свои попытки подкупить нас, чтобы выведать секреты Архимеда?

Но они все-таки сломили мою волю, хотя и совсем неожиданным способом.

Время исчезло, и наше существование в яме, казалось, длилось уже вечность. И вдруг, безо всякого предупреждения, в нашу яму с грохотом опустилась толстая ржавая цепь. Сверху раздался громкий глубокий голос Омара:

– Гейдж, наверх! Один!

– Это еще что? – спросил Кювье с ноткой подозрения в голосе.

– Может быть, меня они решили пристрелить первым? – Я, конечно, мог придумать альтернативы похуже – например, остаться в яме.

– Я слышал, что они предпочитают отрубать головы, – сказал

Смит.

– Ах, вот как.

– Все происходит очень быстро.

– Неужели?

– Может быть, они хотят вас пытать? – не унимался Кювье.

– Итан, помните нашу клятву, – предупредил меня Фултон. – Мы не можем помогать им!

– И вы об этом помните, когда услышите мои крики.

С этими словами я схватился за цепь, обвил ее ногами и крикнул нашему мучителю, который рывком поднял меня, словно пушинку, протащив по склизким стенам нашей норы так, что я покрылся равномерным слоем грязи и помоев. К этому времени я уже ослабел от нехватки пищи и воды и с трудом держался за цепь. Мои компаньоны, конечно же, беспокоились за меня, но смотрели мне вслед с оттенком зависти, словно мое бренное тело возносилось в лучший мир, а не в бесконечное и безнадежное «сейчас».

Но я знал, куда направляюсь.

Властелин Темниц, казалось, заполнил собой все подземелье, скрипя желтыми зубами и источая смрад из своего кривого рта, а ладони его были толстыми и грубыми, словно подошва сапога. Он схватил меня за шею, словно котенка, приподняв и наполовину парализовав меня, и я не сомневался, что стоит мне осмелиться перечить ему, и он оторвет мне голову, словно бутон с тонкого стебля. Омар потащил меня по каменистому подземелью.

– Пытки на меня не действуют, – попробовал я заговорить с ним по-арабски.

Свободной рукой он залепил мне такую затрещину, что у меня зазвенело в ушах.

– Молчи, красавчик. У тебя еще будет возможность пошуметь.

Я решил, что следование его совету вряд ли что-нибудь изменит.

– Омар, у меня есть очень влиятельные друзья, у которых хватит денег не только для того, чтобы вытащить нас, ученых, отсюда, но и на то, чтобы обеспечить тебе безбедную жизнь, если ты пойдешь с нами.

Он остановился, держа меня на вытянутой руке, как котенка, и разглядывая, словно не верил своим глазам.

– Посмотри на меня. Мое место здесь. – Он толкнул меня так, что я со всего размаха врезался спиной в стенку тоннеля, и потащил еще грубее, чем раньше. – Я сказал тебе помалкивать. Ты только все усложняешь.

Он протащил меня мимо ужасных железных агрегатов, покрытых засохшей темной кровью, мимо тяжелых дверей с

крохотными зарешеченными окошками, из которых доносился сумасшедший лепет. Как люди умудряются изобретать подобные места, не говоря уже о том, чтобы заправлять ими? Мы свернули в боковой крысиный ход, и он протолкнул меня впереди себя в новую камеру, освещенную лишь светом, проникающим сквозь тонюсенькую щель высоко-высоко над нашими головами. Этот одинокий луч света лишь подчеркивал темноту этого грота, потолок которого был черным от дыма факелов, горящих здесь последние две тысячи лет. В центре камеры стоял грубый деревянный стол с кандалами по углам. По одну сторону от него краснел кузнечный горн с кипящим горшком, от которого исходил тлетворный смрад. На углях лежали раскаленные докрасна железные инструменты. Последние остатки моей храбрости, большими запасами которой я и так никогда похвастать не мог, улетучились.

Меня кинули на стол и крепко приковали цепями; мое горло, живот и мужское достоинство оказались на виду, в полном распоряжении этого монстра и его жестокости. Я никогда не чувствовал себя столь беззащитным. Крохотное окошко лишь ухудшало ситуацию, напоминая мне о том, что там, снаружи, есть другой мир. С балки надо мной свисали металлические инструменты, призванные колоть, резать и терзать, и мне нестерпимо хотелось закричать, хотя мне пока что не причинили ни малейшего вреда.

– Скоро ты будешь говорить, говорить так много, как никогда и не подумал бы.

Омар, методичный, словно врач, поддул мехами воздух в горн, выдув из него хоровод искр. Он надел тяжелую кожаную перчатку, приподнял с углей железный прут, нечто вроде кочерги для камина, и поднес его ко мне, беспомощно ожидающему своей участи, держа раскаленный металл прямо перед моим лицом.

– С каждым разом я учусь все дольше продлевать боль. Жертвы могут жить многие дни. Да, Омар уже не такой неуклюжий, как был когда-то! – Он с удовлетворением кивнул. – Пока дойдет очередь до последнего из твоих друзей, я уж позабочусь о том, чтобы они продержались как можно дольше, так долго, что им станет скучно, пока они, наконец, не умрут.

– Зачем тебе это? – с трудом выговорил я. Мое горло пересохло, словно песочница, мышцы, казалось, вот-вот лопнут от напряжения. – Мой тебе совет – прикончи нас побыстрее.

– Тебе повезло, что ты первый, пока я все еще учусь. Мы будем экспериментировать с болью. Такому привлекательному мужчине, как ты, нужно зеркало, и я обязательно принесу тебе зеркало после того, как закончу свою работу, чтобы ты мог

оплакать то, что останется от твоего лица. Я сделаю тебя еще более безобразным, чем я сам. Твое тело покроется волдырями, ты будешь испускать гной, но не бойся, личинки насекомых будут пожирать его, и это лишь продлит твои страдания.

– Я признателен тебе за личинок, – прохрипел я.

– Говорят, ты гордишься своими победами над женщинами. Поверь, у меня есть инструменты, чтобы искалечить и эти части твоего тела. Промежность может быть настоящим очагом агонии, источником самых громких криков.

Мне казалось, что я вот-вот потеряю сознание.

– Неужели ты не можешь просто убить меня? Смит читал, что вы тут любите людям головы отрубать.

Раздался резкий свист и шипение, от которых я подпрыгнул бы, если б не был прикован к столу, – это мой мучитель засунул кочергу в миску с водой и вернул ее на угли.

– Зачем для этого навыки Властелина Темниц? Любой дурак может снести голову мечом. Пытки – это искусство. Только подумай – стыд и унижение увечий, лоскуты человеческой кожи…

– Омар, прошу тебя, я заплачу тебе любые деньги…

Тот продолжал возиться со своими игрушками, гремя орудиями пыток. Я закрыл глаза и слышал, как он шевелит угли в горне, чувствовал запах раскаленного железа; затем что-то зашипело, словно кислота. Затем наступила долгая тишина. Я напрягся, ожидая первого мучительного прикосновения.

– Хотя, конечно, – сказал вдруг Омар, словно эта идея только что пришла ему на ум, – есть и другое решение.

Мои глаза инстинктивно распахнулись против моей воли.

– Что? Какое?

– Может быть, ты хочешь еще раз побеседовать с госпожой?

– Госпожой?

– Королевой пиратов, леди Сомерсет.

Я обливался потом.

– Да, да! С ней и Юсуфом! За нас нужно требовать выкуп вместо того, чтобы пытать нас! Омар, дай мне увидеться с ними, прошу тебя! Я объясню, что все это – просто недоразумение. Мы очень и очень ценные люди!

– Лично я думаю, что ты лишь разозлишь их, как разозлил меня, и они вернут тебя мне, чтобы я делал с тобой все, что захочу. Если, конечно, ты не сможешь удовлетворить все их пожелания.

– Но именно это я и делаю всю свою жизнь! Я приношу людям удовлетворение!

– Пока ты беседуешь с ними, я придумаю новые способы причинить боль тебе и твоим друзьям на тот случай, если ты не

сможешь с ними договориться. Я очень, очень хочу причинить боль твоим друзьям. – Он улыбнулся широчайшей улыбкой маньяка.

– Нет, не трогай моих друзей, прошу! Дай мне поговорить с Авророй! – Клянусь громом, пусть стиснув зубы, но я ублажу эту стерву так, что она неделю ходить не сможет, – лишь бы убраться с этого пыточного стола. И вовсе необязательно разговаривать с ней о древних зеркалах – мне придется положиться на свой природный шарм.

Внезапно в камере показались несколько молчаливых янычаров, и в следующее мгновение кандалы на моих дрожащих запястьях и лодыжках распахнулись. Я чувствовал себя полностью опустошенным, хотя на моем теле не оставили и царапины. Омар, ковыляя, удалился к очередному бедолаге, а триполитанские стражники рывком подняли меня на ноги, не скрывая отвращения на лицах. Я дрожал. Никто из вновь прибывших не назвал меня красавчиком.

– Сбрось свои лохмотья, американец, – приказали они.

Мои руки тряслись так сильно, что им пришлось сорвать с меня остатки одежды. Затем меня снова окатили несколькими ведрами воды, заставив принять ту же грубую ванну, что и на пиратской шебеке Драгута. Грязь струилась по моему телу, и вот я уже стоял голый и униженный, стыдящийся своей слабости, дрожащий от страха и ужаса перед тем, что может произойти со мной дальше.

– Надень это.

Меня одели в широкие мавританские штаны и жилет без рукавов, не прикрывавший груди, и бросили пару сандалий. Может, мне все-таки придется стать мусульманином? Затем четыре солдата окружили меня небольшим кругом, и мы отправились вверх по лестнице. Осознав, что дорога, вероятно, ведет во дворец, я начал замечать, что находилось вокруг нас.

Мои сопровождающие не проронили ни слова. Чем выше мы поднимались, тем менее мрачным становился тоннель – узкие бойницы для лучников давали достаточно света, и моя душа наполнялась надеждой, несмотря на растущую тревогу и неопределенность. Зачем мне снова видеться с Авророй? На что я могу согласиться, не предавая при этом свою страну? Почему из ямы вытащили именно меня, а не кого-нибудь более известного и уважаемого, как Кювье? Потому что я самый слабый из всех? Но ведь у меня репутация героя битвы при Акре! Все это не имело ни малейшего смысла. Я, не переставая, моргал, стараясь привыкнуть к все более яркому освещению, осознавая, какими же темными стали наши жизни, превратившие нас в некое подобие

троллей. Я чувствовал смущение в душе, смертельную усталость и отчаяние.

Внезапно открылась дверь, столь маленькая, что нам пришлось протискиваться в ее проем. Двое солдат скользнули впереди меня, двое последовали за мной. Коридор был немногим шире моих плеч и полностью погружен в темноту, если не считать одинокой масляной лампы. Что это, секретный ход? Мы достигли железной решетки в конце коридора, которую мои сопровождающие отперли и затем заперли за нами. Мы снова принялись карабкаться вверх по каменным ступенькам. Еще одна дверь, на этот раз деревянная, за ней, как мне показалось, снова темнота. Но нет, дверной проем закрывал лишь гобелен, который тут же отодвинули в сторону, а меня втолкнули в комнату, напоминающую приемную, освещенную столь ярко, что у меня зарябило в глазах от солнечного света, светившего сквозь деревянные окна. Я моргнул, не веря своим глазам. За окном простиралось синее море, голубое небо, и мое сердце забилось быстрее в ожидании холодного клинка или обжигающего выстрела. Это мои поработители дали мне напоследок взглянуть на светлый мир, чтобы жестоко отправить меня в мир иной?

Судя по всему, пока что нет.

Авроры в комнате не было. Вместо нее я оказался лицом к лицу с Хамиду Драгутом, нашим предателем-капитаном. Он возлегал на подушках в богато и изысканно убранном тронном зале, ковыряясь в блюде фиников. У меня заурчало в животе при одном их виде. Пол залы был устлан толстыми персидскими коврами, а мраморные стены украшены арабской вязью с цитатами из Корана. Я заметил позолоченный трон, небесно-голубой шелк которого был украшен золотой вышивкой, а ножки и подлокотники – драгоценными камнями. В одном из углов залы на прохладном полу развалился леопард, прикованный к колонне золотой цепью. За ним маячила его латунная клетка. Зверь, казалось, лениво скучал.

Из ада я оказался в странном маленьком раю.

Драгут оглядел меня с ног до головы.

– Она будет очень разочарована. Колодец не пошел вам во благо.

Я приложил все усилия, чтобы мой голос не дрожал.

– Аврора Сомерсет всегда недовольна. Это ее природа.

– Смотри, чтобы твой язык не лишил тебя твоего последнего шанса, американец.

Иногда я просто не могу держать себя в руках, и моя наглость постепенно возвращалась ко мне. Я завидовал тому, как он поглощал финики, в то время как я сходил с ума от голода.

– Стать рабом этой женщины, как вы?

Его лицо потемнело.

– Я не раб; я скорее умру, чем стану рабом.

Я вздохнул.

– Триполи – это нация рабов. Я понял это, всего-то пройдя от порта до темницы. Бесконечные касты, одна дрожит при виде другой. А ваши женщины в своих мешках на головах прячутся, словно страдают от проказы. Драгут, вы никогда в своей жизни не чувствовали вкус свободы.

– Напротив, месье Гейдж! – раздался новый голос, и я мгновенно развернулся.

Дверь в тронный зал была открыта, и в дверном проеме стоял тот самый мужчина, которого я видел на белом коне на рынке рабов, – сам паша Юсуф Караманли. Как я уже говорил, он был красив и находился в прекрасной форме; за широким поясом у него торчал кинжал, а на боку висел меч. От него веяло уверенностью человека королевских кровей. По бокам за ним неотступно следовали два огромных стражника, блондин и негр. Его пояс был украшен бриллиантами, а на тюрбане сверкал изумруд размером с яйцо малиновки, который решил бы все мои финансовые проблемы до конца дней, если б только я мог найти способ стащить его. На его лице отпечаталась жестокость, присущая мужчинам, умудряющимся сохранить власть в атмосфере опасности, войн и предательства. Он опустился на европейский трон, а янычар ударил меня сзади по ногам, заставив упасть на колени перед ним. Мою голову пригнули к полу в знак поклонения.

– В этой стране все мужчины пользуются свободой знания своего места и роли, в отличие от хаоса демократии, – продолжал Юсуф с терпеливостью школьного учителя. – А наши женщины пользуются свободой, которая вашим женщинам и не снилась. Да, их тела и лица скрыты от чужого взора, но это означает, что они могут передвигаться по городу, не боясь быть узнанными, что освобождает их от зловредных сплетен и неодобрительных взглядов. За своими вуалями и платками они обладают свободой, которой не имеет ни одна француженка или американка. Они – госпожи в своих домах, и в вечерней прохладе выходят на закрытые от чужих взглядов крыши, чтобы беседовать друг с другом и воспевать мир, свободный от мужских домогательств. Ни одна женщина в мире не хранит секреты так надежно, как мусульманки, и ни одна женщина не может наслаждаться таким же счастьем и защитой со стороны своего мужа. Вы сами увидите это, если примете тюрбан. Мы живем в гармонии и безмятежности, непостижимых в Европе.

Я поднял голову.

– Мне уже довелось испытать безмятежность Авроры.

– Ах, да. Леди Сомерсет… уникальна. И она не мусульманка.

– И вам ей сказать больше нечего – по крайней мере, пока, – добавил Драгут. – Это может подождать, пока у вас или ваших компаньонов не произойдет внезапного просветления сознания. Сейчас же я привел вас для того, чтобы вы побеседовали с кем-то другим, а мы, наконец, выяснили, можем ли все еще стать партнерами.

– У нас нет ничего из того, что вы хотели бы узнать.

– Четверо ученых ничего не знают? Сомневаюсь.

– Если б и знали, это знание умрет с нами. Я выбрал честь, нежели бесчестие. – Я склонен к преувеличениям и драматизму, если рядом нет никого, кто мог бы поставить меня на место.

– Да неужели? – Капитан один за другим облизал пальцы, сладкие от фиников, и внезапно вскочил на ноги. Я заметил, что он все еще носил пистолеты Кювье за поясом. Стражники тоже были вооружены, готовые в любой момент ринуться в схватку, словно сжатая пружина. Оружия у них хватило бы для ограбления почтового поезда, а это значит, что мне не особенно доверяли. – Я уважаю людей чести, – сказал Драгут. Он постучал по двери, в которую несколько минут назад вошел Юсуф. – Им можно доверять, они поступают правильно.

Раздался щелчок замка, затем скрип, и тяжелая дверь распахнулась. В комнату вошел дородный бледный, бритый наголо раб (евнух, я так понял – кастрированный мужчина, которому позволялось входить в гарем), важный настолько, словно рангом превосходил пиратского капитана и его солдат. Он пал ниц перед Юсуфом, коснувшись пола лбом. И в следующее мгновение еще одна фигура скользнула мимо евнуха, встав в лучах ослепительного солнца, словно ангельское видение.

И тут все чувства покинули меня, остался только шум в ушах. Мои колени внезапно ослабели настолько, что я чуть не упал.

Это была Астиза, моя потерянная любовь из Египта, прекрасная, как никогда.

Рядом с ней стоял маленький мальчик возрастом немногим старше двух лет, одетый, как маленький султан. Он смотрел на меня с ярким осторожным любопытством во взгляде.

– Здравствуй, Итан, – мягко сказала Астиза. – Познакомься, это твой сын, Гор.

Глава 23

Астиза была такой же прекрасной, какой я ее помнил, – средиземноморской красавицей с греческими и египетскими чертами. Она выбрала высокую прическу для нашей встречи, и ее шелковистые волосы были заколоты золотой заколкой. В ее темных, глубоких глазах можно было утонуть; они блестели пронзительным интеллектом, который некоторых мужчин мог и напугать, но меня лишь завораживал и манил. Она не обладала традиционной красотой, как Аврора Сомерсет, но обладала характером в тысячу раз сильнее, а ее губы и немой вопрос в глазах указывали на глубину эмоций, неизвестную английским аристократкам. Астиза имела стальной стержень, но при этом оставалась женственной и уязвимой. И хотя она, казалось, всегда была готова раствориться в небытии (ох уж эта ее независимость!), она когда-то нуждалась во мне, изумленная своим влечением ко мне столь же сильно, сколь я не мог понять ту силу, с которой меня тянуло к ней. Между нами словно постоянно пробегал электрический разряд, мы понимали надежды друг друга без слов, и я никогда не испытывал таких чувств ни с одной другой женщиной. Стройная, уверенная в себе, она была одета в арабские платья, серебряные сандалии и золотые украшения и казалась мне прекрасным сном после мертвенной бледности Омара и ужаса его темниц.

При всем этом должен признать, что я лишь мельком окинул взглядом ее очаровательную фигуру, но не смог отвести глаз от маленького создания, стоявшего рядом с ней. Существо представляло собой мальчишку лет двух от роду с небольшим, ниже, чем наполеоновский Красный карлик, с копной непослушных волос, столь волшебно и волнующе походивших на мою собственную шевелюру. Мой сын! Я и не знал, что у меня есть сын. У него были гипнотические глаза Астизы, горделивая осанка и моя дерзость. Он не пытался спрятаться за юбками моей старой любви, но смотрел на меня с оптимистичной настороженностью ребенка, созерцающего странного, но не безнадежного взрослого – ведь я мог оказаться как дары приносящим, так и абсолютно бесполезным для него дядей. И будь я проклят, если лицо этого проказника не напоминало мне мою собственную физиономию – факт, который я отметил одновременно с тревогой и гордостью.

– Мой сын? – Голос мой был похож на кваканье лягушки.

– Я подозревала, что беременна, еще когда мы находились в Тампле, в Париже.

– И ты не сочла необходимым поделиться со мной этой весьма важной информацией?

– Я не хотела, чтобы ты отказался от моей помощи в том, чтобы остановить Алессандро Силано и его вероломные дела с Ложей египетского обряда. А позже Наполеон пощадил нас… Ты человек, которому суждено идти своей дорогой, Итан. Но я знала, что мы встретимся вновь. Просто не ожидала, что это произойдет именно так.

– Но что ты делаешь в Триполи? – Мои вопросы были пустыми и неуклюжими, мой мозг со скрипом мельничного жернова привыкал к новой реальности, мои помыслы помутились. Я – отец? Клянусь молотом Тора, я что, должен был теперь на ней жениться? И вообще – я должен радоваться или беспокоиться? Не помню, чтобы старик Бен Франклин говорил мне что-нибудь о подобных моментах.

– Меня пленили, как и тебя.

– Что за имя – Гор?

– Весьма благородное имя египетского бога. Ты прекрасно это знаешь.

– Просто я всегда думал, что у меня будет Джек, или Том, или что-то в этом роде. – Я бормотал бессмыслицу, пытаясь осмыслить все происходящее со мной.

– Тебя не было рядом, чтобы посоветоваться.

В ее голосе скользнула прохладца, и будь я проклят, если не ощущал вины за всю эту ситуацию. Но я не планировал этого, я этого не хотел! Я хотел только ее, я все еще хочу ее… так ведь? Конечно, хочу, я хотел одним прыжком оказаться рядом с ней, близко, но ребенок придавал всей этой ситуации новый оттенок серьезности, наделял каждое устремление, каждое слово новым смыслом. Как же мне поступить?

Драгут и Караманли смотрели на меня с нескрываемым удовольствием.

– Как тебя пленили?

– Меня похитили в Египте. Я вернулась в Дандару продолжать мое изучение прошлого, когда нас захватили бедуинские налетчики. Итан, все это, с самого начала – и Силано с медальоном, и Книга Тота, и твоя миссия в Северной Америке, – все это было попыткой наших врагов восстановить источник мощи, который открыли рыцари-тамплиеры в Средние века. Они заново собирают утраченные силы очень древнего мира – мира, существовавшего задолго до нашего, мира, который основал нашу цивилизацию. Секреты, утраченные тысячелетия назад, они хотят направить на зло.

– Это неправда, – вставил Драгут.

– Чем больше я узнавала в Египте, тем отчетливее понимала всю громадность их замыслов и надеялась, что иероглифы Дандары помогут мне понять, откуда возникла вся эта тайная история. Но я не смогла завершить свою работу – меня с Гором похитили. Бедуины отвезли нас в пустыню, и я думала, что оттуда они попытаются получить за нас выкуп, но вместо этого нас продали на рабовладельческом рынке мужчинам, носящим медальоны с изображением пирамиды и обвившейся вокруг нее змеи. Это снова был Апофис. Они отвезли нас на побережье, пригрозив навредить Гору, если я попробую применить какое-нибудь колдовство. Затем нас приковали цепями на корсарском корабле и отправили сюда, где меня перевели в гарем Караманли.

– Боже мой, ты его наложница?

Она покачала головой.

– Меня пленили не для него. Меня поймали для тебя.

– Для меня? – Я вообще перестал что-либо понимать.

– Для того чтобы убедить тебя, если ты откажешься сотрудничать. Все это планировалось многие месяцы, Итан, каким-то пиратским капитаном; у него есть свой особенный план, который я не понимаю. Каким-то дьяволом наподобие этого Хамиду Драгута.

– Точнее, дьяволицей, – поправил я ее. – Этот пират – женщина.

– Женщина?!

– Наши с ней пути не раз пересекались.

Она одарила меня недовольным взглядом.

– Понятно.

В это мгновение многие вещи действительно стали ей понятны – в частности, почему она вообще оказалась в столь затруднительной ситуации.

Я сглотнул.

– Она ужасна, поверь мне. Чума, инквизиция, якобинское царство террора – летние каникулы по сравнению с Авророй Сомерсет. Астиза, я искал тебя в Париже; клянусь, я писал о тебе Ашрафу – вот как я со своими друзьями оказался втянутым в эту мутную историю. Я отправился в путь, чтобы найти тебя. И вот, я нашел тебя… и Гора. – Я моргнул и взглянул на мальчика. Сказать, что я пребывал в состоянии крайнего изумления, – это ничего не сказать.

– Кто это? – пискнул мальчик.

– Это твой папа, про которого я тебе рассказывала.

– Он останется? – Его голосок поднимался в конце каждого вопроса, и должен признать, он прекрасно говорил для своего возраста, который я оценил в два года с небольшим. Я не мог не

смотреть на него с некоторым удовлетворением – эдакий скороспелый одаренный человечек, плод моих чресл… Не мог я не заметить и той тревоги, которую у меня вызвал его вопрос. Несомненно, я любил Астизу, но семья, оседлость, домашний очаг?.. Все происходило слишком быстро.

– Нет, дорогой, он уедет, чтобы спасти нас.

– Куда?

– Туда, куда ему укажут другие люди.

– Минутку! О чем это ты говоришь? – вставил наконец я.

– Как мы уже объясняли, Итан Гейдж, нам нужна ваша помощь и партнерство, – сказал Драгут. – Мы, конечно, могли бы попросить Омара Повелителя Темниц выведать все, что вам известно, но никогда не знаешь, насколько точна информация, полученная под пытками. Мы считаем, что гораздо лучше будет ваша добровольная помощь в достижении наших общих целей.

– Общих целей?

– Итан, это не моя идея, – сказала Астиза. – Я столь же беспомощна, сколь и ты. Но эти служители культа, эти фанатики безжалостны, как и пираты, что на них работают.

– Месье Гейдж, у вас два выбора, – пояснил Драгут. – Вы можете вернуться в темницу, и пусть все будет так, как решит Омар. По крайней мере, хоть ему это доставит удовольствие. Не исключено, что мы узнаем что-нибудь полезное, и в конце концов, когда вы будете сломлены и сойдете с ума от мучений, мы с Авророй изучим все то, что он вырвет из вас. Если вы решите закончить свою жизнь в немыслимых страданиях, Астиза станет наложницей того, кто даст за нее большую цену, а вашего сына продадут в совсем другой гарем. Здесь немало беев с подобными наклонностями, всегда в поиске молодых мальчиков, чтобы приобщить к своим вкусам. Туда мы и отправим Гора.

– Куда, мама?

– Тише, милый!

– Мать и сын станут наложницами, пока новый хозяин не пресытится своей новой игрушкой и не отправит ее на выполнение более черной рабской работы. Думаю, Сомерсет позаботится о том, чтобы это был наиболее калечащий труд из всех возможных. Так вашей небольшой семье и придет конец – вы умрете в камере пыток, она станет рабыней, а Гор, возможно, станет евнухом после того, как ублажит достаточное количество мужеложцев. Ваша храбрость, как вы ее называете, уничтожит всех вокруг вас.

– А что станет с моими друзьями? – Мой голос был пуст.

– Они никогда не выйдут из своей ямы. Поскольку их отправил сам Бонапарт, мы не можем рисковать вызвать его

ярость требованием о выкупе. Мы стараемся не захватывать людей из стран с сильным флотом. Лучше, чтобы они просто исчезли, растворились в море, став несчастными жертвами погони за проклятым сокровищем с ненадежным Итаном Гейджем. В последний раз их видели, когда они бежали из Венеции, – и всё, они исчезли.

– Ублюдок! Ты сгоришь в аду!

В ответ на мои слова стражник сделал быстрый шаг вперед и хлестнул меня плетью, которая жалила, как дьявол. Хуже того, резкий шлепок хлыста испугал маленького Гора, который, хныкая, спрятался за юбкой своей матери. На мои глаза навернулись слезы от резкой боли, но, черт меня побери, если я пророню хотя бы слезинку перед своим сыном. Семья, знаете ли, дает хребет самому бесхребетному из мужчин.

– Есть и другой выбор, – продолжал Драгут гладко, словно ничего не произошло, – сделать то, что наша федерация предлагала с самого начала. На той овечьей шкуре, что вы нашли, что-то было, поскольку она исчезла к тому моменту, когда вас извлекли из трюма. Гейдж, вы нашли подсказку и уничтожили ее. Признайте это.

– Всего-навсего город, который и так можно было угадать.

– Сиракузы?

Я кивнул, словно это не имело никакого значения.

– Тот самый город, где жил Архимед.

– Но зачем тогда уничтожать пергамент? И как вы это сделали?

– Мы его съели.

Капитан улыбнулся.

– Лишнее доказательство того, что на пергаменте было нечто большее, чем название города. Отведите нас к зеркалу Архимеда, Гейдж, и вы спасете себя и свою семью. Астизу и вашего сына освободят и отправят в Египет, и мы никогда более не коснемся их и пальцем.

– А как же мои друзья?

– Их освободят и посадят на корабль, направляющийся во Францию, сегодня до заката. Вам не придется встречаться с ними, и они не будут знать о той сделке, которую вы заключили. Их кошмар останется для них лишь приключением, о котором они будут вспоминать за бокалом вина до конца своих дней. Наполеон, вероятно, наградит их за попытку сослужить ему службу, а Юсуфа Караманли восхвалит за его милосердие.

– А я?

– Вы сделаете свой выбор, и это будет поистине ваш выбор, без принуждения. Если зеркало заработает, вы сможете

присоединиться к альянсу, который стремится воссоздать магию и силу рыцарей-тамплиеров и править миром во имя его же блага. Поверьте мне, Ложа египетского обряда может управлять этой планетой гораздо лучше, чем жадные принцы и воеводы, заправляющие всем сегодня. Попомните мои слова: такие люди, как Бонапарт, уничтожат этот мир, повергнут его в хаос. Зеркало сделает Триполи неприступным для атак с моря даже со стороны величайших из стран, и под его защитой мы сможем построить новую утопию.

– Как фрески Акротири, – пробормотал я.

– Что?

– Ничего. Нечто, что я однажды видел.

– Или же вы можете выбросить в окно возможность переделать наш мир и вернуться к своему старому разложению, где вас будут считать предателем вашей страны и всех цивилизованных наций. Вас будут презирать, у вас никогда не будет друзей, и вашей единственной надеждой будет нищенство в Египте с Астизой. Как только у нас будет зеркало, мне все равно, какой выбор вы сделаете для себя.

Клянусь бородой Соломона, выбор не из легких! Обречь сына, о существовании которого я и не знал, на рабство и изнасилования, лишить жизни не только себя, но и Астизу и трех ученых друзей – или предать мою собственную страну, находящуюся в состоянии войны с Триполи. Не помню, чтобы старый Бен давал мне какие-либо советы в отношении подобных дилемм, если не считать его слов о том, что патриотов, которых не вешают вместе, впоследствии вешают по отдельности.

Юсуф, казалось, читал мои мысли.

– Не льстите себе мыслями о том, что вы владеете ключами от победы или поражения, месье Гейдж, – сказал паша. – Мы, так или иначе, найдем то, что ищем, Ложа уверена в этом. Вы лишь ускорите этот процесс, подспудно спасая свою семью. Если ваша страна действительно может поспорить со мной на поле брани, почему же ее корабли до сих пор прячутся на Мальте?

Действительно, почему? Где, черт его побери, этот бестолковый командор Ричард Валентайн Моррис?

– Принятие идеализма Ложи египетского обряда – это не предательство, – добавил Драгут.

Странное терпение, проявленное Авророй по отношению ко мне на море, теперь нашло свое объяснение. План с самого начала заключался в том, чтобы заставить меня предать Соединенные Штаты во имя спасения моего маленького сына. Рынок рабов, яма, камера пыток – все было предназначено лишь для того, чтобы размягчить мой дух в преддверии этой

нечестивой сделки. Они чувствовали, что я знаю больше, чем готов признать, и не оставили мне никакого выбора.

Чувство вины за то, что я подвергаю такой опасности женщину, которую люблю (и ребенка!), тоже не прибавляло мне решимости. Имей я хотя бы верность блохи, я бы никогда не спутался с Авророй Сомерсет, и она не преследовала бы нас сейчас, словно чума. Никто не похитил бы Астизу, и мне не пришлось бы идти на сделку с самим дьяволом. «Красота и безрассудство идут рука об руку», – говаривал когда-то Бен Франклин.

В любом случае пираты были еще очень далеки от зеркала, и единственным возможным планом для меня было подыгрывать им, пока это меня устраивало. Если я скажу «нет», я прокляну всех нас, не так ли? Кто знает, может быть, фортуна еще повернется ко мне лицом? В конце концов, я игрок. В глубине души я уже начал фантазировать о том, как обращаю силу зеркала против всех них.

– Все, что у меня есть, это несколько размытых подсказок. Я не слишком силен в головоломках.

– Но вы можете помочь, не так ли?

– Да. Что я должен делать?

– Найдите нам зеркало.

– А Астиза и Гор?

– Их отпустят, не причинив им ни малейшего вреда, как мы и обещали. Но только когда орудие окажется в Триполи. До тех пор Астиза будет заключена в гареме.

– Но откуда мне знать, что вы сдержите свое слово, если я помогу?

– Вы будете наблюдать из окон дворца, как сегодня вечером ваших ученых достанут из темницы и посадят на отплывающий корабль. Мы выполним первую часть своего обещания даже до того, как вы выполните свою. Как бы вы ни хотели верить в обратное, наша Ложа заботится о своей чести.

– А Гор будет в безопасности?

– Надеюсь, но это зависит уже только от вас, Итан Гейдж. Ваш сын отправится на поиски сокровища вместе с вами, чтобы обеспечить ваше хорошее поведение.

– Гор? Со мной? Но я ничего не смыслю в детях! Астиза!

Она потупила взгляд.

– Я боюсь этого еще больше, чем ты. Я не хочу расставаться со своим сыном, и я не доверяю его отцу. Пока нет. Не доверяю потому, что это твои отношения с той женщиной начали эту трагедию. Но у меня нет выбора. У нас нет выбора.

Не самый лестный отзыв, но разве я могу ее винить?

И тут в зал вошла Аврора Сомерсет в морских сапогах и кителе, с кортиком на поясе.

– Нет причин для беспокойства. Я буду матерью этого мальчика! – объявила она.

Ее громадный черный пес, Сокар, неотступно следовал за ней, пуская слюни и поглядывая на собравшихся своими недобрыми желтыми глазами. Леопард в углу зашипел при его виде.

Аврора, торжествуя, улыбнулась Астизе.

Как это ни странно, но именно насмешка Авроры придала мне силы и твердости характера. Именно эта наглость и надменность напомнили мне о том, в чем заключается мой долг и какой женщине я обязан хранить верность. Я осознал то отчаянное доверие, которое Астиза оказала своему любовнику, который не сделал ровным счетом ничего, чтобы заслужить его. Клянусь Изидой, я любил мать моего сына, любил ее столь глубоко, что все старые эмоции и чувства наполнили мою душу, словно неумолимая волна, и я понял, что пришло время спасти ее или умереть.

– Черта с два, – бросил я Авроре Сомерсет. – Его мать здесь, а я – отец этого мальчика. Астиза, я позабочусь о нашем сыне, даю тебе слово.

Астиза кивнула, страшась этого момента больше, чем когда-либо в жизни. Она взяла мальчика на руки и сделала шаг ко мне; маленький Гор приклеился к ней, словно белка к стволу дерева. Он смотрел на меня с волнением и подозрением, что было лишь еще одним доказательством его незаурядной сообразительности. Я уловил аромат тела моей любимой женщины, когда та наклонилась ко мне, нотки акации и лотоса в ее ауре, почувствовал электричество в ее волосах. Я протянул к ней руки, и Астиза передала мне Гора.

– Итан, на все есть воля Божья, – прошептала она.

– Нет судьбы без целеустремленности, – ответил я. Мальчик отстранился, клонясь к своей матери. Он боялся меня не меньше, чем я боялся его. – Но мне несколько режет слух имя «Гор». Может, я буду звать его Гарри? Ты не против?

– Люби его так, как любишь меня.

В следующее мгновение евнух потянул за собой Астизу, исчезнув вместе с ней в дверном проеме в полутьме гарема, а мой вновь обретенный сын расплакался у меня на руках.

Глава 24

В жизни мне не раз доводилось испытывать ужас и страх. Я попадал в западню в Великой пирамиде, меня за ноги подвешивали над кишащей змеями ямой в Яффе, привязывали к столбу посреди фейерверка и заставляли бежать сквозь толпу индейцев на берегу озера Супериор. Но должен признать, я с трудом припоминаю моменты, которые лишали меня решимости столь же сильно, сколь путешествие под парусами в качестве опекуна двухлетнего ребенка, о существовании которого я и не подозревал.

Я вдруг стал отцом с сопутствующей отцовству ответственностью! Хотя я, конечно, осознавал, что зачатие теоретически возможно всякий раз, когда я отправлялся в постель с очередной красавицей, каким-то образом вероятность этого никогда не приходила мне на ум в порывах страсти. Я не имел ни малейшего представления о том, что делать с детьми. Хуже того, я стал отцом незаконнорожденного, и если я не придумаю способ исправить тот бардак, что я сам и создал, моему сыну придется жить всю свою жизнь с клеймом нелегитимности – и то если ему удастся избежать рабства и сексуального насилия. Именно благодаря мне этот мальчик оказался в цепких когтях клана полоумных берберских пиратов, целью которых было уничтожение флота моей страны с использованием дьявольского устройства, построенного более двух тысяч лет назад. Единственным хорошим моментом стала та минута, когда я наблюдал, как освободили Кювье, Смита и Фултона, которые, несомненно, ломали голову над тем, какую одиозную сделку мне пришлось заключить, чтобы вытащить их из зиндана. Они отплыли в тот самый вечер, когда я встретился с Астизой, и уже следующим утром Драгут, Аврора, Гор и я отправились в путь, несмотря на рыдания мальчика и его матери.

Я надеялся, что смогу провести хоть немного времени с моей египетской любовью, но как только я заключил свою сделку с дьяволом, наша аудиенция была окончена. После нашего расставания мне пришло на ум, что нужно было выдать нечто более красноречивое вместо полубессознательных вопросов, но я был слишком сбит с толку возвращением в мою жизнь Астизы, да еще с сыном, чтобы выдавить из себя нечто большее, чем нечленораздельное заикание. Даже простого «я люблю тебя» было бы достаточно, но как же часто мы впустую тратим свои годы, говоря слова, не имеющие ни малейшей важности, забывая о том красноречии, которого требуют сюрпризы, преподносимые нам

самой жизнью! Я знал, что и Астиза без энтузиазма относилась к нашей сделке, осознавая, что я не имел ни малейших отцовских навыков, но она понимала, что альтернатива много хуже. По крайней мере, она знала, что я ни за что не причиню мальчику вред.

К сожалению, этого нельзя было сказать о нашем окружении. Когда мы поднялись на борт корабля Авроры, «Изиду», некоторые из матросов бормотали что-то насчет того, что это плохой знак, а Сокар, мастиф Авроры, одарил нас неодобрительным рычанием, осматривая, словно ужин, и внезапно гавкнул так громко и резко, что мой сын, прильнувший к моей ноге, подпрыгнул и заплакал.

– Черт побери, нам обязательно брать с собой твою собаку? Он будет сниться мальчику в кошмарах!

– Сокар убивает только тогда, когда я ему прикажу. С твоим щенком все будет в порядке.

О да, Аврора Сомерсет обладала теми еще материнскими инстинктами. Я осознавал, что из всех своих ипостасей она прежде всего – стремящаяся к доминированию и издевательству над другими вздорная и надменная бестия, которая использовала слоноподобных мастифов, головорезов-пиратов и свою собственную хищническую сексуальность для запугивания и измывательств над окружающими. Как и все подобные себе, она искала слабых и беззащитных, таких, как невинный двухлетний ребенок или (да, да, я признаю это) его бестолковый отец. В свое время я играл роль жертвы в ее сексуальных утехах, дав ей почувствовать вкус превосходства надо мной – и до сих пор расплачивался за свою слабость. Она вновь хотела править мною. Будучи дочерью отца-извращенца и сестрой до мозга костей испорченного брата, Аврора уже в раннем возрасте утратила все способности любить или просто поддерживать нормальные отношения и лечила свои раны, злоупотребляя слабостями других. Не могу сказать, чтобы ее душевные трудности заставляли меня чувствовать к ней хоть какую-либо симпатию или сожаление.

– Я захватила Гору опекуна на то время, когда мы будем заняты, – добавила Аврора столь обыденно, словно мы находились на конной прогулке в Гайд-парке.

Раздался глухой стук дерева по палубе, и поначалу я принял человека, ковыляющего из ее каюты, за очередного средиземноморского пирата: перетянутый ремнями, бритый наголо, с огромным уродливым шрамом, пересекавшим щеку и рот, и привычным убийственным взглядом, которым меня обычно одаривают арендодатели, кредиторы и брошенные подружки. Однако было что-то до боли знакомое в его широких плечах и

всепроникающем блеске этих темных глаз. Кого еще принес черт из моего буйного прошлого?

Я наконец крякнул, узнав его.

– Озирис?

Да, да, это был именно он, любитель загадок из борделя мадам Маргариты в Пале-Рояле – правда, гораздо более загорелый благодаря Средиземному морю, хотя он и не выглядел от этого ни на йоту счастливее. Я бросил взгляд на его ноги, не без удовлетворения отметив деревянный кол на месте ноги, которую я переехал каретой. Своим шрамом, осознал я вдруг, он тоже был обязан мне, когда я хлестнул его тем тяжелым медальоном с пирамидой и змеей. Лично я считаю, что шрам прибавил его лицу мужественности, хотя Озирис вряд ли согласился бы со мной.

– Я же говорил вам, Гейдж, что мы вместе отправимся в это путешествие. Но вы поспешили удалиться.

– А мне показалось, что это вы отстали… у вас случился несчастный случай с пожарной каретой?

– Несчастные случаи могут произойти с любым из нас, – сказал Озирис многозначительно. Я вдруг заметил, что он подточил передние зубы так, что те напоминали острые клыки, словно только этого не хватало для того, чтобы он имел вид полнейшего дебила. Мне стоило заранее проверить список приглашенных на борт.

– Не то чтобы я не верил в партнерство и товарищество, но мне кажется, что наши с вами отношения, Озирис, не вполне складываются. Взять хотя бы ваше лицо и ногу.

– Нет человека, кому дьявольская удача когда-нибудь не изменяет, Итан Гейдж. Теперь вы один из нас и будете делать то, что будем делать мы. Как и ваш мальчишка.

– Вы имеете в виду, что мы – несчастные заложники?

– Я подозреваю, что вы очень склонны к моральной капитуляции перед экстатическими открытиями моей Ложи.

– Ложи египетского обряда? Вы сейчас о чем – о ее извращенности или ее дегенеративности?

– Мы могли убить вас уже сотню раз, но милосердие в последний момент останавливало нашу уже занесенную над вашей головой руку. Теперь ваша жизнь изменится кардинальным образом. Ну а если вы откажетесь от этой возможности… – Он улыбнулся с шармом кровососущей летучей мыши. – Если отец откажется от перерождения, его место в посвящении всегда может занять мальчишка.

– Знаете ли, у меня и в этой первой жизни полно проблем. Даже не знаю, хочу ли я переродиться в новую жизнь. Слишком

как-то это нудно, вы не находите?

– И не думайте снова разочаровать нас. Когда мне отпиливали мою изуродованную ногу, у меня было множество видений о том, что я мог бы сделать с вами. Не искушайте меня.

– А вы держитесь подальше от Гора, если не хотите отпилить себе и вторую ногу.

– Громко сказано для человека без оружия и без друзей.

– Быть может, мои друзья ближе, чем вы думаете.

Это была чепуха, конечно же, с учетом того, что три моих товарища были на полпути к Франции, а американский флот мог быть где угодно, хоть в Китае. Дело в том, что на надменных людей я инстинктивно реагирую нахальством, обычно напрасным.

– Что-то их не видно. И в один прекрасный день, когда вы более не будете нужными для нашего дела, мы вновь обсудим наши с вами отношения.

Он глумливо усмехнулся и поковылял прочь, ничем более не подкрепив свои угрозы. Я тем не менее с тоской вспомнил свою винтовку и рапиру – быть может, они заперты в каюте Авроры?

Неудивительно, что Гор говорил по-арабски с вкраплениями английских слов, которым его научила Астиза. Работая над расширением словарного запаса малыша, я не раз задумывался о том, говорила ли ему мать что-либо о его далеком отце или же просто притворялась, что меня никогда не существовало.

– Где мама? – спросил он, когда мы вышли из рифов Триполи и, подняв парус, двинулись в сторону Сиракуз на острове Сицилия.

– Понимаешь, Гарри, она разрешила мне взять тебя на прогулку на лодке. Мы познакомимся с тобой получше, а потом все вместе отправимся в Египет.

– Хочу маму!

– Я тоже. Кстати, мы скоро с ней увидимся. Знаешь, быть пиратом очень весело.

– Мама!

Так и начались наши отношения. Когда он в очередной раз начал плакать, Драгут пригрозил бросить нас в трюм, если я не заткну своего отпрыска, а потому мне пришлось отправиться с ним на нос, где его удалось успокоить, показав, как играть с легкими веревками и канатами. Вскоре он был полностью поглощен набрасыванием петель мне на руки и на ноги, я был почти полностью связан по рукам и ногам, а он бескрайне доволен своими шалостями. Мы играли, корабль разрезал волны, и вдруг я заметил Аврору, молча наблюдающую за нами из дверного проема своей каюты на корме судна, и почувствовал знакомый холодок по позвоночнику. Даже если это древнее

оружие все еще существовало или вообще когда-либо существовало (а я сомневался и насчет первого, и насчет второго), что-то подсказывало мне, что заключенный мною договор не будет исполнен так легко, как обещал Драгут. Она наверняка внесет свои поправки. Чем сильнее я старался избавиться от этих пройдох из Ложи египетского обряда, тем сильнее, казалось, моя жизнь переплеталась с ними. Чем сильнее была моя неприязнь к Авроре Сомерсет, тем упрямее она хотела превратить меня в своего партнера. Нас обвенчала ненависть – к такому выводу я пришел в Америке после того, как ранил ее брата.

Несмотря на всю мою озадаченность перспективами заботы о ребенке, я поймал себя на том, что восхищаюсь практичностью Гарри. Он был весьма предсказуем – либо был голоден, либо хотел спать, либо ему было скучно, и удовлетворение потребностей трех этих его ипостасей стало моей основной обязанностью. Мальчик привык один раз спать днем и просыпаться по ночам, чтобы забраться ко мне в гамак в поисках тепла и уюта. Поначалу это приводило меня в замешательство, но через некоторое время я нашел это неестественно естественным и даже успокаивающим. Конечно, он спал лучше, чем я, привыкая к окружающей его среде с детской непосредственностью, хотя и продолжал задавать вопросы о своей матери. В еде Гарри четко и недвусмысленно заявлял, что ему нравится, а что нет. Хлеб, финики и фрукты, что я приносил ему, его устраивали, а вот с оливками, горохом или соленой рыбой он не хотел иметь ничего общего. По счастью, парень давно был отлучен от груди и приучен ходить на горшок, хотя мне и потребовались некоторые усилия, чтобы убедить его в необходимости использования корабельного ведра в качестве туалета. Он с веселым любопытством провожал пиратов в настоящий судовой туалет под бушпритом, где с концентрацией ученого наблюдал за тем, как они справляют свою нужду над вздымающимися волнами. Функции человеческого тела занимали его как ничто иное, и я читал ему долгие, пространные лекции об относительных преимуществах и недостатках уборных, гальюнов, туалетов, толчков, ведер, кустов и даже стен за углом таверны. Он с непередаваемой гордостью и мастерством пользовался своим ведром, и, должен сказать, этот навык гораздо важнее, чем большинство из тех, за которые мы, люди взрослые, даем друг другу медали.

Наиболее трудной задачей для меня было не дать ему заскучать и не позволить набедокурить, и мне постоянно приходилось предупреждать его об опасностях планширей, линей

и оружия, не давая ему приближаться к раскачивающимся балкам и фалам, грозящим оторвать его маленькие пальцы.

Собаку он избегал безо всяких напоминаний с моей стороны.

По счастью, пираты, после некоторого периода первичной неприязни, приняли его как некоторое домашнее животное и развлекались, уча его разным играм. Гарри мог час или два играть с несколькими мушкетными шариками и кофель-нагелем, которым он катал их по палубе. Я придумал простую забаву с игральными костями, которая пришлась ему весьма по душе. Смысл был в том, чтобы прыгать через соединительные швы в палубе корабля соответственно выпавшему на костях числу, и я всегда помогал ему выиграть. Я чувствовал странную гордость (и беспокойство), что он унаследовал мои азартные инстинкты.

– Где ты живешь? – спрашивал Гарри.

– Во многих местах, если честно.

– Где мама? – Это была его любимая тема.

– Я познакомился с твоей мамой в Египте, – отвечал я. – Она помогала другому мужчине стрелять в меня, но потом я вроде как взял ее в рабыни, и в итоге все сложилось как нельзя лучше. Она очень умная.

– Мама говорит, ты храбрый.

– Неужели? – Даже мое принятие в новый Почетный легион Наполеона не польстило бы мне больше, чем эта короткая фраза, хотя Гарри и не понимал до конца, что такое «храбрый». – Я бы сказал, что я скорее находчивый и временами целеустремленный. Вот быть мамой… вот это требует настоящего характера, Гарри. Быть мамой – вот это решимость.

– И папой!

– Ну, да, наверное. Знал бы я о тебе, я был бы здесь, а не там. Но мой дом далеко, через океан, в Америке, и я был там. Я искал волосатых слонов. Ты когда-нибудь видел слона? – Я пантомимой изобразил слона, пользуясь рукой вместо хобота.

– Во дворце! Он сделал больно дяде!

– Бог ты мой! Несчастный случай?

– Мама не разрешила мне смотреть.

– Ну что ж, это значит, что мы должны быть осторожны, так ведь? Если мы окажемся в переделке, я спущу тебя в трюм и спрячу между запасных парусов. Ты обязан там оставаться, ты слышишь меня? Когда станет безопасно, я приду за тобой.

– Что такое переделка?

– Просто неприятность. Я не думаю, что стоит этого опасаться.

– Я пират?

– Думаю, да, Гарри. Мальчик-пират, ведь ты на пиратском

кораблe.

– А кто эта красивая дама? – он указал пальцем на Аврору.

– Она тоже пират, и к ней лучше не приближаться. Она не такая хорошая дама, как твоя мама.

– Она давала мне сахар.

– Неужели? – Подобный фаворитизм покоробил меня – я не хотел, чтобы мой сын подружился с Авророй. – Если ты проголодаешься, приходи к папе, хорошо?

– Собака плохая. А плохой дядя смешно ходит.

– Помни – если что, прячься меж парусов.

Глава 25

Меня не покидала надежда на то, что на пути в Сиракузы мы столкнемся с американским фрегатом, ведь Мальта была совсем недалеко, но я так и не увидел нигде нашего флага. Если Моррис и участвовал где-то в этой войне, то делал это крайне странно. Мы неспешно проплыли мимо британского форпоста, словно участвовали в регате, и направились к Сиракузам, древнему городу на восточном побережье Сицилии, за который в разные времена дрались афиняне, римляне, вандалы, готы, византийцы, арабы, нормандцы, немцы, испанцы, да и вообще, похоже, все, кому доводилось проплывать мимо. Город был заложен более чем за семь веков до Христа, примерно в то же время, что и Рим, и в настоящее время управлялся из Неаполя королем Фердинандом из династии Бурбонов под протекторатом британского военно-морского флота. Одним словом, Сиракузы были местом, за свою историю столь тщательно осажденным, разбомбленным, оккупированным, капитулировавшим и освобожденным, что я с трудом верил в то, что в нем вообще осталось что-либо, кроме хорошо изученных развалин. Если повезет, мы наведем справки, убедимся в том, что все это не более чем миф, и Аврора благосклонно дарует всем нам нашу свободу…

Уж кто-кто, а я понимал, что этого не будет.

Старый город Сиракуз представляет собой небольшой продолговатый остров, соединенный с основным островом мостами. На внешней оконечности города располагается форт Кастелла-Маниаче, орудия которого контролировали каждый корабль, заходящий или выходящий из бухты. Этот островок под названием Ортигия и являлся тем, что мы ошибочно приняли за узкую бухту на карте, обнаруженной нами на пергаменте. На южной стороне располагается большая бухта, на севере – бухта поменьше, а со стороны большого острова – новый город с домами и виллами, поднимающимися на пологом холме на клинообразном участке суши, переходящем в плато Эпиполи. Это идеальное центральное место для города, и древние греки возвели восемнадцать миль городских стен (давно уже разобранных на кирпичи и украденных местными фермерами и строителями) для круговой защиты всех его предместий и поместий.

Сейчас, в 1802 году, здания Ортигии представляют собой трех– и четырехэтажные дома из известняка цвета меда с красными черепичными крышами, а над старым городом возвышаются шпили и купола главного собора, *дуомо*. Краски в

Сиракузах гораздо более яркие и жизнелюбивые, чем в мусульманском Триполи, и от города веет настоящим шармом и воображением. У причалов покачиваются на волнах ярко-синие рыбацкие лодки, штукатурка домов отливает оттенками желтого и розового, а окна защищены деревянными ставнями зеленого, синего, фиолетового и желтого цветов. На балконах из кованого железа городские дамочки поливают пышные разноцветные цветы, позируя над уличным хаосом смешавшихся богатых карет и сельских телег, кричащих ослов, надменных кавалеров и снующего люда.

Я наблюдал за всем этим, играя роль английского туриста, сэра Итана Гейджа, путешествующего в компании своей кузины леди Авроры Сомерсет, оба одеты в европейские платья, отобранные берберскими пиратами у своих жертв. Сказать, что это наводило меня на воспоминания о кровосмесительных отношениях Авроры с Сесилом Сомерсетом, значит ничего не сказать, и эта шарада вызывала у меня тошноту. Аврора же считала все это прекрасной забавой. Мы притворялись столь странной парой потому, что наш пиратский корсар не мог попросту встать на якорь у городского причала, и нам пришлось добираться до берега на шлюпке подальше от оживленной бухты. Пираты Драгута провели предварительную разведку старого греческого форта под названием Эуриалус, доложив о том, что никакого зеркала они не обнаружили, но что эти руины идеально подходят для «необходимого рандеву».

– Какого еще рандеву? – спросил я.

– Если мы найдем зеркало, нам потребуется помощь в том, чтобы заново его собрать, – пояснил капитан. – Но сначала нам предстоит найти его, в городе или его предместьях. Верно?

– Как скажете.

– Это ради благополучия вашего же сына.

– Предположим, что мы найдем зеркало. Но как вы собираетесь вывезти его? Половина Сицилии будет у нас на хвосте, а Кастелла-Маниаче не оставит от вашего корсара и груды щепок, если тот попытается зайти в бухту, чтобы забрать зеркало.

– Весьма интересная проблема, Итан, не так ли? Предлагаю вам поразмыслить над нею, если хотите спасти жизнь своему сыну. Помните, наша судьба – это ваша судьба.

Аврора наняла карету, которая доставила нас в Сиракузы как богатых европейских туристов, наслаждающихся отпуском во время мира на континенте. Гарри поехал с нами в качестве моего сына, я же был вдовцом на тот случай, если кто-то спросит. Озирис стал нашим «слугой», причем этот ковыляющий питекантроп поклялся навредить Гору, стоит мне только выразить

неподобающее мнение или отказаться подыгрывать им в очередном обмане. Драгут был слугой и телохранителем Авроры на тот случай, если я попытаюсь придушить эту стерву. По счастью, нашему маленькому контингенту семейного счастья удалось оставить на корабле слюнявого мастифа. Я не терял надежды, что Сокар подавится берцовой костью одного из матросов и помрет до нашего возвращения на судно.

Мы должны были изучить город в поисках подсказок и встретиться с другими пиратами на руинах старого форта Эуриалус, что по-гречески означало «шляпка гвоздя». Этот замок, по слухам спроектированный самим Архимедом, пал под натиском римлян в рекордные сроки, что заставило меня вновь усомниться в мифе об ужасном зеркале. Но как тогда объяснить те фрески в Акротири на острове Тира?

Новый итальянский город Сиракузы давно уже похоронил под собой древнегреческий, и на Ортигии не было видно следов присутствия здесь когда-то великого Архимеда. Лишь один намек, встроенный в центральную площадь городского собора, указывал на преемственность времен. *Дуомо* имел фасад в стиле барокко, возведенный после одного из землетрясений, периодически сотрясавших Сицилию, но его боковые стены были построены вокруг колонн древнегреческого храма богини Афины. Здание представляло собой прагматичный подход к использованию веры и архитектуры, напоминавший мне о переплетении новых верований и воззрений со старыми.

– Говорят, что золото ее статуи улавливало утреннее солнце, играя роль маяка для моряков за многие мили от суши, – рассказал официант на площади, пока я пытался усадить Гора в кресло, не давая ему ползать по мостовой. Ума не приложу, как матери умудряются следить за своими отпрысками. – Наш *дуомо* закрыт от внешнего мира, а греческий храм стоял под открытым небом.

– Может быть, именно здесь Архимеду пришла в голову идея его зеркала? – задумался я.

– Какое зеркало, папа?

– Самое яркое зеркало в мире. Именно его мы и ищем!

Его маленькое лицо засветилось от удовольствия. Аврора, кажется, скучала, а ее неискренние попытки вести себя хотя бы наполовину как подобает приличной женщине напомнили мне о сказке, в которой ведьма засовывала непослушных детей в печку.

Играть английского эсквайра с Авророй, Драгутом и Озирисом казалось мне настоящей дикостью. Я ужинал с женщиной, которую ненавидел и презирал. Аврора невозмутимо не обращала ни малейшего внимания на мою враждебность и

мрачность, ведя себя так, словно наше воссоединение было естественным, как сам мир. Она знала, что это раздражало меня, и ей нравилось это раздражение. Хамиду время от времени обыскивал меня, чтобы убедиться в том, что я не припрятал никакого оружия, и следил за тем, чтобы я не забывал о дуэльных пистолетах Кювье у него за поясом – на тот случай, если я попытаюсь сделать что-нибудь неразумное. Озирис грозно посматривал на Гарри. Иными словами, по сравнению с нами у Каина и Авеля в отношениях царила настоящая идиллия.

По крайней мере, из соображений пристойности у нас с Авророй были отдельные комнаты благодаря тому, что мы не притворялись женатой парой. Мне же приходилось притворяться довольным этим союзом, а о побеге не могло быть и речи.

– Судьба твоего сына зависит от нашего успеха или неудачи, – тихо сказала Аврора за бокалом портвейна вечером после того, как маленький Гарри отправился спать в моей комнате. Озирис стоял на страже, словно истукан из кошмарного сна. – Найди зеркало – или обреки свою семью на страдания.

– У нас была лишь старая карта, показывающая город. Это еще ничего не доказывает.

– Тогда думай! Где бы ее спрятали греки или римляне? Где могли ее найти тамплиеры? Где оно может скрываться вот уже две тысячи лет?

Я вздохнул.

– Архимед мог позаимствовать свою идею у атлантов, или кто там еще жил под защитой этого зеркала на Тире. Не исключено, что греки нашли зеркало уже древним – ведь ему могло быть хоть десять тысяч лет – и привезли его на Сиракузы. Кто знает? Но римляне использовали на практике все без исключения военные идеи, какие только могли найти. Воспользовались бы и этой, если она работала и если Архимед не спрятал ее.

– Римский военачальник утверждал, что смерть ученого была случайной, – сказал Драгут, – результатом импульсивной реакции простого солдата, не узнавшего великого грека. Но что, если математик погиб из-за того, что отказался рассказать им, где скрыто зеркало?

– Его могли переплавить. Или выбросить в море.

– Но не уничтожить, – настаивала Аврора, – иначе оно никогда не заинтересовало бы тамплиеров. Думай, как Архимед, Итан! Ты знаешь больше, чем говоришь нам. У римлян имелась целая армия, чтобы найти его. Почему же они потерпели неудачу?

– Откуда, к дьяволу, мне это знать?

– Оттуда, что жизнь твоего сына зависит от этого.

– Думаешь, мне помогают думать твои угрозы в адрес

невинного ребенка?

– Из нас двоих именно ты отказываешься прислушаться к здравому смыслу. Я просила о партнерстве с самого начала нашего знакомства.

Я вздохнул.

– И вот твое желание сбылось.

Аврора холодно улыбнулась; ее улыбка была словно айсберг.

– Именно.

В действительности у меня имелась одна идея. Над городом располагались старый греческий театр и римская арена, теперь уже наполовину похороненные под многими слоями земли. Я вспомнил фигуру, напоминающую подкову на карте: может, это указание на старый амфитеатр? И была ведь еще дугообразная линия, ведущая от старого греческого форта к кресту на острове Ортигии… Это что-то значило для тех, кто начертал эту карту.

Были еще и каменоломни, из которых поступал материал для строительства древнего города. Мы наняли школьного учителя в качестве рассказчика и узнали, что там держали плененных афинян, нападавших на остров, многие из которых умерли мучительной смертью от голода, солнца и жажды. Эти известняковые утесы над городом были испещрены множеством пещер. Место для двухлетнего ребенка совсем неподходящее, и мне пришлось неохотно согласиться с тем, чтобы Озирис развлекал Гарри игрой с утками у фонтана Аретузы, источника с пресной водой у края моря. Древний водоем не использовался как источник воды и стал прибежищем мириадов птиц, которых Гарри подзывал всякий раз, когда мы проходили мимо. Утки затмили его инстинктивное недоверие по отношению к Озирису.

Мы же приобрели фонари и исследовали каменоломни, словно нас увлекали древние злодеяния и жестокость: все-таки в туризме есть нечто отвратительное. Гроты оказались приятным убежищем от летнего солнца, а пещеры и ниши каменоломен лежали в тени апельсиновых рощ, наполненных птичьим пением. Я внимательно осматривал окрестности на предмет обнаружения очевидных мест захоронения или возможных кладов, но, судя по всему, именно здесь то же самое искали и все захватчики, побывавшие здесь до нас. Мы разделились, чтобы ускорить процесс поисков, – Драгут был удовлетворен моей готовностью сотрудничать на благо Гарри. Я изучал одну пещеру за другой, но все они были столь же пусты, сколь и те комнаты в Тире, только здесь не было даже фресок.

К полудню я подустал и решил передохнуть. Я лакомился апельсином, лежа в высокой траве под утесами и ломая голову над тем, где же может быть это чертово зеркало, когда в мое

унылое сознание закрался необычный звук. Звук напоминал пение певчих птиц, но имел явно человеческое происхождение и доносился, как мне казалось, с утесов. Это был сладкий женский голос, словно ангелы пели с небес, мягкость которого выдернула меня из моей летаргии. Словно вся грация и милосердие мира приняли форму звука, который мягко освободил меня от гнета унылого плена и мрачности этой древней тюрьмы. Я должен был отыскать источник этой прелести!

Я направился к высокой пещере в белых утесах, формой напоминавшей гигантское ухо, вход в которую был высотой добрых футов сто. За входом моим глазам предстала длинная пещера с плоским песочным полом, из глубины которой доносилась чарующая ария. Звук прекрасного голоса многократно усиливался стенами пещеры, придающими ему глубину райского хора. Пели по-итальянски: мне показалось, что это отрывок из какой-то оперы.

Я вошел внутрь, ожидая, пока мои глаза привыкнут к темноте. Какая же магия скрыта в голосе этой женщины, проявляющаяся в столь нужном месте! А вот и она, у дальней стены пещеры, словно потерявшаяся в собственных мечтах; ее голос возносится к небесам, словно жертвоприношение… Кто же она? Я бесшумно приблизился к ней, и вот она обернулась…

Это была Аврора.

Я остановился в полном замешательстве. У меня не укладывалось в голове, что столь божественная музыка может исходить от моего заклятого врага, как и тот факт, что она вообще когда-либо пела в своей извращенной жизни. Тем не менее это была она, слегка покрасневшая, губы открыты, глаза блестят живым огнем, и меня внезапно заполонили воспоминания о том, как она влекла меня тогда, давно, на канадской границе. Аврора обладала непреодолимой, чарующей красотой и сексуальной энергией, которая переполняла все органы чувств и лишала рассудка. Я все еще ненавидел ее, страшился ее, но и желал ее страстно, за что молча проклинал себя.

В пещере повисла тишина. И наконец:

– Я не часто пою, но здесь такая акустика, что я не смогла удержаться.

– Аврора, ты вновь удивляешь меня.

– Мы не знаем друг друга по-настоящему, Итан. В Америке все слишком быстро стало слишком плохо. Но мы могли бы узнать друг друга лучше.

– Ты убила мою возлюбленную, Намиду.

– А ты убил моего брата. Итан, люди гибнут и умирают по множеству причин. Но поиск знаний вечен. Это у нас общее.

– Зачем ты делаешь вид, что это правда?

– Зачем ты сопротивляешься этому? Это ничем не отличается от твоего влечения к Астизе. Когда ты хотел меня на озере Супериор, ты не мог получить меня. Теперь же, когда ничто тебе не мешает, ты отвергаешь меня. И кто из нас запутался?

Сколь же прекрасна и опасна она была в этот момент! Мое тело трепетало, и я надеялся, что она не заметит этого. Я нестерпимо хотел ее, но я также хотел ее убить, и сделал бы это не задумываясь, если бы это не ставило под угрозу жизни Гарри и Астизы. Ну почему же я не настоял на том, чтобы остаться с Астизой три года назад? Всего этого никогда бы не произошло.

Аврора подошла на шаг ближе, и я уловил ее аромат, смесь духов и сладкого запаха ее пота после дневных экскурсий.

– Ведь я тоже могу научиться быть матерью. Неужели ты думаешь, что я никогда не хотела детей? Неужели ты думаешь, что у меня нет таких же чувств, как у тебя? – Она схватила меня за руку. – Я могла бы быть, как другие женщины, Итан! Могла бы! – В этот момент я буквально на мгновение увидел то отчаяние, что она скрывала под своей непробиваемой стальной броней.

Я высвободил руку.

– Аврора, ты можешь быть кем угодно, но только не такой, как все остальные женщины. Гарри повезло с природным благоразумием и инстинктами – он боится тебя.

– Он будет чувствовать себя иначе, когда я сделаю его принцем. – Я находил ее упрямую жажду жалкой, ее решимость настораживала меня. – Вы оба не знаете меня. Не знаете меня всю.

Я знал достаточно, а потому отвел взгляд.

– Нам нужно найти Хамиду и решить, что делать дальше, – сказал я, не зная, что еще ей предложить.

– Зеркало где-то здесь, я чувствую его, – сказала Аврора. – Это огромное бронзовое сооружение, яркое, словно солнце, несущее огонь, как Прометей, и призванное изменить мир.

– Где-то…

– Мы найдем его, Итан, и будем владеть им вместе.

Глава 26

Появление Драгута спасло меня от необходимости продолжать сей неудобный разговор, и мы покинули эту звучную пещеру, стены которой были слишком гладкими и ровными, чтобы что-нибудь скрывать. Снаружи мы пробрались сквозь высокую траву под жужжание насекомых до кромки белых каменоломен и засмотрелись на город под нами. Средиземное море было покрыто веснушками белых парусов, и я попытался представить себе зеркало, собирающее лучи солнца и поджигающее видневшиеся вдали корабли.

– Если это древнее изобретение работало, почему же Сиракузы потерпели поражение? – спросил я.

– У любого оружия есть свои слабые стороны, – ответил Драгут. – Может быть, римляне подплыли в темноте, когда не было солнца. Или же зеркало не работало в дождь.

– Или случилось предательство, – вставила Аврора. – Всегда найдется кто-то, готовый променять город на собственную жизнь.

С этими словами она посмотрела в мою сторону, что мне совсем не понравилось.

– Или на жизнь своей невинной семьи, – ответил я. Неужели даже мои поработители презирали меня за то, что я помогал им?

– Но чтобы средневековые рыцари им заинтересовались, зеркало должно было каким-то образом уцелеть, – продолжала Аврора. – Каким-то образом Архимед знал, что город падет, и спрятал свою машину. Нет никаких записей о том, чтобы оно попадало в руки римлян. Он спрятал зеркало, и либо тамплиеры так никогда его и не нашли, либо нашли и перепрятали. Ты видел карту, Итан. Ты – наш ключ.

Она снова улыбнулась, словно это могло предотвратить любой бунт.

Но в действительности карта не показывала больше ничего очевидного, на ней даже не было изображения самого зеркала. Эти пираты гонялись за мифом, сложенным опиумом и легендами. Я попытался вспомнить тот пергамент, что мы съели, вкус которого, казалось, все еще стоял у меня во рту.

– Вот и собор, – я указал рукой вниз по склону по направлению к Ортигии и башням и куполам *дуомо*. – На карте на этом месте стоял крест.

– Думаю, этот ориентир мы могли бы обнаружить и без вашей помощи, – сухо заметил Драгут.

– На карте был еще замок или форт, может быть, тот самый Эуриалус, который, по легенде, спроектировал сам Архимед.

Кстати, где он?

– Сюда, – Драгут повел нас вдоль кромки хребта мимо высоких угловатых утесов по направлению к плато над каменоломнями. Он указал на хребет вдалеке. – Там!

Я увидел нагромождение валунов и многочисленные фермы на холмах под ними, и руины старого акведука, который когда-то вел по направлению к горам.

Я на мгновение задумался, затем вытянул руки с поднятыми вверх большими пальцами и направил одну руку на форт, а другую – на собор на расстоянии нескольких миль от него. Черта, которую я мысленно провел от одной точки к другой, напоминала мне ту кривую, что я видел на старой карте. Я подошел к краю утеса и взглянул вниз. Подо мной раскинулись руины греческого театра, врезанного в известняковый холм. Это, судя по всему, та самая подкова на карте, подумал я. Близлежащие пещеры могли быть теми горбиками, что также были нацарапаны на старом пергаменте. Цифры, должно быть, представляли собой какие-то расчеты, может быть, расстояние. Но где же петляющая река? Передо мной расстилался сухой, пустынный ландшафт.

– Что ты видишь? – спросила Аврора. – Что ты ищешь?

Проигнорировав ее, я спросил Драгута:

– Послушайте, вы слышите воду?

– Звук такой, словно она у нас под ногами.

Мы вернулись на земляную платформу, которую представляла собой верхняя кромка греческого амфитеатра. В задней ее части располагалась известняковая мельница высотой футов сорок, стоящая на утесе, также изрытом пещерами. Крупнейшая из них находилась прямо за центром театра и представляла собой отверстие в форме полумесяца, через которое из глубины утеса тек темный поток, вода которого падала в бассейн, огороженный каменной стеной. Камень за небольшим водопадом был покрыт зеленой тиной и водорослями.

– Объясните это, Хамиду.

– Источник, – ответил он. – Быть может, именно поэтому они и построили театр именно здесь. Граждане карабкались наверх, чтобы посмотреть представление, где их ждала чистая питьевая вода.

– Нет, они не театр принесли к источнику, – возразила Аврора, – а привели источник к театру. Там, внизу, мы только что видели акведук; он и подпитывает тоннель, который ведет к этому бассейну. – Она указала на него рукой. – Вероятно, оттуда вода питает ту мельницу, а затем стекает вниз к городским фонтанам. Умно.

– Энергия воды – это как раз то, что несомненно

заинтересовало бы Архимеда.

– Да, – ответил Драгут, – он изобрел винтовое приспособление для поднятия воды до ирригационных каналов.

– Значит, вполне вероятно, что и это тоже его разработка. Что означает, что он очень хорошо знал этот акведук и тоннель. – Я продолжал изучать устье пещеры, из которого лилась вода. – Но пещера недостаточно велика для того, чтобы спрятать в ней зеркало, способное воспламенить корабль.

Мои спутники смотрели на меня во все глаза, не понимая, действительно ли я ухватился за какую-то подсказку, или же намеренно сбиваю их с толку. Я и сам не был уверен, но мне нравилось, что им приходилось верить мне настолько же, насколько я не доверял им. Хорошо. На карте была черта, изгибающаяся на месте этого водяного потока. У меня нет ни малейшего представления о том, что это значит, но я думаю, что не мешало бы заглянуть внутрь. Тот факт, что римские солдаты, скорее всего, не заглянули бы внутрь этой гигантской водяной трубы, не дает мне покоя.

– Ты собираешься забраться в эту дыру?

– Да. Дайте мне фонарь, когда я доберусь до входа.

– Откуда нам знать, что ты не попытаешься сбежать через этот тоннель? – спросила Аврора.

– Оттуда, что мой сын у твоего прихвостня, дорогая. Ваше вероломство, ваша жадность, ваша жестокость и ваша безжалостность не дадут мне сбежать.

Я мило улыбнулся, перепрыгнул через невысокую стенку и пошел по щиколотки в воде в направлении маленького водопада. Как я и ожидал, стены его были скользкими, но, карабкаясь по одной его стороне, мне удалось добраться до черного, как душа Авроры, устья тоннеля на высоте футов десяти. Я присел на корточки в потоке журчащей воды и крикнул остальным:

– Бросайте фонарь!

Терпеть не могу подземелья, но должен признать, опыт у меня есть. Хоть одним навыком можно гордиться, осознавая, что умею не только играть в карты, развлекаться с женщинами и пить вино.

Драгут передал мне фонарь, и я пригнувшись двинулся внутрь тоннеля высотой не более четырех футов. Вода доходила мне до колен. Тоннель казался мне абсолютно непримечательным, созданным лишь для целей доставки жидкости, в которой я продвигался, но я все равно изучал его, так как больше делать мне все равно было нечего.

Дневной свет остался далеко позади. Драгут с Авророй кричали что-то мне вслед, но я не обращал на них внимания,

продвигаясь вперед на полусогнутых ногах и размышляя в темноте. Приятно было хоть на мгновение остаться наедине с самим собой, только вот это ползанье по пещере казалось мне абсолютно бесполезным – пока я не увидел отметину в тусклом свете фонаря, и мое сердце подпрыгнуло.

На камне был вырезан жирный крест тамплиеров. Эта отметина точно не была оставлена Архимедом за два с половиной века до Рождества Христова – здесь явно побывал какой-то средневековый рыцарь.

Но зачем?

Я замедлил ход, внимательно осматривая пространство вокруг себя. Известняк был гладким, прохладным и ничем не примечательным, пока я, наконец, не увидел свечение впереди себя. Неужели уже конец акведука? Я неуклюже поплелся к нему, потирая начинающие болеть икры, и посмотрел наверх. В камне над своей головой я увидел расселину шириной около фута, вырезанную в потолке и поднимающуюся вертикально, словно ножны меча, к поверхности плато, на котором мы еще недавно стояли. Сверху нишу в земле почти полностью прикрывали камни, и отверстие, сквозь которое виднелось голубое небо, было не больше квадратного фута, слишком маленькое для людей. Так зачем же делать такой большой карман, ведь он пуст?

Я пополз дальше и на расстоянии футов ста обнаружил еще одну прорезь, точно такую же, как и первая, сделанную в потолке и уходящую вверх, и еще, еще. Я насчитал шесть отверстий и остановился. Я полагал, что шахты служили механизмом выравнивания давления и придания движущего момента воде в почти горизонтальном канале. Через них также проходил дневной свет для обслуживания тоннелей. Но в то же время каждая из шахт была огромного размера и прикрыта сверху. Я не видел в этом никакого смысла.

А что, если этот смысл был понятен Архимеду?

Я развернулся и отправился к выходу из тоннеля, скользнул вниз по водопаду и с брызгами приземлился в бассейне. Затем вылез – мокрый, грязный и недоумевающий.

– Я смотрю, ты не торопился.

– Длинный тоннель, – ответил я, выливая воду из ботинок. – Я обнаружил рукотворные расселины, в которых можно было что-нибудь спрятать. – Я нарисовал на песке круг и пересек его несколькими линиями. – Представьте, что вы разделили зеркало на несколько сегментов, словно пирог. Можно и каждый сектор тоже разрезать на два или три сегмента.

– Только не разрезать, – перебила Аврора. – Они должны были быть на петлях для того, чтобы ловить и фокусировать

солнечный свет.

– В любом случае в результате вы получили бы узкие дольки. В тоннеле есть воздушные шахты, в которых можно было бы спрятать части разобранного зеркала.

– Можно было? – спросил Драгут.

– Сейчас они пусты. Но я видел тамплиерский крест, вырезанный на камне. Этот средневековый орден, которому вы столь неудачно пытаетесь подражать, побывал здесь до нас. Может быть, мы уже опоздали.

– Нет, – отрезала Аврора. – Тогда зачем прятать карту в таком потайном месте на Тире, делать кольцо с печаткой, указывающее на него? Рыцари нашли зеркало, но решили снова спрятать его до окончания своих исследований. Быть может, они не знали, как собрать его воедино, или же искали военную базу, с которой они могли бы его применить.

– А может быть, решили, что это оружие столь ужасно, что его никогда нельзя более использовать…

Она проигнорировала меня.

– Если б зеркало воссоздали и использовали, остались бы средневековые свидетельства. Если б его уничтожили, не было бы необходимости рисовать секретную карту. Если б его перевезли в другой город, они не стали бы изображать на карте Сиракузы. Оно здесь. Я чувствую, что оно здесь!

– Только не в Эуриалусе, заброшенном греческом форте, – там мы уже искали, – сказал Драгут.

– Нет, оно где-то в более доступном месте, откуда зеркало можно было бы легко вывезти. И в то же время там, где его бы никто не нашел. В каком-то святом, неприкосновенном месте, где его никто не станет искать. – Аврора подошла к краю древнего театра и посмотрела на город, раскинувшийся под нами. – Где-то вроде храма богини Афины, греческого варианта Изиды, построенного в четыреста восьмидесятом году до нашей эры после победы греков над карфагенянами при Химере. Преемственность и взаимопроникновение храма и собора понравились бы тамплиерам. Иначе зачем отмечать его месторасположение крестом на карте? – Она повернулась ко мне. – Итан, я думаю, что наше оружие спрятано в городском соборе, в *дуомо*.

– Где?

– Я не знаю.

– Но как его извлечь оттуда? Как вывезти из города?

– Я уже приказал вам подумать о том, как проскользнуть мимо Кастелла-Маниаче, – сказал Драгут. – Как нашему кораблю безопасно улизнуть?

Я пожал плечами.

– Любой корсар с треугольными латинскими парусами сразу же станет мишенью. Нужна ложная цель… Нет, нужен второй корабль, сицилийский, а ваш станет ложной целью. Вы должны позволить сицилийцам потопить «Изиду», с тем чтобы самим сбежать на втором корабле.

Капитан задумался и кивнул.

– Ловко. Вот видите? Мы уже становимся партнерами, Итан Гейдж!

Глава 27

Площадь перед собором Сиракуз, растянутая и намеренно несимметричная, – это одно из красивейших мест Европы, а ее мягкий уклон повторяет естественные контуры Ортигии. Границами площади являются изящные трехэтажные каменные дома, являющие собой образец гармонии огромных подъездов, высоких окон и витых железных балконов. Фасад самого *дуомо* напоминает витрину кондитерского магазина в стиле барокко, где вместо сладостей восхищенному взору посетителей открывается многообразие колонн, статуй, арок, свитков, ангелов, орлов и прочих архитектурных изысков, способных украсить собой любой свадебный торт. Боковые стены собора гораздо проще – по большей части ничем не примечательные стены, если б не выступающие старые греческие колонны, вокруг которых здесь когда-то был построен языческий храм, на смену которому пришла христианская базилика, затем арабская мечеть и теперь – неустанно растущий собор.

Внутри эта сборная солянка вовсе не заканчивалась: греческие колонны, нормандские арки и боковые часовни в стиле барокко. В крепкой стене над вестибюлем красовалось круглое окно с мощным крестом, напоминающим «мускулистую» подпись крестоносцев, которую я обнаружил в пещере акведука. У меня возникло такое чувство, что ни одна молитва, произнесенная в этом месте, не останется без внимания – таким насыщенным призраками переплетавшихся религий было это место.

– Что это, папа? – Гарри и Озирис присоединились к нам.

– Святилище. – Я искренне надеялся, что так оно и было.

– Свя… что?

– Сюда плохие люди приходят, чтобы стать лучше, а хорошие люди – чтобы быть в безопасности.

– Мы плохие?

– Только не ты, Гарри. Ты хороший мальчик.

Он торжественно кивнул.

– И храбрый.

На церковных скамьях сидели несколько старушек, ожидающих исповеди, – точнее, единственного человека, готового их полностью выслушать: священника. Какой-то старик бесцельно гонял пыль метлой из угла в угол. *Дуомо* казался огромным и бестолковым.

– Аврора, зеркало, должно быть, давно уже исчезло, – прошептал я без размышлений.

– Тогда твоя семейка будет уничтожена.

Неловко крестясь смоченными в святой воде пальцами (что само по себе богохульство с учетом ее характера), Аврора снова играла английскую туристку, а я тщетно ждал, когда разверзнутся небеса и божественная молния сразит ее. Она же не спеша прогуливалась по боковым проходам, словно собор – это самая привычная для нее среда в мире, время от времени недобро поглядывая в мою сторону. Все ее слова и действия в отношении меня имели своей целью лишь возмездие.

Но, как я заметил, даже она уважительно бормотала что-то себе под нос.

Разноцветные мозаичные окна пропускали лишь тусклый свет, к которому прибавлялось марево от множества свечей, зажженных как приношение святым. Воздух имел неповторимый и незабываемый запах церкви – старый воск, пыль, благовония и вода.

– Никакого чердака здесь нет, я спросила у священника, – прошептала Аврора. – Балки крыши видно невооруженным глазом, мансарды тоже нет. Стены толстые и гладкие, словно мы в крепости. Но я уверена, что тамплиеры обязательно выбрали бы именно это священное место – здесь витают духи дюжины религий. Оно должно быть здесь, Итан! Но где? Где твой талант искателя древних артефактов?

Единственным моим талантом была способность попадать в неприятности типа этой, но я промолчал. Я бродил с Гарри по собору, ища сам не знаю что и удивляясь столь резкому контрасту между нормандской простотой и центральным белым алтарем, который, казалось, был вылеплен из сахара. Три капеллы были похожи на женские шкатулки, полные мрамора и золота. Я давно заметил, что человек склонен всю свою энергию вкладывать в крепости и соборы – в войну и жизнь после смерти.

Я не видел ничего похожего на место, где могло бы скрываться зеркало. На потолке лишь ангелы, святые и чудотворцы, все в развевающихся мантиях – и все, как один, зловеще указывали на меня пальцем. Вот бы эту их невесомость в реальную жизнь! Я устал от старых легенд и с удовольствием отказался бы и от этой, если б не Гарри. Он бродил со мной, держась за мой указательный палец, впечатленный столь огромным пространством, полным теней. Мне оставалось лишь смотреть во все глаза, считая греческие колонны – десять на одной стороне и девять на другой – и восхищаясь искусностью труда ремесленников. Розовый гранит ступенек одной из капелл, серебряный алтарь, горящий, словно луна, и бархатные гобелены, словно одеяния Аполлона. Высоко над нашими головами, на потолке, херувимы и бородатые патриархи, половину которых,

должно быть, писали с самого Архимеда. Все такое огромное и бесполезное – я даже не смог распознать ни одной из христианских историй.

Я уже перевел взгляд внутрь собора, когда вдруг заметил в картине центральный овал с маленьким окулярным окошком, через который проходил одинокий луч света. У него порхали херувимы, маленькие детские головы смотрели на гораздо более мясистых ангелов. Они казались невинными, как Гарри, а их голые тела были прикрыты розовой лентой в стратегических местах. Я видел эту картину в сотне церквей и не обратил бы на нее ни малейшего внимания, если б не предмет, который они держали в руках. Картина была полна солнечного света, нисходящего с небес желтыми лучами, которые улавливались предметом, напоминавшим зеркальце или увеличительное стекло.

Зеркало, излучающее собственные лучи.

Я вспомнил то кольцо, что показал нам Фуше, со вторым куполом на внутренней поверхности и буквой «А». *Ангелус*. Ангелы. Я прищурился и снова посмотрел вверх, пытаясь понять, что же я вижу перед собой.

Импозантный пожилой мужчина с белой бородой указывал посохом на стену. Или он указывал на нечто за стеной? Я посмотрел вниз. На мраморных шедеврах в стиле рококо, коими являлись стены собора, я вдруг заметил тонкую мозаичную работу неизвестного искусника. Кинжал крест-накрест пересекался с пальмовым листом, сделанным из камня другого оттенка. Над ними располагалось нечто вроде кубка, но кубка с миндалевидными греческими глазами наподобие тех, что греки рисовали на своих кораблях, устремленными в том же направлении. На что они смотрели? В этой часовне не было ничего, где могло бы скрываться зеркало. Но тут я вспомнил про вторую капеллу, на которую указывал старик, и отправился к ней. В отличие от первого алькова, она имел купол, похожий на перевернутую супницу, с нарисованными на нем не херувимами, но взрослыми ангелами, закопченными вековым нагаром от свечей. Обычный купол, если не считать того, что диаметр и глубина его параболы точно соответствовали той форме, которую, по расчетам Кювье, должно было иметь зеркало Архимеда. Я взглянул наверх. Купол, скрывающий страшное оружие? Может ли такое быть?

Я подозвал Аврору.

– Представь, – прошептал я, – что тамплиеры встроили зеркало в потолок, чтобы скрыть его до лучших времен.

– Потолок?

– Прямо над нами, словно перевернутая тарелка. Взгляни на печатку того кольца.

Я показал ей херувимов, посох и глаза. Ее лицо просветлело, пока она быстро металась между двумя капеллами.

– Итан, я думаю, ты нашел его! – прошептала Аврора.

– Только вот тамплиеры были достаточно умны, чтобы спрятать его в месте, из которого зеркало никак не забрать. Встроили прямо под кожу священной церкви посреди Сиракуз. Спрятали у всех на виду, причем сделали это, судя по всему, после землетрясения, когда *дуомо* находился на ремонте. Они вложили всю силу и мощь Церкви в защиту своей находки, Аврора. Весьма, весьма умно. Украсть невозможно.

– Спрятали в искусственном потолке, – пробормотала она.

– Да. Ну что ж, мы сделали все, что могли. Жаль, конечно, я уверен, что оружие все еще очень занятное, но рыцари всегда были на шаг впереди нас, не так ли? Ну, а поскольку зеркало в полной безопасности, мы с Гарри, пожалуй, пойдем.

– Ты про маленького Гора? – Аврора улыбнулась. – Но ведь именно он поможет нам заполучить его!

В задней части капеллы в стиле барокко с серебряным алтарем и красными гобеленами располагались две низких и узких двери. Оглянувшись и не увидев поблизости священников или прихожан, Аврора кинулась к одной из дверей, спрятавшись за богатой тканью, и попыталась отпереть ее, но дверь была заперта. За дело взялся Драгут, выбив ее плечом, и красивое резное дерево треснуло и осыпалось щепками в месте зияющей раны, которая заставила бы Габриэля рыдать. Узкий проход за основной стеной уходил в сторону, к задней части церкви. Для нас этот проход оказался бесполезным.

– Другую дверь! Быстро!

Пират выбил и вторую дверь, за которой мы обнаружили уходящую вверх винтовую лестницу.

Аврора потянулась к Гарри, но тот вцепился мне в ногу. Она нахмурилась и поманила меня. Я поколебался, надеясь, что нас найдет и спасет толпа обозленных монахов, но мы намеренно выбрали послеобеденное время, на которое никаких богослужений обычно не назначалось. Я взял сына на руки и быстро вошел в сломанную дверь и встал у каменных ступеней.

– Куда мы идем, папа?

– Вверх. Я понесу тебя.

Сын вырвался из моих рук.

– Нет. Я сам!

И он повел нас за собой, довольный, как обезьяна. Свечи, стянутые Драгутом, Авророй и Озирисом с алтаря, бросали на

стены неровный свет.

Мы оказались в грубом подобии чердака над часовнями. Мы стояли на самом краю прилегающего купола, едва помещаясь на корточках у парапета. Чердак представлял собой беспорядочное скопление старых балок и опор – пыльное, затянутое паутиной страшноватое место. Я снова возмечтал, чтобы священник или прелат нашел сломанную нами дверь и отправил по нашим путям все Сиракузы. Нас окружала такая тихая и зловещая темнота, что Гарри снова потянулся ко мне на руки.

– Я знала, что нам пригодится твой щенок, – сказала Аврора, всматриваясь в пространство между внутренним куполом и внешней крышей. – Дай мне мальчишку.

– Ни за что.

– Поторопись, если не хочешь провести здесь весь день в ожидании, пока какой-нибудь прелат обнаружит сломанную дверь. – Она вытащила сына из моих рук, поставила его на пол и достала кусок сахара. – Гор, ты любишь сладости?

Он мрачно кивнул.

– Я думаю, что тебе нужно полакомиться сахаром, но сначала ты должен сделать что-то очень умное, чтобы заслужить его. Только ты можешь это сделать, потому что достаточно маленький, чтобы пролезть туда, куда не могут залезть большие дяди. Я хочу, чтобы ты забрался в это пространство и поскоблил то, что найдешь, вот этим маленьким ножиком. – Она протянула ему перочинный нож. – Потом принеси мне ножик, и я дам тебе конфету.

– Он порежется!

– Не порежется, если сделает так, как ему велят. – Аврора снова смягчила голос, обращаясь к Гарри. – Только большим мальчикам можно играть с ножами, но я думаю, что для своего возраста ты очень большой. Я хочу, чтобы ты аккуратно вскарабкался на эту горку до вершины потолка, и когда поймешь, что не можешь пролезть дальше, поскобли то, что мешает тебе двигаться дальше, вот этим ножиком.

– Темно! – небезосновательно заявил мой сын; он был так же растерян, как и я.

– Тебе не нужно залезать далеко, а я буду держать свечу, она осветит тебе путь. Все займет не больше минуты.

– Аврора, ты потеряла последние остатки рассудка?

– Подумай сам, Итан. Если зеркало скрыто в куполе, оно должно находиться между потолком и крышей. Мне нужно убедиться в том, что зеркало на самом деле там, прежде чем разбирать этот собор по частям, но я не помещусь в это пространство, чтобы проверить. А Гор может. Пришло время и

твоему незаконнорожденному отпрыску сослужить нам службу.

– А что, если он застрянет?

– Тогда мы запихнем тебя туда, и ты вытащишь его. Хватит жаловаться, помоги мне!

Я вздохнул и сел на корточки.

– Гарри, эта сторона острая, – я показал ему нож. – Будь осторожней. Держи вот так. – Я обвил его пальцы вокруг рукоятки. – Поскобли лезвием то, что тебя остановит, и ползи обратно к папе. Ты храбрый?

– А конфету дашь?

– Дам.

– А собака меня не укусит?

Я вздохнул.

– Нет.

Гарри улыбнулся, возбужденный важностью своего задания. Затем взял нож, держа его перед собой, словно зонд, и, извиваясь, пополз в тесном пространстве между потолком купола и стропилами, поддерживающими черепичную крышу собора. Я все еще видел подошву его ботинок, когда он крикнул:

– Я остановился!

– Что ты видишь?

– Темно, – раздался его шепот.

– Поскобли лезвием и возвращайся за своей конфетой! – крикнула ему Аврора.

Ничего не произошло, и она выругалась.

– Оно должно быть здесь, – сказал Озирис с надеждой, но без доказательств.

– Нужно убедиться.

– Глаза! – вдруг закричал Гарри и засучил ногами по куполу. Я рванулся, чтобы схватить его за лодыжки, но Драгут остановил меня, затем раздался писк животного, и мой мальчик снова успокоился.

– Гарри?

– Помни, поскреби лезвием темную штуку под тобой и возвращайся за своей конфетой! – крикнула Аврора.

Спустя минуту колебания мы услышали царапающий звук, и мальчик пополз назад. Драгут отпустил меня, я поймал Гарри за лодыжки и аккуратно вытащил его. Он с гордостью протянул мне нож, на лезвии которого светились чешуйки бронзы или золота.

– Оно здесь! – выдохнула Аврора, сверкая глазами, полными жадности.

– Подожди, это еще не всё. На лезвии волосы. Гарри?

Тот широко улыбнулся и достал из рубашки тело мертвой мыши. Он заколол ее ножом. Клянусь громом, мой сын –

настоящий Геркулес!

– Конфета?

Я дрожащими руками протянул ему конфету. У моего сына задатки отличного искателя сокровищ – худшего проклятия я и не мог пожелать.

– Свяжись с Ложей, – приказала Аврора Драгуту, – пусть приготовят корабли, как предлагал Итан. Благодаря ему и его отпрыску мы снесем к чертям этот потолок.

Глава 28

Руины древнегреческой крепости Эуриалус расположены на гребне плато Эпиполи в высшей точке соединения его южной и северной сторон, зубцами крепостных стен обращаясь на запад, словно нос корабля. После наступления темноты мы на нанятых Авророй лошадях отправились к забытым развалинам. Аврора сменила свое туристическое платье на экипировку для верховой езды.

– Поможешь нам и спасешь своего сына. – Неужели она думала, что я верю хотя бы единому ее слову?

Мы приближались к руинам, которые, казалось, были пусты. С гор к западу от нас дул теплый ветер, качающий высокую траву, и собаки лаяли на фермах далеко внизу. Вдалеке, на расстоянии миль шести, мы видели фонари города и стоящих на якоре кораблей. В последних проблесках сумерек мелькали летучие мыши, а с высокого неба на нас нерешительно поглядывали первые звезды. Я задумался о том, где же здесь разбить секретный лагерь, как земля вдруг разверзлась перед нами, словно огромный рот.

– Это старый крепостной ров, один из трех, что находились перед крепостью, – пояснил Драгут. – Здесь спуск.

Мы осторожно спустились внутрь, словно в огромное чрево, и пробрались через короткий тоннель на дне древнего греческого рва. На арках рва тускло плясали отблески пламени костра, и я понял, что конфедераты наших поработителей ожидали нас в подземных помещениях форума, скрытые от любопытных глаз сицилийских крестьян, работающих на поверхности. Мы остановились, лошади лениво отмахивались хвостами от комаров. Вдруг из одной из пещер вышел мужчина в капюшоне и взял лошадь Авроры за узду.

– Приветствую тебя, наша Астарта, наша Иштар, наша Фрейя. Госпожа луны и чрева, восходящая звезда на востоке, наша голубка и наша львица.

На мой вкус, это было чересчур.

– Приветствую тебя, Дионис. Я привела Глупца, как и говорилось в пророчестве, и его отродье действительно сыграло свою роль, как и предсказывалось. Все идет так, как должно, и вскоре мы унаследуем великую мощь древних.

Это представление ввело меня в некоторое замешательство, так как я вспомнил, как одна цыганская гадалка назвала меня когда-то Глупцом, ищущим Глупца, – примитивная мудрость Еноха и давно забытого бога Тота. Опять тот же ярлык, прямо как

на той старой карте Таро.

– Да наделят нас боги храбростью принять эту великую силу, волей владеть ею и безжалостностью истинной веры!

– Исида и Озирис слышат наши молитвы в сей час, Дионис.

Аврора ловко спустилась из седла на землю к дюжинам фигур в капюшонах, собравшихся у входа в тоннели крепости, чтобы встретить нас. Опять язычники, с которыми я столь часто сталкивался в своих приключениях, что мне начинало казаться, что они – неотъемлемая часть моей прошлой и будущей жизни. Это сборище было фанатично предано мужчине и женщине, но менее опасным от этого вовсе не становилось.

Драгут отвел меня через напоминающий галерею тоннель длиной с крепостной ров к скрывающимся за ним пещерам. Тоннель вел глубже в древнюю крепость, впереди дрожали огни факелов. В древние времена эти проходы позволяли солдатам перемещаться из одной части крепости в другую, дабы избежать попадания снарядов катапульт. Теперь же они служили первоклассными норами для бандитских кланов, подобных нашему. Здесь собралось не менее сотни прихвостней Авроры, некоторые из них были мусульманскими пиратами, но подавляющее большинство явно приехали из стран Европы и были одеты в черные, серые и белые плащи поверх традиционных костюмов своих стран.

Гарри прижался ко мне.

– Кто эти люди, папа?

– Просто местные сумасшедшие.

Сотни свечей освещали грот дымным светом. В нишах располагались статуи богов с головами животных, на песке были начертаны пентаграммы. В углах стояли мушкеты, пики, сабли и топоры, чуть поодаль – трубы и горны, за ними следовали веревки и канаты, бочки с порохом и вязы фитилей. Плащи и капюшоны наделяли собравшихся мрачной анонимностью, словно никто не хотел, чтобы его видели в этом глупом сборище.

– Аврора, откуда все эти люди?

– Ты сказал Озирису в Париже, что тебе любопытна Ложа египетского обряда, – ответила она. – Это мы и есть, собрались здесь по моему зову со всех уголков и замков Европы. Это возрождение тамплиерской и пифагорейской мудрости, Итан, возрождение вавилонской астрологии и каббалистической мистики. Эти мужчины и женщины представляют лучшие умы Европы, но, в отличие от других ученых, мы открыты новым идеям и экспериментам. Среди нас герцоги и герцогини, ученые и теологи, торговцы и моряки, аристократки и куртизанки. Здесь собрались только достойные. Мы принимаем в свои ряды как

аристократов, так и торговцев, если они доказали, что достойны, благодаря своим познаниям алхимии и желанию пройти церемониальное испытание. Среди нас англичане, французы, немцы, итальянцы, испанцы, объединенные своей жаждой знаний и реформ.

– Каких реформ?

– Реформ, которые станут результатом установления нашего правления. Мы – высший орден; мы настолько же превосходим обычный люд, насколько сенаторы превосходили обезьян. Это наша честь, наше бремя – реформировать эту планету и уничтожить столько непосвященных, сколько понадобится.

– Непосвященных?

– Древняя истина ждет своего открытия, но некоторые поворачиваются к ней спиной и отказываются признавать необходимость перемен. От трудноизлечимых надо избавляться. Ложа инициирует чистое общество, в котором не будет несогласных с истиной.

– Путем уничтожения всех несогласных.

– Это основополагающий принцип власти. Гармонии можно достичь только путем единогласия. Нет ничего более хаотичного и неэффективного, чем люди, сомневающиеся в своих правителях. Сомневающиеся по определению не могут быть частью благородной нации. Те же простолюдины, что выживут, станут рабами нашего духовенства.

– Понятно. А я считаюсь благородным или как?

– Это нам еще предстоит узнать.

– И вы собираетесь достичь этого консенсуса, спалив флоты всего мира?

– Мир станет лучше, когда в нем не останется иного флота, кроме нашего.

– Пиратского флота.

– Флота предпринимателей, мистиков, стремящихся к свету.

– А что тогда здесь делают все эти фанатики, Аврора?

– Они не фанатики. Они – святейшие из святых, те, кто наиболее трепетно предан нашему делу. Они патриоты, Итан, патриоты, желающие повторно открыть тайные силы предшествующей нашей цивилизации и вернуть потерянный золотой век. Мы хотим снова походить на богов и обладать их силой и чувственной свободой. Мы будем делать то, что хотим, с тем, с кем хотим, и наши рабы возрадуются, ибо наша тирания будет в тысячу раз слаще, чем все свободы сегодняшнего близорукого мира! Когда мы завершим свои исследования, мы, последователи Ложи, будем не в состоянии ошибаться и станем править миром с идеальным его пониманием. Нас будут посещать

видения благодаря вкушаемым нами опиатам, мы будем достигать просветления через наш экстаз. Мы сами станем богами, идеальными существами! И ты все еще можешь вступить в наши ряды. Ты и маленький Гор!

– А Астиза? – Мне нужно было как-нибудь притормозить не на шутку разыгравшуюся фантазию Авроры.

Ее рот превратился в узкую щель.

– Если ты все еще будешь желать ее после того, как увидишь истинный свет.

Так вот в чем дело… Скучающие аристократы, ученые-неудачники, избегаемые другими лунатики, обанкротившиеся торговцы, обремененные долгами игроки, сифилитичные либертины, эксцентрики и ненормальные всех родов и мастей – все они наконец обрели семью в этом чудовищном извращении идеи франкмасонства, основанного шарлатаном Калиостро более чем поколение назад. Эта свора хотела владеть магией и технологиями, в этом не было сомнений, но даже больше этого они хотели наказать всех мужчин и женщин, когда-либо насмехавшихся над ними. Какая степень духовного очищения и возвышенности – считать каждого, не согласного с тобой, существом низшего порядка! Какое удовлетворение они испытывают от того, что считают себя избранной расой, не нуждающейся в моральных угрызениях братьев меньших! Какое нахальство и какой бред… Но при этом что будет, если мы все-таки найдем этот смертельный луч Архимеда? Что, если и маленький флот моей собственной нации превратится в пылающий костер из-за того, что я, Итан Гейдж, помогал этому сборищу страдающих манией величия маньяков? Я не могу так поступить – если б не маленький Гарри, обнявший меня за шею и прильнувший ко мне с глазами, инстинктивно расширившимися при виде этих заговорщиков в рясах и капюшонах. А вот и черная сопящая фигура Сокара, пса-убийцы, рыскающая в тенях. Как же вырваться из этого капкана?

Только подыгрывая им, пока не представится возможность для побега.

– Мы вернемся в Сиракузы, – сказала Аврора. – Дионис встанет во главе целой армии кающихся грешников, собственной армии Ложи египетского обряда, и приведет их в город, на помощь нам. Они притворятся пилигримами, пришедшими на празднование Успения, когда Дева Мария вознеслась на небеса. Хамиду подготовит новые корабли и подведет их к городу в нужный момент. Мы высвободим зеркало, даже если нам придется разрушить для этого весь *дуомо*.

– Ты собираешься взорвать церковь в католический праздник?

– Лишь небольшую ее часть, причем очень тихо.

– Аврора, это безумие. Откажись! Даже если оно там, ты не сможешь добраться до него, или вас всех просто потопят.

– Мы доберемся до него. Мы заполучим его. Ты сам предложил, как пройти мимо орудий крепости так, чтобы твоего ребенка не зацепило шальной шрапнелью. Детали спланируй с Хамиду, пока мы проведем здесь обряд Баала. А потом ты поможешь мне украсть Огонь Берберии. – Ее глаза торжествующе горели. – Мы установим его в Триполи, на крепостном валу Караманли, и когда солнце зажжет его, мы сделаем первый шаг к мировой гармонии!

Она отвернулась и начала читать какой-то древний оккультный ритуал под тревожные взгляды пиратов-мусульман, наблюдающих за этим богохульством.

– Я хочу к маме, – прошептал Гарри мне на ухо.

– Я тоже, сынок. Я тоже.

Глава 29

И вот я снова вламываюсь в церковь посреди ночи, совершая за это свое приключение столько грехов, что я побаивался, как бы не увидеть врата в царство Аида в самом буквальном и неприятном смысле. Помимо обычного святотатства, я еще и помогал пиратам и фанатикам, втянул сына в угрожающую его жизни авантюру, предал интересы моей страны и не сдержал клятву не раскрывать обнаруженный нами на карте секрет, данную трем моим друзьям. И все это во имя правого, как я думал, дела. Если мне и суждено выбраться из этой переделки, даже годы монашеских скитаний вряд ли просветлят мою безнадежную карму.

Мы ломом взломали боковую дверь *дуомо* со стороны виа Минерва и проследовали внутрь в сопровождении собачьего монстра Авроры, которого она держала на железной цепи. Члены Ложи египетского обряда бесшумно передвигались по улицам, словно процессия пилигримов, и спрятались в тени вестибюля *дуомо* меж его крученых колонн, обвитых вырезанными на мраморе виноградными лозами.

Внутри церковь показалась мне еще выше в полуночной темноте, в которой серебряный алтарь Святой Лючии горел, словно лед при свете звезд. Каждый шаг казался мне преступлением, каждое движение ересью. Сопение собаки наводило на мысли о вторжении чудовищ из преисподней. Мы прошли в капеллу и направились к двери, которая привела нас наверх. Ее замок все еще был сломан, но его роль уже выполняла деревянная планка, гвоздями крепившая дверь к косяку.

Драгут достал лом и принялся за дверь; гвозди завизжали в ночной тишине.

Внезапно раздался крик:

– Бога ради, остановитесь!

Из теней главного алтаря на нас бежал престарелый священник, полуодетый и возмущенный, потрясая кулаком в жесте мольбы и возмущения. Его крики эхом разнеслись по всем уголкам погруженного в тишину собора.

– Что вы творите, богохульники?

Аврора замерла, но лишь на мгновение.

– Сокар, взять!

Раздался звук упавшей цепи, и животное рвануло с места, бесшумно направляясь к исступленно приближавшемуся к нам священнику. Я попытался выкрикнуть предупреждение, но Драгут рукой закрыл мне рот. Собака взмыла в воздух, черная тень

мелькнула в сумерках, и в следующее мгновение священник закричал и упал, отброшенный весом животного в сторону алтаря. Из темноты доносилось дикое рычание, приглушенные крики и звук костей, трещащих в мощных челюстях. Священник бился на полу, звуки его агонии тонули в пасти монстра, схватившего его за голову; затем бедняга затих. Собака с удовлетворенным рычанием вернулась к нам, слизывая кровь с морды.

Маленький Гарри в ужасе вжался в меня.

– Это не собака, это чудовище, – сказал я дрожащим голосом. – Вы прокляты на веки вечные, все вы.

– Сокар защищает старую, истинную религию. Именно подобные люди станут считаться святотатцами и будут уничтожены.

– С меня хватит. – Сокар уткнулся носом в руку Озириса, гладящего его по голове. – Я ухожу. Я не имею более ничего общего с вами. Я ухожу, пока мы все не оказались в аду.

– Ты не можешь уйти, или я натравлю собаку на твоего сына. Ты не можешь уйти – ни сейчас, ни потом, никогда! Ты – один из нас, и чем скорее ты поможешь нам, тем скорее мы покинем Сиракузы и никому больше не придется умирать.

– Аврора, прошу тебя! – выдохнул я.

– Однажды ты поймешь всю прелесть и красоту нашего святотатства.

Щелчок известил меня о том, что Драгут приставил к моей голове один из пистолетов Кювье, дабы убедить меня в серьезности их намерений, а Сокар фыркнул и помотал своей массивной головой, разбрасывая брызги крови и слюны.

– Мы все теперь партнеры, – подчеркнул пират.

Для сборища сибаритов, извращенцев и испорченных мистиков с потугами на владение магией времен Ложа египетского обряда оказалась устрашающе эффективной в подготовке к сносу священной капеллы. Не обращая внимания на мертвого священника, Драгут открыл главную дверь, и конфедераты Авроры хлынули внутрь, словно бесшумная приливная волна, груженная веревками, порохом и строительными инструментами. Непосредственно под куполом располагался небольшой приступок, проходящий под всей его окружностью высоко над капеллой. Монахи-еретики, невзирая на опасность и не обращая внимания на тридцатифутовую высоту, взобрались на него, крепя веревки и закладывая пороховые заряды. Под куполом появилась плотная сеть из крепких канатов и веревок, призванная поймать все, падающее сверху. Их инженерная задумка, однако, ничем не походила на осторожную

хирургическую операцию – это была скорее попытка кражи со взломом, пока добрые жители Сиракуз спали в своих домах, не подозревая о том, что мы оскверняем их главное место богослужения. Вся работа выполнялась в почти полной тишине, в свете сотен зажженных свечей. Последовали последние приготовления, опущенные сверху фитили коснулись пола часовни, и мужчины в капюшонах молча встали со свечами в руках, ожидая приказа своей повелительницы.

Аврора вышла на центр капеллы, подняла взгляд на пороховые заряды и сделала пируэт под куполом, перед лицом своих темных ангелов, раскинув руки, словно она намеревалась поймать зеркало, и вскричала:

– Сейчас!

Фитили, фыркая и плюясь огненными искрами, возвестили о начале процесса, и члены Ложи попятились в основной придел. Аврора последней покинула помещение капеллы. Языки огня поползли вверх, под купол часовни, и собравшиеся заговорщики издали глухой гул, словно проснулся огромный пчелиный рой.

– А что, если ты уничтожишь и само зеркало?

– Наши исследования говорят, что оно крепкое, словно щит. К тому же другого способа просто не существует. У нас нет людей, чтобы захватить и удерживать этот собор, пока мы вынимаем его.

– Но это не просто разбудит весь город – это пробудит мертвецов!

– Ну и пусть помашут на прощание сокровищу, о существовании которого эти глупцы и не подозревали!

Огоньки фитилей исчезли под куполом, нависла гнетущая тишина, и в следующее мгновение собор наполнился стаккато взрывающихся пороховых зарядов. Даже Сокар подпрыгнул на месте. Вниз хлынул поток камня и штукатурки, возвещающих о кончине закоптелых ангелов на потолке, и из часовни в главное помещение собора выбросило зловонное облако пыли и дыма. Затем, со скрежетом и грохотом, нечто обрушилось вниз.

Мы вбежали в капеллу, стараясь руками разогнать пыль и дым, и уставились наверх. Сквозь дымку нашему взору предстал огромный круглый диск, лежащий на веревочной сетке, натянутой меж колонн часовни. Диск был бронзовым, футов двадцати в диаметре, и горел ярким блеском там, где металл поцарапался о камень, когда зеркало высвободилось из своей многовековой оправы.

Мое сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Спустя две тысячи лет после гибели Архимеда от римского меча его наиболее ужасающее изобретение (или копия даже еще более раннего изобретения) было вновь обретено человечеством.

– Быстрее, опускайте его! – кричала Аврора. – На счету каждая минута!

По всему городу зазвонили колокола. Некоторые из монахов Ложи повытаскивали из своих одеяний пистолеты и мушкеты и засели у главного входа в собор, всматриваясь во мрак площади. Другие собрались вокруг зеркала. Веревки обрезали и аккуратно опустили импровизированный гамак на мраморный пол, покрытый мусором и обломками потолка. Обломанные балки и стропила потолка над нами казались сломанными ветвями деревьев.

Сокровище оказалось толщиной около полудюйма и формой напоминало неглубокую перевернутую миску. Внутри этой миски располагались бронзовые панели, петлями прикрепленные к ободу так, что зеркало выглядело словно перевернутый цветок со сложенными лепестками. Приспешники Ложи обернули буксировочный канат вокруг обода, превратив его в некое подобие колеса с шиной, затем в ход пошли дополнительные веревки, чтобы поставить зеркало на край. Некоторые из монахов даже танцевали, не в силах скрыть своего возбуждения, и пение становилось все громче. Латунный гигант весил никак не меньше тонны и колебался из стороны в сторону, пока мужчины с обеих сторон от него пытались удержать это гигантское колесо в равновесии. Вихляющее колесо выкатили прямо через двери *дуомо* (оно едва прошло по размеру) и вниз по ступенькам на площадь. Полдюжины монахов Ложи с трудом направляли зеркало, чтобы оно не укатилось.

Пока все внимание было приковано к катящемуся зеркалу, я сел на корточки в разрушенной часовне и наспех нацарапал одно-единственное слово на пыльном полу.

Триполи.

Я встал, пока Озирис не заметил меня, поднял Гарри на руки и последовал за толпой наружу.

Оттуда, где виа Санта-Ландолина выходила на площадь, мы услышали крики, приказывающие нам остановиться. К нам приближались констебли острова, что вряд ли можно было назвать удивительным: с учетом всего того шума, что мы наделали, не хватало только оркестра. Мы осквернили городской *дуомо*, позволили собаке сожрать местного священника и пытались украсть нечто столь большое, что оно не влезло бы ни в одну повозку. По всем Сиракузам с треском открывались ставни. Монахи Ложи на мгновение остановились, колеблясь, оружие наготове, поглядывая на Аврору и ожидая ее приказа.

И тут грянул гром. На площадь в направлении приближающихся итальянцев градом посыпалась шрапнель.

Некоторые из полицейских упали, факелы в их руках задрожали.

Драгут привез пушку с одного из кораблей и теперь, залп за залпом, обстреливал из нее Ландолину по всей длине улицы.

– Шевелитесь, что вы замерли как истуканы? – крикнул он пилигримам в рясах и мантиях. – Катите зеркало, катите его! – Он размахивал бландербассом Смита, из дула которого поднимался дымок.

– Дайте мне оружие, – сказал я Авроре. – Верни мне мою винтовку.

– Получишь, когда докажешь, что тебе можно доверять.

Мы отступали в рядах отступающих монахов. Члены Ложи толкали гигантский диск вниз к восточной стороне площади, откуда улочка вела к фонтану Аретузы, природному источнику, у которого Гор совсем недавно играл с утками. Неподалеку от него располагался причал, у которого на волнах покачивались два корабля.

Драгут повернулся ко мне.

– Ну что ж, Гейдж, сейчас мы узнаем, сработает ли ваш план.

Позади нас раздались новые крики и выстрелы, за которыми в этот раз последовал град пуль, визжащих и с жаром отскакивающих от каменной мостовой, пролетая в считаных дюймах от нас. Дыхание их полета делает выживание делом поистине возбуждающим. Один из членов Ложи вскрикнул и упал; остальные остановились, чтобы помочь ему.

– Оставьте его! – крикнула Аврора. – Зеркало! Зеркало!

– Но это Энтони!

Она направила пистолет на своего раненого последователя и выстрелила. Мужчина дернулся и остался неподвижно лежать на камнях.

– Никого нельзя оставлять позади! Никто не должен предать наши планы!

Остальные стали с еще большим рвением толкать зеркало вперед.

Я побежал вперед, прижимая к себе Гарри. Лай Сокара разбудил всех собак города, и мой сын вжался в меня в смятении, дрожа от страха и возбуждения. Да, вот и новый корабль, как я и предлагал, как и обещал Драгут. Я поднялся на борт брига, захваченного берберскими головорезами, к моему удивлению, отпустившими его команду живыми на лодках. Корабль именовался «Зефир». И, как я и предлагал, «Изида» Авроры была привязана к корме, словно жертвенное животное. Я бросил взгляд назад и снова услышал выстрел из пиратской пушки, держащей наших преследователей на почтительном расстоянии. Вниз по улице проследовало зеркало, словно огромная монета, катящаяся

по мостовой, за которой, словно дети за обручем, бежала вереница монахов. Благодаря своему весу и размеру при каждом повороте зеркало производило звук огромного жернова.

Неподалеку, на форте Кастелла-Маниаче на самом краю Сиракуз, загорались факелы, словно доказательство того, что гарнизон уже не спал. Мимо их орудий нам предстояло проскользнуть, чтобы выйти из бухты, и если мой план не увенчается успехом, я со своим сыном отправлюсь на дно морское.

Я стоял, держась за перила на корме, когда зеркало прокатили по деревянным сходням, осторожно протиснули между гротом и бизанью, и дюжина мужчин осторожно опустила его на палубу. Тарелка зеркала была столь велика, что его обод свешивался с планширей с обоих бортов. Как только члены Ложи и их пиратские приспешники поднялись на борт, Драгут приказал развернуть сходни, чтобы сделать мостик между палубой и ютом и позволить матросам перебираться над зеркалом. Еще мгновение, и канаты были обрублены, паруса подняты, и под мерный шум весел наше торговое судно отчалило из дока. По счастью, дул ночной бриз, и паруса мгновенно наполнились ветром под выкрики и проклятья карабинеров, солдат и возмущенных священников, собравшихся на причале. С борта корсара, следующего за нами, раздалось еще два пушечных залпа, рассеявших наших преследователей. Наш корабль поднял парус Королевства двух Сицилий, а над пиратским судном развернулся и захлопал на ветру флаг триполитанских пиратов. Я молился, чтобы эта уловка сработала в темноте, причем достаточно долго, чтобы уберечь моего мальчика от опасности.

– Гарри, помнишь, я говорил тебе о том, чтобы спрятаться среди парусов в трюме? Время пришло, иди!

– Нет! Смотреть! – Он был заворожен.

– Слишком опасно! Если ты будешь хорошим мальчиком и отправишься вниз, я дам тебе еще сахара!

Нам нужно было проплыть расстояние в несколько сотен шагов вдоль дамбы Сиракуз до крепости, которую нам тоже предстояло миновать, но я видел, как там загорается все больше и больше факелов. По крепостному валу взад и вперед сновали люди, и появлялось все больше крупных пушечных орудий калибра весом в 24 фунта, способных выпотрошить наше хилое суденышко и отправить его древний груз на дно морское. Мы набирали обороты, скользя по мелководью со скоростью быстрого шага, и я повернулся к Драгуту.

– Действуйте *сейчас*, если вы действительно хотите обмануть их…

Он повернулся и поднял руку.

Позади нас корсар Авроры, привязанный к нам невидимым в темноте буксировочным канатом, развернул свой парус. Его носовое орудие, заряженное старыми тряпками, дало резкий залп, словно обстреливая нас, мы же ответили из легких кормовых пушек, словно пиратский корсар преследовал «Зефир». В воздух взвились обрывки горящих тряпок. Монахи и пираты, скопившиеся на борту торгового судна, присели за планширями, чтобы создать впечатление малочисленности нашей команды, в то время горстка храбрых пиратов на борту корсара установила на палубе «Изиды» множество пугал. В темноте казалось, что нас преследовало судно, полное злобных морских разбойников.

Моя идея заключалась в том, чтобы наш корабль походил на отчаявшееся торговое судно, убегающее от пиратов, дабы весь огонь сицилийских батарей обрушился на почти пустой корсар.

Я с волнением следил за фортом. Возбужденные крики в Кастелла притихли – значит, офицеры уже навели дисциплину. Одна за другой откидывались ставни оружейных бойниц крепости. Мы уже слышали лязг огромных выкатываемых орудий, дула которых были направлены прямо на хрупкий корпус нашего суденышка. Мы напряглись в ожидании шквала ядер, которые вывернули бы наш корабль наизнанку, но огня так и не последовало.

Теперь же на линии огня крепостных пушек показался корсар. Его команда незаметно скользнула в шлюпку на противоположном от берега борту и неслышно отправилась в открытое море на веслах под прикрытием корпуса покинутого судна.

Наконец тишину пронзила команда, и со стороны крепости раздался грохот множества пушечных орудий. Шрапнель и ядра с пронзительным звуком вонзались в обреченное пиратское судно, прошивая деревянный корпус приманки, словно бумагу.

Аврора, взмахнув кортиком, обрубила буксировочный канат, Драгут же, нахмурившись, наблюдал за уничтожением грациозного корабля. Одно из ядер угодило прямо в штурвал, и корабль лег на ему одному известный курс.

– *Fuoco! Sparare!* – доносились до нас возбужденные команды не прекращать огонь.

Все больше и больше ядер пронзали корпус пиратского корабля, осыпая море дождем из щепок. Парус уже напоминал сеть, корабль потерял ход, и затем грот-мачта со всеми снастями с громким треском завалилась набок. Корсар лег в неконтролируемый дрейф и начал тонуть под громкие восторженные крики со стороны форта.

Ни единого выстрела в нашем направлении так и не было сделано.

Раздалась еще одна команда, грянул еще один залп, и последние обломки корабля Авроры взвились в небо под оглушительный грохот взорвавшегося порохового запаса, поджегшего тонущие остатки корсара. Пламя сделало его еще более легкой мишенью, и ядра начали прицельно приземляться в самом центре гибнущего судна. На берегу собралась большая толпа, откуда раздавались частые хлопки мушкетов стрелков, с готовностью осыпавших градом пуль пустой корабль с его пугалами. Корма корсара, наконец, исчезла в волнах.

Мы же скользнули мимо форта и начали набирать скорость, мчась вперед, к безопасности.

Аврора наблюдала за кончиной «Изиды» из окна.

– Справедливый обмен, – пробормотала она. – Ты уничтожил мой корабль, Итан, и я салютую тебе за это. Эту безжалостную мудрость мы привнесем во все наши дела.

Вероятно, сицилийцы ждали, что наше торговое судно прекратит побег и повернет к берегу, убедившись в уничтожении преследовавших нас разбойников. Может быть, они ожидали, что мы замедлим ход, приспустим флаг или огнями фонарей поблагодарим наших спасителей.

Вместо этого на реи поднялись пираты и монахи для того, чтобы расправить все паруса. Мы все быстрее и быстрее скользили в темноте, и зеркало Архимеда мерно покачивалось на своем новом месте. Самым ярким светом в ночи все еще оставался горящий корсар, гипнотически приковавший к себе взгляды из форта и города, пока мы растворялись в ночи.

К тому времени, когда сицилийцы отправили к месту сражения свои лодки и поняли, что уничтожили пустую цель, пиратская команда с борта погибшего корсара уже подняла свой парус и спешила воссоединиться с нами. Мы подняли их на борт на выходе из бухты и покинули берега Сицилии без единой пули в корпусе нашего корабля. Величайшее сокровище острова теперь принадлежало нам и направлялось к своему возрождению в Триполи.

– Если боги не хотели этого, почему все прошло так легко? – спросила Аврора у своих последователей.

Те засмеялись.

Теперь берберские пираты могли сжечь любой флот в мире.

Глава 30

На всех парусах мы пересекли залив Ното, судя по всему, сбив с толку всех возможных преследователей. Светало, и как только мы покинули Сиракузы, я отправился вниз и нашел Гарри в отделении для парусов. Мы забились меж холщовых складок, и он быстро заснул у меня на руках, а я никак не мог заснуть, несмотря на всю мою усталость. Я выполнил свою часть сделки, я нашел зеркало – даруют ли теперь мне, Астизе и Гору мир и свободу, пока Ложа занимается сборкой своей дьявольской машины? Я надеялся лишь на то, что еще смогу предупредить мир об опасности, чтобы искупить свою вину за заключенную мною сделку с дьяволом. При всем этом Аврора, Драгут и Озирис, похоже, были убеждены в том, что мы стали настоящими партнерами.

Наконец я уснул, проснувшись уже поздним утром. «Монахи», несмотря на столь бурную ночь, не могли отойти от зеркала. Они изучали его, споря о принципах его работы. Команда накрыла его тентом, потому как, даже запыленное и потускневшее, оно было ослепительно-ярким. Пираты боялись, что зеркало может случайно поджечь их же паруса и снасти.

Тем вечером мы встали на якорь у юго-восточной оконечности Сицилии у небольшого плоского острова под названием Капо-Пассеро. Солнце опускалось за холмами Сицилии к западу от нас, а члены Ложи фиксировали зеркало на месте и готовились к празднованию в трюме. Как это ни удивительно, я стал кем-то вроде пиратского героя благодаря моей идее пожертвовать корсаром Авроры для нашего побега и спасения. Даже моего маленького сына чествовали, словно будущего головореза, и это внимание нравилось Гарри, так как ему подарили настоящую шляпу.

Никто из Сиракуз не преследовал нас. Скорее всего, городские министры и священники просто не были уверены в том, что мы вообще что-то выкрали. А потому мы понадежнее закрепили зеркало на палубе и рискнули зажечь несколько фонарей. Плотники вырезали по большому сегменту из планширей по обоим бортам, опустив зеркало на палубу, а члены Ложи принялись чертить и измерять древнее изобретение, которое оказалось сложнее, чем нам изначально показалось. Основная его поверхность имела форму огромной неглубокой миски, но была вылита или собрана из сложной системы, состоящей из шестиугольных пластинок, напоминавших соты, – тысячи и тысячи маленьких зеркал поверх основного зеркала.

Также были закрепленные на петлях секции, которые складывались, словно цветочные лепестки, над основным зеркалом. В разложенном состоянии они в два раза увеличили бы диаметр зеркала и могли также вращаться вокруг собственной оси. На задней части зеркала была сделана гравировка, как объявил Драгут, умудрившийся залезть под зеркало, описывающая сложную систему лесов и опор, необходимых для поддержки и поворачивания устройства, и отдельная система линий, демонстрирующая, как ориентировать зеркало и его «лепестки» относительно солнца.

– Это устройство простое, как увеличительное стекло, и сложное, как часы, – сказал он. – Ученым Ложи предстоит хорошенько потрудиться, чтобы правильно установить его. Веревок понадобится больше, чем на оперной сцене.

«Сложно соорудить, легко саботировать», – подумал я, но осмотрительно промолчал.

– Озирис разберется, – сказала Аврора, торжествуя. Она тоже, наконец, поспала и вернулась к нам, излучая уверенность и победу. Ее приспешники ковырялись вокруг зеркала, снимая с него размеры и нанося их на чертежи. – Озирис и Итан вместе, вдохновители нового мира!

– Не самое естественное партнерство, если учесть, что я превратил вашего инженера в инвалида, – прокомментировал я.

– Это боевое ранение, как и то, что я нанесла тебе в Америке, – сказала она весело. – Раны заживают, а умы прощают. Не так ли, Озирис?

– Посмотрим, сможет ли нам помочь ваш осветитель.

– Да, вот именно – мой осветитель!

– Ваш помощник, ваш подхалим, ваш любовник и ваш раб.

– Ни один из этих эпитетов не относится ко мне, – сказал я ему. – Я и моя семья свободны, я выполнил свою часть уговора. Так ведь? А как же зовут вас, когда вы не играете роль последнего евнуха в эмирате? Одноногий Джо? Лорд Провальный? Принц Блаженный?

– Ты не полностью свободен, – прервала меня Аврора.

– Неужели? Ты сказала, что, если я помогу вам найти зеркало, вы отпустите Гора и Астизу. Вот ваша бронзовая тарелка, сжигайте кого хотите. Настало время тебе выполнить твою часть уговора.

– О, нет, маленького Гора не продадут в рабство. И твоя египетская подружка может отправляться на все четыре стороны. Но есть еще одна последняя вещь, которую мы с тобой должны сделать, прежде чем отпустим ее из гарема Юсуфа. У нас с тобой все еще остаются незаконченные дела, как я говорила тебе еще в

Америке.

– Что? Я в точности выполнил все, о чем меня просили.

– Итан, я решила, что нам с тобой нужно пожениться.

– Жениться?! – Я был ошеломлен не меньше, чем когда узнал о существовании сына. Я ждал, что Аврора сама рассмеется над своей шуткой, но она выглядела весьма деловито.

– Брак даст Гору настоящую мать и легитимность. Я взращу его, как последователя Ложи, и когда он достигнет необходимого возраста, то будет готов стать принцем, который унаследует весь мир.

– Но мы ненавидим друг друга!

– Это очень упрощенное и грубое описание наших с тобой отношений. – Аврора пальцем провела по зеркалу. – Мы отвращаем друг друга, но с не меньшей силой и влечем друг друга. Мы гасим свою страсть, но она воспламеняется вновь. Мы испытываем отвращение друг к другу, но и тебя я превращу в маленького короля, потому что знаю, насколько ты не любишь ответственность. Однако тебя ведь тянет ко мне. Не отрицай своего влечения! Я видела это в той пещере на Сиракузах. И видела это в своей каюте на «Изиде». Итан, мы принадлежим друг другу, и успех этого предприятия служит лишним тому доказательством. Сама судьба сводит нас вместе неразрывной цепью. Я выйду за тебя замуж и навеки прикую тебя к себе, и если ты не будешь рад этому, не будешь рад тому, как я посвящаю твоего сына в члены нашей Ложи, тем лучше! – Ее глаза горели. – Ты женишься на мне, потому что ты обязан служить мне! – Все намеки на юмор испарились. – Ты женишься на мне, чтобы никогда больше не сбегать от меня!

Неудивительно, что перспективы законного брака никогда не прельщали меня.

– Из меня никчемный муж.

– Если ты не женишься на мне сегодня, на этом корабле, Гора и Астизу продадут в худшее рабство из всех, что ты только можешь себе представить, а тебя отправят обратно к Омару Властелину Темниц, где он сломает тебя раз и навсегда. Но если ты женишься на мне и поможешь нам построить и научиться использовать зеркало, ты будешь править бок о бок со мной, и твой сын унаследует силу, о которой не мечтал сам Бонапарт. И король Георг, и Джефферсон будут его миньонами, а императоры Австрии и России удавятся от бессилия.

– От одного орудия? Ты несешь бессмыслицу.

– Это лишь первый из древних секретов, над возрождением которых мы работаем, и лишь первое зеркало из миллиона – если они нам понадобятся. Мы бросим в огонь целые нации, как ваш

норвежский Рагнарёк с его концом мира. Ты и я, Итан, будем свободны от всех законов, всех лицемерных правил, всей морали и всех ограничений. Мы будем вольны делать все, что желаем, с кем пожелаем, потому что мы будем владеть магией богов, которые когда-то ходили по поверхности этой земли. Мы станем идеальными существами, потому что именно мы будем определять все идеальное.

Я знал, что Аврора безумна, но не подозревал, что настолько. Она была склонной к оккультизму ветреной девкой с манией величия и торговой посудиной, полной язычников и головорезов, а хвастала так, словно она сама Королева Сава. Я оказался не на пиратском корабле, а в приюте для блаженных и умалишенных. Я закрыл глаза, чтобы скрыть свое раздражение.

– Я не женюсь на тебе, Аврора, и ты не мать моего сына.

– Женишься, сегодня в полночь, или я брошу твоего сына маврам Драгута, и пусть пользуются им так, как им заблагорассудится. Ты женишься на мне, или будешь слышать его крики, а потом расскажешь о том, что ты сделал, своей египетской шлюхе и гаремной подстилке перед тем, как Юсуф отправит ее на худшие из страданий!

– Мы не об этом договаривались!

– Ты сам не спросил о всех условиях нашей сделки. А я не могла рассказать тебе о них, потому что ты слишком глуп, чтобы воспользоваться шансом стать королем. А потому я заставлю тебя пойти на это, я заставлю тебя спать со мной, и со временем ты будешь боготворить меня так, как я этого заслуживаю!

Нечего сказать, она была очень высокого мнения о себе, чем часто страдают красивые женщины. Должен признать, и за мною временами водится подобный грешок. Я смотрел в море, яростно соображая. Никто не признает союз, освященный этим сбродом, ни священным, ни законным. Стоит ли мне пойти на это притворство, пока Астиза и Гарри не окажутся подальше от этой вероломной сучки? Она хотела выйти за меня замуж лишь для того, чтобы мучить меня, чтобы я был поближе к ней, с тем чтобы превратить каждый день моей жизни в мучения, чтобы я сожалел о том, что сделал с ее братом. Отправиться на супружеское ложе с женщиной, убившей стольких моих друзей? Думаю, ни один афродизиак не приподнимет мой инструмент. Но какой у меня выбор, когда маленький Гарри все еще их заложник? Я был окружен сотней враждебных фанатиков, а мои бывшие друзья наверняка считают, что я предал свою собственную страну.

– Я сделаю этот брак таким же отвратительным для тебя, каким он является для меня.

– Не думаю, Итан. Нет, у тебя нет ни малейшего шанса. – И

она повернулась к Озирису. – Ритуал, в полночь! И мальчишку приведи, пусть посмотрит! – Она улыбнулась мне. – Поверь мне, скоро я испорчу вас обоих.

Глава 31

Над безлюдным островом поднялась оранжевая луна размером с захваченное нами зеркало, постепенно поднимаясь все выше и становясь все ярче, окрашивая море и наш корабль в серебряный цвет. Контингент Ложи египетского обряда реквизировал трюм под главной палубой, люк в котором тоже светился оранжевым цветом. Пираты нехотя сгрудились на носу, мрачно переговариваясь о тяготах службы в тени сатаны, язычников и христианских богохульников. Какими бы головорезами они ни были, Аврора со своей Ложей египетского обряда и им действовала на нервы. Эти самопровозглашенные просветленные казались более жестокими, чем любой морской разбойник, и мавры явно нервничали.

Я не собирался подбадривать их.

– Эти мужчины и женщины – адепты ада, Драгут, – сказал я своему поработителю. – Сотрудничеством с ними вы все проклинаете собственные души.

– Молчи, американец. Я не знаю никого, кто запутался бы в понятиях добра и зла больше, чем ты.

– Ты полагаешь, что они будут использовать зеркало исключительно против врагов-христиан? Аврора хочет править миром, а турки-османы гораздо ближе Европы. Вы вооружаете дьявольского монстра, который будет пожирать ваш собственный народ.

– У меня нет народа; я, Хамиду Драгут, полагаюсь только на себя.

– Чушь. Ты продал свое мужество язычникам, жаждущим лишь власти.

– Но как раз это собираешься сделать ты!

– У меня нет выбора. Ради бога, она использует моего сына, чтобы шантажом заставить меня жениться на ней? Чтобы она играла роль старой карги до конца моих дней? Где смысл?

– Эти люди подчиняются иным законам. В их мире мы ничего не можем сделать, а там, внизу, их мир. Как и все мы, ты заключил сделку, от которой не мог отказаться. Аврора обещала Триполи победу. Быть может, как они говорят, это предначертано.

– Сомневаюсь, чтобы где-то было предначертано, что кучка богохульников перевернет планету с ног на голову. Триполи приведет в ярость Англию и Францию и втянет их в войну против себя, Драгут. Женщина, союзником которой ты решил стать, утянет с собой на дно всех вас.

– Нет, она обещает, что мы все разбогатеем. Ты не можешь

видеть будущего, даже если это будущее определяет эта греховница!

– Я вижу будущее, и будущее в огне.

Внезапно появился Озирис, стуча по палубе своим протезом, на который я не мог смотреть без некоторого удовлетворения. Может, стоит отрубить ему и другие части тела? Он посмотрел на меня с неприязнью.

– Пришло время, американец. Я отведу тебя на путешествие по преисподней, чтобы определить, достоин ли ты. Этого требует египетская Книга мертвых.

– Какая еще преисподняя?

– Когда британцы загнали Черную Бороду в угол в Каролине, он заставил свою команду спуститься в трюм и зажечь факелы, чтобы дым и вонь дали им понять, что ждет их в аду. Он хотел, чтобы его моряки боялись загробной жизни настолько, что никогда не согласились бы пойти на виселицу. Этот ад заставил их драться, как демоны. У нас в Ложе есть иной обряд очищения и информирования. Это подготовит тебя для Авроры.

– Мне что, нужно снова стать непорочным девственником?

Озирис повел рукой в сторону мрачно светящегося люка.

– Девственность, я так понимаю, не вариант. Мы будем судить о тебе по твоей храбрости и твоей душе.

– По моей душе? У тебя самого вместо нее кусок угля!

– Вопрос в тебе и Авроре.

Иногда остается лишь подыгрывать в поисках подходящего шанса. Я отправился к люку, вдохнул спертый воздух, полный благовоний и дыма, и решил-таки отправиться в путешествие по царству Аида. Озирис шел за мной по пятам, и я спустился на нижнюю палубу, горячую и дымную от сотен мерцающих свечей.

Я оказался в царстве снов, наполненном существами из кошмаров фараонов. Члены Ложи (я так понимаю, это были именно они) водрузили на себя головы ведьмовских тварей. Одетые в белые, черные и фиолетовые мантии, они кивали и раскачивали головами шакалов, ястребов, гадюк и львов. Вместо глазных яблок зияли черные дыры, а их мантии были столь бесформенными, что не представлялось возможным определить, кто стоит перед тобой – мужчина или женщина. В желтом мареве этого дымного ада поблескивали клювы и белые клыки, и длинные когти тянулись ко мне, хватая меня за одежду и втягивая меня в чрево судна. Я кашлял, слезы ручьем текли по моему лицу, пока они кружили меня в демонском танце. Трубы и барабаны издавали странную, примитивную языческую музыку. Мне влили в рот какой-то эликсир, и я проглотил его, от чего мое головокружение лишь усилилось.

Наконец, меня толкнули еще глубже в толпу собравшихся, чудовища тянули меня за рукава. Появилась древняя сморщенная цыганка – может быть, какая-то аристократка в оригинальном костюме, а может, и настоящая ведьма с Карпат, – я же с трудом что-либо соображал. В руках она держала крохотные латунные весы.

– На одну чашу мы положим твои грехи, а на другую – перо, слышишь ты меня, пилигрим? – спросила она со стеклянным блеском в глазах и положила на одну чашечку весов легкое перышко. – Тех, чьи добрые дела не перевесят чашу весов в их пользу, поглотит крокодил.

– Я сделал все, что мог.

Она визгливо засмеялась смехом недоверия, и в следующее мгновение из толпы выскочил настоящий дракон, захрипев на натянутом коротком поводке.

Конечно, это был не дракон, а самый большой и уродливый варан из всех, что мне доводилось видеть, эдакое первобытное чудовище длиной добрых футов восемь с раздвоенным языком и ярко-розовой пастью и окровавленными зубами. Он был не менее ужасен, чем настоящий крокодил! Этот монстр рванулся к моей промежности, раздув ноздри и лязгнув зубами, и толпа радостно закричала, когда я отшатнулся, едва не упав на спину. Это было настоящее животное, а не переодетый лунатик, с длинными острыми когтями на лапах и кожей, покрытой блестящими чешуйками, сухими и прочными, как броня. От него несло гнилым мясом. Клянусь, я никогда не видел ничего подобного, словно средневековый кошмар прорвался в реальную жизнь, царапая палубу своим толстым хвостом.

– В темных лесах нашего мира живут самые разные существа, которые многим являлись лишь в ночных кошмарах, – прошептал Озирис мне на ухо. – Этого мы привезли из джунглей с Острова пряностей, где грань между миром живых и преисподней гораздо тоньше, чем мы думаем, как и та граница, что отделяет нас от рая, столь же абсолютного, сколь уверены в том основные религии. За нами наблюдают странные создания, и иногда мы можем вызывать их. Демоны могут наделять нас силой.

Я вспомнил наполеоновского Красного карлика и не смог сдержать дрожь. Животноголовые обитатели дымного трюма что-то бормотали о моем смятении, но я не собирался давать им удовольствие наблюдать за моим отступлением.

– Это просто чертова ящерица.

– Итан, отдай нам свою душу, и мы сотрем грань между адом и раем. Ты будешь жить в вечном «сегодня», полном бесконечной власти над всеми мужчинами и женщинами, и будешь

поклоняться магии, разврату и похоти. И демоны, и ангелы будут твоими рабами. Не останется никаких запретов, ни одна твоя прихоть не останется без удовлетворения. Зло окажется неотделимым от добра, и твои желания станут самим правосудием!

– Изида и Озирис, – вскричала толпа в экстазе.

– Идем со мной, минуем дракона на пути к новому свету!

Мы двинулись по направлению к корме судна под безжалостным взглядом огромной ящерицы, которая дернулась на поводке, пробуя воздух языком в надежде найти столь лакомую падаль. Этому чудовищу место в тех временах, которые так интересовали Кювье.

Я же считаю, что чудовищам прошлого место в прошлом.

Теперь мое затуманенное зрение заполняли костюмы воронов, медведей, жаб, слепых кротов, острозубых росомах и рогатых быков с раздувающимися ноздрями. Руки гладили меня. Люди пели мое имя. Похотливые шелушащиеся руки скользили по торсам других костюмированных животных, рыла и морды которых потягивали едкий дым из курительных трубок. Монстры ласкали друг друга, постепенно переходя в танец. Я почувствовал, как меня, все еще задыхающегося от клубившегося дыма, толкают к другому люку, ведущему в каюту на корме судна.

Аврора Сомерсет не собиралась ждать ни минутой дольше.

Здесь горела еще добрая сотня свечей; каюта переливалась в их неровном свечении, горячая и неприступная для остальных. Она была украшена светящимися шелками, превратившими ее в персидскую ложу; палуба была устлана арабесками затейливых ковров, в углах были раскиданы подушки и яркие шарфы. Из теней выглядывали статуэтки давно забытых богов: здесь был и Анубис с головой шакала, и Гор, напоминавший ястреба, и уродливая тварь с зияющим ртом – судя по всему, Баал, – и, конечно же, змея с золотыми и зелеными весами, мой старый друг Апофис, змий преисподней и коллега скандинавского дракона Нидхёгга. Аврора стояла наготове, одетая в синюю бархатную мантию с золотой оборкой, водопад ее огненно-рыжих волос словно горел в свете множества свечей. Ее шея, уши и пальцы были украшены египетскими ювелирными украшениями, глаза подведены сурьмой, сочные губы блестели вермильоном. Она была величественна, как королева, и казалась неожиданно экзотической, словно какая-то фальшивая копия Астизы. Я вдруг осознал, что мы не одни в каюте: за мной полукругом стояли не менее дюжины обнаженных по пояс мужчин в поддельных масонских фартуках. Они подтолкнули меня вперед, Озирис следовал за мной, дыша мне в затылок. Я вдруг заметил

маленького ребенка, одетого излишне пышно, стоящего по левую руку от Авроры, который поднялся при моем появлении и озарил меня улыбкой, в которой сквозила и надежда, и страх, издав тихий писк:

– Папа!

Гарри был одет словно какой-то карликовый монарх – в глупый тюрбан, мешковатые штаны и камзол, расшитый драгоценными камнями. От абсурдности его вида у меня сжалось сердце. Мы были лишь пешками в злой игре, игрушками больного культа, и я знал, что все это закончится очень, очень нехорошо. Слава призраку Джорджа Вашингтона, что Астиза не видела этого срама. И слава старому доброму Бену Франклину, который не терпел ахинеи, хотя и любил хорошенько гульнуть и повеселиться.

– Иди ко мне, Гарри, – произнес я, покачиваясь от дезориентации.

– Нет, – властно приказала Аврора, – останься, сын мой.

Мальчик заколебался.

– Твой отец должен подойти к нам.

Что мне оставалось делать? Я отправился вперед, а Озирис скользнул вокруг меня и занял место за спиной Авроры, сняв с нее мантию пальцами, щедро украшенными кольцами с драгоценными камнями. Вздох мужчин в комнате, казалось, погасит свечи, ибо ее прозрачное египетское белье, приталенное ремешком из чистого золота, открывало больше, чем скрывало. Аврора была прекрасна, как никогда, сочная, словно персик, и освещение, казалось, придавало ее белоснежному телу сверхъявственное свечение создания из другого мира. Она ликующе улыбалась, обратив на меня взгляд, который говорил, что я принадлежу ей.

– Узрите, Изида и Афина! – вскричал Озирис. – Черная Мадонна и белая, богиня земли, королева морей, носительница света! Мы воспеваем ее именами павших и освящаем для нее этого нового мужа и нового сына, и да займет она свое законное место правительницы и госпожи Ложи египетского обряда и основательницы великой тирании! Все короли и принцы склонят свои головы пред нею, и все рыцари Ложи будут прославлены ее славой, и будут править во имя нее! Она мать, она блудница, она жрица и провидица, и да станет ее супруг ее слугой на веки вечные!

Ну, с «блудницей» я еще мог согласиться, но будь я проклят, если Аврора Сомерсет будет расхаживать в чем мать родила перед моим сыном, притворяясь матерью Гарри Гейджа или моей госпожой. Я почувствовал, как прихожу в себя. Вся эта церемония

являлась не просто безвкусным иллюзионом, она была смехотворна. Меня вовсе не удивило, что пиратов Драгута нигде не было видно. Уж они-то знали толк в богохульстве, и я готов был биться об заклад, что они сидели на бушприте, как на насесте, ожидая в страхе, когда Аллах положит конец этому абсурду. Только вот не было видно никаких божественных молний, и ни один из ложных идолов не опрокинулся и не сгорел огнем искупления. Я застрял в кошмаре, от которого не было пробуждения, со сворой умалишенных энтузиастов, отставших от наших времен на пару тысяч лет. А теперь женщина, которая когда-то презрительно пинала меня, прежде чем нанизать на копье, предлагала мне вечный брачный союз, лишь бы быть уверенной в том, что моя жизнь будет наполнена страданиями и унижениями, пока смерть не разлучит нас.

– Так соединим же священное, – тут Озирис указал на Аврору, – и убогое!

Можете сами догадаться, на кого он при этом указал, и не могу сказать, чтобы я чувствовал себя польщенным.

– Так гласит пророчество! – хором пропели мужчины позади меня.

– Соединим Мудрость и Глупца!

– Так гласит пророчество!

– Земля-мать, принимаешь ли ты это семя? – Тут лысый ублюдок снова указал на меня кривым пальцем.

– Принимаю.

Я вежливо подождал, пока и мне зададут соответствующий вопрос, чтобы я мог плюнуть ему в ответ. Я ждал и ждал… Но, видите ли, мое мнение никого не интересовало, что и доставляло Авроре особое удовольствие.

– Я объявляю сей союз свершенным, и да будет он скреплен на Алтаре Апофиса у ваших ног, свидетелем чему является Наследник вашего единства, – он жестом указал на Гарри.

– Минутку, черт вас всех побери… – начал было я. Меня совсем не прельщала идея того, чтобы я должен был совокупиться с этой ведьмой перед сотней ее лучших друзей, не говоря уже о моем двухлетнем сыне! Даже юристы в наших судах и те кажутся мне более разумными.

Но в следующее мгновение, прежде чем я мог возразить, во рту у меня оказался деревянный кляп с прикрепленными к нему кожаными тесемками, которые тут же плотно завязали у меня на затылке – весьма необычный свадебный подарок, смею заметить. Аврора подошла ко мне, прекрасная, как луна, и отвратительная, как змеиный язык, прошептав мне на ухо яд собственного изобретения:

– Это лишь начало твоей вечной деградации, дорогой. Ты сольешься со мной перед нашим обществом и нашим драконом и скрепишь наш брак навечно на этом идолопоклонническом алтаре, – или же я сделаю больно нашему сыну.

Странная интерпретация предварительных ласк, вы не находите?

– Вот увидишь, – шепнула Аврора, – я еще заставлю тебя любить меня!

С этими словами она начала спускаться в трюм, откуда несколькими минутами раньше поднялся я, где, судя по всему, люди уже начали срывать с себя одежды в упоении своим еретическим пониманием таинства брака.

Я был окончательно проклят и приговорен к унизительному плену лишь немногим лучше, чем темницы Омара.

И тут с верхней палубы раздался голос:

– Американский корабль!

Глава 32

Моя «суженая» и сборище друзей невесты, представленных сатанистами и прочими недоумками, застыли на месте, что дало мне время приподнять восточное убранство и выглянуть через кормовые окна. Вот он, мой спаситель в лучах луны, с черным корпусом, белыми боковыми иллюминаторами, надутыми парусами и славным флагом Соединенных Штатов с пятнадцатью полосами и пятнадцатью звездами, размером больше простыни, развевающимся в серебристом свете луны. Судя по всему, каким-то образом этот боевой корабль оказался рядом с Сиракузами и узнал по моей надписи в пыли о том, что мы плывем на юг к Триполи. И вот он нагнал нас с готовыми к бою орудиями, и я не мог не радоваться перспективе того, что весь этот бедлам скоро разнесут в щепки. Как и мой почти состоявшийся брак!

Но тут я вспомнил о невинном Гарри.

Нам с сыном нужно было срочно покинуть эту пиратскую посудину. Я попытался что-нибудь сказать через свой кляп, и по резкой команде Авроры кто-то снял его с моей головы. Я прокашлялся и отдышался. Над нами по палубе стучали голые пятки берберских пиратов, которые освобождали лини, опускали паруса и поднимали якорь. Пушки выкатывались на боевые позиции, но все мы понимали, что наше краденое торговое суденышко не могло сопротивляться даже этой маленькой американской шхуне.

– Отпусти меня с Гарри, – сказал я, – мальчик здесь ни при чем.

В ответ она лишь схватила моего ребенка.

– Он замешан здесь благодаря твоей крови и твоим поступкам. Лучше бы тебе подумать о том, как нам избавиться от этой шхуны, Итан, потому что жизнь нашего сына зависит от этого.

– *Моего* сына!

– Я уже говорила тебе в Америке. Наша с тобой история и *близко* не закончена!

Ее улыбка напоминала гримасу; она вцепилась в Гарри с жадным упорством ребенка, не желавшего отдавать куклу. Тот извивался, пытаясь высвободиться, устав от глупых одеяний, душивших его, но ее хватка была железной.

Снаружи раздался всплеск ядра, и спустя мгновение до нас донесся и звук выстрела американского орудия. Они пристреливались, измеряя расстояние.

В следующее мгновение я бросился на нее.

Я врезался в Аврору, словно она была крепкой дубовой дверью, нарочно целясь головой в ее голову, и под крики бедного Гарри мы кубарем отправились вниз, срывая шелка и украшения. Идолы давно забытых богов попадали на палубу и покатились, наматывая ткань, которая мгновенно загорелась от попадавших свечей. Мужчины закричали и попытались сбить пламя. Я же схватил Гарри и попытался оторвать его от извивающейся подо мной бестии, но она сжалась в комок, словно кошка, готовая кусаться и царапаться, шипя от своей ненависти.

Я разбил Авроре нос в кровь, от чего почувствовал огромное удовлетворение.

Затем кто-то поднял меня с ее тела и швырнул через всю каюту. Я ударился о переборку и рухнул на пол.

Это был Озирис, в глазах которого горела жажда убийства. Он так мечтал отомстить мне за покалеченную ногу – и вот, наконец, удобный повод. Я почувствовал, как наш корабль набирает скорость, пытаясь оторваться от американской шхуны.

Из люка появился Драгут.

– Мы заманим их на риф!

Еще один всплеск и глухой звук орудийного выстрела, в ответ рык нашей палубной пушки. Где же Гарри? Аврора вскочила на ноги и вжалась в угол, держа его перед собой словно щит, поглядывая на меня взглядом, полным ненависти. Хоть раз она посмотрела на меня честным взглядом.

Внезапно я понял, что под упавшей шелковой драпировкой на стенах висело оружие, включая и мою конфискованную рапиру. Я схватил ее, с улыбкой ощущая знакомый вес и баланс. Может быть, мои уроки фехтования все-таки не пройдут даром!

Озирис тоже широко улыбнулся и сделал шаг назад, сняв со стены более широкую и тяжелую абордажную саблю. Она была короче и эффективнее в замкнутом пространстве каюты. Я дал ему повод выпотрошить меня, и он собирался воспользоваться им. Я же собирался пробиться сквозь него, чтобы добраться до своего сына.

Мы прыгнули друг на друга и скрестили наши клинки, которые звенели и блестели в свете свечей. Я старался парировать его удары и выпады скользящими движениями, дабы моя рапира не сломалась о его значительно более тяжелый и толстый клинок, пытаясь припомнить все, чему меня учили в Париже. Там все было значительно более строго и официально – расстояния четко определены, правила расписаны, над головами не было низкого потолка и раскачивающихся фонарей, да и пожаров по углам тренировочного зала тоже не наблюдалось. Я споткнулся о статую Бастет, богини-кошки, и попытался ударить противника по икрам,

но тот парировал мой выпад.

Теперь настала очередь Озириса атаковать – он попытался зажать меня в угол, где его сабля была бы наиболее эффективна. Он размахивал ею из стороны в сторону, колол и отступал, тесня меня, но я был быстрее и следующим выпадом едва не попал ему в глаз, заставив отогнуться назад дугой, чем я воспользовался и выскользнул из угла, пытаясь поймать Аврору. Она подняла с пола серебряный нож и прижала его к горлу моего сына.

– Просто отдай мне мальчишку!

– Не убивай его, только рань, – приказала Аврора Озирису, – я хочу, чтобы он страдал долго.

– Папа! – визжал Гарри. Его едва отлучили от груди, и он уже участвует в дуэли и морском бое… Что я за отец?

Мы продолжали вальсировать, и лишь скорость моего фехтования держала Озириса и его тяжелый меч на достаточном расстоянии. Он начал потеть и тяжело дышать, я же делал выпад за выпадом, заставляя его размахивать саблей, парируя мои удары. Он был полон раздражения и ярости, но менее опасным от этого не становился.

Я наклонился и швырнул в него Баалом, который ударился о стену каюты рядом с Авророй. Озирис пригнулся, чтобы избежать удара, открывшись достаточно, чтобы я ранил его в руку, в которой он держал саблю. Мой противник выругался и сплюнул, подпрыгнув на своей здоровой ноге, и направил на меня саблю с окровавленным эфесом. Он все больше злился, а мы продолжали кружить друг вокруг друга, слыша возню пиратов на верхней палубе, только что бросивших на нее поднятый якорь. Но мой противник, несомненно, устал (сабли весьма тяжелы) и бросился на меня в яростной попытке положить конец этому противостоянию. Каждый взмах тяжелым оружием требовал на несколько мгновений больше времени, чем взмах рапирой, и я парировал его удар, чувствуя себя увереннее благодаря крикам Авроры о помощи. Наконец, я сделал вид, что его увертка от моего удара удалась, отведя рапиру в сторону больше необходимого, и любитель головоломок, насмехавшийся надо мной в Париже, рискнул поднять свою саблю для последнего сокрушительного удара. Он открылся ровно настолько, сколько мне было нужно. Его сабля уже летела на меня сверху вниз, когда я рывком вернул рапиру в стойку, нырнул под его руку и пронзил его навылет в сердце. Он умер прежде, чем его сабля просвистела у меня над ухом, вонзившись в палубу.

Я рванулся через его тело, роняя капли крови со своей рапиры, и бросился к Авроре.

– Просто отдай мне моего сына!

Вдруг дверь в каюту распахнулась, и на пороге показался Драгут с бландербассом Смита в руках. Я резко отклонился назад, упав на ковер под грохот ужасного оружия, отдача которого отправила пирата в полет спиной вперед. Одна или несколько пуль ударили в клинок моей рапиры, выбив ее из моих рук, в то время как остальные изрешетили окна на корме, отправив в море целый водопад стекла. Пороховые газы, пронесшиеся в миллиметрах от моей головы, несколько ошеломили меня, но я быстро пришел в себя, лежа на окровавленном теле Озириса, безоружный.

Аврора молча подняла морской пистолет и взвела курок.

Она хотела заполучить меня живым. Сначала прицелилась мне в голову, затем направила пистолет мне в живот, затем – в ту нежную часть, что мужчины защищают любой ценой. Затем ей в голову пришла другая идея (в конце концов, она знала, каков я в постели), и она прицелилась еще ниже с кривой ухмылкой, намереваясь попросту отстрелить мне колено и оставить инвалидом на всю оставшуюся жизнь.

И вдруг она завопила и подпрыгнула.

Маленький Гарри вонзил ее собственный серебряный нож ей в бедро!

Раздался пистолетный выстрел, но пуля лишь ударила в переборку, а Аврора в ярости схватила моего сына за волосы, готовая совершить бог его знает что, и я сделал отчаянный выпад с саблей Озириса в руке.

Вдруг черная тень метнулась через каюту, раздался рык, и дьявольский пес Сокар врезался в меня, готовясь сжать свои чудовищные челюсти на моем горле. Но уже в следующее мгновение боковое окно взорвалось ядром, которое с ужасающим свистом пронеслось между мной и Авророй, врезавшись в противоположную стену фонтаном щепок и осколков. Поднятый ядром вихрь закрутил и отбросил собаку в сторону, а меня в полубессознательном состоянии выбросил через то, что осталось от кормовых окон, прямиком в темные волны. Прежде чем я осознал, что произошло, я оказался в морской воде.

«Гарри!» – подумал я, так как не мог кричать под водой.

Я выплыл на поверхность, отчаянно барахтаясь в волнах, всеми силами стремясь вернуться на борт, к своему сыну, но «Зефир» быстро удалялся под полными парусами, и лишь дьявольская собака лаяла на меня сквозь разбитые окна на корме. Ядра американских орудий вздымали фонтаны морской воды в том месте, где еще мгновение назад был корабль, а мой сын, если он был еще жив, все быстрее удалялся от меня. Я потерял зеркало, потерял свою семью и, вероятно, потерял то немногое,

что еще оставалось от моей репутации, якшаясь с ведьмой и ее сборищем берберских пиратов и сектантов.

Не успел я подумать о своей доле, как на расстоянии ярдов пятисот раздался жуткий треск, и, обернувшись, я с ужасом увидел, как преследовавшая пиратов шхуна на полном ходу наскочила на рифы, куда ее завел Драгут. Столкновение было столь сильным, что я видел, как люди падают с мачт и снастей, а фок-мачта дугой гнется чуть ли не до воды под крики боли, ужаса и проклятья.

Американцы сели на мель, а Аврора со своими приспешниками на всех парусах уходила в ночь, к Триполи.

Я не смог помешать им заполучить зеркало – и не спас своего собственного сына.

Я покачивался на волнах, оглушенный и пристыженный своей беспомощностью, и, не имея другого выбора, медленно поплыл в сторону севшей на мель шхуны. Мне понадобился целый час, чтобы добраться до нее, что, в принципе, не имело большого значения, так как этот корабль точно никуда не денется как минимум до утреннего прилива. Ветер стих, и флаг, столь сильно воодушевивший меня, безвольно висел, словно олицетворяя мое поражение.

Я подплыл достаточно близко, чтобы команда услышала мои крики. С корабля уже спустили шлюпки, чтобы изучить риф, и несколько мужчин подняли меня на борт одной из них.

– Ты пират?

– Я сбежал от них.

Они позволили мне подняться по веревочной лестнице на палубу корабля, где я лицом к лицу столкнулся с Эндрю Стереттом, о котором я много слышал, когда пересекал Атлантику. В свою бытность командиром корабля «Энтерпрайз» годом ранее он одержал единственную неоспоримую победу в войне, захватив корсар «Триполи» и убив или ранив при этом шестьдесят человек команды. Прошлой зимой «Энтерпрайз» вернулся в Балтимор для празднования этого подвига, и вот он снова здесь, посреди Средиземного моря.

– Лейтенант Стерет, – выговорил я, пытаясь отдышаться, – надеюсь, вы помните меня: мы встречались в Америке, когда я отправлялся в Европу с командором Моррисом. Я Итан Гейдж, американский посланник.

Он осмотрел меня с ног до головы с удивлением и отвращением во взгляде. Вода текла с меня, словно с кота-утопленника, а тело мое было покрыто порезами и болячками.

– Откуда, черт возьми, вы взялись?

– Меня снесло взрывом с пиратского корабля. Мы должны

догнать их, это крайне важно!

– И как же я должен сделать это, застряв на чертовом рифе?

Я посмотрел по сторонам.

– Будем ждать прилива и ветра, которых пока что не наблюдается.

Вдруг из темноты раздался еще один голос, который я мгновенно узнал.

– Это он! – кричал голос. – Это о нем я вам говорил!

И из темноты мне навстречу выбежал Роберт Фултон, изобретатель и мой коллега по приключениям.

– Роберт, вы спасли меня!

– Это он! Итан Гейдж, тот самый предатель! Повесить его!

Часть третья

Глава 33

Мое восхищение военной дисциплиной маленького флота моей молодой страны было несколько подпорчено эффективностью, с которой команда подвесила на мачте пеньковую петлю. Моряки, раздраженные тем, что сели на мель на рифе, с энтузиазмом отнеслись к идее повесить хотя бы одного из пассажиров ускользнувшего от них пиратского корабля. Стеретт прославился тем, что в 1799 году, во время боя между кораблем «Констеллейшн», на котором он служил, и фрегатом «Инсургент», зарубил одного из членов своей команды саблей за трусость. Этот бой, кстати, стал одним из эпизодов необъявленной морской войны с Францией, которую я помог остановить. Республиканские газеты призывали наказать Стеретта, на что тот холодно отвечал: «На этом корабле мы убьем каждого, кто осмелится хотя бы побледнеть от страха». Разумеется, флотским властям это понравилось настолько, что его повысили, – и вот теперь он станет орудием возмездия против вашего покорного слуги.

– Фултон, объясните им, кто я такой!

– Я уже объяснил! Вы – пройдоха, не заслуживший называть себя американцем, якшающийся с берберскими бандитами; вы – второй Бенедикт Арнольд![8] Мне плевать, как сильно мучил вас Омар, Итан, – как вы могли преступить свою клятву и раскрыть секрет зеркала? Вы просто трус или еще и настоящий предатель?

– Скорее всего, и то, и другое, – вымолвил Стеретт, смерив меня взглядом.

– Черт побери, дружище, а кто, по-вашему, вытащил вас из подземелий Триполи?

– Сделка с дьяволом! Разве это не вы помогли вот тем пиратам выкрасть адскую машину с Сиракуз, когда мы поклялись друг другу не делать этого?

– Я сделал это, чтобы спасти вам жизнь!

– Смерть, но не бесчестье, Итан. Мы поклялись в этом. Вам не повезло, что я предложил этим храбрым американцам свою помощь в том, чтобы помешать вам в вашей миссии, а мне не повезло, что мы опоздали на несколько часов. – Он повернулся к Стеретту. – Для него даже виселица кажется слишком легким наказанием. У него вообще нет никаких принципов.

– Тогда пусть сам дьявол завершит за нас это дело.

Я не бросал попыток бороться с держащими меня моряками.

– Да я нашпигован принципами! Меня просто влечет не к тем женщинам! И я трачу слишком много времени на поиски

сокровищ, потому что у меня нет того, что вы называете нормальной работой и карьерой. Я пью, играю в азартные игры, люблю махинации, но зато я кое-что знаю об электричестве и огнестрельном оружии. И у меня добрые намерения! – Даже мне самому подобная защита показалась неубедительной.

– Вы отрицаете, что предали Соединенные Штаты Америки и всех на этом славном корабле? – Стеретт достал шпагу и был похож на фермера, который загнал вредителя в угол в продуктовой кладовке. Легковозбудимым людям не стоит давать в руки оружие.

– Наоборот, я пытаюсь совершить подвиг!

– Дружбой с пиратами? – вскричал Фултон.

Я почувствовал, как петля сжимается на моей шее.

– Пытаясь спасти своего сына!

Это остановило их.

– Моего мальчика, о существовании которого я узнал всего несколько дней назад и который сейчас находится в лапах самой ополоумевшей своры сектантов, фанатиков, чародеев и гипнотизеров с манией величия за стенами Палаты представителей. Его мать содержится пленницей в гареме Юсуфа, и если б я не согласился подыгрывать им, их обоих продали бы в самое худшее рабство. А вы, Кювье и Смит были бы уже мертвы! И пока вы брюхом неслись на этот риф, я убил самого зловредного из всей этой шайки, Озириса, которого мы встретили в борделе мадам Маргариты в Пале-Рояле. Я разбил Авроре Сомерсет нос в кровь и уже планировал потопить их корыто со всей нечистью на нем, когда ваше ядро скинуло меня за борт. Вы, я и этот пылкий лейтенант – только мы сможем вернуть все на свои места, но только если вы прекратите затягивать эту чертову петлю! – Говорить становилось все труднее.

– И каким же образом?

– Благодаря вашему гению и моей находчивости, Роберт, мы проскользнем обратно в самое сердце Триполи и уничтожим это чертово зеркало раз и навсегда! – Я с воодушевлением кивнул, словно вернуться в это логово работорговцев и вымогателей было лучшей из моих идей.

Команда все еще не теряла надежды повесить меня, когда я наконец убедил Фултона и Стеретта повременить с казнью, пока они хотя бы не выслушают меня. К тому моменту, когда мы снялись с мели, никаких шансов нагнать Аврору и Драгута уже не осталось, и амбициозный лейтенант заинтересовался моим предложением, чтобы стереть воспоминания о своем позоре – сесть на мель считалось смертным грехом; ведь военные моряки считают, будто океан такой огромный, что держаться подальше от

мелководья – это не такая уж сложная задача.

– А как вы собираетесь пробраться в Триполи? – скептически спросил Стеретт. – Командор Моррис не станет рисковать нашей эскадрой в тех мелких, кишащих рифами водах как раз по той причине, которую мы все сегодня наблюдали.

– Пришло время призвать на помощь гениальность нашего нового девятнадцатого века, – сказал я, чувствуя, как начинает царапаться от соли высыхающая одежда. – Я уже давно думаю, как справиться с этой трудностью, но решение здесь может предложить скорее Роберт, чем я. – Если честно, думал я об этом только с тех пор, как мне надели петлю на шею, но, знаете ли, перспектива смерти на виселице как-то помогает сконцентрироваться на задаче.

– Какое еще решение? – спросил Фултон.

Я повернулся к Стеретту.

– Мой ученый коллега здесь изобрел судно столь революционное, что оно грозит затмить и отправить в небытие все прочие суда, – начал я.

– Вы сами говорили, что такими увещеваниями его не продать! – прошипел Фултон, но я не обратил на него внимания.

– Оно называется субмарина, или подводная лодка. Ныряет под воду по приказанию, как «Черепаха» Бушнелла во время американской революции, и может доставить группу отважных саботажников прямо в бухту Триполи.

– «Черепахе» так и не удалось потопить ни одного британского корабля, – сухо заметил Стеретт.

– Но Фултон улучшил технологию на целое поколение. Он сказал мне, что оставался под водой неподалеку от Бреста целых три часа!

– Эта субмарина действительно существует?

– Она называется «Наутилус», и она столь замечательна, что в один день сможет попросту остановить все войны.

Стеретт был полон скепсиса, а Фултон досадовал, что я украл его выстраданную рекламную речь.

– Или сделать войны еще более ужасными, – добавил я.

Вдруг и Фултон увидел, какие в этом кроются возможности:

– Итан, так я смогу проявить себя перед Наполеоном!

– Да. Я помню, вы рассказывали мне о том, что французы хотели уничтожить «Наутилус», но вы не могли смириться с этим и отправили его в разобранном виде в Тулон для того, чтобы испытать его в спокойном Средиземном море. Вот ваш шанс, и не стоит меня благодарить. – Я все еще чувствовал жжение на горле, где веревка содрала кожу, но я обычно не держу зла на людей, если не считать истинных злодеев. – Отправляем «Наутилус»

в Триполи, проскальзываем в бухту за дворцом Юсуфа и спасаем Астизу и маленького Гарри. Нам остается лишь найти еще несколько авантюристов, готовых рисковать своими жизнями в железной колбасе и пробиваться сквозь полчища врагов, в тысячу раз превосходящих их по количеству.

Стеретт посмотрел на меня с уважением.

– В этом проблем я не вижу, – ответил Фултон.

– У вас есть кто-то на уме?

– Кювье и Смит, конечно же! Они заняты повторной сборкой моей ныряющей лодки. Решили остаться в Тулоне в надежде услышать новости о вашем повешении, прежде чем снова предстать перед Наполеоном.

– Ах, вот как. Приятно, когда о тебе помнят.

– И я, господа, – вставил Стеретт. – И не думайте, что будете драться с пиратами без поддержки моего корабля. Можете рассчитывать на меня и любого из членов моей команды.

– Боюсь, придется бросать жребий, – сказал я. – Роберт, скольких человек вместит ваша посудина?

– Троих, если хотим на обратном пути забрать также вашу жену и сына. Конечно, некоторых из нас, скорее всего, порежут на лоскуты, стоит нам только ступить на берег, а потому можно отправиться вчетвером или впятером. Не забывайте, нужно оставить место для взрывчатки.

– Взрывчатки? – спросил я, массируя свое горло.

– Для того чтобы взорвать зеркало и флот Триполи. А если удастся, то и чертову темницу тоже.

– Пятеро против сотен янычар и головорезов паши Триполи! – воскликнул Стеретт. – Шансы на нашей стороне! Ради бога, господа, мне от души надоело прятаться на Мальте с командором Моррисом, и я жажду действий. Гейдж, я слышал, что вы вроде как герой, но до этого момента не верил в это.

– Мне самому с трудом верится. – Я планировал тихо проскользнуть в стан врага, но Стеретт и Фултон, судя по всему, были полны решимости продемонстрировать мощь американского оружия гораздо более заметно. Ну что ж, битва завтра гораздо лучше, чем виселица сегодня. – Если вы не против, сначала я выведу из-под огня свою семью.

– Именно огонь и спасет вашу семью, мистер Гейдж, – сказал лейтенант. – Мы превратим Триполи в такой кромешный горящий ад, что вы можете спасти хоть половину гарема, если хотите.

Весьма соблазнительно… Хотя нет! Ведь у меня есть Астиза, пора забыть про гаремы – нужно лишь вытащить ее. Черт побери, как сложно быть отцом и ощущать ответственность за кого-то еще, кроме себя самого! Самая странная вещь на свете, я вам

скажу.

Но, если честно, спасать людей – это далеко не самое плохое занятие.

Глава 34

Не знаю, чего я ожидал от столь любимого Фултоном «Наутилуса», но могу сказать одно – тот медный гроб, что он торжественно представил нам в Тулоне, не вдохновил меня. Он напоминал стеганое одеяло из зеленоватых латунных заплаток, сдобренное тут и там клочками водорослей, покрытое бросавшимися в глаза отверстиями на месте протекающих болтов и заглушек, вынутых из него для ремонта. Это приспособление имело двадцать один фут в длину, шесть в ширину и в разрезе напоминало букву U с коротким килем. Из задней части судна выступал винт, а на верхней поверхности крепилась складная мачта с поперечинами и странными парусами, по форме напоминавшими плавники. Сверху смотрела круглая башня высотой три фута с окнами из толстого стекла, а на крыше располагался входной люк. Изнутри судна доносился жуткий стук.

– Роберт, не сомневаюсь ни на минуту, что ваше изобретение потонет, как вы и обещали, – сказал я. – Вопрос лишь в том, всплывет ли оно, внемля молитвам.

– На побережье пролива моя лодка работала отлично. Мы могли потопить парочку британских фрегатов, если б те не сбежали… – Он бросил взгляд на Смита. – Простите, Уильям.

– Не стоит извинений, – весело ответил англичанин. – Наши страны заключили мир, а теперь мы объединили наши усилия против вселенской подлости и вымогательства. К тому же британский корабль пойдет ко дну по вине подобного недоразумения не раньше того дня, когда мы все заговорим по-французски.

Наш квартет воссоединился, когда Стеретт, решивший не дожидаться приказов своего нерешительного командора, домчал нас до Тулона, чтобы забрать секретное оружие Фултона. Кювье и Смит были столь же подозрительны, сколь и Фултон, но спустя недолгое время я убедил их в том, что мне пришлось сделать невозможный выбор. Мы снова превратились в осторожных союзников.

– Быть может, это судьба, что Фултон потерпел неудачу у Бреста с тем, чтобы доказать свою правоту у Триполи, – заявил Кювье с оптимизмом. – Или, быть может, Бонапарт действительно провидец и смог предугадать, что мы вчетвером станем эффективной командой?

Лично я думал, что Наполеон просто воспользовался возможностью избавиться от четырех эксцентриков, отправив их

на миссию без шансов на успех; но призрачные возможности частенько превращаются в нечто неизбежное.

– Ваше судно выглядит несколько хуже, чем я ожидал, – сказал я осторожно. – Вы уверены, что оно будет готово?

– Над ним работает один очень смышленый парень, – ответил Фултон. – Сказал, что он эксперт по всем морским делам. Даже упоминал, что вас знает, Гейдж.

– Меня? – Я не знал никаких механиков-подводников, да и вообще держался подальше от людей, способных на честный труд, чтобы не чувствовать себя в их компании существом низшего порядка. – Он, наверное, слышал ваши рассказы про то, что я переметнулся к пиратам, вот и решил насочинять кучу небылиц, зная, что вы никогда больше не увидитесь со мной. Посмотрим на выражение его лица, когда он увидит меня воочию!

Кювье подошел к посудине и постучал по ее корпусу.

– Мастер! Ваш старый друг все-таки решил к нам присоединиться!

Звуки молотка стихли, наступила долгая тишина, затем внутри послышалась какая-то возня, и, наконец, из люка маленькой башни, словно бородавка, появилась голова с темными волосами, напоминавшими проволоку.

– Это ты, осел? – Он критически осмотрел меня. – Мне сказали, что ты либо стал пиратом, либо отдал концы.

Лишенным речи оказался я, но никак не этот «механик». Я же был настолько шокирован, что сделал шаг назад, чтобы лучше рассмотреть это привидение.

– Пьер? – Сначала Астиза, затем сын, о существовании которого я не подозревал, и теперь это?..

– Почему же я не удивлен? – спросил маленький француз. – Вот он я, готовлю к работе несуразную цилиндрическую ловушку, абсурдное подобие плавательного судна, и задаю себе вопрос: ну какой идиот согласится погрузиться под воду в этой консервной банке? Я думал: ну, конечно же, американцы, ведь ни от одного американца из всех, что я встречал во время своих путешествий по дикой природе, не веяло ни здравым смыслом, ни разумом. И какой из всех известных мне американцев еще более умалишенный, чем Фултон, над которым и так уже насмехается весь Париж и его предместья? Подобным идиотом может быть только мой старый компаньон Итан Гейдж, за которым несчастья и катастрофы следуют по пятам, куда бы он ни направлялся. Железная лодка, призванная тонуть? Звучит как самое подходящее дело для осла.

– Это никакой не механик, – процедил я.

– Ну, уж побольше тебя соображаю!

– Это французский коммивояжер из Монреальской Северо-Западной компании. Последний раз я видел его в Сент-Луисе на реке Миссисипи. Специалист по каноэ. В его понимании верх инженерной мысли – это березовая кора и весло.

– А что *ты* знаешь о технике, кроме молний, которые ты не умеешь контролировать, и колдовства, которым не владеешь? Не говоря уже о худшем вкусе на женщин?

Мы выдержали тяжелый взгляд друг друга, затем начали улыбаться и, наконец, рассмеялись. Он выпрыгнул из своей субмарины с тем, чтобы мы могли обняться в странном танце шотландцев Северо-Западной компании, обычно исполняемом над скрещенными палашами, ликуя по поводу нашего взаимного воскрешения. Мы выжили, и мы вместе!

Это было хорошим предзнаменованием.

Кювье откашлялся.

– Судя по всему, это означает, что вы действительно знакомы друг с другом?

– Да, встречались на американской границе; Пьер был моим компаньоном в поисках нордических артефактов и исследованиях Дикого Запада. Он единственный из всех моих знакомых, кого не берут пули.

– Пока что только одна пуля. – Мой приятель говорил о пуле из пистолета Авроры Сомерсет, попавшей в медальон Ложи египетского обряда, который Пьер Рэдиссон стянул у ее брата – садиста Сесила. Тогда он вроде как восстал из мертвых, но в итоге исчез из нашего номера в Сент-Луисе. Я думал, что Пьер вернулся обратно в бескрайние неизведанные дали, но вот он здесь, передо мной, в тысячах миль от того места, где мы расстались в последний раз. – Кто знает, может, на ней мое везение и закончилось, – сказал он.

– Зато мое, судя по всему, не закончилось, раз уж я встретил тебя здесь, дружище. Но что ты делаешь в Тулоне? Клянусь пикой Посейдона, это самый приятный сюрприз за последнее время!

– Осел, ты пробудил мой интерес к окружающему миру. Сезон заготовки пушнины уже закончился, вот я и погреб домой, в Монреаль. Там нашел корабль, который нужно было подремонтировать, хотя я и считаю, что зависеть от парусов и ветра – это скорее для женщин. И вот я в Европе, и благодаря последнему мирному договору мне посчастливилось попасть во Францию, но к тому моменту, когда я узнал, куда ты направился, ты уже был в пути. Я сразу подумал, что старый добрый осел знает, как привлечь к себе внимание. Вот и решил, что на берегу Средиземного моря рано или поздно услышу о тебе. И действительно, не прошло и пары недель, как берберский корабль

выбрасывает на берег посреди Тулона трех бывших рабов, ругающихся на полуамериканском диалекте, как пьяные сапожники. Я сразу подумал: «Звучит как осел». И я отправляюсь работать на этого колдуна, – он указал рукой на Кювье, – подозревая, что и ты скоро нарисуешься на горизонте. И вот ты здесь.

– Почему он зовет вас ослом? – спросил Кювье.

– Потому что Гейдж не знает, как правильно работать веслами, хотя великий Пьер и пытался обучить его. Вы тоже осел. Все мужчины, не умеющие грести веслами в северном каноэ, – настоящие ослы. И вы только посмотрите на эту посудину! Мой бог, только ослы-колдуны могли придумать такую идиотскую идею, как погружение под воду.

– И нанять французского проходимца, чтобы заново ее собрать, – добавил я. – Если раньше это было лодкой, то после того, как ты приложил к ней руку, она точно превратилась в самый настоящий саркофаг.

– Вовсе нет; я был занят тем, что затыкал дыры, оставленные сквозной ржавчиной, и вместо дурацкого железа, кстати, использовал латунь и медь. Береза была бы лучше, конечно, если б здесь были нормальные деревья. Да, да, знаю, Пьер с кучкой ослов революционизирует искусство ведения войны. Просто идеально.

Фултон кругами ходил вокруг своего изобретения.

– Должен признать, его работа местами не так уж ужасна. Стеретт, мы можем закончить подготовку к погружению на борту вашего «Энтерпрайза».

– Мы торопимся? – спросил Пьер.

– Моя женщина в опасности, – ответил я.

Он приподнял бровь.

– Скажи что-нибудь новое.

– И сын, которому нет еще и трех лет.

– Я всегда говорил тебе: сначала думать, а потом делать.

– Помимо этого, нам нужно остановить древний агрегат, который наделит Аврору Сомерсет властью над флотами всех стран мира.

– Аврора Сомерсет! Эта карга тоже здесь? Это что, очередное рандеву у Гранд-Портидж?

– Она преследует меня, как и ты. Я невероятно популярен.

– И сколько у нас времени на то, чтобы спасти эту новую женщину и твоего сына от этой ведьмы?

– Когда мы приблизимся, времени будет до рассвета, я так думаю. Потому что как только солнце взойдет, они смогут превратить «Энтерпрайз» в полыхающий костер.

Глава 35

Пока мы смогли починить «Наутилус», загрузить его на американскую шхуну и подойти к Триполи, прошел уже месяц с тех пор, как Аврора ускользнула от Стеретта в Сицилии, забрав с собой маленького Гарри. Иными словами, прошло достаточно времени для того, чтобы установить и испытать зеркало. Может ли нечто, созданное две тысячи лет назад и, вероятно, навеянное разработками атлантов, которым еще на несколько тысяч лет больше, действительно работать в наши дни? Мы вовсе не желали столкнуться с сюрпризом в виде смертельного луча, рыскающего по морю.

Подтверждение этого мы получили иначе. На подходе к берегам Африки мы увидели слабый дым на большом расстоянии и, осторожно приблизившись к нему, поняли, что источником был небольшой бриг с низкой осадкой, снасти и паруса которого исчезли, а мачты почернели, словно деревья после лесного пожара. От почерневшего корпуса поднимался белый дым.

– У пожара могут быть сотни причин, – неуверенно заметил Кювье.

– И потушить его можно сотней способов, – вставил Стеретт, – если только весь корабль не загорелся разом.

Мы спустили на воду шлюпку и на веслах подобрались поближе к сгоревшему судну – как оказалось, лишь для того, чтобы убедиться в правильности наших опасений. От судна исходил кошмарный запах пепла, разложения и горелого мяса, палуба была полна обгоревших тел. Название судна, «Бланка», указывало на его испанскую принадлежность, хотя от флага и флагштока ничего не осталось. В правом борту зияло круглое отверстие диаметром около трех футов, где огонь прожег деревянный корпус корабля насквозь и воспламенил внутренние палубы и все, способное гореть.

– Значит, это правда, – вымолвил, наконец, Кювье.

– Клянусь Люцифером, это зеркало разрезает материю, словно пушечное ядро, – добавил Фултон.

– Вместо того чтобы испытать свое оружие на брошенном судне, они направили его на невинное торговое судно с командой на борту, – сказал я. – Должно быть, судно загорелось, словно факел, и затем дрейфовало в открытом море. Посмотрите на рулевого, словно приваренного к штурвалу. Он погиб прямо там, где стоял.

– Это настоящее варварство, – сказал Смит. – Нет ничего более болезненного, чем смерть в огне.

– Значит, время в нашем случае играет важнейшую роль, – заметил Фултон. – Мы должны запустить мою субмарину под покровом темноты, погрузиться под воду, пробраться в бухту, спасти людей и вернуться под водой к шхуне Стеретта до рассвета. Если же встанет солнце, а зеркало еще не будет уничтожено, «Энтерпрайз» вспыхнет, как этот корабль, и мы все сгорим, утонем или снова окажемся в рабстве. Господа, нам предстоит напасть на самый неприступный порт на Средиземноморье, проскользнуть мимо секты убежденных фанатиков, вывести из строя их самое охраняемое оружие, спасти женщину и ребенка из главного гарема во дворце правителя и выскользнуть обратно, словно рыба.

– Да будет так! – воскликнул Смит, зараженный тем сумасшедшим английским оптимизмом, который помог им построить целую империю. – Я за то, чтобы отплатить этому Властелину Темниц!

– Или же мы можем просто пробраться внутрь и сделать то, что получится, – поправил его я. Я, конечно, за честь и храбрость, но суицид не входил в мои планы. – Мой опыт показывает, что, если лезешь за медом, лучше не ворошить улей. Моряки помогли мне подготовить нечто наподобие мусульманских облачений для маскировки.

– Итан, вы у нас славитесь способностью планировать и плести интриги. Но вы ведь еще и настоящий Акрский лев, когда дело касается драки, или я ошибаюсь?

– Разумеется. – Я моргнул, тоскуя о своей винтовке.

– Наша малочисленность должна стать нашим преимуществом, – продолжал Смит. – Берберские отродья не ожидают атаки горстки людей, явившихся из ниоткуда. А наш маленький Пьер наверняка сможет пробраться туда, куда не смогут остальные, чтобы отпереть для нас двери и ворота.

– Кого это вы называете маленьким, месье Овсянка?

– Самые небольшие размерами мужчины имеют самые храбрые сердца. Вспомните Давида и Голиафа. Взгляните на маленького капрала, ставшего Первым консулом Франции. Мы все по-своему благословлены Богом и обязаны обращать свои особые навыки в преимущества.

– Хорошо сказано, – согласился Кювье. – Итан со своими навыками обращения с женским полом пусть отправляется напрямую в гарем. Его коммивояжер может помочь с освобождением беспомощных пленников. Смит со своим блестящим интеллектом может заняться зеркалом. Фултон будет вести субмарину, ну а я устрою настоящий шабаш в порту. Неожиданность, сумятица и темнота станут нашими союзниками,

а месть и разрушения – нашей целью!

Для биолога он казался весьма кровожадным разбойником, но французы известны своим пылом.

– То есть вы согласны с тем, что шанс у нас есть? – решил прояснить я. Уж если мне было суждено повести своих друзей на миссию по спасению моей старой любовницы и незаконнорожденного сына, я хотел видеть хоть какие-нибудь шансы на успех.

– Конечно, нет. Но патриотизм, любовь и ваше собственное безрассудство, Итан, просто обязывают нас испытать судьбу.

С помощью канатов и блоков мы подняли «Наутилус» с палубы американской шхуны и осторожно опустили его за борт. Субмарина покачивалась на волнах, словно неуклюжее медное бревно, постукивающее по деревянному корпусу судна. Эта посудина казалась такой же пригодной к мореплаванию, как та самодельная лодка из ивняка и медвежьей шкуры, что мы когда-то соорудили в Америке, но была раза в три менее плавучей. Однако она не пошла сразу ко дну, и Фултон прыгал вокруг нее, словно возбужденный кролик, организуя нашу военную вылазку.

– Коммивояжер пусть встанет у руля, потому как в задней части лодки теснее всего, – распоряжался он. – За ним – Гейдж, чтобы вращать винт, когда придет время. Смит и Кювье для равновесия разместятся в носовой части. Я буду стоять в башне, рулить и говорить Пьеру, что делать. Для начала мы под парусом дойдем до устья бухты, там погрузимся под воду и поползем вперед. Теперь вопрос: у кого есть проблемы вроде клаустрофобии в тесных металлических цилиндрах, подбрасываемых вверх и вниз на неспокойном море?

Мы все, как один, подняли руки.

– Гейдж, тогда возьмите с собой карты. За новое искусство войны!

Мы все отхлебнули грога – единственного, что могло придать нам хоть немного храбрости для того, чтобы залезть в это странное детище инженерной мысли, – и осторожно спустились на плоскую скользкую поверхность субмарины. Затем подняли мачту, прикрепили поперечину, вытянули бушприт и превратили наш металлический гроб в некое подобие небольшого парусника с необычным гротом – жестким парусом коричневого цвета в виде плавника, по форме напоминавшим лопасть ветряной мельницы.

– Узкий парус легче сложить при погружении под воду, – объяснил Фултон.

– Завтра утром я подплыву поближе, чтобы подобрать вас, – крикнул Стеретт нам вслед. – Вы должны уничтожить это оружие! Вы видели, что произошло с испанским кораблем.

– Если вы не найдете нас, – сказал Фултон, махнув на прощание, – спасайте свои жизни.

И вот в последних лучах заходящего солнца мы отплыли в направлении Триполи, настороженно глядя на серое побережье Африки. Я был приятно удивлен тем, что мы не только не затонули, но даже поплыли на нашей субмарине под парусом, как на небольшой рыбацкой лодке, которая оказалась гораздо более плавучей, чем я опасался. Из-за своей цилиндрической формы лодка временами грозила перевернуться, но у нее был отличный нос для морских путешествий и рулевое управление, достаточное для придания ей правильного курса. Проблема была лишь в том, что мы были заперты в печной трубе, которую представлял собой интерьер судна, и даже плоский пол не мог исправить впечатление, что мы путешествуем по канализационному стоку. Единственным источником дневного света был открытый люк и толстые окна маленькой башни, из которой Фултон определял направление нашего плавания. Лодка подпрыгивала и падала на волнах, словно пробка, и Смита вскоре стошнило, запах чего лишь усугубил тошноту всех остальных. Для британца у него было слишком сильное неприятие всего, связанного с водой и морем.

Пьер, поразмыслив над нашей ситуацией, не преминул поделиться своими соображениями.

– Хотя я и рад отправиться с тобой на дело, поскольку ты полный идиот без великого Пьера, – объявил он, – похоже, ты, как всегда, принял все самые неверные решения, осел.

– Я делаю все, что могу.

– Во-первых, я уже говорил вашему безумному американскому изобретателю, что железо не плавает. Да, каким-то непостижимым образом мы все еще болтыхаемся на волнах, и остается лишь надеяться, что это суденышко не даст течь, как каноэ, поскольку сосновой смолы для ее ремонта у нас нет и мы весьма быстро опустимся на дно.

– Из соображений морального духа лучше эту альтернативу не обсуждать, – сказал я.

– Во-вторых, ты спелся с учеными, от которых, как я говорил тебе еще в Канаде, крайне мало толку. Эти, похоже, представляют собой кладезь абсолютно бесполезной информации о камнях и вымерших животных и не имеют ни малейшего опыта осады укрепленных пиратских городов.

– Ученый тупица лучше, чем несведущий тупица, как говаривал Бен Франклин. Пьер, может, хоть это мнение тебя заткнет?

– В-третьих, я не вижу на борту пушек. Даже твоей старой

винтовки и томагавка не вижу!

– Боюсь, мне приходится довольствоваться лишь американским бортовым оружием – пистолетом и кортиком. Еще у нас есть фултоновские мины, то есть торпеды, как он их называет.

– В-четвертых, если я правильно понимаю план, ты должен отправиться в солидно охраняемый гарем, чтобы спасти подружку, которая по совместительству является еще и матерью твоего ребенка, что лишний раз говорит о том, что и эту часть плана ты не продумал. Гаремы, насколько я знаю, полны женщин, и нет группы, более сложной для управления или руководства. Коров можно загнать в загон, буйволов обратить в панику и бегство, но что делать с женщинами? Это все равно что вить веревки из змей!

И он откинулся на своем месте, довольный своими аргументами.

– Но, похоже, – сказал я примирительным тоном, – что я несколько исправил свое плохое планирование, умудрившись заручиться поддержкой моего мудрого друга Пьера Рэдиссона. Ведь он умеет не только тыкать меня носом в мои ошибки, но и находить решения для всех тех проблем, что он только что перечислил, или я ошибаюсь? Никто не знает злобной натуры нашего неприятеля лучше, чем Пьер, и никого так не порадует перспектива путешествия в медном гробу, как его, жаждущего отомстить Авроре Сомерсет, женщине, которая стреляла ему в спину.

Тот на мгновение задумался и кивнул.

– Это ты верно подметил. Итак, осел, я призадумаюсь о том, как удержать тебя подальше от неприятностей, причем до восхода. Однако у меня есть вопрос для месье Фултона.

– Я весь внимание, месье Рэдиссон.

– С учетом того, что мы застряли в тесной камере и не сможем подняться на поверхность, предварительно не утонув, как вы предлагаете потопить вражеские корабли?

– Ах, да! Решение весьма элегантное, позвольте мне заметить. На борту нашей субмарины находятся три медные бомбы, каждая из которых содержит сотню фунтов черного пороха и оружейный замок, приводящий их в действие. Вероятно, вы заметили выступ на моей башне, напоминающий рог нарвала, конец которого у основания проходит сквозь уплотнительную камеру, просмоленная пакля внутри которой, обмотанная вокруг этого вала, ограничивает утечку несколькими каплями. А теперь как это работает: мы тихонько подбираемся под днище неприятельского корабля и рукой проворачиваем этот вал, чтобы

вкрутить его заостренный конец в днище корабля. На конце есть ушко, через которое пропущен спусковой шнур, второй конец которого ведет к моей башне. После того, как рог вкручен в корпус корабля, мы сдаем назад, распуская и натягивая фал, к которому с нашей стороны привязана медная мина. По мере того как фал проходит через ушко на конце рога, он подтягивает к кораблю мину, пока та не окажется вплотную прижатой к днищу вражеского судна. Затем остается лишь резко дернуть за фал, чтобы сработал оружейный замок и раздался взрыв. К тому времени мы отойдем назад на достаточное расстояние, чтобы не пострадать от взрывной волны.

Пьера это объяснение, казалось, не убедило.

– А что, если торпеда сработает преждевременно? Что, если ваш рог не зацепится за днище? Что, если враги услышат, как мы возимся под водой?

– Тогда мы, скорее всего, потопим сами себя, – невозмутимо ответил изобретатель. – Крайне важно все сделать в точности согласно инструкции. Я уверен, что с учетом обстоятельств мы все сможем соблюсти надлежащую дисциплину.

– Мотивацию лучше, чем у нас, придумать было бы сложно, – согласился француз.

Фултон повернулся и вновь выглянул из своей башни.

– Я вижу вечерние огни Триполи. Француз, держи немного правее.

– Как вы думаете, они могут нас видеть? – спросил Кювье снизу.

– Наш парус слишком маленький и темный, а корпус едва возвышается над водой, – ответил Фултон. – Перед погружением мы сложим все снасти.

Мы приближались к порту. Триполи располагается на северном побережье Африки, бухта города смотрит на северо-восток и защищена мелкими островами и рифами. Западным входом в бухту служит расселина между рифами шириной всего двести ярдов. Мы подплыли под парусом так близко, что слышали, как волны плещутся о волнорезы, а Фултон определял наше положение по белым барашкам на волнах. Пьер по приказу изобретателя поставил наше суденышко по ветру, пока Фултон быстро и умело опустил и закрепил мачту и парус. Затем он спустился к нам, закрыл и запер люк и повернул одну из многочисленных рукояток, за чем мгновенно послышалось шипение и бульканье воды, заполняющей воздушные баки.

– Кстати, это Архимед открыл принцип вытеснения, который объясняет, как лодку можно научить погружаться под воду и подниматься на ее поверхность, – напомнил нам Фултон.

– Рыба пользуется тем же принципом в своих плавательных пузырях, – добавил Кювье.

– А люди спят на пуховых перинах, – вставил я.

Стало еще темнее, и мы зажгли свечу.

– Господа, мы уже под поверхностью воды и вот-вот войдем в историю, осуществив первое в мире подводное морское нападение.

– Не видя, куда мы двигаемся? – опять усомнился Пьер.

– Да, мы в некоторой степени слепы, но мой компас издает биолюминесцентное фосфорное свечение – кстати, эта инновация была впервые предложена Франклином для корабля «Черепаха» во времена американской революции, – так что мы снова пользуемся мудростью наставника нашего Итана. Отсюда мы поплывем по компасу, а затем всплывем достаточно для того, чтобы выглянуть через башенные окна. Итан и Пьер, начинайте крутить наш винтовой пропеллер. Кювье и Смит, присмотрите за нашим оружием и порохом.

В субмарине было влажно и тесно. Мы с Пьером принялись крутить винт и вскоре вымокли от пота.

– Как долго мы можем оставаться под водой без воздуха? – тяжело дыша, спросил коммивояжер.

– С таким количеством людей – часа три, – ответил Фултон. – Но я захватил с собой медный контейнер из Тулона, наполненный двумя сотнями атмосфер воздуха, как посоветовал мне химик Бертолле. Этого воздуха должно хватить нам еще на три часа. Мы поймем, что нужен дополнительный воздух, если начнет гаснуть свеча.

Никакого ощущения прогресса не было. Время от времени Фултон, всматривающийся в свой компас, приказывал слегка изменить курс, один раз мы царапнули правой стороной риф и повернули подальше от него. Наконец, изобретатель приказал нам отдохнуть и начал выкачивать воду из балластовых баков. Из окон башни показалось едва различимое мерцание. Фултон подождал минуту, пока вода стечет вниз, внимательно огляделся сквозь темные окошки и спустился к нам, улыбаясь от уха до уха, как ребенок.

– Господа, мы посреди бухты Триполи, и никто не трубит тревогу. – Он кивнул Пьеру. – Хорошая работа, рулевой. – Затем хлопнул в ладоши и довольно потер руки. – Ну, а теперь, что мы хотим взорвать в первую очередь?

– Дворец, а потом весь порт, – предложил я. – Смит может нести одну из ваших торпед, подводную атаку можно запланировать на самое начало рассвета. Взорвем хотя бы один корсарский корабль, чтобы создать неразбериху, последнюю

торпеду оставим про запас. Кювье будет крутить винт, а вы, Роберт, – прокладывать курс.

– Но эти пройдохи объявили войну Америке, а мы с вами американцы, разве нет? Боюсь, Итан, что, несмотря на всю безнадежность этого нападения, я должен присоединиться к вам. Смит может крутить винт, а Кювье – направлять субмарину. Но именно я понесу мину на берег, потому что это я ее построил и знаю, как ее взорвать.

– Вы готовы передать управление «Наутилусом» другому?

Фултон улыбнулся.

– Если я позволю французскому капитану поиграться с моей малышкой, может быть, они все-таки ее купят! Кювье, вы же замолвите за меня словечко Наполеону?

– А с чего это англичанину крутить педали за француза? – прервал Смит.

– Вы сильнее и выносливее нашего биолога. К тому же, Уильям, вы знаете лучше моего, что заставить француза делать то, что он не хочет, практически невозможно, в то время как англичанин всегда вызовется добровольцем, особенно если дело ответственное и трудное. Мы все должны признавать свои национальные особенности.

– А в чем национальная особенность американцев?

– Вляпываться в ненужные проблемы из-за своего идеализма, гордости и необходимости спасать беспомощных женщин. Так ведь, Гейдж?

– Астизу совсем нельзя назвать беспомощной.

– В любом случае вы двое, ученые лбы, лучше других сообразите, как атаковать вражеские корабли в этой бухте. Пьер уже работал с Итаном, а я такой же янки, как и Гейдж. Нашей стране объявили войну, и мы дадим им войну – или погибнем.

Боже мой, в этот момент я обожал его, каким бы эксцентричным и странным он ни был. Мне всегда больше нравились рассудительные люди, способные обуздать свой страх, нежели смелые и глупые энтузиасты.

– Я подберу вас, когда женщина и мальчик будут с вами, и вы сами замолвите за себя словечко Наполеону, – пообещал Кювье. – Мы своих не бросаем.

– Смогут ли Англия и Франция сотрудничать? – спросил я Смита.

– Да, это станет новым началом со времен Амьенского мира, – ответил англичанин. – Могу поспорить, что Бонапарт больше никогда не пойдет войной на мою страну.

– Может быть, Англия и Франция даже станут союзниками, – добавил Кювье.

– Попридержите свое воображение. Но вот вдвоем управлять этой посудиной, думаю, мы сможем.

– За мир! – воскликнул Пьер. – Если не считать этой маленькой войны.

– К рассвету мы должны закончить свою миссию, – напомнил всем я, – в противном случае они обратят зеркало против нас. Когда море просветлеет, всплывите на поверхность, но лишь немного, и слушайте. Когда на берегу начнется хаос, попытайтесь ударить по бухте, и если мы точно рассчитаем время, у нас может быть маленький шанс.

– В битве ничто не идет идеально по плану, и вы знаете это.

Мы все на мгновение замолчали.

– Но то же самое относится и к неприятелю, – сказал я наконец. – Играя в азартные игры, не нужно стремиться к совершенству. Нужно достаточно хорошо знать свои карты, чтобы выиграть. А теперь наденем наши арабские одежды.

Глава 36

Мы подплыли к крайней лодке из ряда пришвартованных фелук, и Фултон, Пьер и я вскарабкались на рыбацкое суденышко и принялись перепрыгивать с лодки на лодку, пока наши ноги не коснулись каменной платформы порта. «Наутилус» скрылся под водой.

Дворец Юсуфа, уродливый, словно плаха, ощерился крепостными рвами и защитными сооружениями, из которых повсеместно торчали пушечные рыла. К северу от дворца, на укрепленной платформе, лицом к порту стоял огромный диск, скрытый под навесом черного цвета, словно дыра в небе. «Зеркало, – догадался я, – и не менее тысячи пиратов и янычар между нами».

Пьер посмотрел на нависающие над нами стены.

– Ты собираешься вскарабкаться по этим стенам? Ты, должно быть, паук, а не осел.

– Предлагаю пробраться в темницу алкогольным путем и оттуда уже подняться в наш старый добрый дворец по лестнице. Роберт, вы помните таверны?

– Те самые, которыми от имени мусульман, имеющих запрет на самостоятельную продажу алкоголя, заправляют рабы-христиане и пленники? Конечно, помню.

– Я думал, последователям Мухаммеда пить тоже запрещено, – сказал Пьер.

– А у кардиналов не должно быть любовниц, – ответил Фултон, – но при этом добрая их половина может преподать Казанове пару уроков. Все люди набожны, но все, как один, находят способ обойти свои принципы. А в Канаде, что, уже упразднили человеческую сущность?

– У нас, людей лесов и гор, опыт, конечно, ограниченный, но не настолько. Так что, нам надо стать набожными пьяницами?

– Иначе нас и на порог не пустят, – ответил я.

Пьер посмотрел наверх.

– Все же лучше, чем карабкаться по крепостным стенам.

Как и любой иной город в любой иной культуре, Триполи дает людям как то, что они должны делать, так и то, что они хотят. Ислам не одобряет ростовщичество, и поэтому евреи, изгнанные из Испании, превратились здесь в банкиров. Алкоголь запрещен, а потому рабы-христиане зарабатывают на жизнь, предлагая его из-под полы. Порочная практика распространилась даже в тюрьмах, где предприниматели предлагают благочестивым пленникам все, что их душе угодно, – от проституток до

контрабанды и литературы, стимулирующей воображение сильнее Корана. Мусульманский город, может, и выглядит более упорядоченным, чем христианский, но грех процветал среди работорговцев янычар не менее буйным цветом, чем в Пале-Рояле.

Мы пробрались во внутренний двор, примыкающий к тюрьме Юсуфа, и скользнули в одно из питейных заведений по его периметру. Я по-арабски сделал заказ, ища возможность пробраться сквозь врата темницы.

Двое стражников в углу пьянели на глазах, и как только я убедился в том, что они уже мало что соображают, я отправился к ним наполнить их стаканы и предложить им купить партию опиума. Наркотики в тюрьмах – вещь такая же обыденная, как туберкулез, и все подпольное производство заключенных существовало лишь для того, чтобы оплачивать наркотики, превращающие их безнадежное существование в более терпимое выживание. Нечистый на руку тюремщик может заработать гораздо больше, продавая ворам всякую всячину, чем сам вор может заработать своим ремеслом, и работа стражника в ужасных рабских тюрьмах Северной Африки была кормушкой не хуже должности казначея. Эти стражники не доверяли мне, конечно же, но они унюхали деньги, и их жадность заставила их поманить меня за закрытую дверь на переговоры. Заходя внутрь, я незаметно засунул гвоздь в замочную скважину, чтобы не позволить им закрыть дверь на замок, и когда стражники склонились над моим «товаром» (коим являлись мука и зеленый чай, которые я прихватил с шхуны Стеретта), мои спутники проникли внутрь и оглушили пьяных глупцов носками, наполненными песком с улицы.

Мы поколебались, тихо споря о том, что делать с лежавшими у наших ног стражниками, пока я не вытащил кортик из-под своего одеяния и не пронзил два тела, окончив их страдания на этой бренной земле, под недовольный стон Фултона.

– Господа, мы на войне против фанатиков, которые держат в заложниках моего невинного сына и готовы объявить войну всей цивилизации, – пояснил я. – Оружие наголо, ночь обещает быть длинной.

– Они не проявят ни капли милосердия по отношению к нам, – добавил Пьер.

– Что верно, то верно.

– Тогда к делу, – сказал Фултон и сглотнул, глядя на мертвых. Судя по всему, война в близком приближении оказалась непохожей на разработку его машин, и смертельные последствия его гения лишь сейчас осенили его. Интересно, Архимед тоже был

так же удивлен? Быть может, старый грек приказал разобрать свою машину не только для того, чтобы та не досталась римлянам, но и для того, чтобы не досталась человечеству как таковому? Может быть, его собственный тиран убил ученого из раздражения?

– Но сначала возьмем их пистолеты, – сказал Пьер. – Глядя на настроение Итана, я думаю, что они нам понадобятся.

– И их ключи тоже, – добавил я. – Помогите мне оттащить и спрятать тела.

Я почувствовал тошноту, как только мы снова ступили в лабиринт темниц и тоннелей под дворцом Юсуфа. Запах земли, помоев и нечистот ударил меня, словно пощечина, вернув старый страх. Время от времени мы слышали стоны и крики обезумевших от страданий людей. Мне пришлось напомнить себе об Астизе и маленьком Гарри, томящихся в плену где-то в гареме высоко над нами, и я поклялся себе навсегда взорвать и стереть с лица Земли эти врата в царство Аида, обрушив на них крепость Юсуфа. Свободу псам войны!

Мы миновали несколько металлических решеток, разделяющих бесконечные коридоры друг от друга, запирая их за собой, дабы не опасаться нападения сзади, и уперлись в лестницу, ведущую наверх. Это была та самая лестница, по которой меня вели во дворец Юсуфа на встречу с Астизой.

– Думаю, нашей доблестной армии здесь нужно разделиться, – сказал я. – Роберт, нам нужно каким-нибудь образом дотащить вашу или мою торпеду до зеркала и взорвать его.

– Архимед наверняка воспользовался бы катапультой, – с готовностью ответил тот. – Может, и мне придет на ум что-нибудь подобное… Где я смогу быть в прямой видимости от зеркала?

– Если поднять вас на крышу кладовых Юсуфа, оттуда должен открываться хороший обзор. Следуйте по этому тоннелю и ищите лестницу, только не наткнитесь на стражника.

Фултон достал свой кортик.

– Если наткнусь, придется убить.

– А у тебя какое задание, осел? – спросил Пьер.

– Я – в гарем, к женщинам.

– Кто бы сомневался.

– Там должны держать Гарри и Астизу. Я проскользну внутрь, найду их и спущусь с ними вниз по этому же пути.

– А что же делать храброму Пьеру, которому никогда не достается задание спасти целый гарем молодых, цветущих и столь соблазнительно плененных женщин?

– О, у храброго Пьера самая важная работа. Возьми эти ключи

и освободи столько пленников, сколько сможешь. Когда мы будем отходить, их побег создаст сумятицу, которая позволит нам добраться до ныряющей лодки. Но будь осторожен, Пьер, в этих тоннелях живет настоящее чудовище – изувер, известный как Омар Повелитель Темниц. Вот встречи с ним нам очень хотелось бы избежать.

– Что за напыщенное прозвище… Он наверняка большой и уродливый, как ты?

– Значительно больше. И на порядок уродливее, смею считать. При этом еще более неотесанный, чем наш покойный друг гигант Маркус Бладхаммер.

– Значит, мне суждено стать Давидом в схватке с этим исполинским Голиафом. Я – великий Пьер Рэдиссон, северянин и путешественник, способный сражаться двадцать часов в сутки и пройти сотню миль без сна! Мне нет равных в поднятии тяжестей, выпивке, танцах, беге и соблазнении прелестных дам! Я могу найти дорогу от Монреаля до Атабаски с закрытыми глазами!

Я вздохнул – все это я уже слышал, причем неоднократно.

– Тогда в темноте, там, внизу, ты будешь чувствовать себя как дома. Двигайся быстро, Пьер, и тихо, и скачи, как антилопа, если Омар услышит тебя. Ты еще понадобишься нам в субмарине, чтобы скрашивать наше путешествие байками о своей доблести.

– Конечно же, я понадоблюсь вам! Те два ученых лба, что вы оставили позади, за это время наверняка уже состряпали полдюжины несуразных теорий о происхождении Земли, но при этом бьюсь об заклад, что они уже давно потерялись, если вообще не потонули. Что ж, Пьеру придется сделать всю настоящую работу, как обычно. Встретимся у врат этой навозной ямы; тогда и подумаем о том, как сделать из вас настоящих мужчин.

Мне оставалось лишь карабкаться дальше вверх по лестницам дворца, на пути к спасению моего сына и женщины (я вдруг осознал, что стал именно так называть ее в своих мыслях), которая, по всем признакам, была моей женой.

Подъем по лестнице знакомо вел меня к той приемной, где я не так давно повстречался с Астизой. Я не без тревоги прошел мимо бокового тоннеля, который вел в камеру пыток Омара, затем открыл деревянную дверь, откинул гобелен и оказался в тронном зале. Здесь, насколько я понимал, я был близок к гарему. Королевский трон и подушки находились там же, где я видел их в прошлый раз. Даже африканская кошка все еще была здесь, запертая на ночь в своей латунной клетке. Ее глаза вспыхнули огнем, когда я неслышно скользнул мимо нее, и до меня донеслось мягкое, но угрожающее рычание. Интересно, а дракон Драгута тоже где-то рыскает в темноте, эта уродливая ящерица с

аппетитом белого медведя?

За клеткой блеснул еще один, третий, глаз, и я разглядел в темноте клетку поменьше, где под охраной кошки покоился тюрбан Юсуфа с изумрудом. Даже леопарду здесь приходилось зарабатывать себе на пропитание.

В дальнем конце зала я скользнул в тихий коридор, завешанный средневековыми латунными щитами. Дворец вокруг меня замер, словно в ожидании. Я бился в догадках, почему не увидел больше ни одного охранника. Время полночь, согласен, но неужели мне просто везло? Где же все?

Я поднялся по мраморной лестнице (должно быть, я уже в верхней части дворца) и увидел евнуха-привратника, мирно посапывающего в ночной темноте. Рядом с ним на полу валялась пустая фляжка, и у меня не было сомнений в том, что, застань его кто-нибудь за этой халатностью, не миновать ему жестоких побоев палками по ступням, а то и повешения на крюке с крепостной стены. Я поколебался, убивать его или нет, но поймал себя на мысли о том, что не смогу сделать это с человеком, которого судьба и так уже наказала жестокой кастрацией. Вместо этого я оторвал лоскут драпировочной ткани, скрутил евнуха, засунул кляп ему в рот и крепко связал. Еще одна сильная затрещина – и он прекратил, мыча, извиваться на полу.

Затем я подкрался к двери гарема из дерева и латуни, приложил к ней ухо и прислушался. Никаких звуков, никакого женского смеха: гарем был погружен в сон. Я уже собирался было прострелить замок двери из пистолета, когда дверь сама тихо распахнулась передо мной при малейшем нажатии. Судя по всему, Юсуф либо не ожидал столь маловероятного американского вторжения, либо же искренне верил в своих стражников-евнухов. Я осторожно скользнул внутрь, чтобы не спровоцировать бунт сонных девушек. Как же найти тех двоих, за кем я пришел? Если нам хотя бы удастся тихо выбраться отсюда, будь что будет с этим зеркалом! Неужели спустя столько лет оно *действительно* работает?

Но оно работало, доказательством чего стал сожженный испанский корабль. И наш корабль оно тоже может испепелить.

Гарем тоже оказался пустым.

Я прошел сквозь обширную переднюю и оказался в прекрасной главной палате гарема, гораздо более роскошной, чем тот чердак торговца, в который мне однажды пришлось вломиться в Каире. В зале был центральный бассейн и куполообразная крыша, украшенная вставками цветного стекла, через которые днем на бассейн наверняка опускалась разноцветная радуга. По периферии зала стояли колонны, формировавшие пассаж внизу и

балкон вверху, за которыми виднелись двери, ведущие, я так думаю, в отдельные спальни женщин, что жили здесь. Мириады ваз полнились экзотическими цветами, а на поверхности бассейна покачивались лепестки лотоса. В воздухе витал аромат духов и благовоний. Интересно, как преображается это место, когда в нем отдыхают и смеются наложницы – дюжины едва прикрытых красавиц самых разнообразных национальностей? Тонкие ноги, свешивающиеся в бассейн, непринужденно оголенные груди, шепот женских сплетен, перетекающих из нежных уст в нежные уши, обрамленные блестящими волосами, волнующие округлости бедер и зеленые миндалевидные глаза, подкрашенные сурьмой, губы сочные, словно…

Сфокусируйся, Итан! Теперь тебе нужно беспокоиться лишь об одной женщине!

И вдруг я понял, что уже не один в тихой прелести гарема. Позади меня раздалась мягкая поступь, на которую я чуть было не обернулся, и в следующее мгновение впереди раздался рев, бас тяжелой короткой пасти, забрызганной слюной и кровью. Сокар! Моя хватка на рукояти пистолета внезапно обмякла, когда я понял, почему так тих дворец. Я попал в западню.

– Итан, Итан, ты так предсказуем, – раздался голос Авроры из темноты, откуда на меня смотрели желтые, как моча, глаза ее черного зверя. – Мы тебя уже столько недель ждем!

Из теней показалась волчья фигура грозного мастифа с опущенной головой и напряженными плечами.

– Мы надеялись, что ты приведешь весь свой флот на встречу с нашим зеркалом, – сказал еще один голос за моей спиной. Драгут! – Гейдж, у вас была возможность доказать свою преданность нам. Теперь же мы просто опробуем эту штуку на вас. – В его голосе звучали нотки нетерпения, и я почувствовал, как мне в спину упирается дуло оружия размером с собачью пасть. – Пожалуйста, не двигайтесь, ибо у меня в руках бландербасс вашего друга. И если мой палец вдруг соскользнет, выстрелом вас разнесет на части.

– Заляпаете столь прекрасный бассейн.

– У нас достаточно рабов, чтобы вылизать его начисто, если потребуется.

Глава 37

Аврора вышла из тени и встала в одиноком луче света, держа в руке мою винтовку и сжимая в той же руке поводок Сокара. Другой рукой она держала еще один поводок, ведущий к двум фигурам, медленно выходящим из тени. Ремешок вел к кожаному ошейнику на шее Астизы, глаза которой горели от яростного желания драться. Вторым ремешком к ее ошейнику был привязан маленький Гор, который вышел из тени, прихрамывая, и выглядел заплаканным и до ужаса напуганным.

Он немного просветлел, узнав меня по противоположную сторону бассейна.

– Папа! Собака меня укусила!

Я хотел пристрелить эту чертову тварь прямо на том же месте, но знал, что в следующее мгновение раздастся грохот бландербасса, и Астизе и Гарри придет конец. Мой морской пистолет был чертовски неточен на подобном расстоянии, а тот, что я забрал у мертвых охранников, и того хуже. Я мог выстрелить и промахнуться.

– Так тебе и надо за то, что вонзил мне нож в ногу, – прошипела Аврора.

Я заметил повязку на ее ноге и не смог сдержать улыбку. Все-таки яблоко от яблони недалеко падает! Гарри не было и трех, а я уже наливался гордостью, глядя на него. Сначала он заколол маленькую мышь, а теперь вот – большую крысу!

– Недолго тебе бояться этой собаки, – ободрил его я.

– Уж это точно, – сказала Аврора, – потому что ты обрек своего ублюдка на самое ужасное из всех видов рабства. Эта шлюха, что родила его, поджарится на лучах отраженного солнца, и ты, Итан, будешь смотреть, как закипает ее кожа, прежде чем мы обратим зеркало на тебя. Вот твое наказание за убийство Озириса! А потом мы подпустим поближе то корыто, которое придет спасать твой обугленный труп, и подожжем и его. Гореть будет как тысяча костров!

– Твое место в погорелом театре, такой талант пропадает…

– Месяц назад я предложила тебе весь мир и себя в придачу. А что теперь? Нам всего-то нужно было подождать тебя. Омар уже сообщил нам о вторжении в его владения, а тот евнух, которого ты связал, просто играл свою роль. Янычары позволили тебе бездумно проскользнуть мимо них, а все твои дружки, которым хватило глупости сопровождать тебя, должны быть уже мертвы. Все, чего ты касаешься, превращается в прах, и любой подружившийся с тобой кончает плохо. Ты не контролируешь

молнии, ты сам – жалкая молния, несущая несчастье везде, где появляешься.

– Вот потому-то я и сбит с толку твоим влечением ко мне. Хотя, конечно, и ты не совсем Дева Мария.

– О, мне будут поклоняться, не сомневайся. Потомки всегда чтят победителей, наиболее сильные из которых становятся богами и богинями. Поклоняются лишь безжалостным.

– Весьма храбрые слова от сумасшедшей, способной лишь натравливать монстра на младенца и окружившей меня сотней врагов. Аврора, все, что ты когда-либо умела, – это пугать и запугивать. Ты слишком распутна, чтобы завоевать настоящего мужчину; ты – дилетант, вечно бродящий по темным закоулкам в тени своего умалишенного брата; ты – женщина с материнскими навыками Медузы Горгоны и стрелок с навыками английского пижона. Ты – ничтожество.

По своему обыкновению, Аврора напряглась, услышав правду.

– Ты видел, как я стреляю из этого оружия в Канаде! – С этими словами она подняла мою любимую винтовку. С момента своего рождения в искусных руках мастеров в Иерусалиме ей довелось проделать путь длиной в пятнадцать тысяч километров, не менее, и мое сердце учащенно забилось, стоило мне увидеть свое любимое оружие. – Я стреляю лучше любого мужчины в этой крепости!

– Но не лучше меня. Помни, что я сделал с твоим братом, причем дважды.

Она покраснела.

– Одно твое попадание в Сесила было простым везением, а второй выстрел ты сделал почти в упор.

Астиза замерла и не дышала, слушая эту перепалку и ожидая, что я сотворю чудо. Я же видел лишь один крохотный шанс.

– Я все равно лучше тебя.

– Итан, теперь это моя винтовка.

– Так позволь же мне доказать это! Ты никогда не соревновалась в стрельбе со мной.

– Что ты предлагаешь? Состязание?

– Я лишь говорю, что тебе легко хвастать, когда твоему противнику ткнули бландербасс в спину и окружили его сотней головорезов. Но на условиях, хотя бы отдаленно напоминающих честные, тебе никогда не победить. Особенно в стрельбе.

Она засмеялась, а Сокар гавкнул.

– Выбирай цель!

– Аврора, у нас нет времени на это баловство, – запротестовал Драгут.

– Он у нас в руках, и теперь мы имеем сколько угодно

времени. Выбирай цель!

Я осмотрелся и ткнул пальцем в воздух.

– Вот та стеклянная вставка в куполе, не больше ладони. Я попаду в нее прежде тебя, и когда я попаду… ты дашь нам одну минуту форы.

– Это настолько абсурдно, что мне стоило бы плюнуть на все это, и на тебя тоже, если б я не была уверена в том, что в стрельбе ты мне не чета. Но давай разнообразим наш спор. Я спорю на голову твоего сына.

– Нет! Оставь Гарри в покое! – вскричал я, в глубине души осознавая, что эта ее чудовищная идея, которую я только спровоцировал, была нашей единственной надеждой.

– Да, – прошептала она, словно говоря с самой собой, – его ужас – это плод твоего абсурда… Хамиду, не своди бландербасса с Гейджа, у него в запасе миллион уловок. Итан, а мы с тобой поставим хрустальный бокал на голову твоего маленького чудовища и будем целиться в его тонкую стеклянную ножку. Я стреляю первой и могу гарантировать тебе, что не задену мальчишку и попаду точно в цель, если, конечно, его мать будет держать его достаточно крепко. Затем стреляешь ты – и если ты каким-то чудом попадешь в стекло больше раз, чем я, не отстрелив при этом голову своему выродку, ты получишь свою маленькую гонку наперегонки с Сокаром. Будет приятно наблюдать, как он нагоняет вас, и будет настоящим наслаждением слышать ваши крики, как мне когда-то пришлось слышать крики моего брата.

– Мне всегда нравились девушки с хорошим воображением.

С уверенностью моряка, швартующего судно, Аврора привязала мою семью поводком к одной из колонн и проверила надежность привязи.

– Ты, шлюха, сядь на колени и держи своего ребенка, как статую, – приказала она Астизе. – Если он дернется хоть на дюйм, один из нас может промахнуться.

Дрожа и демонстрируя выражением своего лица чистейшую ненависть, моя любимая женщина с арканом на шее присела и обняла нашего двухлетнего сына.

– Гор, – прошептала она, – ты должен стоять очень, очень неподвижно. Мама будет держать тебя на всякий случай.

Мой мальчик снова плакал, не понимая, что с ним опять происходит. Аврора поставила ему на голову бокал, который закачался в такт его всхлипываниям, и, обойдя бассейн, приблизилась ко мне с винтовкой в руках. Она легко поцеловала меня в щеку (мне показалось, что меня лизнула та кошмарная рептилия, скрывающаяся в трюме ее корабля), достала пистолеты

из-за моего пояса и кинула их в бассейн. С глухим всплеском те погрузились на дно. Затем она повернулась и подняла мою винтовку с уверенностью профессионального стрелка. Прицелилась – ствол оружия при этом не шевелился, словно высеченный из камня.

Я затаил дыхание, молясь о том, чтобы Гарри не подпрыгнул и не попал под пулю. Затем последовала вспышка, грохот выстрела, и высокий свист разрезанной напополам стеклянной ножки бокала. Чаша бокала упала на пол, разбившись на миллион частей, а бедный Гарри лишь вскричал и залился слезами. Астиза прижала его к себе еще ближе, шепча ему на ухо успокаивающие слова.

Зал наполнился криками и визгом наложниц, которых услужливые евнухи заперли в задней части гарема. Пуля срикошетила и ударила в стену над ними.

Женщина, которую я когда-то желал больше всего на свете, с грохотом опустила приклад моей винтовки на мраморный пол, достала патрон с порохом, пулю и перезарядила ружье с ловкостью смертоносной охотницы. Затем протянула винтовку мне, перед этим достав свой пистолет и направив его мне в голову.

– Ставь следующий бокал ему на голову! – крикнула она Астизе. Затем повернулась ко мне. – Предупреждаю тебя, если дуло этой винтовки хотя бы на мгновение отклонится от твоего убогого отпрыска, ты будешь мгновенно убит, а этих двоих мы бросим работорговцам.

– В чем дело, Аврора? Боишься, что я не промахнусь, а тебе во второй раз уже не повезет?

– Просто стреляй и промахивайся. А потом моли о пощаде.

Астиза и Гарри превратились в каменные изваяния – скульптура матери, шепчущей что-то на ухо своему сыну. Стеклянный бокал блестел, словно бриллиант.

– Помни, стоит тебе промахнуться, и игра окончена! – сказала Аврора.

Я прицелился так тщательно, как никогда не целился раньше, затаил дыхание, успокоил внутреннюю дрожь и медленно выдохнул, одновременно с этим плавно нажав на спуск, не отрывая глаз от цели, которую я едва различал в полутьме.

Я выстрелил, создав какофонию вспышки и грохота выстрела в мраморном зале и вновь подняв волну женских криков и взвизгов.

Спустя мгновение я увидел, как поводок, которым мои любимые были привязаны к колонне, с резким хлопком разорвался, разрезанный моей пулей, как я и намеревался, и

словно повис в пахучем воздухе гарема!

В ушах все еще звенело от грохота выстрела, и на долю секунды все замерли на месте, ошеломленные моим выстрелом. Я же вскинул винтовку на плечо и изо всех сил ткнул ею назад, с размаха ударив ее тяжелым прикладом в лицо Драгуту. Он упал и покатился по полу, бландербасс отлетел в сторону. Я наклонился, чтобы схватить его, и нарочно упал на пол, избежав пули из пистолета Авроры, просвистевшей у меня прямо над головой. Затем размахнулся, насколько мог, и ударил Аврору по ногам своей винтовкой, словно косой, в надежде сломать ей лодыжки. Она подпрыгнула и упала. Оба наших пистолета были разряжены.

Я вскочил на ноги и выдернул бландербасс из-под бесчувственного Драгута.

– Бегите! – закричал я, борясь с желанием использовать свое грозное оружие против наших мучителей, но понимая, что оно еще понадобится нам на пути вниз по бесконечным лестницам. Держа бландербасс в одной руке и винтовку в другой, я ждал свою женщину и своего сына.

Астиза подхватила застывшего и безмолвного Гарри и промчалась мимо нас с обрывками своих пут на шее. Я ринулся за ней, не ожидая, пока Драгут или Аврора придут в себя. Моя винтовка казалась мне утраченной и вновь обретенной конечностью, даже несмотря на то, что она была не заряжена. В левой руке я сжимал заряженный бландербасс Смита. Мы вылетели сквозь дверь гарема, захлопнули ее за собой и приперли связанным евнухом. Со стороны мраморной лестницы, словно тараканы, хлынули поджидавшие нас янычары, и я дал долгожданный залп из своего грозного оружия. Выстрел чуть не отбросил меня назад, и вперед полетел неистовый дождь из пуль, разметавший нападавших по углам и отправив добрую половину из них кубарем лететь вниз по лестнице, вопя и стеная. Я орудовал винтовкой, словно мельничным жерновом, и с размаху свернул шею паре упорно отказывающихся падать янычар, опрокинув их, словно кегли. Мы ринулись вниз по лестнице мимо них и спустились в королевскую приемную на этаж ниже под крики визжавших в унисон евнухов.

За спиной я услышал резкую команду Авроры:

– Сокар! Взять! – И Драгуту: – Беги на свой корабль, идиот, и займись лодкой, на которой они собираются бежать!

Я услышал хриплый лай мастифа и приближающееся скрежетание его когтей по мраморному полу. Затем захлопнул дверь тронного зала, закрыл ее на хлипкий замок, и в следующее мгновение дерево вспухло, словно холст, под натиском огромной туши воющей собаки с другой стороны. У меня почти не было

времени на то, чтобы перезарядить оружие, но я все еще мог выиграть несколько секунд.

– Спасай нашего мальчика! За тем гобеленом лестница в подземелье. Там ждет наш друг!

Мне едва хватило времени на то, чтобы засыпать порох, но на то, чтобы вставить пулю и пыж, времени уже не осталось. Раздался выстрел, край двери у петель взорвался тысячей щепок, и неистовая собака ворвалась внутрь, воя в предвкушении крови.

Я поймал ее прикладом в бок в верхней точке смертоносного прыжка. Чудовище хрюкнуло и завалилось на бок, и я молил Бога о том, чтобы мне хотя бы удалось сломать ему ребро.

Аврора ворвалась в комнату вслед за своим любимцем с грозно развевающимися волосами и ртом, застывшим в широкой гримасе духа, предвещающего смерть, с дымящимся пистолетом в одной руке и саблей Драгута в другой.

– Я убью вас всех!

Но Астиза, вместо того чтобы бежать, толкнула Гора в угол, схватила лежащий на полу ковер за край и резко дернула на себя. Леди Сомерсет повалилась на пол, ругаясь, словно пьяный матрос, и Астиза набросилась на нее, стараясь вырвать саблю из ее рук. Женщины принялись кататься по полу, суматошно кусаясь и царапаясь, превратившись в ком летающих рук, ног и переплетенных волос, кипя, словно сгусток смертельной ярости. Собака снова кинулась ко мне, пока я лихорадочно пытался достать из кармана пулю, и на этот раз схватила своей чудовищной пастью мою винтовку, рыча и пытаясь раскусить ее на части. Меня откинуло назад, на подушки, и чудовище оказалось верхом на мне. Сто фунтов неуемной злобы с первобытным рыком обдавало меня горячим дыханием и брызгами превратившейся в пену слюны. Я попытался винтовкой отвернуть его голову от своей, но шея пса была сильнее, чем обе мои руки.

– Мама! – кричал бедный Гарри в этом хаосе.

Я слышал бешеное визгливое рычание, и вдруг осознал, что это леопард Юсуфа бьется о стенки своей клетки, неистово пытаясь добраться до черного мастифа, осмелившегося вторгнуться на его территорию.

Авроре удалось эфесом сабли оглушить мою женщину, и она попыталась вырвать свои запястья из отчаянной хватки Астизы с тем, чтобы проткнуть ее насквозь. Но Астиза со свирепостью, присущей лишь разъяренной матери, вновь скрутила руки противнице. Вдруг обе женщины вскричали, и сабля отлетела в сторону, со звоном скользя по мраморному полу.

Я едва успел моргнуть, как в зале воцарился настоящий

дикий хаос животных инстинктов, ярости и беспощадности.

С леденящим кровь воем пятнистый леопард внезапно вылетел из своей клетки, а собака рывком оставила меня в покое, взвившись в воздух навстречу противнику. Мастиф был ничем не меньше огромного кота и наверняка ожидал, что тот отлетит в сторону, но вместо этого леопард изогнулся в воздухе, и они столкнулись в высшей точке своего прыжка, закружившись в воздухе. Несомненно, собака была сильна, но леопард оказался быстр, как молния. Они сцепились, бешено лязгая своими огромными пастями, и внезапно мастиф взвизгнул, почувствовав, как леопард вонзил свои острые зубы ему в горло. Животные сплелись в неистовый клубок, в котором леопард продолжал шипеть и раздирать своего противника на части. Собака бешено отбивалась лапами, но они не могли сравниться со смертоносными когтями леопарда.

– Сокар! – вскричала Аврора и отбросила Астизу в сторону с такой силой, что моя любовь ударилась головой о мраморную колонну и обмякла, потеряв сознание. – Это ты выпустил леопарда, маленький ублюдок!

Она на четвереньках добралась до своей сабли, затем повернулась в сторону Гарри и подняла клинок. Ее безумные глаза горели яростью и ненавистью, и мой бедный мальчишка в ужасе вжался в свой угол.

Я наконец нащупал пулю в кармане и вложил ее дрожащими руками в ствол, но проталкивание свинца сквозь тесное дуло, казалось, занимало у меня вечность. Аврора поднялась, как безумная валькирия, нависнув над моим сыном, дрожа от ярости и нетерпения нанести сокрушительный удар возмездия, пока я лихорадочно соображал, как остановить ее, как отвлечь ее внимание.

– Спасай свою собаку!

Аврора в замешательстве обернулась на мой крик, на мгновение потеряв решительность, и вдруг неожиданно для меня сделала шаг по направлению к дерущимся животным. Должно быть, это был единственный ее шаг сострадания за всю ее жизнь.

Леопард бросил свою умирающую жертву и взмыл в воздух, в мгновение ока преодолев расстояние в десять футов, словно жестокий первобытный маятник, и, увернувшись от ее сабли, обрушил весь свой вес на ее тело, раздирая плоть острыми, как бритва, когтями и широко раскрыв пасть, чтобы сомкнуть свои смертоносные челюсти на ее лице.

Аврора не успела даже вскрикнуть. Раздался тошнотворный хруст костей, и ее голова исчезла в пасти пятнистого чудовища.

Мерзкая собака, или то, что от нее еще оставалось,

неподвижно лежала на полу, и кровь била фонтаном из ее разорванной глотки и боков.

Аврора безумно билась на полу под домашним леопардом Юсуфа. Женщина, пленившая меня когда-то своей несравненной красотой в Америке, быстро превращалась в груду окровавленных лоскутов кожи, и каждое движение лап хищника оставляло параллельные красные раны и новые лоскуты кожи и плоти. Ее ноги в агонии метались по ковру и мрамору, оставляя красные разводы. Затем кошка вцепилась ей в горло, и я увидел, что у Авроры уже не было лица, а на месте прекрасных и жестоких глаз зияли черные окровавленные отверстия. Я наконец перезарядил винтовку, но никакого смысла тратить драгоценный выстрел на леопарда не было. Голова Авроры безвольно болталась на наполовину откушенной шее. Наконец ее тело дернулось в последний раз и окончательно обмякло, но леопард не прекращал снова и снова яростно вгрызаться в него, рыча и взвизгивая. У двери началась суматоха, поднятая евнухами и янычарами, пытавшимися проникнуть в зал, но толпа вдруг замерла и стихла при виде освобожденного леопарда и кровавого месива перед ними.

Я выстрелил в самого крупного из них, огромного черного головореза, и в следующее мгновение разъяренное животное сделало еще один прыжок прямо в сгрудившуюся толпу, которая отхлынула назад в ужасе, и огромная кошка исчезла в дверном проеме, откуда доносилась беспорядочная пальба и визгливое рычание.

Я поднял ошеломленную Астизу и подтолкнул к гобелену и скрывающемуся за ним выходу, но она вырвалась из моих рук и, ополоумевшая, сорвала со стены древний щит. Тот представлял собой латунное произведение искусства филигранной работы с искусной гравировкой и, вероятно, стоил целое состояние, но последнее, что нам было нужно в этом состоянии, – это лишний балласт. Неужели удар по голове лишил ее рассудка? Но тут я присмотрел сувенир и для себя – тюрбан Юсуфа позади клетки леопарда. Я схватил его, подхватил на руки маленького Гарри, взял Астизу за руку, и наконец мы скрылись за гобеленом и оказались по ту сторону потайной двери в темницу. Я задвинул тяжелый засов двери, и мы отправились вниз по узкой лестнице в полном снаряжении, включая мою винтовку и бландербасс, потрясенные дикостью и жестокостью, свидетелями которых мы только что стали. Астиза тяжело дышала, все еще оправляясь от напряжения и шока.

– Папа, я выпустил льва, – признался Гарри.

– Умница! Ты спас маму. И меня.

– Он нас съест?

– Он мертв. И Аврора тоже, – сказал я Астизе, которая наконец поставила щит на землю. Она дрожала от усталости и нервного возбуждения.

Над нами стражники ломились в дверь, которую я запер на засов, затем послышались выстрелы. Я знал, что тяжелая дверь выдержит их напор, пока они не додумаются воспользоваться топорами или порохом.

Астиза закрыла глаза и еще сильнее прижала к себе Гора. Клянусь громом, мальчишке не занимать отваги! Да и смекалки тоже, и она проявилась как раз тогда, когда фортуна повернулась ко мне задом. Надо только присматривать за ним, чтобы он не копировал те стороны моего характера, которые я пытаюсь реформировать.

– Я слышала, как ее лицо ломается в его челюстях, – прошептала Астиза, дрожа. – Она была самой злой и порочной женщиной из всех, что я встречала. Итан, она была одержима старыми демонами. Демонами, которых, как я думала, давно уже изгнали в глубины земли. Но Ложа египетского обряда вернула суккуба к жизни, и он завладел ее душой и умом.

– Плохие животные, папа.

– Животным присуща ярость и дикость, с которыми не сравнится ни один человек, – сказал я. – Но, в отличие от людей, они убивают без греха.

Астиза обняла меня, и мгновение мы стояли, обнявшись, втроем.

– Итан, я не знала, вернешься ты или нет. Гор вернулся, но без тебя…

– Чтобы я бросил свою семью? – широко улыбнулся я. – Я теперь папа!

– Я не знала, куда ты целился, когда делал тот выстрел.

– И я не знаю, что делал бы, если б промахнулся мимо того ремешка.

– Если б Гор пострадал, я не хотела бы жить.

– Ему досталось с тех пор, как он познакомился со мной. Именно поэтому мне хотелось бы отплатить им всем побольше, прежде чем мы покинем это место. Астиза, здесь есть зеркало, большое, как парус, и они планируют использовать его против американского флота. Ты ничего не слышала о нем в гареме?

– Весь Триполи только о нем и говорит. Юсуф лопается от гордости. Мы наблюдали за его сборкой из окон гарема.

– Мы должны уничтожить его до отхода, иначе оно сожжет ту шхуну, что идет нам на помощь. Оно стреляет дальше любой пушки. Можно ли попасть в тот форт, в котором оно

установлено? – Я снял с ее шеи ненавистный ошейник и отбросил его в сторону.

– Нет. Между дворцом и фортом мириады улиц, сотни солдат и фанатиков Сомерсет. Прошу тебя, Итан, ради Гора, давай покинем это место! Сколько еще должен пережить этот ребенок?

– Мы не можем. Солнце почти уже встало, и они сожгут нас заживо. Нам придется пробиваться с боем. У меня внизу, в подземелье, друг, который присмотрит за тобой и Гарри, и еще один друг с бомбой для уничтожения зеркала. Роберт Фултон, конечно, эксцентричен, но он умнее самого Люцифера. Если мы сможем подобраться к нему достаточно близко, то разнесем его в клочья.

Она прикусила губу.

– Не знаю, сгодится ли для этого твоя бомба, но у меня есть другая идея. Именно поэтому я прихватила с собой этот щит. Если свет можно сфокусировать одним диском, почему бы не отразить его вторым? Может быть, мы сможем отразить луч.

– И что потом?

– Обратить луч против них. Ты понесешь щит, я понесу Гора. Давай найдем твоих друзей и угостим Ложу египетского обряда их же угощением.

Глава 38

Я боялся, что наша пальба и суматоха наверху спровоцируют волнение и в подземелье, но тюремные коридоры были пугающе безмолвны. Пьеру удалось освободить сотни мужчин, достаточно здоровые из которых взяли ключи и отправились освобождать остальных своих товарищей. Освобожденные заключенные быстро одолели стражников, не защищенных дверьми, которые мы заперли за собой. Теперь же сотни людей тихо сидели на корточках в этом улье боли и отчаяния, дрожа от нетерпения и ожидая верного момента, чтобы сломать главные ворота. Как объяснил им Пьер, этот момент настанет за мгновение до того, как мы попытаемся уничтожить смертоносное зеркало, а сами попытаемся покинуть порт. Мы все надеялись, что этот хаос поможет в побеге и тем, и другим.

Настоящих преступников обычно казнили или лишали рук и ног: следовательно, большинство этих мужчин были плененными христианами, ожидающими выкупа или аукциона. Мы не знали, что даем им: шанс на свободу или на бесполезный бунт. Мы знали лишь, что должны сделать все возможное, чтобы навредить Триполи. Некоторые из пленников были слишком слабы или измучены пытками, чтобы передвигаться, но и их, всклокоченных и слабо моргающих, сокамерники выносили в коридоры. Никого не оставляли позади. Искалеченные смотрели на нас с проблесками тусклой надежды, и одно их присутствие воодушевляло нас. Мы боролись с рабством единственным доступным нам способом.

– На самом нижнем уровне подземелья есть глубокая яма, в которой держали меня с учеными, – сказал я Пьеру. – Ты проверил, там нет пленников?

– Я вообще-то был занят освобождением всех этих людей, если ты не заметил.

– Я проверю. Я никого не брошу в той адской норе.

– У нас нет на это времени! – умоляла меня Астиза.

– Это все равно что быть погребенным заживо. Давай же, Пьер, закончим опустошение царства Аида!

– Осел, я даже не представлял, что это царство такое огромное.

– Вот что бывает, когда никто не осмеливается драться с дьяволом.

Я перезарядил свое оружие и передал бландербасс Пьеру. Астизе я отдал пистолет Пьера, наказав присматривать за Гарри. Мы же с Пьером отправились еще глубже в преисподнюю,

обнаружив еще несколько камер и отправив спасенные нами души карабкаться наверх, к свету.

– Ты не встречал Властелина Темниц? – спросил я.

– У меня с собой камень на тот случай, если я повстречаю твоего Голиафа. Но на определенном этапе те стражники, что еще были живы, пораскинули мозгами и ретировались. Думаю, даже твой тролль не жаждет встречи с сотней людей, которых он пытал.

Мы достигли небольшой пещеры на самом нижнем уровне тюрьмы и увидели ее зловонную пещеру, смрад которой чуть не вывернул меня наизнанку. Неужели я действительно выжил здесь? Я услышал лязг цепи, осторожно перегнулся через край ямы и заглянул внутрь. Конечно же, там царила полная темнота, и я увидел лишь один странный немигающий глаз, обращенный на меня.

– Кто здесь?

Тишина.

– Пьер, мне нужен факел.

Внезапно в яме внизу возникло резкое движение, приглушенное, но ожесточенное, и вдруг нечто рванулось вверх по одной из стен колодца. Я мельком увидел чешуйчатую кожу и челюсть огромной ящерицы, но затем натянутая цепь снова лязгнула, и монстр провалился обратно в темноту. Я отшатнулся. Это тот самый кошмар из корабельного трюма! Мы опять нашли дракона.

И тут мой компаньон вскричал:

– *Mon dieu!*[9] Действительно еще уродливее, чем ты!

– Ящерица?

– Твой тюремщик!

Я крутанулся на месте, и моему изумленному взору предстал Омар, заполонивший своим жирным телом весь дверной проем в пещеру, словно распухший бык, прижимающий к себе моего друга, обхвативший грудь и руки Пьера своей бревноподобной рукой. Француз уже начал синеть. В другом своем кулаке Омар держал длинную толстую цепь, которая казалась почти изящной в его огромной ручище.

– Я ждал тебя, – прогрохотал Повелитель Темниц. – Я проснулся, потому что прекратился плач. Я чувствую, как что-то изменилось в моей берлоге. – Он понюхал зловонный воздух своим сломанным звероподобным носом, словно свобода имела свой особый запах. – Вот я и подумал: может быть, тот, кого мне по глупости не отдали, сам вернулся ко мне, как они и обещали? Помнишь мой стол, красавчик?

– Но мы не беспомощны в этот раз, Омар, – сказал я и поднял

свою винтовку. – Отпусти моего спутника.

– Получай!

Он кинул Пьера в меня, словно куклу, и тот едва успел остановиться, зацепившись за что-то у самого края ямы, как внезапно Омар молниеносно, словно кобра, с невероятной скоростью для такого огромного человека, взмахнул своей цепью и ударил ею по стволу моей винтовки. Я выстрелил, но пуля лишь царапнула его плечо. Цепь обвилась вокруг винтовки, и в следующее мгновение он вырвал ее из моих рук, с размаху ударив о стену и сломав ее изящную оружейную шею. Моя драгоценная винтовка рухнула в пыль со свернутым набок прикладом, словно шея варварски убитого лебедя.

– Монстр! – не выдержал я.

Омар мерзко засмеялся и поднял сломанную винтовку.

– Ты промахнулся, коротышка!

– Коротышка? – вскричал Пьер в негодовании.

Омар бросил мою винтовку в яму, и я скривился, услышав ее лязг и бренчание. Я многие дни работал над этим оружием в Иерусалиме с Иерихо и Мириам; это оружие помогло мне пройти Акры и Египет; эта винтовка защищала нас во время неумолимой охоты на оджибве и дакоту на американской границе. И вот она издает прощальный всплеск на дне ямы, полной зловонной жижи…

– Будет вам чем поиграть с драконом, – ухмыльнулся он, повесил цепь себе на плечи и поднял упавший бландербасс Пьера. Мучитель был похож на уродливого титана с распухшими жилами, щелками ненависти и триумфа вместо глаз и ртом, превратившимся в тонкую гримасу безжалостности. Он сделал шаг к нам. – А вот из этого я могу пристрелить вас обоих.

Проклятая ящерица издала утробный звук, словно облизываясь перед ужином. Юсуф Караманли собрал поистине сатанинский зоопарк! Возбужденное животное принялось прыгать на стены ямы, царапая их когтями, не понимая своим примитивным мозгом, с чего бы это разбитой винтовке падать к нему вниз.

– Можете прыгнуть в яму и испытать свою удачу с драконом, – сказал Омар. – Или же я загоню вас туда своим выстрелом.

– Отпусти нас, Омар, – попытался было я, – или две сотни пленников жестоко отомстят тебе, если узнают, что ты сделал с нами.

– Откуда они узнают об этом? Вы оба будете в животе у ящерицы. К тому же христианские собаки побегут на выход в другом направлении. Да, Омар давно планировал это. Я не так

глуп, как многие думают. – Он нетерпеливо мотнул головой. – Прыгайте. – Он нежно потрогал цепь на своей шее. – Вообще-то я не люблю пистолеты, они убивают слишком быстро. Если вы не прыгнете, я загоню вас туда своей цепью.

– Итан, лишим этого ублюдка удовольствия, – сказал Пьер. Его внимательные глаза блестели. – Пусть стреляет.

– Это оружие убьет нас мгновенно.

– Вот именно. Милосердная смерть! – Пьер бросил взгляд на пол пещеры и поднял камень. – Так ты считаешь нас коротышками, гигант? – Он подбросил камень на ладони. – Так вот на что способны коротышки, Голиаф!

С этими словами он швырнул камень с поразительной точностью прямо в лоб Властелина Темниц. Омар даже непроизвольно сделал шаг назад, прищурив глаза от боли и неверия. За первым последовал еще один камень, и еще один, и еще.

– Скольких коротышек ты замучил за свою жизнь, людоед? – крикнул Пьер. Следующий камень ударил Омара по щеке, и я заметил белую искру отлетевшего осколка зуба. Снизу доносились остервенелые попытки ящерицы выбраться наружу и ее рычание.

– Скольким ты так и не дал шанса на честную драку?

Омар заревел и поднял свое тяжелое оружие. Прищурившись, он прицелился в Пьера, не обращая внимания на струйки крови, стекающие ему со лба на лицо.

Пьер схватил меня за руку.

– Отвернись!

Раздался жуткий грохот и вспышка, звук рвущегося металла, и бландербасс взорвался в руках у тюремщика. Его куски разлетелись по пещере, и Омар завизжал, держась руками за свое опаленное и окровавленное лицо, пошатываясь в шоке.

– Хватай его цепь!

Фрагменты взорвавшегося бландербасса попали и в нас, но мы серьезно не пострадали. Мы отчаянно схватились за конец цепи, лежащей на плечах Повелителя Темниц, накинули ее петлей ему на горло и рванули на себя. Он шатнулся вперед, ослепленный, окровавленный и рыдающий. Другой конец цепи, звеня, упал в яму.

Ящерица, рыча от ярости и нетерпения, снова кинулась на стену, схватила конец цепи зубами и завалилась на спину, утянув за собой Омара, который не удержался на краю ямы и рухнул головой вниз.

Раздался глухой стук и всплеск, когда Властелин Темниц всем своим огромным весом приземлился на дно колодца, и до

нас донеслись крики и вопли, которые он так любил извлекать из своих жертв. Изголодавшийся хищник набросился на него, Омар завыл, и мы лишь слышали, как два огромных тела борются и хрипят на дне ямы под аккомпанемент лязганья цепи.

– Лучше бы ему было погибнуть от взрыва бландербасса, – хладнокровно заметил француз, осторожно заглядывая в яму.

– Боже мой, ты что, знал, что бландербасс взорвется?

– Конечно, знал. У меня не было пращи Давида, но когда этот увалень схватил меня, я затолкал камень настолько далеко в дуло, насколько смог. Затем пошвырял в него камнями, дабы разозлить его достаточно сильно для того, чтобы он выстрелил.

– А мне не мог шепнуть об этом? Я только что постарел лет на десять!

– Ты плохо умеешь хранить секреты.

Я поднял факел, осторожно подобрался к краю колодца и снова заглянул внутрь. Омар лежал на спине, его невидящие глаза были широко раскрыты, лицо разорвано в клочья, а рот издавал слабые мяукающие звуки, в то время как дракон методично пожирал его торс. В руках он сжимал мою винтовку, которой надеялся отбиться от ящерицы, но лишь успел погнуть дуло в агонии.

– Я снова потерял свое любимое ружье.

– Не думай, что я полезу за ним для тебя, – хмыкнул Пьер.

Хвост ящерицы двигался из стороны в сторону, пока она жадно глотала куски плоти.

– Это животное может наесться до отвала еще до того, как настоящий монстр умрет, – заметил вояжер с жестокой беспристрастностью знатока дикой природы. – Сначала она съест самые мягкие и подверженные порче ткани, чтобы остальное мясо не пропало. Этот урод умрет от сепсиса лишь спустя несколько часов или дней, когда мерзкая жижа пропитает его раны. Я думаю, это заслуженный конец для такого палача.

– Тебе, похоже, не слишком-то понравился наш Властелин Темниц.

– Не стоило ему называть северянина коротышкой, – ответил Пьер, наблюдая за трапезой ящерицы. – У них тут в Африке водятся по-настоящему уродливые животные.

– Это животное родом из Ост-Индии. А наверху леопард сожрал собаку, кстати.

– У них, наверное, по жирафу в каждой смотровой вышке и бегемот в приемной. Твой зоолог, Кювье, много потерял, что не спустился на берег и не произвел перепись всей местной живности.

С нормальным дыханием ко мне начало возвращаться и

самообладание.

– Но, клянусь пращой Давида, где ты научился так кидать камни?

– Знаешь ли, камень в лесу может сэкономить порох и принести тебе ужин. Индейцы мастерски бросают камни. Я собирался и тебя научить, но ты так и не сподобился правильно работать веслами, а я не могу учить тебя всему одновременно. И все-таки, осел, твоя способность собирать вокруг себя самых отвратительных врагов просто удивительна.

– Знал бы ты, как я удивлен. Я вроде стараюсь дружить со всеми.

– Да, мы с тобой люди с хорошими намерениями, но что-то говорит мне, что в Триполи уже сотни и сотни людей мечтают прикончить нас. Если б только все были похожи на Пьера Рэдиссона!.. Ну что ж, пойдем. Нам еще многое предстоит уничтожить до нашего отбытия.

Глава 39

Уже почти наступило утро. Мы сообщили пленникам, что пришло время их побега, в надежде на то, что их массовый исход из подземелья отвлечет янычар, как только раздастся сигнал тревоги. Вновь освобожденные обрушили все свои силы на ворота, солдаты принялись кричать и стрелять в ответ, а Пьер увлек нас в боковой тоннель, в который отправился Фултон в надежде поближе подобраться к зеркалу. Мы последовали за ним, и Астиза подтвердила, что мы двигаемся в правильном направлении.

Маленький Гарри весьма разумно уснул от изнеможения у нее на руках.

Я чувствовал себя голым без моей винтовки и прочего оружия и нес лишь щит Астизы. На поверхности щита блестела чеканка в виде греческой Горгоны, чьей уродливой гримасы и змей-волос было достаточно, чтобы обратить в камень любого неприятеля. Герой Персей когда-то воспользовался зеркальным щитом, чтобы не смотреть напрямую на этого монстра, отрубил ей голову и подарил свой трофей Афине для использования на боевом снаряжении богини. Щит, навеянный этой историей, вполне мог быть изготовлен еще до века арабов и уходит своими корнями во времена Архимеда или даже ранее.

Мы вышли на поверхность на террасе, которая смотрела в сторону от городской бухты и восходящего солнца. Над нами возвышался угловатый дворец Юсуфа. Небо светилось приближающимся восходом, и последние оттенки розового быстро испарялись над горизонтом. Меж плоских крыш домов виднелся тот небольшой форт на каменистом холме, с которого открывался прямой вид во всех направлениях. На нем возвышалось зеркало, своей окружностью по четкости не уступающее любой планете на небосводе. Вокруг него торопливо сновали люди, снимая с него покрывала и расправляя напоминающие лепестки сегменты. Оно было отполировано до такого блеска, что и само напоминало маленькое солнце – бронзовый цветок, призванный собрать и отразить весь свет приближающегося утра.

– А вот и вы, мой необходимый противовес, – встретил нас Фултон, – как раз вовремя!

– Противовес?

– Докажите свою полезность.

Из досок и балок, использовавшихся при ремонте крыши, изобретатель соорудил высокую рамную опору, которую под

прямым углом пересекала балка длиной футов в двадцать. Посередине она была прикреплена ремнями к основе так, чтобы ее концы могли двигаться вверх и вниз наподобие детских качелей. Один ее конец смотрел в небо в направлении зеркала; у второго, лежащего на земле, копошился Фултон.

– Думаю, я просто обязан соорудить катапульту Архимеда, чтобы разрушить его же древнее зеркало, – сказал изобретатель. – Только вот настоящее устройство, основанное на принципах сопротивления скручиванию, которое знаменитый математик мог бы соорудить, чтобы бороться с римскими кораблями, потребовало бы гораздо больше времени, инструментов и мастеров, чем мы можем собрать на этом незащищенном балкончике.

Небо озарилось вспышкой, и на восточном горизонте показался край солнца. Даже слегка подсвеченное сбоку, зеркало начало светиться.

– Как видите, для того, чтобы добраться до того форта, где расположено зеркало, нам пришлось бы покинуть комплекс Юсуфа, проложить маршрут сквозь хитросплетение улиц и без того возбужденного города и каким-то образом вломиться в крепость, охраняемую сотней мужчин. Единственной возможной альтернативой я вижу запустить мою торпеду по воздуху так, чтобы она упала у основания зеркала. По счастью, во дворце за моей спиной, судя по всему, какой-то переполох, и стражники, присматривающие за этой террасой, исчезли. – Он вопрошающе приподнял бровь, глядя на меня. – Если точно рассчитать длину запала, бомба взорвется вскоре после падения, и если она упадет туда, куда надо, то повредит зеркало так, что его уже нельзя будет восстановить.

– Мы работаем с Итаном Гейджем, – напомнил Пьер. – Я бы не стал ждать точности исполнения наших планов.

– Согласен, он склонен к импровизации. Но это тоже хорошо. Я вижу, вы забрали свою женщину и ребенка, Гейдж, и, судя по звукам, разбудили половину Триполи. Я бы не удивился, если б вы и мертвецов подняли. Быть может, эта сумятица позволит нам выиграть время.

– Мы выпустили всех пленников из тюрьмы.

– Весьма похвально. Теперь к делу. Я построил небольшую версию простой средневековой машины войны, которую французы именовали требушетом. Я прикреплю бомбу к этому концу моей поворотной балки здесь, конец привяжу к полу террасы, а вес закреплю на противоположном конце балки. Когда я обрежу веревку, крепящую нижний конец, противовес резко опустится вниз, конец с ракетой взлетит, и наша мина с горящим

запалом полетит вон через те дома. Уничтожаем зеркало, бежим в порт и отправляемся домой. – Он пересчитал нас. – Я думал, что к этому времени хотя бы одного-двух из вас уже не будет – в моей субмарине очень тесно.

– Мой сын занимает не так уж много места.

– Если честно, в любом случае он попал бы в лодку до вас. Как и ваша красавица. – Фултон широко улыбнулся. – Но уж ладно, и Итана Гейджа как-нибудь втиснем. А теперь – солнце уже поднимается. Все готовы? Пока они нас еще не обнаружили.

– Готовы к чему?

– Может быть, вы заметили, что на противоположном конце требушета нет противовеса. Ничто под руку не подвернулось. Но затем я понял, что трое взрослых людей – это добрых пять сотен фунтов. А потому вам нужно вскарабкаться и закрепиться на самом конце моей импровизированной катапульты. Когда я обрежу веревку с этого конца, вы рухнете вниз, бомба взлетит вверх, и мой эксперимент будет завершен.

– Рухнем вниз?

– Считайте это забавой.

Солнечный свет хлынул на крыши Триполи.

– А что с Гором? – спросила Астиза.

– Я его подержу, – ответил Фултон. – Я знаю, как обращаться с детьми.

Она критически осмотрела всех нас, одного за другим.

– Ни при каких обстоятельствах. Никто из вас, мужчин, еще не обращался с ним хорошо. И только мальчишки могли соорудить такое глупое приспособление. *Вы* трое взбирайтесь наверх, а *я* обрежу веревку. Я уже оставляла своего сына с его отцом, и ему пришлось пережить такие злоключения, что будет чудом, если он вырастет не таким сумасшедшим и безнадежным, как Итан.

– Я не безнадежен. Просто склонен к импровизации.

– Я все равно тяжелее, – согласился Фултон. – Как ты и говорил, Гейдж, твоя жена умнее всех нас. Ну-ка, дайте мне отмерить длину фитиля.

Астиза посмотрела на меня испепеляющим взглядом.

– Ты что, называл меня своей женой перед своими друзьями?

Я сглотнул и широко улыбнулся.

– Может быть. – Неужели? Ничего подобного я не помнил.

– Не известив об этом меня?

– Точно так же, как и ты не удосужилась известить меня о том, что я стал отцом.

Она задумалась о нашем взаимном недопонимании с непроницаемым лицом. Моя улыбка становилась все более

нервной. Я беспокоился, что обидел ее, или, наоборот, что ей это понравилось. И то, и другое казалось мне весьма рискованным поворотом, если не катастрофическим. Женщинам проще, подумал я завистливо. В нашем мире им нужен защитник и кормилец. Вот мужчина и кормит, и защищает, меняя все разнообразие ласк и утех мира на лишь одну женщину, – и что же он получает взамен? Любовь, помощь, постоянство и целое, превосходящее сумму его компонентов: семью. Мужчина получает сына и жизнь, полную гордости, беспокойства и ответственности. Он получает ту половину себя, которой ему всегда не хватало.

Не так уж и плохо, скажу я вам.

Я сглотнул, боясь Астизу не меньше взвода янычар, и предпочел обернуться, чтобы взглянуть на зеркало Архимеда. Оно было ослепительным – прекрасное золотое солнце, способное вселить ужас в римских легионеров одним своим неземным свечением. Я вдруг осознал, что если лейтенант Стеретт возвращается за нами, как и планировалось, его шхуна уже должна быть видна на горизонте. На столь далеком расстоянии зеркало, должно быть, напоминает светящийся маяк. Осмелится ли он подойти ближе?

– А как мы зажжем фитиль? – спросил Пьер.

Изобретатель замер.

– Об этом я не подумал. – Он всмотрелся на восток. – У кого-нибудь есть стекло, чтобы сфокусировать лучи солнца?

– Ради Аполлона, на дворе уже девятнадцатый век! – не выдержал я. – Все равно мы в тени. Пьер, чиркни кремнем по пороховой полке своего пистолета; вспышки должно хватить для того, чтобы поджечь фитиль.

– Верно, – согласился Фултон. – Какой же вы все-таки современный человек, Итан… Итак, наверх, господа! Гейдж, вы из нас самый крупный, вам быть на самом конце. Да, да, придется обняться, нынче не время для жеманства. – Я, словно обезьяна, прижался к самому концу балки, Пьер, насколько мог, обвился вокруг меня, а Фултон с трудом вскарабкался на нас верхом, посматривая назад. – Астиза, поджигайте фитиль, а затем рубите моим кортиком веревку.

– Вы уверены, что ваш прицел верен?

– Я всю ночь провел в расчетах.

– Тогда я готова. – Она осторожно переложила сопящего Гарри себе на плечо и свободной рукой подняла пистолет Пьера.

– Поднесите пороховую полку пистолета к фитилю и дергайте за крючок, пока не упадет кремниевый молоточек.

Последовала вспышка, но никакого шипения горящего фитиля.

– Не загорелся.

– Попробуйте еще раз.

Солнце карабкалось все выше по небосводу. На форте мужчины начали кричать и показывать пальцами на наш цирк – шесть пар рук и ног на конце шеста, словно нанизанный на шпагу осьминог. Появлялось все больше и больше фигур в длинных накидках. Ложа египетского обряда! Интересно, как бы они отреагировали, если бы узнали, что их королева мертва, а ее тело разорвано на части?

Астиза подсыпала пороха на полку пистолета и снова нажала на спуск. Еще одна вспышка, и на этот раз фитиль загорелся. Горящий шнур был очень коротким, достаточным лишь для короткого полета по воздуху.

– Теперь перережьте веревку, держащую шест требушета! Быстрее, пока мы все не взлетели на воздух!

Астиза замахнулась и нанесла удар, но сабля отскочила, прорезав канат лишь наполовину.

– Пилите его! Здесь сотня фунтов пороха!

Она начала отчаянно пилить жилы веревки. Мы напряглись. У форта кричали все больше и больше мужчин; в небо вздымались струйки порохового дыма, и пули с глухим стуком начали вонзаться в штукатурку вокруг нас. Фитиль издавал громкое шипение и плевался снопами искр.

– Прошу вас! – вскричал Фултон. – Мы – идеальная мишень!

Наконец веревка поддалась, мы рухнули вниз, и противоположный конец балки рычага взмыл в небо, а за ним взмыла и бомба, оставляя за собой тонкий след дыма. Мужчины закричали с тревогой в голосе и бросились врассыпную от зеркала. Мина достигла высшей точки своего полета и по красивой параболе устремилась в цель.

И упала, не долетев и до парапета зеркала, приземлившись на уступе футах в пятнадцати ниже смертельного оружия.

Мы ждали.

Взрыва также не последовало. Мы лишь смотрели на беспомощно лежавшую на уступе бомбу.

– Черт! – прошипел Фултон. – Фитиль погас!

– *Mon dieu,* – стонал Пьер, поднимаясь на ноги. – И почему я вечно ввязываюсь в эти безнадежные ослиные схемы? Месье изобретатель, позвольте также указать вам на то, что вы полностью промахнулись мимо зеркала! Так какими же расчетами вы занимались целую ночь?

– Если б только балка была на два фута длиннее…

– Итан, винтовку! – воскликнула Астиза. – Может, мы сможем взорвать ее пулей?

– Моя винтовка уничтожена в подземелье. А пистолет Роберта на таком расстоянии не попадет и в небо, даже если б пуля каким-то чудом действительно могла подорвать заряд.

– Лучше нам отступить, – сказал Фултон. – Они дадут другим янычарам сигнал поймать нас здесь.

– Подождите, – сказала Астиза, – смотрите! Они поворачивают зеркало!

И действительно, закутанные в свои плащи приспешники Ложи египетского обряда вернулись к устройству и принялись поворачивать его по направлению к восходящему солнцу и к нам. Если раньше оно лишь светилось, то сейчас начинало гореть по-настоящему, а его бронзовые лепестки двигались и поворачивались при натяжении веревок, помогая сфокусировать всю мощь солнечных лучей. Они собирались направить смертельный луч Ахиллеса прямо на наш маленький отряд.

– Отступаем! – В конце концов, я уже вызволил свою семью.

– Нет, это наш шанс! – Астиза схватила саблю и принялась рубить ею канаты, скрепляющие балку и раму.

– Что вы делаете? – вскричал Фултон.

– Нам нужно прибить этот щит к балке и поймать щитом тепловой луч, когда они направят его на нас, – поспешно отвечала она. – Если мы сами будем держать щит, то сгорим, но можно использовать балку в качестве его рукояти. Древние записи Мемфиса и Дандары упоминают о подобной ответной мере.

– Вы хотите отразить их же луч на них?

– Да, пока они не разбегутся. А потом направим луч на вашу бомбу.

– Вот оно! – вскричал Пьер. – Чародей здесь красивая женщина, а не ты, осел!

– Ну, все-таки это я ее нашел, – ответил я и вдруг вспомнил, как сильно люблю ее.

Мы нашли железный гвоздь и, используя рукоятку пистолета Пьера в качестве молотка, пробили им щит, прикрепив его таким образом к балке. Затем, согнувшись, присели за парапетом, и я бросил взгляд в сторону наших противников. Канаты, передаточные механизмы и лебедки настраивали фокус зеркала, и я понял, что это было бы особенно необходимо для удара по движущейся мишени, такой как корабль. Ученые Ложи египетского обряда все-таки разгадали старый дизайн Архимеда, а может, даже и улучшили его.

– Встанем! Пускай целятся в нас! – сказала Астиза.

– Будем рисковать быть сожженными?

– Только так мы сможем сжечь их.

Вспышка. Ярчайший луч света, пульсируя, пронзил утренний воздух над крышами домов и ударил по нашей террасе. Нестерпимый жар был мгновенным и ужасным. Астиза, резко развернувшись вокруг своей оси, прикрыла собой Гарри, который тут же проснулся.

– Поднимайте же шест, используйте щит!

Хрипя, мы подняли наш импровизированный отражатель, перекрыв им траекторию смертоносного луча, и голова Горгоны загорелась адским светом. В мгновение ока возник новый источник свечения, и отраженный луч гигантским солнечным зайчиком устремился от нас вдаль. Мы с трудом орудовали тяжелым шестом, и, наконец, нам удалось повернуть его достаточно для того, чтобы скользнуть отраженным лучом по техникам Ложи египетского обряда у зеркала.

Раздались крики, два плаща моментально вспыхнули, и мужчины бросились в укрытие, оставив свои контрольные инструменты.

– Давайте, сейчас же, мина! – вскричал Фултон.

Осторожно поворачивая и наклоняя щит, мы отразили луч зеркала на торпеду, которую столь неудачно запустили. Спустя считаные секунды она снова задымилась, затем по ней пробежал огонек. Мы молились и ждали.

И, наконец, рев взрыва!

Мина со своими ста фунтами пороха взорвалась огромным столбом огня, дыма и камня, и стена немногим ниже зеркала разлетелась на миллионы кусков. Та платформа, которую поддерживала стена, накренилась и просела, зеркало потеряло свой фокус и резко потускнело, словно солнце затмила тень луны. Нескольких солдат и техников по противоположную сторону отшвырнуло взрывной волной, один из двух контрольных канатов лопнул.

Но на этом всё. Зеркало лишь накренилось, но не было уничтожено. Тысячи камней и камешков дождем осыпались на городские крыши, дым развеялся, и наш провал стал очевидным. В стене под зеркалом зияло черное отверстие, внутри форта мелькали языки небольших очагов пожара, но никакого серьезного ущерба смертоносному орудию мы так и не смогли нанести.

– Надо было захватить с собой вторую торпеду, – простонал Фултон.

– Нет, – сказал я, – этого достаточно, чтобы помешать им поджарить нас и «Энтерпрайз», пока мы отходим, но только если мы поторопимся. Смотрите, они бегут, чтобы наладить зеркало, и если они успеют, конец не только нам, но и Стеретту.

– Я лучше погибну в бою, чем отправлюсь в ту яму к ящерице, – пробормотал Пьер.

– Я лучше погибну, чем позволю забрать мою жену и сына в рабство, – поклялся я, внезапно осознав, что снова назвал Астизу своей женой. Клянусь глазной повязкой Одина, неужели я беру на себя серьезные обязательства? Итан Гейдж, авантюрист без корней и дома, неутомимый любитель женщин, который так часто думал лишь о себе?

– Итан? – спросила Астиза. Женщины предпочитают все знать наперед. В то же время что мы могли сказать друг другу, когда было столько несказанного, потому что у нас попросту не было времени еще ничего сказать?

И вдруг раздался поистине чудовищный взрыв, гигантский удар грома, который отбросил нас на добрых десять футов и отправил зеркало, Ложу египетского обряда и верхнюю половину форта Юсуфа в небо в ужасающем фонтане огня и дыма. Сверкающие куски и осколки древнего оружия разлетелись в стороны, словно огромный камень с размаху ударил в центр стеклянного зеркала, осколки которого разлетелись, мерцая, словно осколки угасающих звезд. Куски камня и человеческой плоти разлетелись во всех направлениях и дождем осыпались на Триполи, и бронзовые осколки градом громыхали по крышам. В ушах звенело от мощнейшей ударной волны.

Фултон, покачиваясь, поднялся на ноги и в изумлении уставился на дымящиеся остатки форта, где еще минуту назад стояло грозное зеркало.

– Они запаслись порохом и оружием, чтобы защищать зеркало любой ценой, – сказал он ошеломленно. – Устроенный нами пожар достиг арсенала, вот тот и взорвался. – Он посмотрел на наш щит, искривленный от ужасного жара. – Медуза превратила их в руины.

Глава 40

Отходили мы в обстановке полнейшего хаоса. Темницы опустели, ворота в подземелье были снесены с петель, а улицы города заполнились сбежавшими пленниками и рабами, устроившими отчаянный бунт в надежде покинуть Триполи, прежде чем янычары снова закуют их в кандалы. На том месте, где еще недавно возвышалось зеркало, поднимался огромный столб черного дыма и все еще раздавались раскаты взрывов все новых и новых бочек с порохом. Мы в своей арабской одежде бежали сквозь толпы смятенных, мечущихся людей, не привлекая к себе никакого внимания. На крыше дворца Караманли собралась целая толпа лучших его стрелков, и мне показалось, что я видел самого Юсуфа с непокрытой головой, яростно размахивающего руками и выкрикивающего приказы. Он не видел нас и, судя по всему, еще не знал о том, что я уношу в своем кармане.

Едва мы подбежали к воротам городского порта, раздался еще один взрыв, и на воздух взлетел один из стоявших у причала пиратских корсаров. Гейзер воды поднялся в небо у носа корабля, и он начал медленно тонуть на своих швартовых. Снасти и паруса стоявшего рядом с ним корабля загорелись, моряки врассыпную кинулись со своих судов в страхе и смятении, не понимая, откуда пришла атака. Им на смену пришла волна сбежавших заключенных, которые начали прыгать в небольшие фелуки в надежде спастись.

– Великолепно, – пробормотал Пьер, любуясь хаосом. – Осел, тебе снова это удалось.

Мы разглядели тень в воде и взявшиеся, словно из ниоткуда, круги на воде, где Кювье и Смит отплывали от корабля, который они только что потопили. На мгновение мне показалось, что они направляют «Наутилус» в открытое море, оставляя нас на берегу, но тень замедлилась, и на поверхности показалась маленькая башенка Фултона с оконцами. Подводники замерли, выглядывая из своих окон, и в следующее мгновение открылся люк, и из него показалось улыбающееся лицо Кювье. Он радостно помахал нам.

– Не привлекайте к себе внимание! – предупредил его я.

Но было уже поздно – раздался треск мушкетов, и пули принялись вздымать водяные фонтанчики вокруг субмарины. Кювье нырнул обратно в лодку, судно резко взяло на правый борт и направилось к нам. Как же мне не хватало моей винтовки, которая теперь принадлежала плотно поужинавшему дракону! Я чувствовал себя голым.

Гарри, чье настроение менялось с каждым нашим злоключением, с живым интересом рассматривал порт. Судя по всему, он уже привыкал к какофонии. Люди бежали не зная куда, дым клубами поднимался в небо, и пушечные ядра с громким всплеском падали в воду.

– Огонь, папа!

– Плохие дяди, – ответил я. – Ведь ты никогда не будешь играть с огнем, Гарри?

– С огнем можно играть? – Эта идея заинтриговала его.

– Конечно, нет! – вмешалась его мать.

– Огонь горячий. – Он подул на свои маленькие пальчики.

– Очень горячий, – сказал я, – и очень опасный.

– Неопасный! – возразил Гарри. Затем задумался. – Плохая большая собака.

– Большая собака сдохла.

– Хорошо.

– По всем признакам, ты умнее своего отца, – вмешался Пьер. – Должно быть, наследственность по материнской линии.

Тут к берегу с глухим металлическим стуком пристал «Наутилус». Астиза передала извивающегося Гарри Кювье; за ним последовали мы, четверо взрослых, заполнив маленькое суденышко настолько, что оно, казалось, вот-вот лопнет. В замкнутом помещении Гарри снова начал плакать (не могу его винить), а пальба со стороны дворца лишь усилилась. Пара мушкетных пуль отскочили от башенки.

– Придется погрузиться под воду, пока не выйдем из радиуса обстрела, – сказал Кювье. – Как далеко достает зеркало?

– Мы уничтожили его, – сказал Фултон. – Причем благодаря Астизе.

Похоже, он был впечатлен ею настолько же, насколько разочарован мной. К тому же он был весьма недурен собой, и его комплимент заставил меня почувствовать столь непривычный для меня укол ревности.

– Мои поздравления, мадам, – сказал Кювье. – И примите мои извинения за дискомфорт. Наш американский изобретатель, похоже, не знает, что такое удобства.

– Самое лучшее удобство – это поскорее убраться отсюда… – Она неуверенно осмотрела металлическую трубу, протекающую во всех возможных местах и пахнущую потными мужчинами, но храбро улыбнулась. – Я уверена, что это лишь первый из череды успешных экспериментов.

– Через несколько минут мы узнаем, не будет ли это его изобретение последним, – подмигнул Кювье.

– Я уже спроектировал новую лодку, рассчитанную на

двадцать мужчин!

– Давайте сначала покончим с этой.

Мы погрузились под воду, и мы с Пьером заняли место уставшего Смита у винта. Мы все еще слишком отчетливо слышали тревожные всплески пушечных ядер, падающих в воду неподалеку от нас. Гарнизон Триполи, похоже, стрелял по всему, что казалось ему хоть немного подозрительным.

– Вы не видели Стеретта и его «Энтерпрайз»? – спросил Кювье.

– Пока нет, – ответил я. – Сначала надо выбраться из рифов и подняться на поверхность.

У нас не имелось иного способа измерить пройденное расстояние, кроме как изучать компас и подсчитывать истекшие минуты, чем занимался Фултон. Столь большое количество человек в столь маленькой посудине плюс неустанные усилия по вращению пропеллера скоро превратили воздух в некое подобие воздушной жижи. Гор решил эту проблему для себя, снова заснув, и мы все смотрели на него с завистью.

– Роберт, как там насчет вашего сжатого воздуха?

– Я экономлю его на крайний случай.

– Семь человек в подводной банке, рассчитанной на троих, плюс бомбардировка пушечными ядрами – это ли не крайний случай?

– Думаю, мы уже покинули зону обстрела их орудий. – Звуки плюхающихся в воду ядер действительно прекратились. – Давайте поднимемся на разведку и откроем люк. Гейдж, я заменю вас у винта. Осмотритесь, когда башня поднимется на поверхность.

Мы с трудом поменялись местами, в то время как Кювье выкачал часть воды из плавучих баков. Темнота в нашей камере слегка рассеялась, когда мы приблизились к поверхности, и окошки в башенке засветились, стоило нам показаться на поверхности воды.

Я посмотрел назад сквозь толстое стекло. Над Триполи висела завеса дыма, несколько шебек и фелук горели. Причал и крепостные стены бурлили людьми, но беспорядочная стрельба прекратилась. Либо мы были уже слишком далеко, либо они потеряли из виду нашу подводную тень. Субмарина Фултона все-таки имела будущее.

Итак, где же «Энтерпрайз»? Я обернулся, чтобы посмотреть в открытое море, и чуть не закричал от неожиданности. На полном ходу, под раздутыми, словно беременное пузо, парусами, на нас шел берберский корабль, разрезая волны носом, а на бушприте пританцовывал Хамиду Драгут с окровавленным лицом, судорожно показывая рукой в нашу сторону.

Он показывал прямо на меня! Он собирался раздавить наше суденышко своим кораблем.

На нос корабля выкатили пушку, чтобы угостить нас пушечным ядром, а матросы вскинули мушкеты.

– Вниз, вниз, вниз! – закричал я что есть сил. – Это Драгут, идет прямо на нас и собирается раздавить нас!

Фултон и Кювье схватились за рычаги, шестеренки бешено завертелись, и наши баки начали наполняться. На окнах побежала вверх полоска воды, но теперь свет в окнах был нашей агонией, указывая на то, что мы опускаемся недостаточно быстро. Тень быстро надвигалась на нас, берберский корабль навис над нами, словно черная грозовая туча, и мы услышали свист и шипение, с которыми он пронесся над нами. Затем раздался скрежет, когда он по касательной задел килем нашу башню, толкнув нас в глубину, и мы продолжили спускаться вниз, все ускоряясь в чернеющей темноте, пока с тупым стуком и ударом не опустились на дно залива на глубине сорока футов.

Гарри проснулся.

– Где мы, мама?

– В безопасности, – ее голос дрожал.

Из одного из болтовых отверстий раздалось шипение тонкой струйки воды.

– Мокро!

– Да, – ответила она спокойно, с расширенными от неизвестности и ужаса глазами, – мокро.

– Мы можем пересидеть Хамиду? – спросил Кювье, поглядывая наверх.

– Он будет дрейфовать над нами, поджидая нас, – сказал я.

– У нас кончается воздух, – предупредил Смит.

– Но у меня все еще есть мой запасной контейнер, – сказал Фултон. – Я же говорил вам, что нужно дождаться настоящего крайнего случая. Это даст нам не менее часа. – Он аккуратно ослабил крышку контейнера, и в нашей трубе, помимо звука протечек, возникло новое шипение. Фултон несколько раз качнул насос, чтобы вода не слишком быстро поступала в корпус нашей субмарины, затем зажег еще одну свечу. – Нам не помешало бы расслабиться.

– Наше рандеву должно было состояться на рассвете, – сказал я. – Стеретт увидит дым и поймет, что мы что-то натворили, но как долго он осмелится ждать?

– Давайте наляжем на винт и выйдем, наконец, из этой бухты. Гейдж, сколько нам еще осталось?

– У меня не было времени, чтобы оценить протяженность рифа.

– Значит, придется идти вслепую.

Мы занялись насосом и спустя пару минут поднялись со дна. Затем мы услышали громкий всплеск на поверхности, несколько секунд тишины, и металлический лязг.

– Драгут, что, встает на якорь?

– Может, он бросает на нас пушечные ядра?

И тут раздался глухой взрыв, и «Наутилус» рванулся вперед, словно его хорошенько пнули под зад. Нас всех по инерции бросило вперед, свечи погасли, и вода шумным потоком начала поступать в корпус через уплотнитель вокруг винтового вала; холодный душ моментально намочил всех нас. Гарри начал всхлипывать и карабкаться на грудь к своей матери.

– Пираты подожгли фитиль и сбросили на дно бочонок с порохом, – догадался Фултон. – Всем к насосам! Нам нужно подняться на поверхность, пока мы не потонули!

– Не нужно было мне изменять своим любимым каноэ, – пробормотал Пьер. – Нас что, бог сделал рыбами, чтобы лезть под воду? Нет, он говорил: «Адам, будь там, где можешь дышать»!

– Жорж и Уильям, у нас все еще осталась та последняя мина? – спросил Фултон.

– Да, но она не настроена.

– Мы можем провернуть винт? – спросил я.

– Он погнут, но немного проворачивается, – отчитался изобретатель.

Вода уже была нам по щиколотки.

– Кажется, дальше нам придется путешествовать вплавь, – сказал Фултон и с сокрушением осмотрел свой маленький цилиндр. – Я не думаю, что «Наутилус» доплывет до «Энтерпрайза».

– Пираты попросту пристрелят нас, стоит нам только покинуть эту лодку, – сказал Смит. – Или же выудят, чтобы отправить в тюрьму.

– Нет, если мы уничтожим их первыми, – сказал я. – У нас на носу мина, пусть даже и не совсем готова к использованию. Как ее взорвать?

– Обычный план – это прикрутить заряд к деревянному днищу корабля, отойти назад с длинным фалом и детонировать торпеду, потянув за него.

– А что, если просто подплыть максимально близко и взорвать ее?

– Тогда потонут оба корабля – и все, кто будет в них.

– Тогда именно это я и сделаю – после того, как вы, мои спутники, покинете «Наутилус» и отплывете на безопасное расстояние. Меня утомил этот сукин сын Драгут.

– Итан, – вскричала Астиза, – ты не можешь убить себя, только не сейчас!

– Весьма верно, – вставил Смит. – Коллега, вы теперь отец!

– Да, и у меня есть сын, которого я ни за что не отправлю обратно в рабство. Подумайте, ведь это я втянул вас в этот бардак. Ничего этого не произошло бы, если б я не связался снова с Ложей египетского обряда, Авророй Сомерсет и Наполеоном Бонапартом. Я стал вашим гидом по царству Аида лишь потому, что вам не повезло связаться со мной. Теперь я хотел бы выиграть для вас немного времени.

– Посредством самоубийства? – запротестовал англичанин.

– Роберт, – спросил я Фултона, – если б я привязал веревку к спусковому шнуру мины и пропустил бы ее сквозь люк, смог бы я взорвать ее отсюда, где меня от бомбы отделяет металлический корпус вашей субмарины?

– Да, но нос «Наутилуса» сплющит, как оловянную табакерку и моя ныряющая лодка камнем отправится ко дну.

– Может быть, мне удастся задержать дыхание на достаточное время для того, чтобы выплыть наружу.

– Итан, нет! – умоляла меня Астиза. – Гору нужен отец!

– Для начала ему надо выжить, а для этого мы должны потопить корабль Драгута. Поделом мне за то, что я не прикончил этого пирата еще тогда, в гареме. Каждый раз, когда не убиваю кого-то, потом об этом жалею… Теперь, – я обращался к остальным, как лейтенант, инструктирующий передовой отряд, – когда мы поднимемся на поверхность, вам нужно отплыть, прежде чем пираты смогут увидеть нас и начнут стрелять. Плывите в разные стороны. Ныряйте по мере возможности, так им будет сложнее прицелиться. Я же подведу субмарину под их корпус, взорву мину и уплыву после взрыва. Двигайтесь к рифам; может быть, вам удастся встать на мелководье и подать Стеретту сигнал о помощи.

– Никаких шансов у нас нет, – отрезал Кювье.

– В этом весь наш осел, – сказал Пьер. – Месье лунатик, вы забыли об одной маленькой вещи. Как ты собираешься вести субмарину и заряжать бомбу? Я, Пьер Рэдиссон, могу крутить винт сильнее, я плаваю лучше и прыгаю выше любого другого мужчины, а потому я помогу тебе в твоей безумной затее. В конце концов, это у меня есть привычка помогать тебе в самых идиотских твоих приключениях.

Я поклонился.

– Считаю это комплиментом, о, великий путешественник!

– Становится светлее! – предупредил нас Фултон. – Мы приближаемся к поверхности!

– Сначала Астиза и Гарри! Затем ученые, во имя знаний этого мира. Кто знает, может быть, ваши труды кто-нибудь когда-нибудь и прочтет…

Быть может, это было не столь логично, но, по крайней мере, честно. Если б мне пришлось выбирать между геологом и заядлым игроком или между зоологом и браконьером, выбор был бы весьма очевидным. Я не думал, что им действительно удастся далеко уйти, но к тому времени я буду уже мертв и мне не придется об этом беспокоиться.

– Итан, только не тогда, когда мы, наконец, снова вместе, – стенала Астиза.

– Я догоню вас, – ответил я без тени уверенности в голосе.

– А я не люблю плавать, – проворчал Смит.

– Вы только подумайте об альтернативе.

– Поверхность! – Фултон распахнул люк, выпрыгнул на палубу и наклонился вниз, чтобы поднять Гарри, который не произнес ни звука среди окружавшего его волнения взрослых. Астиза выбралась наверх, схватила моего мальчика и прыгнула в воду, плывя на боку, как только могла.

– Плывите, плывите! Так и у меня будет шанс! – крикнул я остальным. – Помогите Астизе!

Кювье и Смит тоже выбрались наружу; англичанин заметно дрожал.

– Я помогу вам, Уильям, – ободряюще сказал ему Кювье и потянул его за руку.

Они исчезли в темноте, и Пьер принялся крутить полузастрявший механизм винта.

– Тяжело, осел, но мы стали значительно легче и маневреннее!

Фултон снова запрыгнул в свое творение:

– Я помогу.

– Нет! Если погибнете вы, то с вами погибнет и этот замечательный секрет!

– Я не покину свой корабль. Давайте же, Гейдж, привязывайте свой спусковой шнур! Мы – американцы, и мы на войне с Юсуфом Караманли!

У изобретателя, несомненно, был крепкий характер, и я тоже не мог ударить в грязь лицом на его фоне. Я поднялся на палубу и прошептал:

– Возьми резко вправо, так мы окажемся прямо под кормой. Они остановились, чтобы поохотиться на нас, и просто дрейфуют. Назад никто не смотрит.

Наша лодка медленно, нехотя повернула и начала набирать скорость, а я отвязал один из канатов паруса и простым узлом

привязал его к концу спускового шнура нашей последней мины. Взрывчатка хранилась в корзине на носу. Мы медленно подобрались к кораблю Драгута, поверхность которого блестела в лучах утреннего солнца, словно покрытая лаком. Я прочел название корабля, на котором мы бежали из Венеции, – «Миконос». Вокруг воцарилась тишина, нашу палубу мягко омывали волны.

Но пираты заметили наши очертания над водой и принялись кричать. Мужчины побежали на корму, раздался мушкетный залп, и до нас донеслось громыхание пушечных колес – судя по всему, они решили снять одно из орудий и опустить дуло для того, чтобы ударить по нас прямой наводкой. Пуля со свистом отскочила от люка.

– Прямо, прямо! – крикнул я. – Крути винт, крути!

Теперь фальконет был направлен в мою сторону, и я спешно отступил назад и упал в люк. Воды в субмарине было уже по колено. Сверху раздался грохот фальконета, и град шрапнели обрушился на корпус субмарины, а одна из пуль даже попала внутрь и срикошетила о стенки.

– Вот же *merde*! Осел, закрой люк!

– Но тогда я не смогу потянуть за веревку! Более того, нам же понадобится выход!

– Скорее всего, нас всех разнесет на куски, – флегматично заметил Фултон, – но если каким-то чудом мы уцелеем, носа все равно не останется, а потому и люк нам не понадобится. Но действительно, не пережмите спусковой шнур, Итан.

Он казался спокойным и отстраненным, словно имел дело со стопкой чертежей.

Я взглянул наверх. Наш люк находился под нависающей над нами кормой шебеки. Всплеск и глухие звуки ударов сопровождали каждый сброшенный на нас предмет, которыми пираты судорожно пытались нас потопить. Затем раздался более мягкий удар, свидетельствующий о том, что мы пристали носом к килю и днищу корабля. Я слышал взволнованные крики пиратов, разговаривающих по-арабски.

Я мысленно попрощался со своей маленькой семьей, дернул веревку и напряг все свои мышцы в ожидании удара.

Рев и сильнейшая взрывная волна отправили нас троих в полет в направлении кормы субмарины. Блеснула вспышка, и нос нашего суденышка треснул и отлетел полностью; внутрь ворвалась стена прохладной морской воды, словно из прорванной плотины, еще сильнее приперев нас к корме, закрыв собой всяческий свет и вытеснив последние остатки воздуха. В следующее мгновение мы снова неслись вниз. Уши сжимало от

растущего давления, и мы стремительно приближались ко дну бухты.

Кормой «Наутилус» на полном ходу врезался в песчаное дно, носа не было вовсе. Именно этот удар и рывок помогли мне осознать, что я все еще жив, что я чувствую и что именно благодаря этому я со своими компаньонами все еще могу спастись.

Что-то проплыло мимо меня, и я схватил это нечто. Фултоновская канистра с воздухом! Она была легче, чем вода, и стремилась вверх, испуская тысячи маленьких пузырьков. Я схватил кого-то за арабские одежды, оттолкнулся ногами от останков нашей славной субмарины и, стараясь не выпустить из рук канистру со сжатым воздухом, ринулся наверх, к серебристой поверхности над нами. Мы взлетели вверх и вырвались на поверхность, сопя и откашливаясь, словно тюлени.

Как оказалось, я схватил Пьера, а он, в свою очередь, потащил за собой Фултона. Оба были в полубессознательном состоянии, кашляли и плевались, но выглядели вполне сносно с учетом обстоятельств, и мы безвольно дрейфовали по поверхности в компании спасительной воздушной канистры.

Я судорожно осмотрелся. Шебеки Драгута нигде не было видно. Вокруг нас плавали доски и щепки, искореженные тела пиратов и остатки мачт с обрывками парусов.

Должно быть, нам удалось подорвать пороховой заряд корабля.

Я отпустил канистру и поплыл к плавающей неподалеку балке, напоминающей рангоут, увлекая за собой Пьера и Фултона. Балка оказалась бушпритом «Миконоса», и на противоположном его конце мы заметили еще одного человека, отчаянно схватившегося за нее, – выжившего пирата с видом столь же ошарашенным и обескураженным, что и у нас. Мы мерно покачивались на волнах, моргая, и я затуманенным взглядом впился в злодея, с которым мы делили спасительный кусок древесины.

Это был Драгут, с лицом посиневшим и окровавленным в том месте, где я познакомил его с прикладом моей винтовки. Половины одежды на нем не было – судя по всему, ее сорвало взрывом, который скинул его с носа корабля; его руки и плечи покрывали ожоги и раны от осколков и щепок. Он ответил мне недобрым взглядом, просчитывая в уме свои шансы.

Я тяжело вздохнул. Неужели мне снова придется с ним драться? Сил у меня осталось не больше, чем у ощипанного цыпленка, я был без оружия, и все, о чем мог думать мой усталый мозг, это о том, как найти мою жену (да, да, я снова подумал о

ней как о своей жене) и ребенка.

Но вместо того, чтобы атаковать, он устало отсалютовал мне.

– Все-таки ты победил, американец. Взорвал мой корабль… – Он покачал головой. – Что за дьявольское судно вы придумали, христиане? Я никак не мог понять, что такого нашла в тебе Аврора Сомерсет, но теперь я немного лучше понимаю ее. Ты действительно колдун.

– Говорил же я тебе, не воюй против Соединенных Штатов, – сказал я в поисках чего-нибудь потяжелее, чтобы дать ему по голове.

– Вот, – он бросил мне что-то, и я поймал этот предмет – им оказался один из дуэльных пистолетов Кювье. Взрывной волной Драгута снесло с корабля, но его пояс с заткнутыми за ним пистолетами удержался на нем, и он вытащил второй пистолет. Мы направили пистолеты друг на друга с разных концов бушприта.

Молоточки с глухим стуком упали на мокрый порох, доказав бесполезность пистолетов, и он устало улыбнулся мне.

– Ты еще не победил нас, – он бросил свой пистолет в Средиземное море, и я последовал его примеру. Теперь все оружие, приобретенное нами в Венеции, было утрачено. – Я отомщу за свой корабль. Но, похоже, не сегодня. – Он указал рукой за мою спину. – Ваш флот ближе, чем мои трусливые товарищи.

Я обернулся и, к своей радости и удивлению, увидел «Энтерпрайз», покачивающийся на волнах у кромки рифов и обстреливающий бухту из своих легких орудий. Флаг бодро реял в порывах утреннего бриза. От фелуки, отправившейся в море, чтобы присоединиться к сражению, в небо поднялся сноп щепок, и она повернула назад, как и другие суда.

– Поверните и деритесь, кретины! – крикнул Драгут своим кораблям. Но они не слышали его, да и не послушались бы.

– Хотя бы на одно утро, но, похоже, вы все-таки получили американскую блокаду, – сказал я с удовлетворением.

Драгут покачал головой.

– Прощайте, Итан Гейдж. Не думаю, что когда-нибудь еще предложу вам прокатиться на одном из моих кораблей. – На этом он отпустил бушприт и медленно поплыл к берегу, единственный оставшийся в живых член команды своего корабля.

Я был не против отпустить его. Может, он и был инструментом в руках Авроры, но он не Аврора.

– Что ж, Роберт, похоже, вы потопили свою субмарину, как и предсказывал Пьер, – сказал я.

– Нужно было предупредить вас с самого начала, – объяснил

француз Фултону. – Итан Гейдж – это ходячая катастрофа. Мне приходилось следить за этим ослом, чтобы он ногой не проткнул мое березовое каноэ. Или не бросал сырую древесину в костер, не портил драгоценные меховые шкурки и не отравился лесными ягодами.

– Могу себе представить, – ответил изобретатель.

– Но иногда ему действительно удается колдовство. Как в этот раз.

– «Наутилус» сработал, Итан, – заметил Фултон с усталостью и гордостью в голосе. – Я могу вернуться в Париж и доложить Бонапарту об успехе. Мы потопили два корабля.

– Нет, не сможете. Наполеон не позволит вам втянуть Францию в историю с нападением на Триполи и поставить под угрозу безопасное прохождение ее судов. У него хватает своих проблем. К тому же субмарины больше нет. У вас нет никаких доказательств.

– Но у меня есть свидетель – вы!

– Я, конечно, расскажу обо всем, что видел, но каковы шансы на то, что он поверит мне, Итану Гейджу?

Изобретатель выглядел удрученным.

– Давайте же догоним остальных и поплывем к «Энтерпрайзу». Они спускают лодки на воду.

Мы медленно поплыли к нашим спасителям, и Фултон немного просветлел, снова продемонстрировав упрямую целеустремленность всех успешных изобретателей.

– Но моя идея лодки на паровом ходу понравится ему еще больше, – сказал он, работая ногами. – Я уверен, что ее следующая демонстрация заслужит его расположение. А в один прекрасный день в мире будут целые флоты, состоящие из субмарин.

– Роберт, никогда не забрасывайте свои панорамные мечты. Людям нравится мечтать обо всем, кроме того, что их окружает.

Глава 41

Пиратам на этот день приключений, похоже, хватило, и они не пытались преследовать нас; да и нашей огневой мощи было явно недостаточно для того, чтобы тягаться с батареями Триполи. Стеретт взял курс на Мальту и располагавшуюся там американскую эскадру. Оттуда мои компаньоны собирались сесть на суда, отправляющиеся в нужных им направлениях.

Фултон отнесся к моему уничтожению «Наутилуса» гораздо легче, чем я ожидал; он уже был полон надежд на то, что этот первый эксперимент позволит ему построить вторую лодку, и немедленно сел за чертежи.

– Представьте себе дюжину мужчин у винта или даже паровой двигатель, работающий под водой! Представьте себе жизнь под водой!

– Разве там не было темно и мокро?

– Представьте себе путешествия по подводным каньонам, представьте, как вы плаваете рядом с гигантскими рыбами!

Я лишь устало улыбался.

– Роберт, неужели вы думаете, что кто-нибудь поверит тому, что лишь пятеро мужчин (двое из которых – американцы) успешно атаковали Триполи?

– Конечно, поверят! Я им расскажу! Мы можем показать, мы можем… – Он осмотрел нас так, словно доказательство его подвига было под рукой.

– Ни вам оружия, ни сокровища, ни пленника, – охладил я его пыл. – Не забывайте о том, что таким людям, как Бонапарт, приходится выслушивать множество басен от людей, ищущих их снисхождения, а потому они учатся быть скептиками.

– Но ведь вы же меня поддержите, Гейдж! Мы станем партнерами и будем получать огромные премии за каждый потопленный военный корабль!

– Роберт, наши страны находятся в редком состоянии мира. Взгляните на англичанина Смита и француза Кювье – они ведут себя как старые приятели, болтая о своих камнях и костях. С чего бы это Наполеону снова идти войной на Британию?

– Тогда как насчет моей паровой лодки? Итан, вы можете быть убедительны и должны помочь мне хотя бы в этом!

– Я сказал мадам Маргарите в Париже, что напишу книгу.

– Тогда напишите книгу о наших приключениях!

– Может быть, и напишу. И постараюсь по большей части рассказать всю правду.

Я навестил Кювье.

– Жорж, а какие планы у вас?

– Вымершие животные. И больше никаких живых пиратов. Приключения в Средиземном море удались на славу, соглашусь, но с меня достаточно отпуска – пора возвращаться к безмолвным костям. Я ведь еще и ученый и должен заниматься реформами системы образования. А ведь еще есть столько интересных идей о происхождении жизни! Итан, на Тире мы нашли само время, глубины и глубины времени. А эти прекрасные залы внизу в конце того тоннеля? Это и есть Атлантида или же ее ответвление? Кто первым изобрел зеркало? Быть может, эту идею завещали потомкам таинственные предки, как ваш Тот и Тор? Мне нужно проштудировать сотни древних записей. Итан, вы подарили мне хобби на следующие несколько лет.

– Очень рад. А что насчет вас, Уильям?

– Я думаю, что тоже достаточно насмотрелся на мир людей, а потому возвращаюсь в Англию, чтобы продолжить составление геологических карт. Камни не стреляют. Кстати, эта работа может помочь другим людям в их размышлениях о тайнах Земли. Ученые светила всегда игнорировали меня, Итан, но это небольшое приключение наделило меня уверенностью и стойкостью. Уж если Итан Гейдж может, несмотря ни на что, одержать верх, то я точно смогу!

– Уильям, не позволяйте снобам лишать вас решимости. Они знают, что вы умнее их, и боятся вас.

– Я их завоюю! – поклялся он. – Я составлю карту всей Земли, и им придется пригласить меня в свое чертово общество!

Пьер сказал, что скучает по Канаде.

– В Африке слишком мало деревьев, а во Франции слишком много людей. Я решил, что хочу попутешествовать по Северной стране, пока еще не совсем состарился, Итан. Хочу пройти весь путь до Тихого океана на каноэ.

– Есть у меня один знакомый по имени Кларк, так у него была такая же идея. Он, кстати, друг Льюиса, секретаря, которого Джефферсон хотел бы отправить в том же направлении.

– Ну что ж, может быть, с ними я и отправлюсь.

А что же я? Мне все еще нужно было убедить Наполеона продать Луизиану. Помимо этого, у меня имелось еще одно маленькое дело – женщина, которую я люблю, мальчишка, которого я хотел вырастить, и жизнь, которую я пока не решил, как прожить. А потому я разыскал на корабле свою любимую, и мы уселись с ней на носу «Энтерпрайза» у орудий, наблюдая за пляшущими волнами, ведущими нас на Мальту.

– Ты в курсе, что меня практически заставили жениться на Авроре Сомерсет на пиратском корабле? – спросил я Астизу.

– Почти?

– Церемонию нашего бракосочетания прервали ядра из пушек Стеретта. Но это ничего не значит, так как сейчас я все равно был бы уже вдовцом. Аврора мертва, ты жива, и в моей жизни из ниоткуда появился еще и маленький Гарри. Просто удивительно, как поворачивается жизнь.

– Его зовут Гор. И он появился не из ниоткуда.

– Ну, это ведь мы его создали, не так ли? – С моей стороны было несколько самонадеянно считать, что мы в равной доле участвовали в этом процессе, но, клянусь душой Патрика Генри, я не мог сдержать гордости. Если честно, мне нравилось быть отцом столь храброго сорванца. Он, наверное, самое умное из всего, что я сделал за свою жизнь. – Астиза, я думаю, что хотел бы осесть и остепениться. Я хочу найти место, где ничто и никогда не происходит, и жить там с тобой.

– Ничто не происходит? И насколько тебя хватит, Итан?

– Ты можешь учить Гарри премудростям о звездах и богинях, а я закажу себе новую винтовку и научу его стрелять. Будем жить на острове, и пусть весь мир делает что хочет, а мы будем просто наблюдать за течением времени со своего собственного пляжа. Неужели не заманчиво? Я сделаю для нас гамаки, запишу всю эту историю для Гарри и никогда больше не буду путаться с Наполеоном. Ты останешься со мной?

Я заслужил легкую мимолетную улыбку.

– Похоже, именно это уготовила для нас судьба. Будем жить долго и счастливо и умрем в один день. – В ее голосе звучал скепсис, но, опять же, так звучали все женщины, когда я рассказывал им о своих планах.

– Да! – Я поцеловал ее, впервые за три года, и с облегчением понял, что мы еще не разучились целоваться. Затем откинулся назад, наслаждаясь бризом и теплым солнцем, танцующим по поверхности Средиземного моря. – Кто бы мог подумать, я – и джентльмен, фермер! Конечно, я ничего не смыслю в сельском хозяйстве. Да и в грязи я копаться тоже не люблю. Значит, буду философом. Или, быть может, мы прознаем что-нибудь о сокровище, добыть которое будет не столь сложно и опасно… К тому же я признаю, что моему сыну хорошенько досталось с момента знакомства со мной, а потому мне нужно научиться с ним играть. А еще мне нужно научиться, как его учить. Я должен поделиться с ним накопленной за многие годы мудростью.

– Мне его уже жаль. А на что мы собираемся жить, пока ты реализуешь все эти свои мечты?

– Ах да, чуть не забыл. Пока ты весьма мудро снимала щит со стены тронного зала Юсуфа, я прихватил нечто более

легкомысленное, запертое в клетке с леопардом. – Я засунул руку в карман и извлек свою добычу – изумруд из тюрбана Караманли. – Этого хватит для начала. И хватит, чтобы в один прекрасный день отправить нашего ребенка в лучшую школу.

– Итан! Неужели ты наконец-то что-то сохранил?

– Теперь у меня есть семья, для которой стоит стараться.

– Кстати, а где Гор?

– Он же… Я думал, он с тобой. Разве он не сидел только что у тебя на руках?

– А я думала, что он отправился искать тебя!

Мы в оцепенении смотрели друг на друга. Оружие, взрывы, хищные животные, отчаянные битвы и тонущие субмарины… Мы ужасные родители!

А теперь мы умудрились потерять ребенка на восьмидесятифутовом корабле.

– Гарри?

Мы начали поиски на палубе, быстро теряя терпение и самообладание. А что, если мальчонка упал за борт? Мы вырвались из Триполи, использовали новейшие достижения военной науки – и потеряли собственного ребенка на шхуне нашего же флота? «Без здравого смысла нет смысла», – говаривал старый Бен, всегда при этом пристально глядя на меня.

Вдруг что-то пришло мне на ум. Я взял свою любимую под руку и прошептал:

– Кстати, пока не забыл, напомни мне попросить Стеретта сочетать нас браком. В конце концов, он капитан этого судна. Если ты согласна, конечно.

Мое сердце грозило вырваться из груди. Франклин всегда советовал держать глаза открытыми до брака и полуприкрытыми после.

– Конечно, я выйду за тебя замуж! Куда я теперь без тебя? Но где же Гор? – Астиза паниковала, как только может волноваться мать.

– Я знаю, где он. Он там, где я сказал ему быть. Пойдем вниз.

Действительно, я обнаружил его на нижней палубе мирно посапывающим среди парусов. Гарри был похож на спящего ангела, но стоило нам всмотреться в его лицо, как он сел, сонно заморгал и посмотрел на меня.

– Кушать, папа.

Мой сын отправился спать в то самое место, где я обещал ему покой и безопасность.

Историческая справка

Конфликт между Америкой и берберскими государствами продолжался с 1784 года, когда эта новая нация завоевала свою независимость от Великобритании и потеряла защиту британского военно-морского флота, и до 1815 года, когда Соединенные Штаты отправили свой флот в Алжир. Британский флот организовал еще одну карательную операцию в 1816 году, а французы завоевали Алжир в 1830 году, начав колонизацию Северной Африки, которая раз и навсегда положила конец берберскому пиратству.

Американская война на территориях, в настоящее время принадлежащих Ливии, увековеченная в гимне корпуса морской пехоты в строчке «…к берегам Триполи…», продолжалась с 1801 по 1805 год с переменным успехом для обеих сторон. Война закончилась захватом триполитанского города Дерны войсками повстанцев, помощь которым оказывала американская морская пехота. Паша Юсуф Караманли согласился освободить американских пленников в обмен на выкуп в размере 60 000 долларов, что стало неоднозначной «победой», которая тем не менее ознаменовала «совершеннолетие» американского военно-морского флота.

Так что же говорит история об отчаянном и революционном подводном рейде американского путешественника и любителя приключений Итана Гейджа и трех знаменитых ученых на Триполи? Этот эпизод отсутствует в традиционных учебниках истории.

Известно, что Жорж Кювье был одним из самых известных зоологов и палеонтологов своего времени. Уильям Смит слыл отцом английской геологии, но признание пришло к нему лишь в конце жизни. Роберт Фултон являлся неутомимым изобретателем, который пытался продавать свои изобретения как французскому, так и британскому флоту, а впоследствии вернулся домой и разработал первый коммерческий пароход, «Клермонт», спущенный на воду на реке Гудзон в 1807 году. Его изобретение подводной лодки «Наутилус» на целый век обогнало свое время.

Фултон приехал во Францию в надежде на то, что революционное правительство проявит интерес к новым изобретениям с учетом того, чтобы их флот по силам уступал британскому флоту. Американец Дэвид Бушнелл изобрел еще более примитивную субмарину, названную «Черепахой», которая безуспешно пыталась топить британские корабли во время войны за независимость. Фултон доработал идею Бушнелла после того,

как чертежи «Черепахи» были опубликованы в 1795 году, и предложил свою субмарину, или «ныряющую лодку», французам 13 декабря 1797 года. Ее окончательное устройство описано в данном романе.

Его идеи не имели продолжения, пока Наполеон не захватил власть во Франции в ноябре 1799 года. При его поддержке к весне 1800 года Фултон построил работоспособную субмарину размером примерно двадцать футов на шесть футов. Она была спущена на воду 24 июля, а 29 июля начала морские испытания в Сене. В августе в Гавре были проведены дополнительные эксперименты, в ходе которых Фултону при помощи субмарины удалось взорвать бочку с порохом. Он дважды пытался подойти к стоящим на якоре британским бригам, но британцы слышали о его экспериментах и, случайно или после предупреждения, подняли якоря и отплыли прежде, чем Фултон смог подойти на достаточное расстояние. Эксперименты продолжились в 1801 году у Бреста. Там «Наутилус» погружался на глубину 25 футов, оставаясь под водой до трех часов, и проделал под водой путь примерно в полмили. Судно также неплохо плавало под парусами на поверхности воды.

К несчастью для Фултона, новый министр морских дел был против столь тайного способа ведения войны, и французы прекратили свою поддержку проекта. Хотя исторические записи указывают на то, что Фултон сообщил французам о том, что уничтожил «Наутилус», чтобы предотвратить его копирование, Итан Гейдж сообщает, что остатки судна могут покоиться на дне бухты Триполи.

Затем, 9 августа 1803 года, Фултон продемонстрировал Наполеону на Сене лодку на паровом ходу, но затем, раздраженный отсутствием поддержки со стороны французов, отправился к британцам, чтобы предложить им субмарину и торпедные изобретения, призванные помочь тем одержать верх над французским флотом.

Столь же революционным было и зеркало, или смертельный луч, авторство которого принадлежит великому греческому математику Архимеду. Сиракузы, греческая колония на острове Сицилия, основанная в 743 году до н. э., стала одним из крупнейших городов Античности и с ходом времени была втянута в титаническое противостояние между Римом и Карфагеном. Город был осажден и захвачен римлянами в 212 году до н. э. Несмотря на приказы римского полководца Марцелла, Архимед был убит римским солдатом, который не узнал знаменитого математика.

Легенда гласит, что Архимед для защиты своего города

изобрел гениальные машины, включая усовершенствованную катапульту, гигантские механические клещи, способные крушить римские галеры, и зеркало, способное их воспламенять.

Первая биография Архимеда, дошедшая до наших дней, была написана Полибием спустя семьдесят лет после смерти изобретателя. Зеркало в ней не упоминается. Однако во II веке н. э. Лукиан писал, что греки отразили атаку римлян, используя воспламеняющее стекло, или зеркало. Эта история дорабатывалась более поздними авторами и до сих пор будоражит человеческое воображение.

Современные попытки построить аналогичное оружие включают греческий эксперимент 1973 года в Афинах, когда с использованием 70 зеркал удалось поджечь фанерный макет. В 2005 году студенты Массачусетского технологического института смогли поджечь неподвижную мишень, но попытки повторить этот эксперимент на телевизионном шоу «Разрушители легенд» не увенчались успехом. Удалось ли такому гению, как Архимед, сделать это лучше и помог ли американский ренегат восстановить это устройство в 1802 году, мы оставляем на суд читателя.

Несомненно одно – за последние десятилетия растет число доказательств того, что древний мир был гораздо более технологически развит, чем считалось ранее. Цицерон писал о том, что Архимед создал ранний приводной «компьютер», имитирующий движение небесных тел, и именно такое древнее устройство было обнаружено греческими ныряльщиками за губками в 1900 году. Названный компьютером Антикитеры, он рассчитывал передвижения Солнца, Луны и звезд и в настоящее время хранится в музее в Афинах.

Идея Фултона о создании огнемета восходит своими корнями как минимум к 674 году н. э., когда Византия использовала новое изобретение, названное «греческим огнем», для уничтожения исламского флота.

Французская легенда о Красном карлике действительно имела место быть и отражена в нескольких биографиях Наполеона. Там же упоминается привычка Наполеона постреливать в лебедей Жозефины.

Пале-Рояль был Лас-Вегасом своего времени, а описания руин, пещер и соборов Сиракуз по большей части соответствуют действительности.

Иоаннис Каподистриас, греческий патриот, которого Итан встретил на Тире, стал отцом греческой независимости от Турции. В число прочих персонажей, заимствованных из истории, входят начальник французской секретной полиции Жозеф Фуше,

лейтенант американского флота Эндрю Стеретт, а также Юсуф Караманли.

Гигантская ящерица на борту корабля Авроры – это не что иное, как знаменитый комодский варан из Индонезии. Хотя они и не упоминались в западной научной литературе до 1910 года, эти животные, скорее всего, происходят именно с данного архипелага. История также указывает, что в своем дворце в Триполи Юсуф держал львов и прочих представителей семейства кошачьих.

Ложа египетского обряда действительно представляла собой еретическое ответвление франкмасонов, основанное проходимцем и фокусником Калиостро примерно в 1777 году. Его размах, амбиции и долговечность описаны в моих романах на правах литературного вымысла.

Островной архипелаг Тира сегодня известен под названием Санторин и располагается на кромке древнего вулкана. Примерно в 1640 году до н. э. остров взорвался во взрыве столь мощном, что цунами, обрушившееся на Крит, могло привести к закату минойской цивилизации. Некоторые ученые считают, что история Платона об Атлантиде была вдохновлена этой действительно имевшей место быть катастрофой. Минойские руины были действительно обнаружены на Акротири, а некоторые из фресок, описанные в этом романе, хранятся в музее на острове.

Действительно ли когда-то существовали Ог, таинственные предки и фантастические древние орудия? История – это лишь история, и отделение фактов от легенд будет занимать историков и археологов еще многие века. Но мы знаем, что некоторые легенды, когда-то считавшиеся полнейшей выдумкой, такие как легенда об Атлантиде, имели под собой некоторые основания, на что указывают геологические данные, и чем больше мы узнаем о древних людях, тем более гениальными они нам представляются.

Этот роман стал реальностью благодаря исследованиям множества работ научного характера, авторы которых писали об основных персонажах этой новеллы, о берберских войнах и об истории Франции и Средиземноморья. Эта книга также стала прекрасным поводом посетить такие замечательные места, как Санторин и Сиракузы. Отдельно хотелось бы поблагодарить Колледж Хаксли и Ника и Синтию Зафератос, которые познакомили меня с Грецией. И еще раз выражаю свою признательность команде «Харпер Коллинз»: моему редактору Ракешу Сатьялу, издателю Джонатану Бёрнхэму, заместителю редактора Робу Кроуфорду, старшему редактору Дэвиду Коралу, публицисту Хизер Друкер, менеджеру по онлайн-маркетингу Кайлу Хансену, специалисту по маркетингу зарубежных прав

Сэнди Ходжман, а также дизайнерам, художникам, редакторам текста и маркетологам. Мой новый роман – это продукт командной работы. Спасибо моему агенту Эндрю Стюарту, который следит за тем, чтобы я не потерял работу. И, как всегда, спасибо моей жене Холли – верному помощнику во всех моих путешествиях, первому читателю моих книг, столь необходимому скептику и музе. И вперед, к новым приключениям!

notes

Примечания

1

Консекрация – обряд, посвященный метафизическому олицетворению плоти и крови Иисуса в, соответственно, хлебе и вине на евхаристической части мессы.

2

Заключение Морфонтенского договора (1800) положило конец т. н. квазивойне между Францией и США.

3

Оссиан – легендарный кельтский бард III в.

4

Этьен Жоффруа Сент-Илер (1772–1844) – французский зоолог, предтеча современного учения об инволюции.

5

Автор путает: в тот момент она называлась Республикой Семи Островов, а Ионической республикой стала лишь в 1815 г.

6

Дерьмо! (*фр.*)

7

Трудно сказать, кого имеет в виду автор. История знает двух Мурат-реисов: т. н. Мурат-реис-старший (1534–1638) – албанский капер и адмирал Оттоманского флота; и Мурат-реис-младший (наст. Ян Янсон ван Харлем, прибл. 1570 – после 1641) – голландский пират, принявший ислам и сменивший имя в честь своего старшего товарища.

8

Бенедикт Арнольд пятый (1741–1801) – генерал-майор, участник Войны за независимость США; прославился в боях на стороне американских повстанцев, но позже перешел на сторону Великобритании.

9

Боже мой! (*фр.*)